ТРУДЫ

ОРЛОВСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССІИ

1893 годъ.

Выпуски третій, четвертый и пятый.

ОРЕЛЪ.
Типографія С. А. Зайцевой.
1893.

ТРУДЫ

ОРЛОВСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССІИ

1893 годъ.

Выпуски третій, четвертый и пятый.

КРАЕВЕДЕНИЕ
2009

ОРЕЛЪ.
Типографія С. А. Зайцевой.
1893.

Оглавленіе.

1. Журналъ Орловской Ученой Архивной Коммиссіи. Засѣданіе 4-го Мая 1893 года.

2. Историческіе очерки города Ливенъ и его уѣзда.

ЖУРНАЛЪ

Орловской Ученой Архивной Коммиссіи.

Засѣданіе 4 мая 1893 года.

Подъ предсѣдательствомъ В. М. Козлова, присутствовали: Д. Н. Ѳедоровъ, Г. М. Пясецкій, Ѳ. Ѳ. Похвалинскій, А. Г. Пупаревъ, А. Н. Лебедевъ, И. А. Богдановъ, С. В. Ѳедоровичъ, П. А. Агишевъ, священники: от. Григорій Соболевъ, Илья Ливанскій и Яковъ Крыловъ и правитель дѣлъ С. А. Блохинъ.

1) По открытіи засѣданія, въ 8 1/2 часовъ вечера, прочитано было предложеніе предварительнаго комитета по Виленскому съѣзду о назначеніи депутатовъ на Высочайше разрѣшенный археологическій съѣздъ, назначенный съ 1-го по 15-е августа текущаго года въ г. Вильно. Постановлено: просить гг. членовъ архивной коммиссіи В. С. Иконникова, И. Н. Королькова и С. Е. Звѣрева принять на себя званіе депутатовъ Орловской архивной коммиссіи.

2) Прочитано отношеніе г. предсѣдателя Орловскаго окружнаго суда отъ 24 марта за № 1202-мъ, при которомъ приложены для просмотра двѣ описи дѣламъ и книгамъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ Трубчевскаго уѣзда, при чемъ правителемъ дѣлъ доложено было, что означенныя описи имъ просмотрѣны и изъ числа значащихся въ нихъ дѣлъ нѣкоторыя предположены къ храненію въ архивѣ, но тѣмъ не менѣе онъ считалъ-бы необходимымъ, чтобы еще кто либо изъ гг. членовъ коммиссіи просмотрѣлъ эти описи, съ цѣлью выдѣленія изъ нихъ дѣлъ, подлежащихъ храненію. Постановлено: поручить просмотрѣть описи члену коммиссіи Г. М. Пясецкому.

3) Членомъ коммиссіи Г. М. Пясецкимъ представлено продолженіе реферата: „Историческіе очерки города Ливенъ и его уѣзда въ политическомъ, статистическомъ и церковномъ отношеніи“. Постановлено: напечатать этотъ рефератъ въ трудахъ коммиссіи.

4) Членомъ коммиссіи свящ. от. Ильею Ливанскимъ возбужденъ вопросъ о необходимости устройства книгохранилища всѣхъ изданій, выходящихъ въ Орловской губерніи.

Коммиссія, признавая желательнымъ имѣть полное собраніе книгъ, касающихся Орловской губерніи и имѣющихъ какой либо историческій интересъ, постановило: справиться о таковыхъ вышедшихъ изданіяхъ, какъ въ журналѣ „Библіографъ“, такъ и въ другихъ историческихъ журналахъ, и просить мѣстнаго цензора сообщать о выходящихъ изданіяхъ въ Орлов. губерніи.

5) Однимъ изъ членовъ коммиссіи возбужденъ вопросъ: выдавать-ли вновь поступающимъ членамъ коммиссіи прежнія изданія коммиссіи за плату или даромъ. Постановлено: прежнія изданія коммиссіи выдавить имъ за полную плату.

6) По предложенію нѣкоторыхъ членовъ коммиссіи постановлено: по выходѣ „Трудовъ коммиссіи“ разсылать во всѣ библіотеки и книжные магазины г. Орла по одному экземпляру „Трудовъ“ и печатать краткія извѣстія въ Орловскомъ вѣстникѣ о засѣданіяхъ коммиссіи.

7) Предсѣдателемъ собранія В. М. Козловымъ предложено было приступить къ выбору товарища предсѣдателя коммиссіи по запискамъ. Большинство записокъ, 10 изъ 13, получилъ Г. М. Пясецкій, но онъ отъ принятія этого званія, не смотря на убѣдительныя просьбы всѣхъ присутствующихъ членовъ коммиссіи, отказался. Приступлено было къ вторичной подачѣ записокъ, при чемъ большинство записокъ 8 изъ 13 получилъ Ѳ. Ѳ. Похвалинскій, но и онъ также отъ званія товарища предсѣдателя отказался. Затѣмъ собраніе, на случай отсутствія предсѣдателя коммиссіи, временнымъ его замѣстителемъ единогласно избрало члена коммиссіи Д. Н. Ѳедорова. Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ вечера.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ГОРОДА ЛИВНЪ И ЕГО УѢЗДА

въ политическомъ, статистическомъ и церковномъ отношеніи.

СОСТАВИЛЪ

Членъ Орловской Ученой Архивной Коммиссіи

Гавріилъ Пясецкій.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ГОРОДА ЛИВЕНЪ И ЕГО УѢЗДА

въ политическомъ, статистическомъ и церковномъ отношеніи.

I.

Предварительныя свѣдѣнія о Ливенскомъ уѣздѣ: его географія, этнографія и древнѣйшая исторія.

Границы, пространство, устройство поверхности, климатъ и растительность Ливенскаго уѣзда.—Система рѣки Сосны и остатки первобытныхъ лѣсовъ на пространствѣ Ливенскаго уѣзда.—Смѣна кочевниковъ и осѣдлые обитатели Соснинскаго бассейна; ихъ языческія вѣрованія, нравы и обычаи.—Дань Козарамъ.—Начало Русскаго владычества и присоединеніе Соснинскаго бассейна къ княжеству Рязанскому.—Первые слѣды христіанства.

Ливенскій уѣздъ находится въ восточной полосѣ Орловской губерніи и расположенъ по среднему теченію рѣки Сосны. Границами его служатъ: на западѣ—Малоархангельскій уѣздъ, на востокѣ—Елецкій уѣздъ, сѣверною стороною онъ примыкаетъ къ Новосильскому уѣзду Тульской губерніи, а южною—къ Землянскому уѣзду Воронежской губерніи и отчасти къ Щигровскому уѣзду Курской губерніи. Площадь Ливенскаго уѣзда имѣетъ видъ параллелограмма, протянутаго отъ сѣвера къ югу.

По вычисленію генеральнаго штаба, сдѣланному на основаніи военно-топографической съемки, площадь Ливенскаго уѣзда заключаетъ въ себѣ 4.922,4 кв. версты, или 512.750 десятинъ. Уступая въ отношеніи пространства одному Брянскому уѣзду, площадь котораго равна 5.970,9 кв. верстамъ, Ливенскій уѣздъ значительно превосходитъ затѣмъ уѣзды: Трубчевскій (4.593,6 кв. в.), Елецкій (4.330,3 кв. в.), Малоархангельскій (3.278,2 кв. в.), Карачевскій (3.181,3 кв. в.), Орловскій (2,706,8 кв. в.) и въ два съ лишкомъ раза обширнѣе уѣздовъ: Болховскаго (2.279,3 кв. в.), Дмитровскаго (2.170,1 кв. в.), Мценскаго (2.133,4 кв. в.) и, наконецъ, Кромскаго, площадь котораго равняется 1.926,3 кв. в.. Въ отношеніи же пространства всей Орловской губерніи Ливенскій уѣздъ занимаетъ 12,0 %. Такія границы и пространство Ливенскаго уѣзда установились при учрежденіи Орловской губерніи въ 1778 г.; до этого же времени, когда въ составъ Ливенскаго уѣзда входило верхнее теченіе

р. Сосны, отошедшее къ Малоархангельскому уѣзду, а также и сѣверная часть Щигровскаго уѣзда, съ самыми Щиграми, площадь Ливенскаго уѣзда была еще обширнѣе.

Ливенскій уѣздъ расположенъ по восточному склону возвышенности, которая составляетъ самый выдающійся въ этомъ отношеніи пунктъ Орловской губерніи (въ Малоархангельскомъ уѣздѣ) и служитъ водораздѣломъ трехъ бассейновъ—Волжскаго, Днѣпровскаго и Донскаго, обозначаемаго теченіемъ рѣки Сосны. Оттого поверхность Ливенскаго уѣзда волниста и только съ приближеніемъ къ рѣчнымъ русламъ перерѣзывается глубокими оврагами. Наибольшею возвышенностью и силошными холмами отличается сѣверная половина уѣзда, лежащая по лѣвую сторону р. Сосны. Абсолютная высота Ливенскаго уѣзда опредѣляется въ 791 футъ, на 50 футовъ ниже самаго возвышеннаго въ губерніи—Малоархангельскаго уѣзда и на 90 футовъ выше самаго низменнаго—Трубчевскаго уѣзда. Въ нѣкоторыхъ же своихъ пунктахъ, какъ напримѣръ въ селѣ Шатиловѣ, Троицкомъ тожъ, Ливенскій уѣздъ достигаетъ такой высоты (942 ф.), до которой не доходитъ ни одинъ изъ изслѣдованныхъ доселѣ пунктовъ даже Малоархангельскаго уѣзда и которую превосходятъ только двѣ мѣстности въ губерніи: село Суворово Мценскаго уѣзда (944 ф.) и Большая Жукова Брянскаго уѣзда (945 ф.). Второе по возвышенности мѣсто въ Ливенскомъ уѣздѣ принадлежитъ селу Россошному (930 ф.), а самое послѣднее—Жерину (701 ф.), ниже котораго встрѣчаются мѣстности лишь въ западныхъ уѣздахъ губерніи,—Брянскомъ, Трубчевскомъ и Сѣвскомъ, спускающіяся до 589 футовъ, какъ напримѣръ село Карповка Трубчевскаго уѣзда.

Въ геологическомъ отношеніи Ливенскій уѣздъ представляетъ изъ себя двѣ несходныя половины, раздѣляемыя рѣкою Сосною. Изъ нихъ сѣверная—нагорная половина, идущая вдоль лѣваго берега Сосны, представляетъ полное развитіе *девонской* формаціи, прикрытой лишь слоемъ чернозема, но при множествѣ овраговъ и рѣчныхъ ложбинъ часто обнажающейся. Известняки этой формаціи во многихъ мѣстахъ образуютъ обрывы до 30-ти саженъ высоты, какъ напримѣръ при селѣ Крутомъ, и достигаютъ еще большихъ размѣровъ по берегамъ рѣкъ—Любовши, Кривца и Большой Чернавы, какъ то въ селахъ и деревняхъ: Русскомъ Бродѣ, Рождественскомъ, Корытенкѣ тожъ, Васильевскомъ—Синковцѣ, Никитскомъ—Медвѣжьемъ, Черемошномъ, Преображенскомъ и др. Южная-же половина уѣзда, расположенная на правомъ берегу Сосны, почти повсемѣстно прикрыта пластами *третичной* формаціи, преимущественно изъ плодороднаго чернозема, который, какъ и въ Малоархангельскомъ уѣздѣ, достигаетъ аршина толщины. Наиболѣе замѣчательныя обнаруженія известняковъ *девонской* формаціи находятся здѣсь близъ села Жерина, по вертикальному обрыву оврага Грачевыхъ Верховъ, между селами Навѣснымъ и Борками, а также по берегамъ р. Тима и ея притоковъ, начиная отъ села Долгаго внизъ по теченію этой

рѣки. Толщи известняковъ, мѣстами прикрытыя красною глиною, образуютъ и въ этой части уѣзда значительныя возвышенности (до 20-ти и болѣе саженъ), пересѣкаемыя глубокими оврагами вдоль всей Тимской дороги до города Ливенъ. Въ юго-западной части уѣзда находятся значительныя залежи желѣзныхъ рудъ, которыя по Тимской дорогѣ, на протяженіи 36-ти верстъ къ г. Ливнамъ, выдаются даже на поверхность земли. Особенно богаты этими рудами окрестности деревень: Пятиной (около 5-ти десятинъ, на правомъ берегу р. Тима). Кудиновой, Евлановой и Вахновой. Мѣловая формація находится въ трехъ верстахъ за селомъ Царевымъ, въ выселкѣ Семичастномъ, расположенномъ на значительной возвышенности, и въ деревнѣ Ждановой, близъ села Семеновскаго. Наконецъ, во многихъ мѣстахъ южной полосы уѣзда залегаетъ торфъ, которымъ особенно изобилуютъ слѣдующія мѣстности: близъ села Борокъ (въ лощинѣ, въ двѣ версты длиною и до семи аршинъ толщины), въ окрестностяхъ села Царева (въ трехъ сходящихся низменностяхъ), въ деревняхъ Плоткѣ и Ивановкѣ, а также по берегамъ ручьевъ и рѣчекъ, впадающихъ въ р. Олымъ, на низменныхъ мѣстахъ, въ окрестностяхъ деревень—Олыми, Здвиженской и Липовца. Есть мѣстности въ области р. Олыма, гдѣ торфъ, по словамъ крестьянъ, достигаетъ пяти аршинъ глубины; такова лощина рѣчки Скакуна (на границѣ Ливенскаго и Землянскаго уѣздовъ).

Общая покатость Ливенскаго уѣзда къ востоку и даже къ юго-востоку, при отсутствіи лѣсовъ и болотъ, имѣетъ важное вліяніе на климатъ. Отличаясь вообще сухостью, уѣздъ Ливенскій весьма нерѣдко подвергается, особенно въ южной своей части, дѣйствію юго-восточныхъ вѣтровъ, которые лѣтомъ производятъ засуху и вредятъ успѣшному произрастанію хлѣбовъ, а зимою поднимаютъ сильныя и продолжительныя мятели. Вслѣдствіе этого климатъ Ливенскаго уѣзда, по замѣчанію академика К. С. Веселовскаго, отличается отъ климата Курской губерніи такъ рѣзко, какъ будто-бы между этими сопредѣльными территоріями заключалось пространство не въ одну сотню верстъ. Тогда какъ въ сосѣдней Курской губерніи могутъ на открытомъ воздухѣ произрастать грецкій орѣхъ, горькій каштанъ, шелковица, кизиль, а въ благопріятные годы—арбузы, дыни и даже виноградъ; о разведеніи этихъ растеній въ Ливенскомъ уѣздѣ нечего и думать. Изъ деревьевъ въ Ливенскомъ уѣздѣ ростутъ хорошо: дубъ, береза, кленъ, ясень, осина, орѣшникъ; хвойныхъ деревъ нѣтъ нигдѣ самородныхъ; въ садахъ разводятся: яблоки, груши, дули, бергамоты, черносливъ, вишня, крыжовникъ, смородина, малина. Изъ полевыхъ растеній водятся: пшеница, просо, гречиха, преимущественно—рожь, овесъ, ленъ, конопля. Изъ птицъ въ особенности много перепеловъ; дрохвы и стрепеты встрѣчаются рѣдко. Рѣки и рѣчки богаты рыбою, но преимущественно мелкою *).

*) См. „Орловская губернія. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1866 г. Изданъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ".—Также Орловскія Губернскія Вѣдомости 1860 года № 23.

Рѣка Сосна, орошающая три уѣзда Орловской губерніи—Малоархангельскій, Ливенскій и Елецкій, образуется изъ двухъ ручьевъ—Верхней Сосны и Нижней Сосны, которые берутъ начало въ дачахъ села Верхососенья (нынѣ Малоархангельскаго уѣзда) и скоро сливаются въ одно русло. Въ древности за этою рѣкою усвоено было названіе *Быстрой* Сосны—какъ по причинѣ быстраго ея теченія, такъ и въ отличіе отъ другой Сосны, которая течетъ южнѣе и впадаетъ также въ рѣку Донъ. Первыя обстоятельныя свѣдѣнія о бассейнѣ р. Быстрой Сосны сообщаетъ намъ „Книга Большему Чертежу или Древняя Карта Россійскаго Государства", пополненная въ Розрядѣ и списанная въ книгу въ 1627 году. Здѣсь мы читаемъ: „Сосна рѣка вытекла... изъ тоежь гряды (что и р. Ока,—отъ Раковыхъ колковъ)... изъ подъ Похнутцовы дороги, отъ верху Оки верстъ съ 15-ть, и потекла подъ городъ подъ Ливны, а изъ подъ Ливенъ потекла подъ Елецъ, и пала въ Донъ, ниже Ельца верстъ съ 15-ть, а протоку Сосны рѣки верстъ со 180". Въ то время, какъ составлялась и пополнялась „Древняя Карта Россійскаго Государства", р. Быстрая Сосна считалась еще пограничною въ Московскомъ царствѣ, почему лѣвый ея берегъ назывался *Московскимъ*, а правый—*Крымскимъ* и *Ногайскимъ*. Съ лѣвой или Московской стороны въ Книгѣ—„Большомъ чертежѣ" указываются слѣдующіе притоки Быстрой Сосны: 1) „р. *Труды*—отъ г. Ливенъ верстъ съ 15-ть, а ниже Трудовъ на Соснѣ *Кирпичный бродъ*, выше города Ливенъ версты съ 3, а въ рѣку Труды пала рѣка *Любовша*, отъ Ливенъ 20 верстъ; 2) рѣчка *Ливны*; 3) *Хмѣлевой водезь*—ниже Ливны верстъ съ 6-ть; 4) рѣка *Чернава*—отъ Ливенъ верстъ съ 30; 5) рѣчка *Есенокъ* (Ясенокъ)—ниже Чернавы версты съ 3; 6) рѣчка *Ворголъ*; 7) рѣчка *Елецъ*. Отъ Ливенъ до Ельца 50 верстъ, а ниже города Ельца до устья р. Сосны 15 верстъ" *). Съ правой или Крымско-Ногайской стороны въ Быструю Сосну впадаютъ: 1) „рѣчка *Хвошна* (Хвощна)—отъ Ливенъ верстъ съ полъ 30 (т. е. съ 25); 2) рѣка *Тимъ*, а въ рѣку Тимъ впали колодези: *Кобылей*, *Долгой*, да *Плосной* (межъ ихъ верстъ по 10), да *Савинской*, 3) *Кщенева*—ниже Ливны версты съ 3; 4) рѣка *Олымъ*,—отъ Ливенъ до устья Олыма 27 верстъ" **). Такія именно свѣдѣнія о Сосницкомъ бассейнѣ имѣлись на Москвѣ въ концѣ 16-го и въ началѣ 17-го вѣка. Въ „Памятной Книжкѣ Орловской губерніи за 1860 годъ" говорится: „Сосна, начинаясь въ селѣ Верхососеньѣ Малоархангельскаго уѣзда, течетъ между возвышеннымъ лѣвымъ и низменнымъ правымъ берегами, по Ливенскому и Елецкому уѣздамъ, и впадаетъ съ правой стороны въ Донъ (на границѣ Елецкаго уѣзда).

*) «А ниже устья р. Сосны, и ниже Донскія *бесѣды* (т. е. мѣста сидѣнія на водоходныхъ судахъ), съ Ногайскія стороны, верстъ съ 10-ть, палъ въ Донъ Студенокъ колодезь. А ниже Студенка колодези, 15 верстъ, съ Ногайской стороны, пала въ Донъ рѣчка Рѣпецъ (Репенецъ), а съ Крымской стороны, ниже Рѣпца верстъ съ 5, пала въ Донъ рѣчка Спова, а Спова вытекла отъ верху Алыми (Олыми)».

**) Книга Больш. Черт., изд. 2, Спб., 1838 г., стр. 4, 5, 42, 43, 44, 105 и 106.

На разстояніи 240 верстъ всего теченія, она принимаетъ въ себя очень много рѣчекъ, изъ которыхъ пять наиболѣе значительны (это: Труды и Чернава—съ лѣвой стороны. и Тимъ, Кшень и Олымъ—съ правой стороны; первыя текутъ съ сѣвера на югъ, а послѣднія съ юга на сѣверъ; верховья первыхъ находятся у границы Тульской губерніи, а послѣднихъ—на границѣ съ Курскою и Воронежскою губерніями). Теченіе воды въ р. Соснѣ быстрое; глубина и ширина ея, по причинѣ устроенныхъ на ней мельничныхъ плотинъ, не одинаковы; въ окрестностяхъ городовъ Ельца и Ливенъ она имѣетъ въ ширину отъ 25 до 50 саженъ, а въ глубину отъ 3 до 4 аршинъ, которая, однако-же, отъ наносимаго весеннею водою песку и мелкихъ камней часто измѣняется". Мельницы и плотины начали устраиваться на Соснѣ не раньше времени Петра Великаго; до этого же времени р. Сосна была судоходною; по ней свободно плавали на лодкахъ и стругахъ до р. Дона, сплавляли лѣсъ, доставляли съ Ливенъ и Ельца Донскимъ казакамъ хлѣбъ, сукна, порохъ, свинецъ и всякое оружіе: по этой же рѣкѣ, какъ гласитъ преданіе, совершалъ плаваніе и Святитель Алексій, Митрополитъ Московскій, во время своего путешествія въ Орду, для исцѣленія хапши Тайдулы. Впослѣдствіи судоходство по р. Соснѣ прекратилось какъ по причинѣ запрудки р. Дона при селѣ Парусномъ частною владѣльческою плотиною, такъ и потому, что на самой Соснѣ появилось множество мельницъ—крупчатокъ. Не смотря на то, что Ливенскія и Елецкія крупчатки считаются лучшими во всей Россіи, вопросъ о возстановленіи судоходства по р. Соснѣ не разъ поднимался въ правительственныхъ учрежденіяхъ, и, въ одно особенно время, Главное Управленіе Путей Сообщенія вело дѣятельную переписку съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ объ устраненіи препятствій къ судоходству. По этому поводу въ Памятной Книжкѣ Орловской губерніи за 1864 годъ высказывалось предположеніе, что „ежели возможно будетъ р. Сосну сдѣлать судоходною посредствомъ искусственной плотины и очищенія ея русла отъ засоренія, то для восточной стороны губерніи откроется непосредственное сообщеніе съ Азовскимъ моремъ, что, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть самыя благотворныя послѣдствія для промышленности и торговли этого края и сопредѣльныхъ съ нимъ уѣздовъ" *). Такимъ предположеніямъ не суждено было исполниться по многимъ причинамъ, между которыми немаловажною можно считать и недостатокъ лѣса, годнаго для устройства и поддержанія пристани у города Ливенъ. Но вмѣсто того, въ бассейнѣ р. Сосны скоро прошла желѣзная дорога и своею вѣтвію сблизила обитателей г. Ливенъ и его уѣзда съ новыми, удобными путями сообщенія, покрывшими уже необозримое пространство нашего отечества.

У обитателей Верхососенья держится преданіе, что ихъ рѣка вытекла изъ—подъ *сосны*, почему и получила такое названіе. А что въ области р. Сосны залегалъ нѣкогда

*) См. Орловскія Губернскія Вѣдомости за 1860 г. на стр. 331 и за 1863 г. № 12; Памятную Книжку Орловской губерніи за 1861 г. и «Сѣверную Почту» 1863 г. № 15.

красный лѣсъ. на это мы имѣемъ несомнѣнныя историческія данныя. Въ Книгѣ Большаго Чертежа говорится: „А подъ городомъ подъ Ливнами пала (въ Сосну) рѣчка Ливны съ Московской стороны, а вытекли Ливны, *Лѣсная* изъ *Краснаго* лѣсу, а *Полевая* Ливна прямо по Муравской дорогѣ отъ Любовши, и пала въ Лѣсную подъ Ливнами, выше острогу *). Кромѣ того, въ „Приправочной книгѣ“ 1615 года подробно указываются села, погосты, деревни, починки и займища, расположенные подъ *Краснымъ* лѣсомъ, а также колодези (Здоровецъ, Присынскій, Евлановъ, Рыбникъ, Бѣлый, Хвощеватый или Песковатый), имѣвшіе свои источники въ *Красномъ* лѣсу, равно и разныя урочища (Никольскій верхъ, Долгая поляна, Евлановъ рогъ и др.), лежавшія подъ *Краснымъ* лѣсомъ **). Прочія „переписныя книги“ времени царей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича, подобно „Приправочной“ 1615 года, свидѣтельствуютъ о существованіи подлѣ города Ливенъ *Краснаго* лѣса, съ правомъ въѣзжать въ него служилымъ людямъ „по всякое лѣсное угодье“. Въ писцовой же книгѣ 1685 года мы находимъ слѣдующее, интересное для насъ, описаніе *Краснаго* лѣса и смежнаго съ нимъ *Жилева*: „А *Красный* лѣсъ межъ дву рѣчекъ—Полевой и Лѣсной Ливенокъ, которымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ и казакамъ въѣзжать... по всякое лѣсное угодье, по старымъ писцовымъ книгамъ Ивана Малечкина 137 (1629) году, а по смѣтѣ и по старожильцовымъ сказкамъ въ длину отъ казачьей земли по рѣчкѣ по Полевой Ливенкѣ въ верхъ до деревни Косьяновой на 6 верстъ, а по Лѣсной Ливенкѣ по обѣ стороны рѣчки въ длину того Краснаго Лѣсу отъ Ямской земли подъ деревню Семенихину на 6 верстъ, а поперегъ межъ тѣхъ рѣчекъ—Полевой и Лѣсной Ливенокъ по одну сторону того Краснаго лѣсу на 4 версты, а по другую сторону 3 версты, и того 8,000 десятинъ; а тотъ Красной лѣсъ *черной* ***), а не пашенной; да въ томъ Красномъ лѣсу 4 прогорѣлыя поляники (изъ краснаго лѣсу), и тѣ поляники отписаны на Великихъ Государей въ порожія земли ****); да по конецъ поль деревни Здобной и деревни Хвощеватой, а Потапова тожъ, къ становой межѣ Серболова стану *Жилева* лѣсу по обѣ стороны по верстѣ, а по концамъ по полуверстѣ, а по смѣтѣ и по старожиловымъ сказкамъ 600 десятинъ, а тотъ Жилевъ лѣсъ *черной*, а не пашен-

*) См. Кн. Больш. Черт. стр. 43.—На 3-й же стр. Большаго Чертежа говорится: «Лѣсная Ливна пала близко города въ Полевую Ливну, а Полевая пала въ Сосну подъ городомъ подъ Ливнами». Очевидно, при составленіи древней карты Россійскаго Государства не знали, какую изъ двухъ Ливенокъ признать главною.

**) См. о Красномъ станѣ въ Приправочной книгѣ 1615 г. на стр. 45—179.

***) *Черный* лѣсъ, т. е. казенный, ни въ чьемъ частномъ владѣніи не состоящій,—иначе «Государевъ», какъ, дѣйствительно, и называется Красный лѣсъ въ Ливенскихъ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ.

****) Въ четырехъ «прогорѣлыхъ поляникахъ» съ двумя небольшими «прогарями» считалось болѣе «115 четей пашни дикаго поля, а въ дву по тому-жъ», да сѣна свыше 420 копенъ.

ной *). Въ виду того, что въ Сосницкомъ бассейнѣ есть не мало поселеній подъ названіемъ „Сосенокъ“ и „Красныхъ“, а также и въ виду названія рѣчки *Ельчика*-сообщившаго свое имя городу Ельцу **), можно думать, что въ Ливенскомъ уѣздѣ, кромѣ такъ—называемаго Краснаго лѣса, существовали нѣкогда и другіе лѣса хвойной породы. Если-же въ настоящее время „самородныхъ хвойныхъ деревъ нѣтъ нигдѣ въ Ливенскомъ уѣздѣ“, то это не доказываетъ еще того, будто бы хвойнаго лѣса и никогда здѣсь не было. Теперь и весь Ливенскій край имѣетъ уже характеръ степнаго пространства, такъ что по безлѣсному его виду трудно и предположить, чтобы когда-либо залегали здѣсь значительные лѣса; а между тѣмъ мы имѣемъ ясныя указанія на то, что даже въ 16-мъ и 17-мъ вѣкахъ, когда многіе изъ Ливенскихъ лѣсовъ могли сильно пострадать уже отъ степныхъ пожаровъ, производившихся съ цѣлью противодѣйствія набѣгамъ Крымскихъ Татаръ, теченіе р. Сосны было богато лѣсами, изъ которыхъ нѣкоторые назывались даже „большими“.

Въ „приправочной“ книгѣ 1615 года и въ другихъ „писцовыхъ“ Ливенскихъ книгахъ 17-го вѣка упоминаются слѣдующіе лѣса на пространствѣ тогдашняго Ливенскаго уѣзда: Красный, Жилевой, Сторожевой, Новосильскій, Присынскій, Плотавый, Серболовъ, Маликовъ, Богдановъ, Ястребовъ, Ястребинскіе лѣски, Туровъ—Большой и Меньшій, Черный, Хмѣлевой, Вязовикъ—Большой и Малый, Ясеновъ, Святицкій, Жериханскій, Дросковъ—Большой и Меньшій, Городецкій, Ильмовъ, Каменный, Хвощенскій, Татариновъ, Ровненскій, Мокрецкій, Долгій, Плоскій, Середній, Лебедскій, Оберецъ, Купацкая удеревь и множество дубравъ, какъ-то: Осиновая,

*) При проведеніи границъ между Красною и сосѣдними съ нимъ станами Серболовымъ и Затруцкимъ, равно между вотчинными, помѣстными, отказными, порожжими и церковными землями, межевщики 17-го вѣка обыкновенно пользовались или природными границами, каковы: рѣки, рѣчки, колодези, ржавцы, верхи, отвершки, вертепины, болотца и урочища, или дорогами, или же ямами, столбами и деревьями, съ мѣтками на послѣднихъ; въ числѣ граничныхъ деревьевъ упоминаются: дубъ («краковистъ, плотавъ, суховерхъ, развиловатъ»), береза, кленъ, ясень, осина, ольха, ива, ильмъ, липа, яблоня и черемуха, но отнюдь не сосна или ель. Вѣроятно, межевщики избирали для границъ только такія деревья, которыя были рѣдки въ массѣ хвойнаго лѣса и, слѣдовательно, могли служить очевидною приѣтою. Особенно, при назначеніи границъ, дорожили дубами: когда же граничный дубъ стизалъ, то или указывали на его пень съ отрестками, или ставили у того мѣста столбъ (вѣроятно сосновый или еловый) и выкапывали яму, но не переносили мѣтки на другой дубъ, что было бы естественно въ томъ случаѣ, еслибъ этою породою деревъ обиловалъ Красный лѣсъ. Въ подтвержденіе нашей мысли, приводимъ здѣсь часть описанія «Прогорѣлой полянки, что въ Красномъ лѣсу»,—сдѣланнаго межевщиками 1685 года: «Да межа жъ учинена Прогорѣлой полянкѣ, починъ отъ верха Бѣлова колодезя, что ѣдятъ изъ села Парахина къ тому колодезю по воду, у Бѣлова верха на взгоркѣ стоитъ дубчикъ не великъ, на немъ насѣчена грань, подлѣ ево яма, а дубчикъ стоитъ отъ верха на взгоркѣ Бѣлова верха въ 7-ми саженяхъ, вправу Красной лѣсъ, а по лѣсу прогорѣлая полянка..., а отъ того дубчика и отъ ямы прямо подлѣ Красной лѣсъ, по лѣвую сторону отписная прогорѣлая полянка, а по правую сторону Красной лѣсъ»... Въ становой межевой Краснаго и Серболова становъ читаемъ: «и тотъ старый дубъ выгнилъ и подлѣ того дуба поставленъ столбъ»; или: «а тотъ старый дубъ свалился, и подлѣ того мѣста поставленъ столбъ»; равно: «а старый кленъ выгнилъ, и подлѣ того мѣста поставленъ столбъ»...

**) Въ бассейнѣ р. Сосны слѣды еловаго лѣса мы находимъ и въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ «Елей». Эта мѣстность охранялась въ царствованіе Іоанна Васильевича сторожами, высылавшимися изъ украинскихъ городовъ: «а беречь направо до Радушкина лѣса, а налѣво черезъ Ели до усть Полны 10 верстъ».

Отскочная, Зеленая, Медвѣжья, Высокая, Ботвининская, Каменная, Въѣзжая, Косьянова, Жилевая, Становая и другія, которыми удовлены были всѣ служилые люди г. Ливенъ и мѣстные священно-церковно-служьтели. Частые пожары и особенно быстрое заселеніе Ливенскаго уѣзда въ 18-мъ вѣкѣ были причиною того, что многіе изъ этихъ лѣсовъ и дубравъ исчезли совершенно, а отъ нѣкоторыхъ до нашихъ дней уцѣлѣли лишь небольшія рощицы, да названія селъ, деревень и урочищъ—Лѣсками, Борками, Дубравами и Дубровками, Дубовиками, Дубовыми и Дубовчиками, Липовчиками, Сосенками, Березовыми, Осиновыми и Хмѣлевыми Верхами,—свидѣтельствующія, что когда-то всѣ эти поселенія тѣснились у лѣсныхъ чащъ. Правда, уже одно указаніе на множество лѣсовъ въ предѣлахъ Ливенскаго уѣзда, съ разными притомъ именованіями, показываетъ, что въ 17-мъ вѣкѣ Ливенскій уѣздъ не представлялъ изъ себя такого сплошнаго лѣснаго пространства, какимъ издревле славились западные уѣзды Орловской губерніи. Ливенскіе лѣса, опоясывавшіе берега р. Сосны и многочисленныхъ ея притоковъ, какъ достовѣрно извѣстно изъ лѣтописей, еще въ 15-мъ и 16-мъ вѣкахъ перемежались степными пространствами, или „дикимъ полемъ“. Это поле въ сѣверной половинѣ уѣзда представляло изъ себя нѣсколько степныхъ пространствъ, въ видѣ болѣе или менѣе широкихъ лентъ, извивавшихся между теченіемъ рѣкъ—Трудовъ, Любовши, Орева и Чернавы и сходившихся между Полевою Ливною и Чернавою, у такъ-называвшейся Муравской дороги, а отсюда, по переправѣ чрезъ р. Сосну, та же степная лента развѣтвлялась снова и, образовавъ изъ себя нѣсколько степныхъ пространствъ, тянувшихся между рѣками—Тимомъ, Кшеневой и Олымомъ, терялась въ широкихъ южныхъ степяхъ, исконномъ привольѣ кочевниковъ. Потому-то за Сосницкимъ бассейномъ еще въ 16-мъ и 17-мъ вѣкахъ усвоено было на Руси названіе *польскихъ*, т. е. полевыхъ или украинныхъ мѣстъ.

Древніе Ливенскіе лѣса обиловали всякимъ звѣремъ. Тутъ водились и туры, и медвѣди, и волки, и лисицы, и дикіе кабаны, и лоси, и олени, и бобры, не говоря уже о мелкомъ лѣсномъ и полевомъ звѣрѣ*). Отсюда, безъ сомнѣнія, произошли и самыя названія нѣкоторыхъ Ливенскихъ лѣсовъ Туровыми, колодезей—Медвѣжьими и Волчьими, дубровъ—Свиными и Медвѣжьими, а селъ, деревень, поселковъ, верховъ и бродовъ на Соснѣ—Лисицыными, Волчьими и Медвѣжьими**). Многочисленные лѣса и дубровы питали въ себѣ много ключей, колодезей, рѣчекъ, болотъ и озеръ, чрезъ что дѣлали и самую р. Сосну болѣе многоводною, чѣмъ въ настоящее время. Тогда на быстрыхъ водахъ р. Сосны нестрѣли цѣлыя стада дикихъ утокъ, гусей и краси-

*) Въ Сосницкомъ бассейнѣ иногда выкапываются и выбрасываются весенней водою оленьи рога, огромные зубы и клыки неизвѣстныхъ животныхъ. Не такъ давно, въ области р. Олыма найдены были: зубъ вѣсомъ въ 6 фунтовъ и клыкъ величиною въ 18 четвертей. Объ этихъ находкахъ, имѣющихся у крестьянъ села Касторнаго, сообщаетъ Воронежскому статистическому комитету дѣйствительный членъ его С. Е. Звѣревъ.

**) «А изъ Большаго Медвѣжья Верха вышелъ Медвѣжій вывершекъ»... Объ этихъ урочищахъ, находящихся при деревнѣ Дутой, упоминается въ писцовой книгѣ 1685 г. подъ № 519.

выхъ лебедей, на которыхъ (въ 13-мъ вѣкѣ) охотились какъ русскіе ловчіе, такъ и Монгольскіе сокольники; а надъ поверхностью всего Сосницкаго бассейна высоко парили царственные орлы, соколы, быстролетные журавли и ястребы. Съ истребленіемъ лѣсовъ многіе притоки Сосны обмелѣли, бывшіе рѣчки обратились въ ничтожные ручьи, а колодези или ручьи пересохли и оставили по себѣ русла, наполняемыя лишь полою водою; тамъ-же, гдѣ были ржавцы (топи) и болота, прошла уже борозда пахаря, или залегаетъ богатый торфъ. На память о господствовавшихъ здѣсь породахъ птицъ остались теперь одни названія мѣстностей, какъ—Орлово, Орлянка, Орлово Гнѣздо*), Сокольская, Сокольи Горы**), Ястребинъ Колодезь, Ястребинки и Ястребовка. Извѣстно также, что у береговъ Быстрой Сосны водились нѣкогда и дорогіе бобры, на которыхъ, какъ „и на всякій звѣрь“, въ началѣ 17-го вѣка, охотились „всякіе Ливенскіе люди, и за бобровые гоны давали оброкъ на Ливнахъ въ Розрядѣ***)“. Рѣка Кшень „съ упалыми въ нее колодезями“, по указу царя Михаила Ѳеодоровича, была предоставлена „съ бобровыми гоны и хмѣлевыми болоты“ игумену Ливенскаго Сергіева монастыря Харлампію съ братею „въ вотчину на нищу и на свѣчи, и на ладонъ, и на вино церковное****)“, а доходы съ бобровыхъ гоновъ по рѣкамъ Олыми, Трудамъ и Любовищѣ поступали въ казну Государеву. Отсюда-то, какъ надо полагать, произошли и самыя названія нѣкоторыхъ поселеній на рѣкѣ Кшени: Бобровка (Александровка, Кобылья тожъ) и сельцо Бобровка (Дмитріевское тожъ) при колодцахъ.

Плодородіе почвы, тучныя пастбища, обиліе воды, лѣса, богатые пушнымъ звѣремъ, и разнообразная дичь,- все это дѣлало бассейнъ Быстрой Сосны однимъ изъ прекраснѣйшихъ уголковъ обширной страны, извѣстной впослѣдствіи подъ именемъ Россіи, и еще въ глубокой древности привлекало къ нему разныхъ кочевниковъ, которые, тѣсняясь и вытѣсняя другъ друга, не могли прочно осѣсться здѣсь и составить изъ себя культурное населеніе. О древности заселенія Сосницкаго бассейна свидѣтельствуютъ археологическія находки, относящіяся къ бронзовому вѣку. Такъ, напримѣръ, лѣтомъ 1891 года, въ области р. Олыма, на самой границѣ Ливенскаго и Землянскаго уѣздовъ, на глубинѣ трехъ аршинъ, найдены: „полукруглое долотце и два топорика, грубо отдѣланные, своимъ размѣромъ и общимъ видомъ напоминающіе подобные-же топорики бронзоваго періода, хранящіеся въ Историческомъ Музеѣ, въ

*) Объ урочищѣ «Орловомъ Гнѣздѣ», въ области р. Любовши и Становаго колодезя, упоминается въ писцовой книгѣ 1685 г. подъ № 518.

**) Въ книгѣ Больш. Чертежа на стр. 42 читаемъ: «А на рѣкѣ на Соснѣ, близко устья, съ лѣвыя стороны, Сокольи горы». Теперь на этомъ мѣстѣ находятся двѣ деревни Сокольскія—Сахаревки, въ 12 и 13 верстахъ отъ Ельца.

***) «Подлинная приправочная книга по городу Ливнамъ» 1615 г., на стр. 3.

****) Выпись Ливенскаго воеводы Игнатія Михнева да Осдора Шишкина отъ 16 октября 1615 года, а также выписи и другихъ воеводъ.

Москвѣ*)". Возможно, что еще древніе Скиѳы и Сарматы своими кочевьями достигали береговъ Быстрой Сосны, а потомъ уступили обладаніе этимъ краемъ воинственнымъ Остъ-Готамъ. Царство Остготское, какъ извѣстно, въ 4-мъ вѣкѣ по Р. Хр., пало подъ ударами страшныхъ Гунновъ; но и эти варвары главною своею массою скоро схлынули на западъ Европы. Затѣмъ берега Сосны подпали господству жестокихъ Аваръ или Обровъ, которые также перебрались на западъ и, подобно Гуннамъ, исчезли изъ памяти народовъ. Тогда у Окскаго и Сосницкаго бассейновъ поселяются Финны. Въ числѣ Финскихъ племенъ были и *Ливы*, которые, быть можетъ, сообщили названіе не только Окѣ, но и нашимъ рѣчкамъ Ливнамъ, а чрезъ нихъ и самому городу Ливнамъ. Въ 9-мъ вѣкѣ рядомъ съ Финнами, въ области, названной *Лебедіею*, которая такъ напоминаетъ сосѣдній съ Сосницкимъ бассейномъ Лебедянь (городъ Тамбовской губерніи), поселились Мадьяры. Избѣгая Хозарской зависимости и нападенія со стороны Печенѣговъ, Мадьяры ушли на юго-западъ, увѣковѣчивъ, быть можетъ, временное свое пребываніе въ Лебедіи названіемъ рѣки *Алыма* или *Олыма* **). Столько народовъ тѣснилось у живописныхъ береговъ Сосны, и ни одному изъ нихъ не суждено было составить здѣсь прочную колонизацію. Наконецъ, сюда пришло съ запада бодрое Славянское племя и вмѣстѣ съ верховьемъ р. Оки навсегда усвоило за собою бассейнъ р. Сосны, вытѣснивъ отсюда прежнихъ обитателей. Это, по единогласному признанію историковъ, были Вятичи, пришедшіе сюда отъ береговъ Вислы съ родоначальникомъ своимъ Вятко ***).

Когда именно утвердились Вятичи на берегахъ Оки и Сосны—неизвѣстно; достовѣрно извѣстно только, что они поселились здѣсь еще до основанія Русскаго государства. Съ этого времени и до 12-го столѣтія Вятичи держались язычества, обоготворяя разныя стихіи и явленія видимой природы. Главныя ихъ божества были тѣ же, что и у другихъ южно-русскихъ славянъ. Это: *Перунъ*—богъ грома и молніи. *Волосъ* или *Велесъ*—податель земныхъ благъ и въ особенности покровитель домашняго скота. *Стрибогъ* - властитель вѣтровъ. *Дажбогъ*—богъ неба, виновникъ всякаго богатства. *Купало*—представитель водной стихіи. *Коляда*—божество мира и празднествъ. *Ославъ* или *Усладъ*—богъ веселья и всякихъ забавъ. *Ладо* и *Лели*—

*) Объ этомъ мы имѣемъ печатное сообщеніе дѣйствительнаго члена Воронежскаго статистическаго комитета С. Е. Звѣрева, отъ 26 іюня 1891 года.

**) См. «К. Вестужевъ-Рюминъ. Русская Исторія», Спб. 1872, гл. I, стр. 69—70.

***) Г. Артемьевъ въ своей статьѣ—«Городъ Ливны и Ливенскій уѣздъ» замѣчаетъ: «собственно говоря, въ лѣтописяхъ не находится прямыхъ указаній, что пространство, занимаемое нынѣ Ливенскимъ уѣздомъ, входило въ составъ земли Вятичей; но сомнѣваться въ этомъ, кажется, нельзя, а развѣ можно ограничить такое предположеніе тѣмъ только, что эта мѣстность частію принадлежала и Сѣверѣ, жившей на сѣверо-западъ отъ Вятичей по рѣкамъ Семи и Деснѣ. Во всякомъ случаѣ рѣку Сосну, быть можетъ, нужно признать межею, разграничивавшею земли этихъ двухъ племенъ». Съ своей стороны мы полагаемъ, что въ настоящее время опредѣлить границу соприкосновенія двухъ смежныхъ племенъ—Вятичей и Сѣверянъ не только на востокѣ Орловской губерніи, но и на западѣ ея, не возможно, а потому достаточно для насъ того убѣжденія, что къ главной массѣ населенія Орловской губерніи изъ Вятичей несомнѣнно примѣшивалась и значительная часть Сѣверянъ.

божества молодости, красоты, любви и вмѣстѣ семейнаго счастія. *Чуръ* — верховный стражъ границъ и межъ. *Чернобогъ* — виновникъ людскаго мора и скотскаго падежа. *Морена* — богиня смерти. *Кощей* и *Баба-Яга* — представители зимнихъ холодовъ, мятелей и бурь. *Кикимора* — божество сна. *Мать сыра земля* и др. Имена нѣкоторыхъ изъ этихъ языческихъ божествъ доселѣ еще слышатся въ устахъ простонародія. Такъ Ладо и Лели вспоминаются въ свадебныхъ или подвѣнечныхъ пѣсняхъ; Чуръ — слово общеупотребительное при воспрещеніи; божба сырою землею считается одною изъ страшныхъ клятвъ; Кощей и Баба-Яга вошли въ народныя сказки; Кикимору доселѣ призываютъ, когда хотятъ наслать на кого сонъ, или заставить замолчать, а празднества въ честь Коляды и Купала слишкомъ памятны еще для народа. Названія нѣкоторыхъ языческихъ божествъ, подъ вліяніемъ христіанства, превратились въ имена Святыхъ. Такъ Волосъ въ сознаніи простонародія принялъ имя Св. Власія, покровителя скота; по Волосу, какъ покровителю земледѣлія, доселѣ завиваютъ колосъ „на бородку“. Поклоненіе Перуну перешло на пророка Илію; божеству солнца — на Егорія храбраго. Въ честь главныхъ божествъ преносились жертвы изъ мяса, плодовъ и разнаго печенья, а также совершались празднества и церемоніи, память о которыхъ доселѣ еще живетъ въ простонародіи, какъ напримѣръ: выкликаніе весны на Радуницѣ (Ѳомино воскресенье), прыганіе чрезъ огонь (праздникъ въ честь Купалы), опахиваніе села (по случаю людскаго мора или скотскаго падежа) и т. под. Къ числу второстепенныхъ или неглавныхъ божествъ принадлежали: *Домовой* — покровитель семьи, олицетворявшій душу предка; *Лѣшіе*, обитавшіе въ лѣсахъ; *Водяные*, жившіе на днѣ рѣкъ, озеръ и болотъ; *Русалки*, населявшія поля и рощи; *Бука* — страшилище съ необыкновенно длиннымъ языкомъ, которое днемъ гнѣздилось подъ мельничнымъ колесомъ, а ночью хватало неосторожныхъ дѣтей у воротъ двора. Цѣлые вѣка прошли уже съ тѣхъ поръ, какъ язычество на берегахъ Быстрой Сосны должно было уступить мѣсто христіанству, но представленіе о *лѣшихъ* и *домовыхъ* доселѣ держится въ простонародіи; говорятъ: „лѣшій тебя возьми; скотина не по двору пришлась“, т. е. не по Домовому; Букою доселѣ стращаютъ дѣтей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мельничной плотинѣ усвояется даже названіе „буковища“ *). Душу умершаго человѣка язычники представляли то въ видѣ огня, пара и дыма, то подъ образомъ мотылька или бабочки. по во всякомъ случаѣ остающеюся на землѣ и принимавшею участіе въ судьбѣ своихъ живыхъ родственниковъ, друзей и сосѣдей; покойники были не безучастны къ радостямъ и скорбямъ живущихъ еще на землѣ своихъ родственниковъ,—они сами испытывали атмосферическія перемѣны, могли даже ѣсть и пить. Потому у изголовья покойниковъ ставили воду, медъ, кутью и т. под.;

*) Въ Орловской губерніи есть нѣсколько деревень подъ названіемъ Букъ: *Бука* или *Букина* при Кощеевскомъ болотѣ, въ 33 верстахъ отъ г. Болхова; *Буки*—при колодцахъ, въ 39 верстахъ отъ г. Карачева; есть также село *Буковище* (Богородицкое—Шешкино) при р. Безъименкѣ Орловскаго уѣзда.

отогрѣвали ихъ души во время сильныхъ морозовъ; предлагали въ пищу первый спеченный блинъ; клали въ гробъ деньги. Въ отогрѣваніи покойниковъ, такъ недавно еще вышедшемъ изъ употребленія, нельзя не видѣть указанія и на древній обычай погребенія чрезъ сожженіе труповъ и собраніе пепла въ глиняные сосуды, такъ какъ и при отогрѣваніи душъ устраивался своего рода костеръ и употреблялся глиняный черепокъ. Домового знаютъ и до сихъ поръ; оставляя старый домъ и перебираясь въ новый, хозяйка беретъ горшокъ, въ которомъ никогда ничего не варили, кладетъ въ него уголья и вызываетъ Домового, говоря: „милости просимъ, дѣдушка, на новое жилье“. Различаютъ своего Домового, ласковаго къ домашнимъ, заботящагося объ ихъ животныхъ, и чужаго, который причиняетъ разныя проказы.

Первый русскій лѣтописецъ, преподобный Несторъ, въ такихъ чертахъ описываетъ бытъ и нравы первоначальныхъ обитателей нашего края: „Вятичи и (Сѣверъ (Сѣверяне) одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, и срамословіе (т. е., что срамно передать словами) въ нихъ предъ отцы и снохами; браци не бываютъ въ нихъ, но игрища межъ селы; схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто совѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены; аще же кто умираше, творяху тризну надъ нимъ, и по семъ творяху кладу (костеръ) велику, и возлагаху на кладу мертвеца и сожигаху, и по семъ, собравши кости, влагаху въ сосудину малу и поставляху на столпѣ на путехъ, еже творятъ Вятичи и нынѣ“, добавляетъ лѣтописецъ въ концѣ 11-го или въ началѣ 12-го вѣка. При свѣтѣ этого лѣтописнаго свидѣтельства становятся болѣе понятными и многія бытовыя черты современныхъ намъ обитателей Сосненскаго бассейна, а именно: равнодушіе къ возможному комфорту въ домашней жизни и нечистоплотность; извѣстная игра молодыхъ людей „въ горѣлки“ и веселые хороводы на Красной горкѣ („Семикъ“) и въ Зеленыя святки (праздникъ Троицы): окупъ женихомъ своей невѣсты предъ ея родственниками и разные свадебные подарки; угнетенное положеніе снохъ предъ свекрами и брань „снохачествомъ“; обычай голосить надъ покойниками и поминать ихъ съ обильнымъ употребленіемъ опьяняющихъ напитковъ; разные предразсудки относительно перекрестковъ на дорогахъ (ростыней) и т. п.

Первобытные обитатели р. Сосны, какъ и сосѣдней съ нею Оки, жили родовымъ бытомъ и управлялись своими старѣйшинами или князьями; но скоро они должны были подчиниться Козарамъ. Этотъ послѣдній народъ обиталъ между Волгою и Дономъ и, такимъ образомъ, являлся ближайшимъ сосѣдомъ Вятичей на востокѣ. Представляя изъ себя довольно могущественное государство, подъ верховнымъ управленіемъ кагановъ. Козары находились въ союзѣ съ Византійской имперіей, иногда помогали ей своею конницею въ борьбѣ съ Персами, вели съ Греками торговлю и пользовались Греческими архитекторами для построенія городовъ. Между тѣмъ Вятичи, при своей многочисленности, распадались на отдѣльные роды, иногда враждебные одинъ другому.

и потому не могли соперничать въ силѣ съ Козарами. Прежде другихъ данниками Козаръ сдѣлались обитатели Быстрой Сосны и Оки, а за Вятичами подчинились Сѣверяне и Радимичи. Впрочемъ, господство Козаръ, какъ народа, не вполнѣ вышедшаго еще изъ кочеваго быта, было не особенно тяжело: Козары не посягали на вѣрованія, нравы, обычаи и родовое самоуправленіе подчиненныхъ имъ Славянскихъ племенъ, а довольствовались одною данью - „по бѣлкѣ и горностаю отъ жилаго дома“, какая дань, при обиліи пушнаго звѣря въ тогдашнихъ лѣсахъ, не могла считаться обременительною. Обитатели же Быстрой Сосны тѣмъ легче мирились съ Козарскою зависимостью, что она пролагала для нихъ свободный путь къ Дону и способствовала сбыту естественныхъ ихъ произведеній въ другія руки, изъ которыхъ они, въ свою очередь, получали то, въ чемъ нуждались сами. При посредствѣ Козарскихъ и Греческихъ купцовъ древніе обитатели Ливенскаго уѣзда скоро познакомились и съ денежною системою, такъ что позднѣе самая дань ихъ Козарамъ, для большаго удобства, была переложена на деньги — „по шелягу отъ рала“, т. е. съ сохи. Денежная система, въ значительной мѣрѣ облегчавшая торговыя сношенія, была для нашихъ предковъ важнымъ открытіемъ; а такъ какъ большинство монеты шло къ нимъ изъ Греціи, то съ понятіемъ о грекѣ у нихъ тогда уже возникло представленіе какъ о богатомъ человѣкѣ. „Онъ богатъ, какъ грекъ“; „у него денегъ, что у грека“, — говорятъ и доселѣ наши простолюдины, когда хотятъ назвать кого-либо богатымъ.

Въ 862-мъ году, когда Козары господствовали надъ южно-русскими Славянскими племенами, среди сѣверныхъ племенъ возникло Русское государство. Скоро центръ этого государства передвинутъ былъ съ сѣвера на югъ, и платившіе дань Козарамъ Сѣверяне и Радимичи должны были подчиниться Русскому владычеству; между тѣмъ Вятичи, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, оставались еще данниками Козаръ. Послѣ Рюрика, основателя Русскаго государства, ни воинственный Олегъ, ни жадный къ добычѣ Игорь и мудрая супруга его Ольга не могли достигнуть береговъ Оки, а тѣмъ болѣе — Быстрой Сосны, прикрытой со стороны Кіева дремучими лѣсами. Но вотъ, въ 964 году, у береговъ Оки и Сосны появляется воинственнѣйшій изъ Русскихъ князей — Святославъ Игоревичъ; онъ покоряетъ Вятичей и облагаетъ ихъ тою же данью, какую дотолѣ они давали Козарамъ, т. е., по шелягу съ сохи; потомъ вступаетъ въ область Дона, одерживаетъ блистательную побѣду надъ могущественнымъ Козарскимъ коганомъ, беретъ у него крѣпкій городъ Саркелъ, или Бѣлую Вѣжу, и, такимъ образомъ, упрочиваетъ за собою обладаніе берегами Оки и Сосны. Царство Козарское сокрушено. Казалось бы, Вятичамъ все равно, кому ни платить по шелягу съ сохи, — Козарамъ или Кіевской Руси. Но не то видимъ на дѣлѣ. Лишь только Святославъ вышелъ изъ земли Вятичей, какъ они отложились отъ него и дани въ Кіевъ не дали. Ясно, что для Вятичей Козарская зависимость была выгоднѣе Русскаго владычества; съ первою они давно уже свыклись и имѣли чрезъ нее торговыя

649612

выгоды, а послѣднее было для нихъ ново и притомъ, чрезъ погромъ Козарскаго царства, остановило ихъ торговлю на востокѣ, откуда получались ими и самые шеляги. По видимому, такія невыгоды Русскаго владычества для Вятичей сознавалъ и самъ Святославъ Игоревичъ, когда, усмиривъ ихъ силою оружія, оставилъ за ними прежнюю дань, а не обложилъ ихъ большею данью, какъ поступали иногда Русскіе князья съ мятежными племенами. Однако-жъ великодушіе Святослава не примирило Вятичей съ Русскою данью: узнавши, что Святославъ ушелъ въ далекую Болгарію, они снова отложились и не платили дани какъ самому Святославу, такъ послѣ него и сыну его Ярополку. Только Владиміру Святославичу, послѣ двукратныхъ походовъ, удалось сломить непокорность Вятичей и обложить ихъ данью, которая теперь, за частыя ихъ возмущенія, была увеличена и состояла изъ двухъ шеляговъ съ сохи. Но и послѣ этого, считаясь данниками Руси, Вятичи не входили еще надлежащимъ образомъ въ составъ Русскаго государства и, въ теченіе цѣлаго вѣка, продолжали управляться своими родоначальниками, или князьями. Земля Вятичей была то же, что государство въ государствѣ, такъ что даже проникать въ нее считалось особеннымъ подвигомъ для Русскихъ князей. Даже такой воинственный и безстрашный князь, какъ Владиміръ Мономахъ, ставитъ въ числѣ своихъ подвиговъ и то, что ему удалось благополучно пройти „сквозѣ Вятичъ“; но, кромѣ того, враждебныя дѣйствія Вятичей заставили Владиміра Мономаха предпринимать противъ нихъ и военные походы — „на Ходату и на сына его и по Корьдну“. Весьма вѣроятно, что послѣдніе походы были обращены къ восточной вѣтви Вятичей, обитавшихъ по берегамъ Зуши и Быстрой Сосны, такъ какъ для нихъ (особенно же для жителей Сосницкаго бассейна) перемѣна Козарскаго владычества на Русское была наиболѣе не выгодна; и если Вятичи, еще при Владиміръ Святомъ, искали союза съ степными Печенѣгами для совмѣстнаго дѣйствованія противъ Русскаго князя, то и такое предпріятіе ближе всего подходитъ къ обитателямъ р. Сосны, за которою къ югу тянулись необозримыя степи — приволье Печенѣговъ, а потомъ Половцевъ. Съ другой стороны, и самое христіанство, утвердившееся на Руси со времени Св. Владиміра, долго служило средостѣніемъ между Русью и землею Вятичей, въ которой, по отзыву преподобнаго Нестора, царилъ глубокій мракъ язычества.

Прочное владычество Руси по берегамъ Быстрой Сосны начало водворяться только послѣ Любецкаго съѣзда (1097 г.), когда обширная область Вятичей распалась между потомками внука Св. Владиміра, Святослава Ярославича, а бассейнъ Сосны примкнулъ къ Рязанскому княжеству, доставшемуся въ удѣлъ Ярославу Святославичу. Впослѣдствіи въ Рязанскомъ княжествѣ выдѣляются еще двѣ княжескихъ территоріи — Муромская и Пронская, но теченіе Быстрой Сосны остается собственно подъ властію Рязанскихъ князей. Здѣсь же, въ первой половинѣ 12-го вѣка, насаждается и христіанство, которое окончательно примиряетъ обитателей Сосницкаго бассейна съ

Русскимъ владычествомъ и способствуетъ тому, что самое названіе Вятичей постепенно исчезаетъ изъ памяти народа. Вѣра Христова объединила всѣ крещенныя племена и усвоила за ними общее имя православной Руси. Честь просвѣщенія Вятичей всѣми историками приписывается Св. Кукшѣ, объ апостольской дѣятельности котораго Св. Симонъ, епископъ Владимірскій и Суздальскій, жившій въ началѣ 13-го вѣка, въ своемъ посланіи къ Печерскому черноризцу Поликарпу говоритъ слѣдующее: „Могу ли умолчать и о семъ священно-мученикѣ, черноризцѣ того же Печерскаго монастыря, Кукшѣ, о которомъ всѣ вѣдаютъ, како бѣсы прогна и Вятичей крести, дождь сведе и озеро изсуши, и много чудесъ сотвори, и по многихъ мукахъ усѣченъ бысть съ своимъ ученикомъ Никономъ*). Нетлѣнныя мощи Св. Кукши почиваютъ въ Кіевскихъ пещерахъ, а память о немъ и его ученикѣ творится Церковію 27-го Августа. Хотя ни въ лѣтописяхъ, ни въ мѣстныхъ преданіяхъ не сохранилось указанія на то, гдѣ именно подвизался среди Вятичей Св. Кукша; но такъ какъ, по нѣкоторымъ историческимъ соображеніямъ, проповѣдь Св. Кукши въ землѣ Вятичей продолжалась болѣе двадцати лѣтъ **), то весьма вѣроятно, что среди апостольской дѣятельности не были оставлены имъ и берега Быстрой Сосны, какъ наиболѣе притомъ удаленные отъ просвѣтительныхъ центровъ (Кіева и Чернигова) и потому особенно нуждавшіеся въ ревностномъ проповѣдникѣ. И вотъ, вынужденные прежде силою оружія платить дань Кіеву, обитатели Сосницкаго бассейна тяготѣютъ теперь къ нему добровольно и въ видѣ смиренныхъ паломниковъ несутъ ему свои сердца, согрѣтыя чувствомъ благодарности къ той обители, откуда излился и впервые озарилъ ихъ лучъ небесной истины. То, что не додѣлано было на берегахъ Сосны священно-мученикомъ Кукшею, стало предметомъ попеченія епархіальной власти—сперва Черниговской, потомъ Рязанской и, при содѣйствіи мѣстныхъ владѣтелей, Рязанско-Елецкихъ и Ливенскихъ князей, довершено въ теченіе многихъ вѣковъ.

II.

Древность города Ливенъ и князья на Рязани, на Ливнахъ и на Воронежѣ.

Вопросъ о древности города Ливенъ въ ряду прочихъ городовъ Орловской губерніи.—Недавнее открытіе о существованіи города Ливенъ въ 12-мъ вѣкѣ.—Рязанскіе князья—Глѣбовичи на Ливнахъ и на Воронеж-

*) Исторія Русской Церкви Преосвященнаго Макарія, т. 2, стр. 22.

**) О Св. Кукшѣ и времени апостольской его дѣятельности см. рядъ нашихъ статей, помѣщенныхъ въ Орлов. Епарх. Вѣдом. за 1880 и послѣдующіе годы.

жѣ. Сосѣдство съ Половцами.—Судьба Ливенскихъ владѣтелей въ борьбѣ съ Владиміро-Суздальскими князьями.—Внутреннія крамолы въ Рязанскомъ княжествѣ и участіе въ нихъ Половцевъ.

Частыя возстанія Вятичей противъ Русскаго владычества подъ предводительствомъ собственныхъ князей, пытавшихся создать изъ своего племени нѣчто въ родѣ независимаго государства, заставляютъ думать, что у этого воинственнаго и свободолюбиваго племени тогда уже были города, какъ опорные пункты въ борьбѣ съ могущественными соперниками и безопасныя резиденціи для родовыхъ князей. Такое предположеніе поддерживаютъ и упоминаемыя въ русскихъ былинахъ грозныя *заставы*, вслѣдствіе которыхъ прямоѣзжая дорога изъ Чернигова въ землю Вятичей „заколодѣла, замуравѣла“, такъ что проникать за тѣ заставы считалось дѣломъ величайшаго риска даже для такого мощнаго богатыря временъ Владиміра—Краснаго солнышка, каковъ былъ прославленный Илья Муромецъ. Особенно рельефно выступаетъ въ былинахъ домъ Соловья—разбойника, что стоялъ „на семи дубахъ да на семи верстахъ, а мимо его не пройти ни конному, ни пѣшему“ *). Очевидно, подъ сказочнымъ домомъ Соловья разбойника разумѣется ни что иное, какъ крѣпость, обнесенная дубовымъ частоколомъ, за которою властитель земли Вятичей, этой, по выраженію лѣтописца, „страны лѣсовъ“, думалъ отстоять свою независимость въ борьбѣ съ Владиміромъ Святымъ и его преемниками (особенно Владиміромъ Мономахомъ). Наконецъ, въ первой половинѣ 12-го вѣка, когда русскій лѣтописецъ нашелъ возможнымъ приподнять завѣсу, скрывавшую дотолѣ землю Вятичей отъ взора Кіевлянъ, то здѣсь оказалась уже цѣлая сѣть городовъ, какую невозможно было возвести Черниговo-Сѣверскимъ и Рязанскимъ князьямъ въ короткій срокъ ихъ обладанія Вятичами, начавшагося фактически только послѣ Любецкаго съѣзда. Да и самыя названія нѣкоторыхъ городовъ, какъ напримѣръ—Карачева и Трубчевска**), свидѣтельствуютъ не о русскомъ ихъ происхожденіи и, слѣдовательно, заставляютъ относить возникновеніе ихъ къ болѣе раннему періоду. Какъ бы то ни было впрочемъ, но русскій лѣтописецъ, слѣдившій за походомъ Кіевскаго великаго князя Изяслава II-го противъ одного изъ владѣтелей Сѣверскаго княжества (Святослава Ольговича), подъ 1146 и 1147 годами на пространствѣ нынѣшней Орловской губерніи отмѣчаетъ уже слѣдующіе города: Карачевъ, Мценскъ, Брянскъ, Сіовскъ (Сѣвскъ), Болдыжъ, Кромы и Елецъ. Въ Ельцѣ еще раньше этого времени княжилъ Владиміръ Ярославичъ,

*) Книга былинъ Авенаріуса, изд. 1880 г., стр. 95—114.

**) По объясненію знатоковъ Тюркскихъ нарѣчій, слово *Карачевъ* означаетъ черный лѣсъ, а *Трубчевскъ*—телѣжный лѣсъ. Возможно, что изъ этихъ лѣсовъ Обры, а потомъ и Козари, доставали себѣ телѣги. Извѣстно преданіе, что Обры запрягали по пяти славянскихъ женщинъ въ телѣгу и ѣздили. Не была ли такая ѣзда доставкою телѣжной дани, препровождаемой славянскими женщинами, при обременсніи мужчинъ усиленнымъ производствомъ самаго дѣла?..

женившійся въ 1144 году на дочери Всеволода Мстиславича. Городъ Трубчевскъ во второй половинѣ 12-го столѣтія также восходитъ на степень удѣльнаго княжества. Въ Вщижѣ, что нынѣ село Брянскаго уѣзда, было особое княженіе. Очень возможно, что, кромѣ указанныхъ городовъ, на пространствѣ нынѣшней Орловской губерніи находились и другіе города, о которыхъ не было повода упоминать лѣтописцу. Но вопросъ: существовалъ ли на ряду съ этими городами—ветеранами нашъ городъ Ливны?—вопросъ, полагаемъ, особенно интересный для того, кто почитаетъ Ливны своимъ роднымъ городомъ.

Жители Ливенъ до послѣдняго времени были того мнѣнія, что ихъ городъ не древнѣе царствованія Осодора Іоанновича, т. е. послѣдней четверти 16-го вѣка. Даже сто съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, на мѣстѣ Ливенъ не сохранилось болѣе или менѣе яснаго представленія о древнѣйшей эпохѣ этого города. Такъ, когда, въ 1789 году, Ливенскому Духовному Правленію предписано было Орловскою Духовною Консисторіею доставить, между прочимъ, свѣдѣнія о городѣ Ливнахъ, то управители писали въ представленной ими *вѣдомости*, что „городъ Ливны построенъ въ 7094 (1586) году, въ степи, на рѣкѣ Соснѣ и Ливенкѣ, а для онаго построенія присланъ былъ бояринъ князь Владиміръ Кольцовъ—Мосальскій“. Извѣстно еще, что въ 1886 году на Ливнахъ возникала мысль о празднованіи 300-лѣтняго юбилея своего города, и если такое торжество не состоялось, то отнюдь не потому, чтобы тогда уже выяснилась относительно большая древность города Ливенъ. Правда, въ мѣстныхъ преданіяхъ сохранялось воспоминаніе о Татарской покорности и платежѣ дани, но эти преданія до того смутны, что не отличаютъ Монголовъ отъ Крымскихъ Татаръ, и притомъ такого общаго характера, что на основаніи ихъ никакъ нельзя еще заключить о существованіи города Ливенъ въ до-Монгольскій періодъ. И исторія долго не могла пролить своего свѣта на древность города Ливенъ. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, существовали нѣкоторыя догадки. Такъ, извѣстный историкъ Татищевъ колеблется въ названіи Святослава *Липецкимъ* или *Ливецкимъ* княземъ (въ 13-мъ вѣкѣ), а извѣстный историкъ Соловьевъ какъ по этому поводу, такъ и особенно въ виду того соображенія, что территорія княженія Святослава и самая его дѣятельность ближе подходятъ къ Ливнамъ, чѣмъ къ Липецку, ставитъ вопросъ: „не надобно ли въ этомъ мѣстѣ лѣтописнаго повѣствованія разумѣть вообще вмѣсто Липецка Орловскіе Ливны?“*). Но такое предположеніе, какъ основанное на личномъ соображеніи обстоятельствъ, было высказано знаменитымъ историкомъ лишь въ сноскѣ, подъ чертою, такъ что онъ не рѣшился даже, подобно Татищеву, назвать Святослава Ливецкимъ или Ливенскимъ княземъ. Тьма цѣлыхъ вѣковъ раздвинулась предъ Ливнами только въ 1888 году, когда, благодаря счастливой случайности, члену Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, С. Е. Звѣреву, удалось открыть одинъ рукопис-

*) Исторія Россіи Соловьева, т. 3, стр. 366.

ный сборникъ 17-го вѣка, свидѣтельствующій о существованіи города Ливенъ еще въ 12-мъ вѣкѣ *). Въ этомъ сборникѣ, составленномъ въ 1667 году, между прочимъ помѣщена родословная Рязанскихъ князей, въ которой (на 287 листѣ книги) говорится:

„А у князя Глѣба Ростиславича Резанскаго (внука Ярослава Святославича, правнука Святослава Ярославича, умершаго въ 1177 году) дѣти:

Князь Романъ Резанскій бездѣтной на Ливнахъ, и на Воронежѣ былъ же.

Князь Игорь на Резанѣ, на Ливнахъ и на Воронежѣ.

Князь Владиміръ на Резанѣ, на Ливнахъ и на Воронежѣ.

Князь Всеволодъ на Резанѣ, на Ливнахъ и на Воронежѣ.

Князь Святославъ на Резанѣ, на Ливнахъ и на Воронежѣ.

Глѣбовы дѣти Ростиславича Резанскаго, Всеволодъ да Святославъ, сѣли на Ливнахъ, на Прони, и отъ нихъ пошли Пронскіе князья.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Ливны принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ городовъ Орловской губерніи, такъ какъ они не только существовали въ 12-мъ вѣкѣ, но были тогда уже и княжескимъ городомъ. Можетъ быть, ученыя изслѣдованія впослѣдствіи раскроютъ и болѣе древнее время города Ливенъ, но пока мы знаемъ, что въ 12-мъ вѣкѣ онъ являлся уже оплотомъ Рязанскаго княжества противъ Половцевъ, которые обитали тогда на югѣ Россіи. Раскинувъ свои вѣжи между Дономъ и Днѣпромъ, Половцы, какъ прежде Печенѣги, являлись ближайшими сосѣдями Рязанскаго княжества и постоянно угрожали своими набѣгами обитателямъ Быстрой Сосны. „Бывало, — говоритъ Владиміръ Мономахъ, — когда нашъ поселянинъ выѣдетъ въ поле и станетъ пахать землю, — набѣжитъ на него злой Половчинъ, убьетъ его стрѣлою, лошадь возьметъ, жену и дѣтей заберетъ въ плѣнъ, да и гумно зажжетъ". Если-бы на берегахъ Быстрой Сосны и не было городовъ до 12-го вѣка, то они должны были возникнуть теперь, какъ оплотъ противъ вражескихъ вторженій. И вотъ мы видимъ здѣсь Елецъ и Ливны, расположенные на такъ-называемыхъ Калміюской и Муравской дорогахъ, которыми приходили Половцы, а за ними впослѣдствіи вторгались Ногайскіе и Крымскіе Татары. Для большей безопасности, въ этихъ городахъ сидятъ князья съ своею дружиною, и, по временамъ, съ успѣхомъ отражаютъ набѣги степныхъ варваровъ. Такъ, напримѣръ, когда въ 1156 году Половцы напали на берега Быстрой Сосны, то Рязанскіе князья погнались за ними въ степи, настигли ихъ ночью, многихъ перебили и полонъ отняли**). Въ прежнее время обитатели Бы-

*) Преподаватель Воронежской Духовной Семинаріи и членъ Ученой Рязанской Архивной Коммиссіи Стефанъ Егоровичъ Звѣревъ отыскалъ этотъ сборникъ въ 1888 г. въ частной библіотекѣ г. Муромцева въ селѣ Баловневѣ Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, и тогда же сообщилъ о своемъ открытіи Орловской Ученой Архивной Коммиссіи, которая, цѣня важность сообщенія, не замедлила единогласно избрать С. Е. Звѣрева своимъ членомъ. См. 5 выпускъ Орловской Ученой Архивной Коммиссіи за 1889 г.

**) Исторія Рязанскаго княжества, Д. Иловайскаго, М. 1858 г., стр. 49.

строй Сосны, избѣгая Русскаго владычества, сами обращались къ Печенѣгамъ за помощью противъ Владиміра Святославича; теперь-же, примирившись съ Русскою властью, благодаря особенно христіанству, они чуждаются Половцевъ, какъ „поганыхъ“ (язычниковъ), и помогаютъ князьямъ отстаивать Русскую гражданственность. Но воюя противъ Половцевъ, Рязанскіе князья нерѣдко, во время своихъ междоусобій, вступали въ союзъ съ Половцами и тѣмъ причиняли много зла Русской землѣ. Такою пагубною политикою руководился какъ Глѣбъ Ростиславичъ, такъ и сыновья его, княжившіе на Ливнахъ и на Воронежѣ. Вотъ что сообщаетъ намъ исторія о Романѣ Глѣбовичѣ, княжившемъ на Ливнахъ, какъ видно, еще при жизни отца своего Глѣба.

Въ 1177 году Глѣбъ Ростиславичъ вмѣстѣ съ Половцами открылъ войну противъ великаго князя Владимірскаго Всеволода III-го; въ этой войнѣ долженъ былъ принять участіе и сынъ Глѣба Романъ. Они опустошили Суздальскую землю, сожгли Москву, ограбили церковь въ Боголюбовѣ, избили многихъ жителей, а женъ и дѣтей ихъ взяли въ плѣнъ; но подъ Коломною потерпѣли жестокое пораженіе и были взяты въ плѣнъ. Жители города Владиміра встрѣтили плѣнниковъ съ величайшимъ озлобленіемъ; собравшись вокругъ велико-княжескаго дворца, они кричали: „Государь! мы рады за тебя положить свои головы, только казни ихъ,—ослѣпи или выдай намъ въ руки“. Спасая своихъ плѣнниковъ отъ народной ярости, Всеволодъ велѣлъ заключить ихъ въ темницу. Между тѣмъ за плѣнныхъ князей вступился Черниговскій князь Святославъ и прислалъ съ ходатайствомъ во Владиміръ епископа Порфирія. Всеволодъ III, по просьбѣ Черниговскаго владыки, соглашался дать свободу Рязанскимъ плѣнникамъ, но съ тѣмъ, чтобы Глѣбъ Ростиславичъ отказался отъ княженія и уѣхалъ на жительство въ южную Россію; на что, однакожъ, Глѣбъ сказалъ: „лучше умру въ неволѣ!“ и умеръ въ плѣну. Злобясь на Глѣба за опустошеніе Суздальской земли, великій князь потребовалъ отъ Рязанцевъ, чтобы они доставили ему и брата Глѣбова, Ярополка Ростиславича, княжившаго тогда на Воронежѣ. Рязанцы не осмѣлились воспротивиться такому требованію и, думая спасти чрезъ то плѣнныхъ своихъ князей, сами привезли въ оковахъ Ярополка во Владиміръ. Какъ только Владимірцы узнали объ этомъ, то съ оружіемъ въ рукахъ окружили велико-княжескій дворецъ, разрушили темницу, гдѣ были заключены Ростиславичи, и звѣрски ослѣпили ихъ. Такъ какъ многіе полагали, что такое злодѣяніе совершилось не безъ намѣренія самого великаго князя, то послѣдній, желая оправдаться предъ общественнымъ мнѣніемъ, отпустилъ Романа на свободу.

Бѣдствія плѣна не вразумили Романа. Возвратившись на родину, онъ сталъ тѣснить младшихъ своихъ братьевъ и отнималъ у нихъ удѣлы. Обиженные Глѣбовичи прибѣгли подъ покровительство великаго князя Владимірскаго, который пошелъ противъ Романа и осадилъ его въ Рязани. Романъ бѣжалъ въ „поле“, но скоро долженъ былъ смириться и вмѣстѣ съ братьями призналъ надъ собою покровительство Всеволода III-го.

Рязанское княжество было раздѣлено между Глѣбовичами по волѣ великаго князя*). Ливны и Пронскъ достались Всеволоду и Святославу Глѣбовичамъ. Этотъ раздѣлъ перессорилъ Глѣбовичей. Три старшіе брата — Романъ, Игорь и Владиміръ задумали погубить младшихъ — Всеволода и Святослава; когда-же тайный умыселъ ихъ не удался, тогда они пошли открыто на Всеволода и Святослава и осадили ихъ въ Пронскѣ. По просьбѣ осажденныхъ, Всеволодъ Юрьевичъ послалъ имъ на помощь часть своей дружины, человѣкъ триста, и кромѣ того велѣлъ присоединиться къ нимъ своему свояку Ярославу Владиміровичу и князьямъ Муромскимъ. Въ виду такой рати, старшіе братья отступили отъ Пронска; послѣ чего удалилась и рать великаго князя. Между тѣмъ старшіе Глѣбовичи, узнавъ, что одинъ изъ младшихъ ихъ братьевъ, Всеволодъ, уѣхалъ во Владиміръ, снова напали на Пронскъ, гдѣ оставался Святославъ. Они отняли у жителей города доступъ къ рѣкѣ и послали сказать Святославу: „не мори людей голодомъ; ты намъ братъ; сдай городъ, а мы тебя не съѣдимъ; не приставай только къ Всеволоду". Святославъ колебался; но, чтобы не лишиться своего удѣла, посовѣтовавшись съ боярами, уступилъ требованію старшихъ братьевъ и выдалъ имъ не только жену Всеволода съ его дружиною, но и Владимірскій гарнизонъ. Такимъ поступкомъ Святославъ вооружилъ противъ себя брата Всеволода, который сталъ теперь изъ Коломны мстить ему опустошеніемъ его волости, а вмѣстѣ возстановилъ противъ себя и великаго князя, требовавшаго отъ него возвращенія своей дружины, чего тотъ не могъ уже исполнить. Впрочемъ великій князь не спѣшилъ местью: онъ старался добрымъ совѣтомъ привести къ миру и старшихъ Глѣбовичей, но Романъ, Игорь и Владиміръ гордо отвѣчали, что они не нуждаются ни въ чьихъ совѣтахъ и вольны поступать по своей волѣ. Однако, опасаясь, что великій князь не оставитъ ихъ безъ наказанія, обратились къ посредству Черниговскаго епископа Порфирія. Вторичная поѣздка Порфирія во Владиміръ не имѣла успѣха. Великій князь отвергъ всякое предстательство за коварныхъ Глѣбовичей и отмстилъ имъ опустошеніемъ Рязанской земли. Мятежные Глѣбовичи должны были преклониться предъ волею великаго князя Владимірскаго и размѣстились по своимъ удѣламъ.

Въ 1207 году Романъ Рязанскій и Святославъ, княжившій въ Ливнахъ и на Воронежѣ, лишились своихъ удѣловъ и были уведены плѣнниками во Владиміръ. Это случилось такъ. Собираясь въ походъ противъ южной Россіи, великій князь Всеволодъ стоялъ съ войскомъ своимъ на берегу Оки; здѣсь, въ качествѣ союзниковъ его, находились Романъ и Святославъ Глѣбовичи съ нѣкоторыми другими Рязанскими князьями. Между тѣмъ великому князю донесли, что Рязанскіе князья хотя и участвуютъ съ нимъ въ походѣ, но тайно держатся стороны Черниговскихъ князей. Тогда великій князь рѣшилъ покончить съ мятежною Рязанью. Въ ставкѣ его готовился

*) «И раздѣли имъ власть комуждо по старѣйшинству»... Полн. Собр. Русскихъ лѣтоп., т. 4, VII. Лѣтоп. по Воскр. сп., стр. 95.

обѣдъ; къ столу приглашены были и Рязанскіе князья. И вотъ, вошедши подъ шатеръ, великій князь ласково поздоровался со всѣми, обнялъ братски и Рязанскихъ князей, но вслѣдъ затѣмъ посѣщно удалился. Тутъ приближенный боярин его и Давидъ, князь Муромскій, стали уличать Рязанскихъ князей въ измѣнѣ; тѣ клялись, что ничего не знаютъ за собою; но къ обличителямъ присоединились и двое изъ Рязанскихъ князей—Олегъ и Глѣбъ Владиміровичи. Великій князь, не входя въ дальнѣйшее разслѣдованіе дѣла, велѣлъ заковать въ цѣпи: Романа и Святослава Глѣбовичей, съ двумя сыновьями послѣдняго, двухъ сыновей Игоря Глѣбовича и нѣкоторыхъ Рязанскихъ бояръ, и всѣхъ ихъ отвезти во Владиміръ. Послѣ этого Всеволодъ Юрьевичъ напалъ на Пронскъ, гдѣ княжилъ сынъ Всеволода Глѣбовича Михаилъ, женатый на дочери Всеволода Чермнаго. Михаилъ успѣлъ убѣжать къ своему тестю, а жители Пронска посадили у себя на княженіе Изяслава Владиміровича, брата Олега и Глѣба. Войско Владимірское не допускало жителей Пронска до воды; но они ходили къ рѣкѣ ночью. Узнавъ объ этомъ, великій князь приставилъ къ воротамъ почной карауль; между жителями открылась смертность, и городъ вынужденъ былъ сдаться. Въ Пронскѣ посаженъ былъ Олегъ Владиміровичъ. Отсюда великій князь пошелъ на Рязань. Рязанцы сдались безъ сопротивленія и выдали остальныхъ своихъ князей, съ ихъ женами и дѣтьми. Въ Рязани великій князь поставилъ своихъ намѣстниковъ и тіуновъ, а потомъ прислалъ сюда на княженіе своего сына Ярослава. Новые плѣнники препровождены были къ прежнимъ—во Владиміръ, изъ котораго впослѣдствіи всѣ они перевезены въ г. Петровъ (Ярославской губерніи). Всеволода Глѣбовича, который, послѣ плѣна Романа, оставался старшимъ въ семействѣ Глѣбовичей, уже не было въ живыхъ; онъ умеръ въ самомъ началѣ этой печальной войны*).

Покорность Рязанцевъ была вынужденная. Сожалѣя о своихъ князьяхъ, томившихся въ плѣну, они неохотно подчинялись Ярославу Всеволодовичу и даже уморили нѣкоторыхъ Владимірскихъ бояръ. Тогда Всеволодъ Юрьевичъ рѣшился покончить съ мятежниками. Подступивъ къ Рязани, онъ велѣлъ выгнать отсюда всѣхъ жителей, городъ сжечь, а плѣнныхъ Рязанцевъ разослалъ по разнымъ мѣстамъ Суздальскаго княжества. Два Рязанскихъ князя Изяславъ Владиміровичъ и Михаилъ Всеволодовичъ, избѣжавшіе плѣна, пытались мстить великому князю опустошеніемъ окрестностей Москвы, но скоро и они были разбиты и вытѣснены съ береговъ Пры. За плѣнныхъ Рязанскихъ князей и княгинь съ малолѣтними дѣтьми вступился первосвятитель Русской церкви, митрополитъ Матѳей; но ему удалось исходатайствовать свободу только княгинямъ, а князья оставались въ плѣну до самой смерти Всеволода III-го и были выпущены на волю сыномъ его Юріемъ въ 1212 году**).

*) См. прим. къ III т. Исторіи Г. Р. Карамзина, стр. 101.
**) Исторія Госуд. Россійскаго Карамзина т. III, стр. 121, 123—124, 142.

Едва Рязанскіе князья получили свободу, какъ въ семьѣ ихъ открылись козни и злодѣянія. Тотъ самый Глѣбъ Владиміровичъ, который коварнымъ доносомъ Всеволоду III-му думалъ погубить своихъ дядей (Романа и Святослава) и двоюродныхъ братьевъ, согласился теперь съ братомъ своимъ Константиномъ перебить всѣхъ родственниковъ, чтобы имъ однимъ господствовать въ Рязанской области. Подъ благовиднымъ предлогомъ общаго примиренія, онъ пригласилъ Рязанскихъ князей на братскій съѣздъ, и, когда князья съѣхались съ боярами, устроилъ для нихъ роскошный пиръ. Во время веселья Глѣбъ, какъ хозяинъ, всѣхъ превосходилъ вниманіемъ и любезностью; никому и на мысль не приходило, чтобы тутъ скрывались козни. Вдругъ, среди пира, Глѣбъ и Константинъ обнажаютъ свои мечи; за ними дѣлаютъ тоже ихъ слуги; врываются еще наемные Половцы — и всѣ бросаются на пирующихъ... Шесть князей съ ихъ боярами падаютъ жертвою гнуснаго заговора. Въ числѣ погибшихъ были: родной братъ Глѣба — добродушный Изяславъ, Михаилъ Всеволодовичъ, Ростиславъ, Святославъ, Романъ и Глѣбъ. Отъ общаго истребленія спасся одинъ Ингварь Игоревичъ, княжившій въ старой Рязани. Глѣбъ хотѣлъ погубить и его и пошелъ на него войною, въ союзѣ съ Половцами, но потерпѣлъ неудачу. Тогда онъ отправился въ землю Половецкую и привелъ новую орду варваровъ; но Ингварь, въ свою очередь, получилъ помощь отъ Владимірскаго великаго князя и на-голову разбилъ Глѣба съ Половцами. Послѣ этого, презираемый всѣми, Глѣбъ, подобно Святополку окаянному, окончилъ жизнь вдали отъ родины „въ безуміи“, а Ингварь утвердился надъ всею Рязанскою областью.

Таковы были князья, княжившіе на Рязани, на Ливнахъ и на Воронежѣ въ послѣдней четверти 12-го и въ началѣ 13-го вѣка. Изъ того, что сообщаетъ о нихъ исторія, не возможно установить преемственнаго княженія ихъ на Ливнахъ и на Воронежѣ. Видно только, что княженіе здѣсь Глѣбовичей, начавшись вѣроятно еще при жизни ихъ отца, нарушалось какъ внутренними смутами Рязанскаго княжества, такъ и непосредственнымъ участіемъ великаго князя Всеволода III-го въ судьбѣ Рязанскихъ князей. Въ частности о второмъ сынѣ Глѣба Игорѣ извѣстно, что онъ княжилъ на Ливнахъ и на Воронежѣ еще при жизни стариаго брата своего Романа, такъ какъ умеръ въ 1195 году. Слѣдующіе за Игоремъ Глѣбовичемъ братья — Владиміръ и Всеволодъ также умерли раньше Романа, и если имъ пришлось княжить на Ливнахъ и на Воронежѣ послѣ смерти Игоря, то время ихъ княженія здѣсь должно полагать между 1195 и 1207 годами, такъ какъ въ 1207 году скончался Всеволодъ, а Владиміра, по видимому, уже не было тогда въ живыхъ. Послѣдній изъ Глѣбовичей Святославъ, какъ извѣстно, цѣлыхъ пять лѣтъ томился во Владимірскомъ плѣну съ бездѣтнымъ Романомъ (съ 1207 по 1212 г.), и когда ему пришлось княжить на Ливнахъ — до плѣна-ли, или по освобожденіи изъ него, — опредѣлить невозможно. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію то, что возвышеніе города Ливенъ на степень удѣльнаго княженія обусловливалось размноженіемъ семьи Рязанскихъ князей и совпало

съ самою мрачною эпохою этого обширнаго княжества. Частая смѣна владѣтелей Рязани, ихъ взаимная вражда, внутреннія смуты и междоусобія, соперничество съ сильными Владиміро-Суздальскими князьями и вмѣшательство Половцевъ, — все это держало обитателей Быстрой Сосны въ постоянномъ напряженіи, требовало отъ нихъ жертвъ людьми и имуществомъ, поддерживало страстность и не благопріятствовало какъ мирнымъ успѣхамъ гражданственности, такъ и спасительному вліянію христіанства. Каковы были князья на Ливнахъ, таковы, безъ сомнѣнія, были ихъ бояре и всѣ подданные. Если Ливенскіе владѣтели, по своему характеру, были такъ далеки отъ духа христіанскаго, то вправѣ-ли мы думать, чтобы ихъ подданные водились этимъ духомъ? То было время, когда князья, бояре и простые люди исповѣдывали своими устами имя Божіе, а сердцемъ далеко отстояли отъ царства Божія, царства мира и любви; когда они клялись именемъ Божіимъ, и вслѣдъ затѣмъ нарушали свою клятву; мирились, и не отказывались отъ злобы въ сердцѣ: сходились для мира, и тутъ-же обнажали свои мечи другъ противъ друга; когда ни крестная присяга, ни братство, ни родство не спасали отъ козней и злодѣяній, а мелкая корысть руководила дѣйствіями людей и составляла, такъ сказать, самую душу ихъ жизни, когда подъ личиною христіанства жилъ и дѣйствовалъ еще ветхій, языческій человѣкъ, ходившій въ похотяхъ своего „необрѣзаннаго“ сердца. Внутреннее безмиріе, родственныя крамолы и злодѣянія были тогда обычнымъ явленіемъ на Русской землѣ, но Рязанское княжество превзошло въ этомъ отношеніи всѣ княжества. За то ему же суждено было испытать на себѣ и первые удары Татаръ, — этого грознаго посѣщенія гнѣва Божія. Судъ Божій начался съ береговъ Дона и Быстрой Сосны, а потомъ излился и на всю Русскую землю въ видѣ Монгольскаго погрома и тяжкаго двухъ-вѣковаго рабства.

III.

Ливэнское и Воргольское княжества въ эпоху Монгольскаго владычества.

Опустошеніе Рязанской области Монгольскимъ завоевателемъ Батыемъ. — Князья на Ливнахъ и Ворглѣ. — Татарскія слободы въ окрестности г. Ливенъ. — Союзъ Ливенскаго князя съ Воргольскимъ и опустошеніе ими Татарскихъ слободъ. — Месть баскака Ахмата. — Междоусобія въ Ливенскомъ и Воргольскомъ княжествахъ. — Послѣдующая судьба Сосницкаго бассейна и присоединеніе его къ Московскому государству. — Исчезновеніе города Ливенъ.

Въ 1236 году Татары, подъ предводительствомъ Батыя, приблизились къ Рязанскимъ предѣламъ и потребовали себѣ десятины отъ всего. Храбрые Рязанскіе князья отвѣчали, что „когда никого изъ нихъ не останется въ живыхъ, тогда все будетъ ихъ“. Въ то время старшимъ между Рязанскими князьями былъ братъ Ингваря — Юрій Глѣбовичъ. Онъ просилъ помощи во Владимірѣ и Черниговѣ, но никто не помогъ Рязанцамъ, потому что каждый думалъ только о себѣ. Юрій Глѣбовичъ послалъ къ Батыю сына своего Ѳеодора съ дарами, но онъ былъ убитъ. Тогда Юрій, не взирая на малочисленность своего войска, вступилъ въ битву съ Татарами и палъ со всѣми своими витязями. Изъ всѣхъ Рязанскихъ князей, кромѣ Олега Ингваровича, взятаго въ плѣнъ, спасся одинъ только Ингорь, потому что находился тогда съ бояриномъ Евпатіемъ Коловратомъ въ Черниговѣ. Возвратившись въ Рязанскую землю, Ингорь нашелъ ее въ страшномъ запустѣніи. „Тамъ, гдѣ цвѣли города и селенія, остались единственно кучи пепла и труповъ, терзаемыхъ звѣрями и птицами. Убитые князья, воеводы, тысячи достойныхъ витязей лежали рядомъ на замерзломъ ковылѣ, занесенные снѣгомъ. Только изрѣдка показывались люди, которые успѣли скрыться въ лѣсахъ и выходили оплакивать гибель отечества. Ингорь, собравъ іереевъ, съ горестными священными пѣснями предалъ землѣ мертвыхъ. Онъ едва могъ найти тѣло князя Юрія, и привезъ его въ Рязань, а надъ гробомъ Ѳеодора Юрьевича, нѣжной его супруги Евпраксіи и сына, младенца Іоанна, съ которымъ она, узнавъ о судьбѣ своего любимаго супруга, бросилась съ высокаго терема на землю и лишилась жизни, поставилъ каменные кресты, на берегу р. Осетра“ *)

Исторія не говоритъ о томъ, что сталось съ Ливнами въ грозное нашествіе Батыя на Рязанскую область, — уцѣлѣлъ ли нашъ городъ отъ Татарскаго погрома, или

*) Карамзинъ т. III, стр. 276—277.

же, подобно сосѣднимъ городамъ Курску и Ельцу, обращенъ былъ въ кучу пепла и развалинъ и уже послѣ возстановленъ былъ такъ или иначе... Во всякомъ случаѣ берега Дона подверглись большому запустѣнію и поселенія здѣсь стали очень рѣдки а надъ Сосницкимъ бассейномъ утвердилась даже новая княжеская вѣтвь изъ потомковъ Сѣверскаго князя Святослава Ольговича: это были Олегъ и Святославъ. Первый изъ нихъ княжилъ въ Ворглѣ, что нынѣ село Елецкаго уѣзда, а послѣдній, какъ предполагаетъ историкъ Соловьевъ (въ чемъ едва ли даже можно сомнѣваться послѣ открытія г. Звѣрева),—на Ливнахъ. Въ это время обитатели Быстрой Сосны были уже переписаны Татарскими чиновниками и надъ ними, для сбора дани, поставлены были десятники, сотники и темники. Дань собиралась при помощи „правежа“, безъ всякаго милосердія и состраданія къ бѣднымъ. На Ливнахъ доселѣ сохраняется преданіе о Татарской дани, доставлявшейся въ Ламскую слободу, гдѣ жили ханскіе чиновники; разсказываютъ о томъ униженіи, съ какимъ обитатели Ливенъ должны были кланяться языческимъ властителямъ и подносить имъ золото, серебро, дорогіе мѣха и т. п. Самое названіе Ламской слободы, какъ полагаютъ, произошло отъ того, что здѣсь жилъ *Лама*, языческій жрецъ *). Для Ливенцевъ—христіанъ такое близкое сосѣдство язычниковъ было не менѣе тягостно, какъ и самое ихъ иго. Въ послѣдней четверти 13-го вѣка, дань съ Сосницкаго бассейна и сосѣднихъ мѣстъ была откуплена баскакомъ Ахматомъ, сыномъ Темира изъ Хивы. Онъ привелъ съ собою Татаръ и построилъ для нихъ двѣ большія слободы. Слободы эти находились гдѣ-то между Ливнами и Курскомъ. Можетъ быть, въ числѣ этихъ слободъ была и Ламская, въ которой поселился самъ баскакъ. Но, кромѣ Ламской слободы, въ Ливенскомъ уѣздѣ находятся еще два сельца, носящія доселѣ Татарскія названія; это: сельцо *Татарна*, Знаменское тожъ, на ручьѣ *Татарскомъ*, въ 49-ти верстахъ отъ г. Ливенъ, и сельцо *Татарово*, или *Татарино*, при р. Фошнѣ (что впослѣдствіи отошло къ Малоархангельскому уѣзду), на разстояніи 41 версты отъ города. Задумавъ обратить свои слободы въ города, Ахматъ открылъ въ нихъ свободный доступъ всѣмъ бѣглымъ и негодянымъ людямъ. Народонаселеніе въ Татарскихъ слободахъ быстро увеличивалось, и отъ разбоевъ этихъ насельниковъ не стало житья ни князьямъ, ни чернымъ людямъ. Къ большему несчастію, Золотая Орда въ то время распалась на части; въ одной изъ нихъ господствовалъ ханъ Телебуга, которому подчинялись Ливенскій и Ворголъскій князья, а надъ другою властительствовалъ Ногай, которому передался Ахматъ, почему и жаловаться на его притѣсненія было теперь некому.

Ливенскій князь Святославъ и Ворголъскій Олегъ, не смотря на соединявшее ихъ родство, не ладили между собою, тѣмъ болѣе, что и характера были различнаго: первый отличался горячностію и былъ не удержимъ въ своихъ рѣшеніяхъ, а послѣдній

*) Извѣстно, что Монголы, въ первое время своего владычества надъ Русью, были язычниками и приняли исламъ уже при Узбекѣ, въ первой половинѣ XIV-го вѣка.

наблюдалъ осторожность и былъ дальновиденъ въ своихъ поступкахъ. Общая опасность отъ Ахмата и его покровителя Ногая заставила этихъ князей примириться; они цѣловали крестъ на томъ, чтобы думать одну думу, какъ избѣжать большаго зла. Когда же стало имъ тяжело отъ Ахмата и его слободскихъ разбойниковъ, то, по общему уговору, Олегъ отправился въ Орду съ жалобою. Ханъ Телебуга призналъ справедливость жалобы Олега и Святослава, и послалъ имъ на помощь отрядъ Монголовъ съ тѣмъ, чтобы они разорили слободы Ахматовы, а жителей ихъ вывели въ свои волости. Святославъ, еще до возвращенія Олега изъ Орды, мстилъ Ахмату ночными нападеніями на его слободы, только не могъ справиться съ ними; теперь же, съ помощью Татаръ и Воргольской дружины, онъ разгромилъ ненавистныя слободы, и своихъ и Олеговыхъ людей вывелъ оттуда, а другихъ заковалъ въ цѣпи. Узнавъ о разореніи своихъ слободъ, баскакъ Ахматъ отправился къ Ногаю съ жалобою на Ливенскаго и Воргольскаго князей, и такъ говорилъ ему: „Князь Олегъ и родственникъ его Святославъ именемъ только князья, а на самомъ дѣлѣ разбойники, и тебѣ непріятели; если не вѣришь, то испытай: есть въ Олеговой волости много ловищъ лебединыхъ,—такъ пошли своихъ сокольниковъ, пусть наловятъ тебѣ лебедей, и князь Олегъ пусть съ ними же ловитъ, а потомъ пусть они позовутъ его къ тебѣ: если Олегъ послушается, придетъ къ тебѣ,—то я солгалъ, а Олегъ правъ“... Коварное предложеніе Ахмата было принято; Ногай послалъ своихъ сокольниковъ къ Олегу и звалъ его къ себѣ. Хотя Олегъ самъ и не грабилъ слободъ Ахматовыхъ, но люди его помогали грабить, а потому и не пошелъ къ Ногаю; онъ боялся сколько козней Ахмата, столько же и того, чтобы такимъ поступкомъ не раздражить Телебегу, врага Ногаева. Сокольники возвратились безъ лебедей и объявили Ногаю, что Ахматъ правъ, а Олегъ и Святославъ разбойничаютъ и повелѣнія хана не слушаютъ. Теперь, въ свою очередь, Ахматъ получилъ помощь отъ Ногая для опустошенія волостей Олега и Святослава. Былъ январь мѣсяцъ и стояли сильные морозы, когда Ахматъ приближался къ берегамъ Сосны. Воргольскій и Ливенскій князья поспѣшно бѣжали: первый въ Орду, къ своему покровителю Телебугѣ, а второй —въ предѣлы Рязанскаго княжества, въ лѣса Воронежскіе. Воргольскіе бояре, спасавшіеся бѣгствомъ за своимъ княземъ, были схвачены, въ числѣ 11-ти или 13-ти человѣкъ, и представлены Ахмату, который тутъ же велѣлъ разсѣчь ихъ на части, и головы и руки ихъ возить повсюду для устрашенія непокорныхъ баскаку. Вмѣстѣ съ боярами Татары захватили и *странниковъ*, купцовъ Нѣмецкихъ и Цареградскихъ; ихъ также привели къ Ахмату закованными въ нѣмецкія желѣза. Но Ахматъ, освободивъ ихъ отъ оковъ, приказалъ возвратить имъ награбленные товары и даже наградить ихъ окровавленными одеждами убитыхъ бояръ; отпуская же *странниковъ* на всѣ четыре стороны, онъ сказалъ: „Вы, купцы, торгуете, ходите по всякимъ землямъ, такъ разсказывайте повсюду, что бываетъ тому, кто станетъ спорить съ своимъ баскакомъ“. Двадцать дней стояли Татары

въ Воргольскомъ и Ливенскомъ княжествахъ,—воевали здѣсь села и деревни, развѣшивали по деревьямъ головы и руки казненныхъ бояръ, а добычу отправляли въ слободы Ахматовы.

Жители искали спасенія въ бѣгствѣ, прятались въ лѣсахъ и оврагахъ, отмораживали себѣ руки и ноги. Города Ворголъ и Ливны съ окрестными селами опустѣли, а слободы Ахматовы опять наполнились людьми, скотомъ, хлѣбомъ и всякимъ богатствомъ. Возстановивъ свои слободы, Ахматъ оставилъ въ нихъ двухъ своихъ братьевъ съ отрядомъ войска изъ Татаръ и Русскихъ, а самъ поселился въ Курскѣ. Очевидно, онъ опасался мщенія со стороны обиженныхъ имъ князей. Святославъ раньше Олега возвратился изъ своего убѣжища и сталъ вымещать за опустошеніе своего удѣла на слободахъ Ахматовыхъ; онъ перехватывалъ ихъ обозы, подстерегалъ людей и препятствовалъ сообщенію слободъ, такъ что братья Ахматовы находились въ постоянной отъ него опасности. Разъ, какъ-то по веснѣ, братьямъ Ахматовымъ случилось идти изъ одной деревни въ другую; съ ними было 35 человѣкъ русскихъ слугъ и нѣсколько Татаръ. Святославъ подстерегъ ихъ съ своими боярами и легкою дружиною, напалъ на проѣзжихъ и убилъ 25 человѣкъ русскихъ и двухъ Татаръ, а остальные съ братьями Ахмата успѣли спастись въ слободу. Святославъ гнался за ними и напалъ на самую Татарскую слободу; завязалась ожесточенная сѣча; съ той и съ другой стороны пало немало людей. Хотя братья Ахматовы и успѣли отбиться; но, не желая находиться въ постоянномъ страхѣ отъ Святослава, разсудили оставить слободы и перебрались къ брату въ Курскъ, а за ними разбѣжались и остальные слобожане. Послѣ этого Ахматъ предлагалъ даже мировую Святославу, но послѣдній не хотѣлъ вступать съ нимъ ни въ какіе переговоры и даже убилъ самаго посла.

Между тѣмъ изъ Орды возвратился Олегъ Воргольскій. Собравъ и успокоивъ народъ, онъ велѣлъ розыскать по лѣсамъ и дорогамъ члены убитыхъ бояръ и другихъ людей, все еще висѣвшіе по деревьямъ, и совершилъ надъ ними христіанское погребеніе. Въ то время, какъ Святославъ гордился разореніемъ Ахматовыхъ слободъ, Олегъ не одобрялъ этого поступка, будучи увѣренъ, что его не похвалятъ и въ Ордѣ. Во избѣжаніе опасности, онъ послалъ сказать Святославу: „Что это ты, братъ, сдѣлалъ,—правду нашу погубилъ! Доселѣ мы были правы, а теперь стали виноваты. Надлежало искать суда у хана, а ты не хотѣлъ ѣхать къ нему, укрывался въ темнотѣ лѣсовъ, какъ злодѣй, и наложилъ на меня и на себя имя разбойничье; знаешь обычай Татарскій, да и у насъ на Руси разбойниковъ не любятъ. Совѣсть моя чиста, а ты иди въ Орду, оправдайся предъ царемъ“. Иначе смотрѣлъ Святославъ на свои дѣйствія, а потому велѣлъ отвѣтить Олегу: „Изъ чего ты хлопочешь? какое тебѣ дѣло до меня, я самъ знаю про себя; что хочу, то и дѣлаю; а что баскаковы слободы грабилъ, въ томъ я правъ: не человѣка я обидѣлъ, а звѣря,—врагамъ своимъ отмстилъ; не буду отвѣчать ни предъ Богомъ, ни предъ людьми въ томъ, что поганыхъ кровопій-

цевъ избилъ". Послѣ этого Олегъ рѣшился расторгнуть союзъ съ Святославомъ и велѣлъ объявить ему: „Мы цѣловали съ тобою крестъ на томъ, что ходить намъ по одной думѣ обоимъ; когда рать была, то ты со мною къ царю не бѣжалъ, остался въ Руси, спрятался въ Воронежскихъ лѣсахъ, чтобы послѣ разбойничать; а теперь погубилъ и мою и свою правду, нейдешь ни къ своему царю, ни къ Ногаю на неправу; такъ тебя со мною Богъ разсудитъ". Объявивъ разрывъ Святославу, но не желая самоуправствовать, Олегъ отправился въ Орду и представилъ поступокъ бывшаго своего союзника на усмотрѣніе хана. Въ Ордѣ и прежде не долюбливали Ливенскаго князя за то, что тотъ не ѣздилъ туда, не возилъ подарковъ, не искательствовалъ предъ ханомъ и его мурзами, а теперь сочли его еще ослушникомъ и разбойникомъ. Олегъ получилъ отъ хана отрядъ Татарскаго войска для наказанія Святослава. Такимъ образомъ, между двумя сосѣдними и родственными князьями открылось междоусобіе. Олегъ, съ помощью Татаръ, одолѣлъ Святослава и убилъ его; послѣ чего Ливенское княженіе досталось брату Святослава—Александру. Новый Ливенскій князь рѣшился отмстить сопернику своего брата и дѣйствовалъ противъ него его же политикою. Онъ поѣхалъ въ Орду съ богатыми дарами, заслужилъ расположеніе хана и вельможъ, которые дали ему отрядъ войска въ помощь противъ Олега. Новое междоусобіе на берегахъ Сосны кончилось тѣмъ, что Олегъ Воргольскій былъ убитъ съ двумя своими сыновьями *). Такъ, къ бѣдствіямъ отъ Татаръ присоединялись еще для обитателей Сосны смуты и пролитіе крови отъ своихъ владѣтелей. Не менѣе возмутительныя сцены совершались тогда и на другой половинѣ нынѣшней Орловской губерніи, на берегахъ р. Десны и Снѣжети. Въ Брянскѣ князь Василій, съ помощью Татаръ, убиваетъ родственника своего князя Святослава и сосѣда своего, князя Карачевскаго. Въ Карачевѣ князь Андрей Мстиславичъ падаетъ отъ руки своего племянника Василія Пантелѣевича. Вездѣ корысть и месть на первомъ планѣ.

Убійца Воргольскаго князя Олега Александръ, по видимому, былъ послѣднимъ княземъ на Ливнахъ. Послѣ того города Ливны и Ворголъ, не разъ опустошенные, уступаютъ первенство Ельцу, который, въ зависимости отъ Рязанскаго княжества, пріобрѣтаетъ господство на берегахъ Быстрой Сосны и имѣетъ собственныхъ князей. Отселѣ все, что совершается въ Ельцѣ, такъ или иначе отзывается и на Ливнахъ. Въ то время уже начало усиливаться великое княжество Московское, и обитатели р. Сосны оказываютъ къ нему видимое тяготѣніе. Такъ, Елецкій князь Ѳеодоръ принимаетъ участіе съ своимъ полкомъ въ походахъ Димитрія Донскаго и помогаетъ ему въ Куликовской битвѣ противъ Мамая **). Въ 1389 году Елецкій князь Юрій съ своими боярами и многими людьми встрѣчаетъ митрополита Пимена, на пути къ Царь-

*) Исторія Россіи Соловьева, т, 3, стр. 267—270. Карамзинъ, т. IV, стр. 132—135.

**) Соловьевъ, т. 3, стр. 348.

граду, и оказываетъ ему въ своей области „радость и честь великую“ *). Берега Сосны поразили спутниковъ Пимена своею пустынностію и дикостію: „не бѣ бо видѣти тамо,—говорится въ Хожденіи митрополита Пимена къ Царю-Граду,—ничто же, ни града, ни села, пустошь все и не населено, нигдѣ бо видѣти человѣка, точію пустыня велія и звѣрей множество“. Скоро потомъ Сосницкій бассейнъ подвергся еще опустошенію отъ страшнаго Тамерлана, который взялъ въ плѣнъ Елецкаго князя и стоялъ здѣсь около пятнадцати дней **). О томъ бѣдствіи, какому подверглись теперь обитатели Сосны, можно судить на основаніи угрозы Саинъ-Гирея, спустя почти пятьдесятъ лѣтъ хвалившагося сдѣлать и съ Пронскомъ тоже, что сдѣлалъ Тамерланъ съ Ельцомъ ***). А между тѣмъ Татары долго еще не переставали нападать на берега Сосны. Въ 1415 году, подъ предводительствомъ своего царя, они воевали Елецкую землю, взяли городъ Елецъ и убили его князя ****); при чемъ, конечно, пострадало и верховье Сосны. Въ 1472 году Татары опять воевали окрестности Сосны и сожгли Алексинъ. Въ 1480 году ханъ Золотой Орды Ахматъ опустошилъ берега Зуши и, слѣдовательно, проходилъ по сѣверной границѣ Ливенскаго уѣзда. На Ливенскихъ поляхъ не разъ кипѣлъ бой между Ордынскими наѣздниками и Русскими отрядами. Объ одной изъ такихъ битвъ мы находимъ слѣдующее сказаніе въ Исторіи Татищева: „1492 года мѣсяца Іюня въ 10 день, приходили Татарове, Ордынскіе казаки, въ головахъ приходилъ Темешемъ зовутъ, а съ нимъ 220 казаковъ, во Алексинъ, на волость на Вошанъ, и пограбивъ, поидоша назадъ, и пріидоша погоня Великаго Князя за ними. Осдоръ Колтовской, да Горянинъ Сидоровъ, а всѣхъ ихъ 64 человѣка, и учинился имъ бой въ полѣ промежъ Трудовъ и быстрыя Сосны, и убиша погани Великаго Князя 40 человѣкъ, а Татаръ на томъ бою убили 60 человѣкъ, а иные, идучи Татарове во Орду ранены, на пути изомроша“ *****). Вообще умалчиваніе лѣтописцевъ о Ливнахъ въ теченіи 14 и 15 вѣковъ, при совершавшихся многихъ важныхъ событіяхъ у береговъ Быстрой Сосны, можно принимать за несомнѣнное доказательство того, что если въ то время и не угасла совершенно жизнь у верховья Сосны, то, во всякомъ случаѣ, у устья Ливенъ не было уже города, повидимому не уцѣлѣло и какого—либо поселенія; здѣсь все стало „дикимъ полемъ“, заросло травою и мелкимъ кустарникомъ, за которымъ, по берегамъ Лѣсной и Полевой Ливны, сейчасъ же видѣлся Красный лѣсъ.

---

*) Русскій Временникъ, ч. I, стр. 244.

**) Карамзинъ, т. V, стр. 166.—Соловьевъ, т. V, стр. 22.

***) Соловьевъ, т. V, стр. 73.

****) Русскій Временникъ, ч. 2, стр. 282.

*****) Исторія Россійская Татищева, кн. V, стр. 114.

IV.

Присоединеніе Соснинскаго бассейна къ Московскому государству и сторожевое значеніе его въ виду Крымскихъ набѣговъ.

Переходъ Соснинскаго бассейна подъ власть Московскихъ государей.—Крымскія дороги въ области Ливенскаго уѣзда: Муравская, Калміюская и Пахнутцова.—Слѣды этихъ дорогъ въ настоящее время.—Сторожевое положеніе Ливенскаго края.—Набѣги Крымцевъ и преслѣдованіе ихъ Московскими воеводами.—Сторожи на Ливнахъ и по всему Соснинскому бассейну въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго.—Выжиганіе Ливенскихъ степей.—Усиленіе Ливенской сторожи въ 1575 году.—Слѣды стоянки воеводъ на Ливнахъ предъ устройствомъ „большаго острога".

Послѣ Монгольскаго владычества, обратившаго Присоспинскій край въ дикую пустыню, жизнь у завѣтнаго устья Ливенъ стала обнаруживаться лишь съ переходомъ Соснинскаго бассейна подъ власть великихъ князей Московскихъ, что совершилось при Іоаннѣ III-мъ (1462—1505). Этотъ государь передалъ, по духовному завѣщанію, сыну своему Василію Іоанновичу „всѣ Елецкія мѣста" *), подъ которыми, безъ сомнѣнія, разумѣлись и берега Лѣсной и Полевой Ливенъ; а при сынѣ этого послѣдняго государя, царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, здѣсь должна была возникнуть новая жизнь, полная бранной тревоги и кипучей дѣятельности. Этому способствовало появленіе на политическомъ горизонтѣ Россіи новыхъ враговъ—Крымскихъ Татаръ.

Крымское царство, какъ извѣстно, образовалось изъ Татарскихъ улусовъ, расположенныхъ по сѣверному берегу Чернаго моря. Когда Золотая Орда стала клониться къ паденію, Крымскіе ханы, изъ династіи Гиреевъ, рѣшились отложиться отъ нея и нерѣдко вступали по этому случаю въ союзъ съ Московскими государями. Такъ было особенно при Іоаннѣ III. Но лишь только Крымцамъ удалось на развалинахъ Золотой Орды утвердить свою независимость, какъ они изъ союзниковъ сдѣлались непримиримыми нашими врагами и иногда простирали свои набѣги до самой столицы.

Обыкновенно, Крымскіе Татары пользовались четырьмя дорогами для вторженія въ предѣлы Московскаго государства: ***Муравскою, Калміюскою, Пахнутцовою*** или ***Пахнутцною*** и ***Свиною,*** изъ которыхъ три первыя пролегали по Ливенскому уѣзду и сходились у устья Ливенъ. ***Муравская*** дорога пролегала въ области рѣкъ—Кщеневой (нынѣ Кшень) и Тима. Обѣ эти рѣки берутъ начало въ нынѣшней Курской

*) См. примѣчаніе 222 къ V тому Исторіи Соловьева.

губерніи и впадаютъ въ р. Быструю Сосну: первая—„выше г. Ливенъ верстъ съ 15“, а вторая—„ниже г. Ливенъ версты съ 3“ *). Пролегая между ними, Муравская дорога держалась ближе р. Кшеневой, чѣмъ Тима, и шла отъ нея „верстахъ въ 3 или 4“, такъ что *колодези* Кобылей, Долгой и Плоской находились по лѣвую сторону этой дороги; далѣе, пролегая между Сосною и Кшеневою, она приводила къ переправѣ чрезъ р. Сосну „подъ городомъ Ливнами“, поднималась къ верховьямъ рѣчекъ „Лѣсной Ливны“ и „Полевой Ливны“ и, оставляя отъ себя влѣво р. Любовшу, а вправо р. Чернаву, направлялась къ рѣчкѣ Ворголу, гдѣ вступала уже въ Елецкій уѣздъ. Въ книгѣ Большаго Чертежа направленіе *Муравскаго шляха* описывается съ сѣвера на югъ, отъ г. Тулы до Крыма. Приводимъ это описаніе Муравской дороги на пространствѣ лишь Ливенскаго уѣзда: „а проѣхавъ верховье рѣки Мечи, черезъ дорогу течетъ въ рѣку Мечу колодезь Гоголь, да Гоголька; а отъ колодезя отъ Гоголя къ рѣчкѣ къ Ворголу; а переѣхавъ Ворголъ, по правой сторонѣ дороги, верховье рѣки Зуши, да рѣки Любовши; и ѣхать Муравскою дорогою къ верху рѣчкамъ Ливнамъ... А подъ Ливнами перелѣзши рѣку Сосну подъ городомъ и ѣхать Муравскою дорогою въ верхъ по рѣкамъ, по Тиму да по Кшеневой: а рѣка Тимъ по праву Муравскія дороги, а Кшенева по лѣву Муравскія дороги. А ѣдучи въ верхъ тѣми рѣками, на правѣ, подлѣ Муравскія дороги колодезь Кобылей, отъ города Ливенъ верстъ съ 15. А по лѣвой сторонѣ Муравскія дороги отъ Кобылья колодезя, колодезь Долгой, да колодезь Плоской, межъ ихъ верстъ по 10. А по лѣву Муравскія дороги рѣка Кшенева-жъ. А отъ Плоскова колодезя ѣхати къ Росходецкой дубравѣ, а та дубрава по обѣ стороны Муравской дороги, а въ Росходецкой дубравѣ два озера, а отъ Плоскаго до озерокъ верстъ съ 30. А отъ Росходецкія дубравы и озерокъ ѣхать къ Савинскому колодезю, а Савинской колодезь на правѣ Муравскія дороги, а палъ тотъ колодезь въ Тимъ. А межъ Росходецкія дубравы и Савинсково колодезя верстъ съ 20. А отъ Савинскаго колодезя ѣхати къ Становымъ лѣскамъ, а между того проѣзду верстъ съ полтретьятцать (25), а въ Становыхъ лѣскахъ вода худа дождевая. А отъ Становыхъ лѣсковъ ѣхати къ Пузацкому лѣсу“.

Калміюская дорога вела Крымскихъ Татаръ съ Валуйки на Осколъ къ р. Олыму; потомъ, по переправѣ черезъ р. Олымъ, шла въ области Олыма и Кшеневой, а по переправѣ чрезъ послѣднюю сходилась съ Муравскою дорогою и выводила къ Ливнамъ. Въ Книгѣ Большаго Чертежа, показывающей направленіе этой дороги съ сѣвера къ югу, говорится: „Дорога-жъ отъ Ливенъ на Осколъ, да на Валуйку, да въ Царевъ-Городъ, Калміюская: ѣхати съ Ливенъ. Подъ Ливнами перелести Сосну, и рѣку Кшеневу перелести. А переѣхавъ рѣку Кшеневу, ѣхать къ рѣкѣ Олыми, да рѣка Олымъ перелести. А отъ рѣки отъ Олыми, по правой сторонѣ Калміюскія дороги, рѣчка Горосимъ, пала въ Осколъ выше города Оскола“... Кромѣ переправы подъ

*) См. Книгу Большаго Чертежа.

Ливнами, Калміюская дорога имѣла и другой бродъ, ниже Ливенскаго: „ниже Олыма версты съ 3, пала въ Сосну рѣка Черпава, а на устьѣ рѣки Черпавы, на Соснѣ, бродъ: Калміюская дорога“.

Пахнутцова дорога касалась западной границы Ливенскаго уѣзда и шла по той его части, которая позднѣе отошла къ Малоархангельскому уѣзду: здѣсь Муравская и Изюмская дороги сходились съ Пахнутцовою: „а приходятъ тою Пахнутсковою дорогою Татаровя съ Муравскія и съ Изюмскія дороги отъ Семи, отъ Мѣловаго броду... А на устьѣ Луковца колодезя (притокъ р. Сосны съ Ногайской стороны) Татарской перелазъ, бродъ въ Русь. А ниже Луковца пала въ Сосну рѣчка Хвошна (Хвощна) отъ Ливенъ верстъ съ полъ 30 (т. е. съ 25), а на устьѣ Хвошны бродъ на Соснѣ, ходятъ Татара въ Русь... А ниже Трудовъ на Соснѣ *Кирпичной* бродъ, выше города Ливенъ версты съ 3“.

Такимъ образомъ, Крымскіе Татары на пространствѣ Ливенскаго уѣзда имѣли пять „перелазовъ“ или бродовъ чрезъ р. Сосну: усть Луковца, усть Хвошни, усть Трудовъ, усть Ливенъ и усть Черпавы; изъ нихъ первые три принадлежали Пахнутцовой дорогѣ, четвертый Муравскому шляху, а пятый Калміюской дорогѣ. Что-же касается четвертой—*Свиной* дороги, то она вела Татаръ отъ Рыльска до Болхова. „А тою Свиною дорогою,—говорится въ Книгѣ Большаго Чертежа,—прихаживали (перехаживали) отъ Днѣпра Бѣлогородскіе (т. е. Аккерманскіе) Татарове, на Рыльскіе, и на Карачевскіе, и на Орловскіе, и на Болховскіе уѣзды, хаживали Бокай мурза, какъ не было польскихъ (т. е. со стороны поля) городовъ“ *). Калміюская дорога,—говоритъ г. Артемьевъ,—теперь совершенно забыта и потеряна. Муравская и Изюмская еще извѣстны и донынѣ подъ именемъ „Муравки“, хотя и не вездѣ пролегаютъ чрезъ тѣ самыя урочища, какія упоминаются въ книгѣ Большаго Чертежа. Часть Муравской дороги, идущая отъ Ливенъ на сѣверъ, къ Тулѣ, хотя также потерялась изъ памяти народа, однако и теперь названія нѣкоторыхъ мѣстностей прямо указываютъ ея направленіе и разныхъ вѣтвей ея: дорогъ Лѣсной, Свиной, Пахнутцовой. Такъ, на нынѣшней Новосильской дорогѣ, въ 22 верстахъ отъ Ливенъ, при р. Любовшѣ, есть деревня Русскій Бродъ, а нѣсколько далѣе сельцо Татарскій бродъ. По дорогѣ къ г. Ефремову, въ 5 верстахъ отъ Ливенъ, ниже соединенія Лѣсной и Полевой Ливенокъ, на берегахъ видны остатки старинныхъ укрѣпленій. Упоминаемые въ Книгѣ Большаго Чертежа „татарскіе перелазы“ или броды чрезъ р. Сосну въ настоящее время существуютъ тамъ же, гдѣ были описаны 300 лѣтъ назадъ. Выше города: на устьѣ р. Луковца, въ нынѣшнемъ Малоархангельскомъ уѣздѣ; при устьѣ р. Фошни, на самой границѣ Ливенскаго уѣзда съ Малоархангельскимъ: близъ устья р. Трудовъ, который и называется, какъ встарину, Кирпичнымъ; наконецъ бродъ въ самомъ го-

*) См. въ Книгѣ Большаго Чертежа о *Муравской* дорогѣ стр. 2—14, 17, 19, 87, 115; о *Калміюской*—4, 19—23, 31, 36, 43, 46; о *Пахнутцкой*—4, 87, 106, 107; о *Свиной*—83, 84, 107, 108, 113.

родѣ; далѣе, ниже города — бродъ чрезъ р. Кшень, при впаденіи ея въ Сосну, потомъ бродъ чрезъ рѣку Олымъ *).

Такимъ образомъ берега Быстрой Сосны, составлявшіе южную окраину Московскаго государства, первые подвергались нападенію Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ **), а отсюда бѣдствія Татарскаго нашествія проносились уже и внутрь государства. Для Московскаго правительства весьма важно было вовремя освѣдомляться о появленіи враговъ, чтобы принимать противъ нихъ соотвѣтственныя мѣры. Съ этою цѣлію еще съ XIV вѣка на Быстрой Соснѣ ставились караулы или сторожи для наблюденія за Ордынцами. Такъ, въ 1380 году, великій князь Московскій Димитрій Ивановичъ посылалъ своихъ „оружниковъ Родіона Ржевскаго, Андрея Волосатаго, Василія Тупина и иныхъ крѣпкихъ на сіе и мужественныхъ, и велѣлъ имъ на Быстрой и Тихой Соснѣ стеречь со всякимъ опасеньемъ и подъ Орду ѣхать языка добывать и истину увѣдать Мамаева хотѣнія“ ***). Когда же посланные замедлили извѣстіемъ, то великій князь отправилъ новыхъ сторожей: Климента Поленика, Ивана Святослава и Григорія Судока. 5 сентября пришли со сторожъ Петръ Горскій и Карпъ Олексинъ и привели въ языкахъ одного изъ вельможъ Мамаевыхъ, а чрезъ день прибѣжали къ великому князю еще 7 сторожей съ вѣстями о движеніи Мамая. Выше было упомянуто нами, что, когда въ 1492 году Татары грабили Алексинскую волость, то станичники, дѣти боярскіе, Ѳедоръ Колтовскій и Горянинъ Сидоровъ, всего 64 человѣка, догнали Татаръ между рр. Трудами и Быстрою Сосною и имѣли съ ними бой; значитъ, и при Іоаннѣ III-мъ берега Быстрой Сосны были на виду у Московскаго правительства. О высылаемыхъ сюда Московскихъ сторожахъ мы знаемъ и изъ дипломатической переписки Іоанна III-го съ Польско-Литовскимъ королемъ, которому принадлежалъ г. Мценскъ. Когда король жаловался на захватъ и опустошеніе сосѣднихъ Литовскихъ волостей подданными Великаго Князя, Іоаннъ Васильевичъ велѣлъ отвѣтить ему: „свои убытки (шкоды) поминаешь, а о нашихъ забылъ, сколько нашихъ именитыхъ людей твои люди побили; ѣздили наши люди на поле оберегать христіанство отъ басурманства, а твои люди на нихъ напали изъ Мценска, перебили сторожей нашихъ на Донцѣ, ограбили сторожей Алексинскихъ“ ****). При великомъ князѣ Василіѣ Іоанновичѣ бдительность Московскаго правительства по отношенію къ берегамъ Быстрой Сосны и вообще къ украиннымъ мѣстамъ должна была увеличиться: въ это время Крымскіе Татары изъ года въ годъ открываютъ губительные свои набѣги, при чемъ р. Сосна служила для нихъ своего рода воротами въ Московское го-

*) См. «Орловскія Губернскія Вѣдомости» 1860 г., № 24.

**) Такъ-называемые Малые Ногаи, по паденіи Золотой Орды, занимали степи отъ Кавказскихъ горъ къ Кубѣ, Манычу, Азовскому и Черному морямъ.

***) Чтен. Москов. Общ. истор. и др. Росс. 1846 г. № 4, стр. 6, прим. 3.

Еще раньше этого случая, около 1360 года, въ грамотѣ Митрополита Алексѣя на Червленый Яръ, упоминается о караулахъ по Хопру и Дону.

****) Соловьевъ, т. V, стр. 133—134.

сударство. Извѣстно, что въ 1507 году, по вѣсти, что „идутъ многіе люди Татарове на полѣ, а чаютъ ихъ приходу на украйну, на Бѣлеву и на Бѣлевскія мѣста, и на Одоевскія и на Козельскія“, великій князь послалъ изъ Москвы къ Бѣлеву воеводъ, князя Ивана Холмскаго и князя Константина Ушатаго, съ которыми должны были соединиться князья: Василій Одоевскій, Иванъ Михайловичъ Воротынскій, да намѣстникъ Козельскій князь Александръ Стригинъ. Когда къ воеводамъ пришло извѣстіе, что „Татарове, поимавъ на украйнѣ много полону, прочь пошли, и воеводы, положивъ упованіе на Бога, пондоша за ними въ погоню на поле и угониша ихъ на Окѣ, и Божіею милостію, и Государевымъ здравіемъ, и счастіемъ великаго князя Василія Ивановича всея Русіи, многихъ Татаръ побиша, а иныхъ живыхъ поимаша, а полонъ весь назадъ возвратиша, и гоняли ихъ до рѣчки до Рыбницы, мѣсяца Августа въ 9 день, въ понедѣльникъ“ *). Въ 1512 году Крымскій салтанъ Махмутъ перешелъ черезъ р. Быструю Сосну и устремился къ Рязани; но на пути узналъ, что его поджидаютъ Московскіе воеводы со многими людьми, и „воротился съ украйны, а воеводы Великаго Князя за нимъ ходили на поле до Сернавы (Чернавы), да его не дошли“. Это было въ Іюнѣ мѣсяцѣ, а въ Октябрѣ того же года сынъ Менгли-Гирея, салтанъ Бурнашъ-Гирей, проникъ до Рязани и „острогъ взялъ“ **). Въ 1517 году Крымцы, въ числѣ 20000 человѣкъ, опять воевали за Сосною, но походъ этотъ былъ особенно неудаченъ для нихъ. Главные Московскіе воеводы, князь Василій Семеновичъ Одоевскій да князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, послали противъ Татаръ дѣтей боярскихъ съ немногими людьми, „Ивашку Тутыхина, да Волконскихъ князей, и велѣли имъ со всѣхъ сторонъ Татарамъ мѣшати, дабы не воевали, а сами пошли за ними на Татаръ; прежніе же люди, Ивашка Тутыхинъ съ товарищи, пришедъ, начали мѣшать Татарамъ со всѣхъ сторонъ, и не дали имъ воевать; да у нихъ многихъ людей побили. Татарове же, послышавъ Великаго Князя воеводъ, скоро возвратилися, а напередъ ихъ сокрылися по лѣсамъ пѣшіе люди немногіе украинные, да имъ дороги засѣкоша, и многихъ Татаръ побиша, а напередъ люди отъ воеводъ приспѣвше конные, начали Татаръ топтати. и по бродомъ и по дорогамъ побивати, а пѣшіе люди украинскіе по лѣсамъ ихъ бити, и Божіимъ пособіемъ многихъ Татаръ плѣнили и побили, а иные многіе по рѣкамъ истопоша. а иныхъ живыхъ поимали; такова бо бяше тогда Божіею помощію на Татаръ побѣда, якоже слышахомъ отъ достовѣрныхъ, паче же и отъ самихъ Татаръ, которые приходили послѣди того изъ Крыма, яко отъ 20,000 мало ихъ въ Крымъ явилось, но и тѣ пѣши, босы и наги“. ***) Въ 1521 году Крымскій ханъ Магметъ-Гирей осаждалъ самую Москву, а чрезъ два года Сапнъ-Гирей „приходилъ на Рязань и посады пожегъ“, но былъ скоро обращенъ

*) Татищевъ, кн. V. стр. 157.
**) Тамъ-же, стр. 167—168.
***) Тамъ-же, стр. 180—181.

въ бѣгство. Въ малолѣтство царя Ивана Васильевича было тоже. Даже зима не удерживала Крымцевъ отъ набѣговъ. Такъ въ Декабрѣ 1545 года Крымскій царевичъ Иминъ-Гирей приходилъ войною „на украинскія мѣста, Бѣлевскія и Одоевскія и поплѣнилъ многихъ людей“ *). Особенное вниманіе Москвы обращено было на Сосницкій бассейнъ во второй половинѣ 16-го вѣка; въ это время, обыкновенно въ лѣтнюю пору, стали высылать сюда сторожевые отряды со станичными головами, строили здѣсь острожки, заграждали переправы чрезъ рѣки, дѣлали лѣсные завалы по дорогамъ, поджигали степь, чтобы лишить непріятеля подножнаго корма, и т. под. Въ 1571 году царь Иванъ Васильевичъ Грозный, желая болѣе обезпечить южныя границы своего государства отъ внезапныхъ набѣговъ Крымцевъ, поручилъ завѣдываніе сторожевою и станичною службою боярину князю Михаилу Ивановичу Воротынскому съ товарищами—княземъ Михаломъ Тюфякинымъ и дьякомъ Ржевскимъ **). Изъ разспросовъ, сдѣланныхъ ими станичникамъ и сторожамъ, оказалось, что въ числѣ 73 сторожъ была сторожа на р. Соснѣ усть Ливенъ, на которой стояло 10 человѣкъ сторожей, по два сторожа отъ каждаго изъ пяти сосѣднихъ городовъ: Данкова, Епифани, Дѣдилова, Новосили и Мценска, а стерегли они „съ усть Ливенъ на право до усть Трудовъ 6 верстъ, а на лѣво до усть Куноча 15 верстъ“. Кромѣ того, на пространствѣ Ливенскаго уѣзда были сторожи: на усть Чернавы, гдѣ стерегли изъ тѣхъ же городовъ по два человѣка, съ разъѣздомъ на—право до усть Кунача 15 верстъ, а на—лѣво до Радушкина лѣса 8 верстъ, а „та Чернавская сторожа отъ усть Ливенскія сторожи“; на Любовшѣ усть Корытнова стояло 4 сторожей изъ городовъ Мценска и Новосили, по 2 человѣка отъ города, съ переѣздомъ „на право усть Любовши верстъ съ семь“; на Соснѣ усть Рѣчицы стерегло 6 человѣкъ изъ тѣхъ же городовъ, а берегли они „на лѣво по Соснѣ на подолъ до усть Трудовъ верстъ съ 10, а на право вверхъ по Соснѣ до Вязовика верстъ съ семь“; на Соснѣ до устья Хвощны стояло 6 человѣкъ изъ тѣхъ же городовъ, охраняли „на лѣво до Вязовика до Нижняго Рогу верстъ съ шесть, а на право вверхъ по Соснѣ до Моклока колодезя верстъ съ семь“; усть Колпны стерегли изъ Мценска 6 человѣкъ „на лѣво внизъ по Соснѣ до усть Моклока верстъ съ семь, а на право вверхъ по Соснѣ до усть Кобыля верстъ 13“; наконецъ,—на Соснѣ въ Луковцѣ стояло 6 человѣкъ, по 3 человѣка изъ Мценска и Орла, чтобы „беречь имъ на лѣво до усть Кобыля, а на право вверхъ по Соснѣ до Губки, на болото и до ржавой Сосны“ ***). Всѣ эти сторожи въ 1571 году осмотрѣны были товарищами Воротынскаго—княземъ Тюфякинымъ и дьякомъ Ржевскимъ, которые опредѣлили для нихъ разъѣзды и оставили мѣтки для ѣздоковъ, гдѣ имъ съѣзжаться другъ съ

*) Тамъ-же, стр. 253—254.
**) См. Истор. Р. Соловьева, изд. 4, т. 7, стр. 25 и д.
***) Смотр. статью Бѣляева «О сторожевой, станичной и полевой службѣ».

другомъ. Въ томъ же 1571 году, послѣ набѣга Крымскаго хана Девлетъ-Гирея, чтобы лишить Крымцевъ возможности скрывать свои движенія отъ нашихъ степныхъ сторожей, велѣно было выжечь всѣ степныя пространства Сосницкаго бассейна. Станицы изъ Данкова жгли степь „по правой сторонѣ Дону до усть Мечи и до усть Сосны Быстрыя". Изъ Дѣдилова и Кропивны выжигали поле „по Любовшѣ на подолъ до усть Орива (Орева), а по Ориву на гору и до верховья *, а съ верховья Орива да по верхъ Локотцовъ да къ верхъ Смейка большого**) и къ верхъ Чернавѣ, а сверхъ Чернавы межъ Турова и Богданова (лѣсовъ) къ усть Кунячу до Быстрыя Сосны; да межъ Мечи и Быстрыя Сосны отъ Зеленкова броду до усть Воронежа межъ всѣхъ рѣчекъ жечь не пропуская; да за Сосну межъ Оломи (Олыма) и Кизиевы (Кщеневой или Кшени) и межъ Кизиевы и Тима и до верховья тѣхъ рѣкъ". Изъ Новосили: „до усть Грязскія Зуши и Любовши и къ усть Ориву, да по Ориву на гору и до верховъ, да къ верхъ Локотецкимъ верхамъ, да къ верхъ Смейку и къ верхъ Чернавѣ, да по Соснѣ на гору до усть Хвощны, да отъ Сосны Хвощенскою дорогою до Неручи и до усть Озерны; тѣ мѣста выжечь всѣ сряду не пропуская". Изъ Мценска „жечь отъ усть Озеренъ по Неручи на гору и до верховья, да поперекъ Липовицы и Купача и до Росткова и до Сосны и до усть Хвощны, да за Сосну до усть Тима, и по Тиму на гору до верховья и поперегъ Косожи и Щигра" ***). Роспись мѣстъ, подлежавшихъ пожару, составляетъ древнѣйшее указаніе на степныя пространства въ предѣлахъ Ливенскаго уѣзда.

Между Сосницкими сторожами особеннымъ вниманіемъ правительства пользовалась та, которая находилась усть Ливенъ. Въ 1575 году царь Иванъ Васильевичъ Грозный послалъ сюда воеводами Михаила Долматовича Карпова да посла Ивашкина, съ которыми находились станичные головы, станичники, вожи и сторожа. Въ 1576 году воеводами „на Сосну усть Ливенъ" назначены были князь Иванъ Охлябининъ и Михайло Назарьевъ. Обязанность Ливенскихъ воеводъ состояла въ доставленіи наискорѣйшихъ вѣстей о приходѣ воинскихъ людей. Но такъ какъ оказалось, что Ливенскіе стоялые головы не могли въ этомъ отношеніи предупреждать Оскольскихъ и другихъ головъ, то въ 1577 году Государь воеводамъ и головамъ „на Соснѣ усть Ливенъ быть не велѣлъ", и съ того времени они были отмѣнены. Однакожъ, двухлѣтнее пребываніе воеводъ съ значительнымъ числомъ служилыхъ людей не могло не оставить своего слѣда на Ливнахъ. Такимъ слѣдомъ, по всей вѣроятности, нужно признать тотъ „малый острожокъ", который послѣ охваченъ былъ большимъ острогомъ и служилъ своего рода кремлемъ для послѣдняго. Въ этомъ острожкѣ, какъ увидимъ да-

*) У ручья Оревскаго нынѣ стоитъ село Орево. Въ писцовыхъ книгахъ 17 вѣка ручей этотъ называется рѣчкою: „устья тое жъ рѣчки Оревы, что впала въ рѣку Любовшу".

**) „Сменецкой и Локотецкій верхи" составляли впослѣдствіи границу между Краснымъ и Серболовымъ станами Ливенскаго уѣзда.

***) См. тамъ же.

лѣе, было четыре церкви, изъ которыхъ двѣ, спустя двадцать девять лѣтъ послѣ основанія большаго острога, называются уже ветхими, тогда какъ въ это время не успѣла обветшать ни одна изъ церквей большаго острога; равно и на кабацкомъ дворѣ въ маломъ острожкѣ избы были ветхи: ясно, что „малый острожокъ“ древнѣе по своему устройству большаго острога. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ церквей малаго острожка были „строенья поповскаго“, арендовались „у вдовъ попадь“ и не имѣли при себѣ пашни и покосовъ, тогда какъ причты новыхъ посадскихъ острожныхъ церквей были удоволены и „пахапою землею“, и „сѣнными покосами“. Ко времени же царя Іоанна Васильевича можетъ быть отнесено и заселеніе Бѣломѣстной казачьей слободы, „что за р. Сосною, на десятинной землѣ, что пахали на Государя города Ливенъ посадомъ и уѣздными людьми“. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что городъ Ливны, послѣ долгаго исчезновенія изъ памяти исторіи, воззванъ былъ къ новой жизни царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, а преемнику его, царю Ѳеодору Іоанновичу, принадлежитъ честь только большаго расширенія, укрѣпленія и населенія не только города, но и всего Верхососенья.

V.

Устройство и населеніе города Ливенъ въ концѣ 16-го вѣка.

Обстоятельства возникновенія города Ливенъ и укрѣпленіе его сторожами. – Древнѣйшее описаніе города Ливенъ. – Малый острожокъ: церкви, дворы, лавки и столы, кузницы, дворъ кабацкій, розрядная изба, Ливенская тамга. – Большой острогъ. – Слободы въ острогѣ: Стрѣлецкая, Пушкарская, Ямская и Казачья. – Сергіевскій монастырь: его церкви, братія, крестьяне и вотчины съ угодьями. – Бѣломѣстная слобода. – Государева мельница. – Составъ населенія г. Ливенъ. – Земли и угодья Ливенскихъ служилыхъ людей. – Общее число церквей и приходскихъ дворовъ въ г. Ливнахъ. – Мирный договоръ на Ливнахъ съ Крымцами.

Во второй половинѣ 16-го вѣка Крымскіе Татары, подъ вліяніемъ мести за покореніе царствъ Казанскаго и Астраханскаго, особенно усилили свои набѣги на Московскую украйну; область Быстрой Сосны была испещрена ихъ *санмами* (слѣдами). Уже въ самый годъ покоренія Казани (въ 1552 г.) Крымскій ханъ Девлетъ—Гирей по Муравскому шляху пробрался до Тулы, но былъ остановленъ нашими воеводами и отброшенъ въ степи, за Сосну. Въ слѣдующемъ году хана опять ожидали на

украйнѣ, почему онъ предпочелъ идти „на Черкасы“; тѣмъ не менѣе отрядъ Крымцевъ, въ числѣ 50 человѣкъ, появился въ окрестностяхъ г. Мценска; Мценскій воевода отразилъ смѣльчаковъ и пять человѣкъ изъ нихъ послалъ „съ языками“ въ Москву. Въ 1555 году было новое, большое нашествіе Татаръ на Ливенскія и Новосильскія мѣста. Въ это время царь Іоаннъ Васильевичъ послалъ на стада Крымскія, въ Мамай лугъ, воеводъ Ивана Васильевича Шереметева съ товарищами, и „велѣлъ имъ промыслить, на стада послать Крымскія, а самимъ того беречи“. Воеводы шли Муравскою дорогою, усть Ливенъ. Тутъ прибѣжалъ къ нимъ сторожъ отъ Св. горъ да станичникъ Лаврентій Ростовскій съ вѣстью, что Крымскій царь перешелъ уже Донецъ и съ многими людьми идетъ на Рязанскія или Тульскія украйны. Воеводы, давъ знать о томъ Государю, немедленно „воротились, а пошли подъ сакму“. Царь Іоаннъ Васильевичъ самъ выступилъ въ походъ. Въ Тулѣ его застало извѣстіе, что Шереметевъ, „идучи за царемъ (ханомъ), посылалъ на ево кошъ (обозъ) головы, а съ ними дѣтей боярскихъ многихъ, Ширяя Кобякова, да Григорія Желябова съ товарищи, и головы на царевъ кошъ пришли, и коши взяли, лошадей съ 60000, да аргамаковъ (лошадей Кабардинской породы) 200, да 180 верблюдовъ, и 20 языковъ къ воеводамъ прислали. И воеводы пошли за царемъ наспѣхъ его сакмою, и встрѣтилися съ царемъ на Судбищехъ (у верховья р. Любовши, на границѣ Ливенскаго и Новосильскаго уѣздовъ), и бились до вечера, и передовой полкъ царевъ, и правую руку и лѣвую потоптали, и знамя взяли Ширинскихъ князей, и бились до ночи, и тутъ стояли полки чрезъ всю нощь *). И воеводы послали назадъ по головы и по дѣти боярскіе, чтобъ къ нимъ спѣшили. а они со царемъ бьются, и прискакали къ нимъ немногіе, а всѣ поворотили къ украйнѣ со всѣмъ кошемъ, куда ближе, на Рязань и во Мценскъ; и на утро въ четвергъ бились до пятаго часа дни, полки на полки напущали жестокимъ, крѣпкимъ боемъ, и много крымцевъ въ его полкахъ передовыхъ побили. И царь Крымской съ своимъ полкомъ пришелъ и со всѣми людьми, да воеводъ разгромилъ и людей побилъ многихъ, а самъ къ Тулѣ шелъ во всю нощь“. Между тѣмъ, изъ разсѣявшихся воеводъ окольничій Алексѣй Даниловичъ Баскаковъ да Стефанъ Зюзинъ, „наѣхавъ въ Друбовѣ коши своихъ полковъ, велѣли бить по набату и въ сурну (трубу) играти, и къ нимъ съѣхались многіе дѣти боярскіе, и боярскіе люди и стрѣльцы, тысячъ съ пять или съ шесть. и тутъ отсѣклися, и царь къ нимъ приступалъ со всѣми людьми, и съ пушками и съ пищалями, и до вечерни, Божіимъ милосердіемъ далъ Богъ, Алексѣй Даниловичъ тутъ отъ царя отсидѣлся, и изъ луковъ и изъ пищалей многихъ Татаръ побили; и которыхъ Крымскій царь поймалъ дѣтей боярскихъ, тѣ ему сказали, что Царь и Великій Князь на Тулѣ,

*) Въ межевой Ливенской градской писцовой книгѣ 1685 года сказано: „по праву земля грацкой межи Новосильскаго уѣзду села Судбищъ Фрола Рогачева съ товарищи, а по лѣву земля грацкой межи Ливенскаго уѣзду Краснаго стану села Новосильскаго Матвѣя Сахорева съ товарищи“.

и царь Крымскій пошелъ назадъ наспѣхъ, и Сосну перелѣзъ на завтрѣе". Переправившись чрезъ рѣку Сосну, Татары бѣжали такъ поспѣшно, что царь Иванъ Васильевичъ не могъ преслѣдовать ихъ, и изъ Тулы возвратился въ Москву *). Въ 1558 году Крымскій ханъ Девлетъ—Гирей опять приходилъ войною на украйну, но былъ отброшенъ съ Красной Мечи и преслѣдуемъ до Оскола. Въ слѣдующемъ году опустошалъ украйну Ногайскій мурза Диви. Въ 1563 году Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, съ двумя своими сыновьями, царевичами Магметомъ и Адаломъ, осаждалъ городъ Мценскъ. Татары стояли здѣсь трое сутокъ „и къ посаду приступали, а во Мценской уѣздъ войну распустили", но подлѣ самаго Мценска успѣли сжечь только нѣсколько дворовъ, стоявшихъ поодаль отъ посада. Заслышавъ, что Московскіе воеводы находятся въ сборѣ, Девлетъ-Гирей поспѣшно снялъ осаду и удалился. Воеводы, сторожившіе Крымцевъ въ Серпуховѣ, не заставъ подъ Мценскомъ хана, гнались за нимъ „до Коломака и до Мерчика, и не сошли царя Крымскаго, потому что пошелъ отъ украйны спѣшно". Отдѣлившіеся отъ хана мурзы Девей и Мустафа, чтобы грабить Болховскія и Бѣлевскія мѣста, были отбиты Карачевскимъ воеводою Василіемъ Андреевичемъ Бутурлинымъ вмѣстѣ съ Болховичами.

Во время своихъ набѣговъ, Крымцы оставляли свой *ношъ* (обозъ) обыкновенно „на Осколѣ, и межъ Щенева (Кшень) и Алымъ, или далѣе или ближе", и потомъ на—легкѣ переправлялись за Сосну и налетали на русскіе города. Кромѣ Крымцевъ и Ногайцевъ, набѣгали на нашу украйну „воры Черкасскіе", какой-то Мишукъ съ товарищами, „житьемъ жившіе по Осколу и по Семи"; они постоянно угоняли стада изъ—подъ Рыльска и даже изъ-подъ Новосили **).

Наиболѣе дѣйствительною мѣрою противъ внезапныхъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ было построеніе на украйнѣ городовъ. Извѣстно, что въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго съ этою цѣлью построены были города—Болховъ и Орелъ. Преемникъ его, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, велѣлъ продолжить линію укрѣпленій далѣе къ югу, и такимъ образомъ на пространствѣ нынѣшней Орловской губерніи явились еще три города—Ливны, Елецъ и Кромы. Городъ Ливны, построенный въ 1586 году, обязанъ своимъ возникновеніемъ знаменитому боярину и родственнику царскому Никитѣ Романовичу Юрьеву, завѣдывавшему сторожевою и станичною службою послѣ Воротынскаго съ 1574 года***).

По усмотрѣнію этого новаго начальника сторожевой линіи, Государь Царь Иванъ Васильевичъ еще въ 1575 году повелѣлъ „отпустить на Сосну усть Ливенъ воеводу Михаила Долматовича Карпова да посла Ивашкина", а въ слѣдующемъ году „Марта въ 15-й день боярин князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, да князь Петръ Да-

*) Татищевъ, кн. V, стр. 423—425.

**) Не по имени ли этого вора Мишука и называлась въ древности деревня Зубцова, что въ Красномъ станѣ, въ Долгой Полянѣ, на р. Лѣсной Ливнѣ,—„Мишутвино" или „Мишустино"?.

***) Истор. Р. Соловьева, изд. 4, т. 7-й, стр. 28.

ниловичъ Пронскій, да Микита Романовичъ Юрьевъ, да дьяки Андрей да Василій Щелкаловы приговорили: на Соснѣ усть Ливенъ воеводѣ и головамъ (быти)... А людемъ съ воеводою на Соснѣ усть Ливенъ и съ головами на полѣ быти изъ украинскихъ городовъ по росписи дѣтямъ боярскимъ добрымъ съ большихъ и середнихъ статей, да казакамъ съ ручницы (т. е. пищалями, винтовками). И по приговору на Сосну воеводы князь Иванъ Охлябининъ да Михайло Назарьевъ и головы по мѣстамъ по срокамъ посланы". Хотя въ 1577 году „на Соснѣ усть Ливенъ воеводѣ и головамъ Государь быть не велѣлъ, потому что Донецкіе и Оскольскіе и Донскіе головы стоятъ на полѣ далѣ Ливенскихъ воеводъ и вѣсти отъ тѣхъ головъ про Крымскихъ и про Ногайскихъ людей къ Государю напередъ Ливенскихъ воеводъ бываютъ"; но на этотъ постъ скоро опять обращено было серьезное вниманіе. Именно, „94 (1686) году марта въ 1-й день боярин Никита Романовичъ Юрьевъ приговорилъ: на Осколѣ усть Убли и на Дону на Богатомъ Затонѣ стоялымъ головамъ не стояти по Государеву Цареву и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всея Русіи указу, и, по приговору бояръ, князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи, на Соснѣ, не доѣзжая Оскола два днища, поставити велѣно городъ Ливны, а на Дону на Воронежѣ, не доѣзжая до Богатаго Затону два днища, велѣно поставити городъ Воронежъ. А быти на Ливнахъ—городъ ставити воеводѣ князю Володимеру Васильевичу Колцову Мосальскому да Лукьяну Хрущову, на Воронежѣ воеводѣ Семену Ѳедоровичу Сабурову да Ивану Судакову, да Василью Биркину; и каковы будутъ вѣсти на Ливнахъ про приходъ воинскихъ людей на Государевы украины, и съ Ливенъ посылати съ вѣстми на Воронежъ, а съ Воронежа по тому-жъ на Ливны съ вѣстми посылати; а ѣхати которыми дорогами побліже и бережнѣе; а сторожи воеводамъ поставити, присмотря въ которыхъ мѣстахъ пригоже; и станицы по тому-жъ посылати присмотря, да о томъ отписати къ Государю*)".

Въ то время, какъ ставился городъ Ливны, строители его, по надлежащемъ осмотрѣ мѣстности, составили слѣдующую роспись Ливенскимъ сторожамъ, долженствовавшимъ служить цѣлямъ города:

„1-я сторожа подъ Котельскимъ лѣсомъ, а быти на ней сторожемъ 6 чел. съ Ливенъ; а переѣзжати имъ на лѣво до Погорѣлово лѣсу и до верхъ Дѣвицъ, а проѣзду днище, а назадъ тожъ.

2-я сторожа въ Пузацкомъ лѣсу, а быти на ней сторожемъ съ Ливенъ 6 чел., а переѣзжати на право внизъ по Семи до Высады, а проѣзду полдниша, а назадъ тожъ; а на лѣво до верхъ Осколца; а съѣзжатца имъ съ тѣми сторожами, которые стоятъ съ Ливны-жъ на Семи у Мѣлового броду, а проѣзду днище, а назадъ тожъ.

*) См. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Изслѣд. Бѣляева, стр. 33 и примѣчаніе 55.

3-я сторожа на Семи у Мѣлового броду, а быти на ней сторожемъ съ Ливенъ 6 ч.; а переѣзжати имъ вниз по Семи верстъ съ 15-ть до Индинского городища; а въ верхъ по Семи до Высады: а съѣзжатца имъ съ Пузацкими сторожами, а проѣзду днище, а назадъ тожъ.

4-я сторожа въ верхъ Долгово колодезя на Муравскомъ шляху, а быти на ней сторожемъ съ Ливенъ 3 чел.; а переѣзжати имъ на лѣво къ Щеновой верстъ съ семь, а на право беречи къ Тиму.

5-я сторожа верхъ Спешенъ, а быти на ней сторожемъ 4 челов. съ Ливенъ, а переѣзжати имъ на право до Олыми верстъ съ 20, а на лѣво до верхъ Снавъ Донскихъ, а переѣзда ихъ до верхъ Снавъ верстъ съ 20-ть.

6-я сторожа на Муравской же дорогѣ подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, а быти на ней сторожемъ съ Ливенъ 3 чел.; а беречи имъ Муравской дороги.

7-я сторожа на Соснѣ усть Трудовъ выше города, а быти на ней сторожемъ 3 чел. съ Ливенъ; а беречи имъ на лѣво внизъ по Соснѣ съ Рѣчицкими сторожами, а переѣзжати до Рѣчицы, верстъ съ 10.

8-я сторожа *смѣсная* *) на Соснѣ усть Рѣчицы, а стояти на ней сторожемъ съ Ливенъ 2 чел., да изъ Мценска да изъ Новосили по 2 ч.; а переѣзжати имъ въ верхъ по Соснѣ до Хвощенскихъ сторожей верстъ съ 15-ть, а внизъ по Соснѣ до усть Трудовъ.

9-я сторожа смѣсная на Соснѣ усть Хвощны; а быти на ней съ Ливенъ 2 чел., изо Мценска да изъ Новосили по 2 ч. изъ города; а переѣзжати имъ вверхъ по Соснѣ до усть Колпны, а внизъ по Соснѣ до усть Рѣчицъ.

10-я сторожа смѣсная на Соснѣ усть Колпны, а быти на ней сторожемъ съ Ливенъ 2 чел., да изъ Новосили да изо Мценска по 2 ч. изъ города, а переѣзжати имъ вверхъ по Соснѣ до Луковца.

11-я сторожа смѣсная на Соснѣ въ Луковцѣ; а быти на ней сторожемъ 2 ч. съ Ливенъ, да изъ Мценска да съ Орла по прежнему по 2 ч.; а переѣзжати имъ внизъ по Соснѣ до усть Колпны.

12-я сторожа на Соснѣ усть Кунача ниже города отъ города верстъ съ 10-ть, а быти на ней сторожемъ 3 ч. съ Ливенъ, а переѣзжати имъ внизъ по Соснѣ до Чернавскихъ сторожей, а переѣзду ихъ въ верхъ верстъ съ 15-ть.

13-я сторожа на Соснѣ усть Чернавъ, а быти на ней сторожемъ 4 ч. съ Ливенъ, да изъ Дѣдилова, да съ Кропивны, да съ Донкова, да изъ Новосили по 2 ч. изъ города; а переѣзжати имъ внизъ по Соснѣ до Радушкина лѣсу.

И всего Ливенскихъ 13 сторожъ, а сторожей на нихъ на одну статью 46 человѣкъ".

Постройка города и усиленіе Ливенской сторожевой линіи продолжались, какъ

*) *Смѣстная*, т. е. совмѣстная съ сторожами изъ другихъ городовъ.

видно, и въ 1587 году.—„А 95 г. Марта въ 1 день воевода князь Володимеръ Кольцовъ Мосальскій сказывалъ посылати съ Ливенъ станицы къ Донцу Сѣверскому, а другую къ верхъ Семи къ Масленому долу, проѣзду недѣля; а посылати пропущая межъ станицъ по три дни; да съ Ливенъ же посылати станица къ Карпову сторожевью, а проѣзду съ Ливенъ всего недѣля, а стояти имъ по верхъ у Карпова сторожевья недѣля по верхомъ и гдѣ будетъ пригожъ. Да съ Ливенъ же посылаютъ станицы на Тихую Сосну къ Каменному броду, проѣзду недѣля“ *). Въ 1591 году, по случаю нападенія Малороссійскихъ казаковъ на Путивльскія станицы и сторожи, состоялся еще слѣдующій боярскій приговоръ отъ 16 Апрѣля: „Учинити на Ливнахъ двѣ станицы добрыя, и съ ними выбрати вожей изъ казаковъ, или изъ какихъ людей пригоже. Да одну станицу добрую послати къ Донцу Сѣверскому Царевою дорогою Муравскимъ шляхомъ; а другую станицу послати къ Донцу же Сѣверскому до Изюмскаго кургана межъ Донца и Оскола, а переѣзжати той станицѣ на Донцѣ перевозы Башкинской, да Шабалинской, да Булуклейской, да Савинской, да Изюмской. А ѣздити тѣмъ двѣмъ станицамъ тѣми двумя дорогами безпрестанно встрѣчаясь, и вѣстей провѣдывать и ждать большихъ вѣстей съ Ливенъ, чтобъ Крымскій царь и царевичи и большіе люди на Государевы украйны безвѣстно не пришли, чтобъ про царя и про царевичей и про воинскихъ людей вѣсть была за—долго до приходу“ **). Около того же времени сторожевая линія на Быстрой Соснѣ укрѣплена была построеніемъ новаго города Ельца, съ котораго ставилось 9 сторожъ, расположенныхъ частію въ низъ и въ верхъ по Быстрой Соснѣ, а частію за Сосною, въ степи, верстъ за сорокъ отъ города; при чемъ, однакожъ, Ливны, безспорно, превосходили Елецъ въ стратегическомъ отношеніи ***). Въ 1594 году Ливенскіе станичники утѣшены были милостивымъ указомъ царя Ѳеодора Іоанновича, по которому велѣно было „станичнымъ головамъ, станичникамъ и вожамъ за службу и за изронъ, и за полонъ давать Государево жалованье: за конь по 4 р., а за меринъ по 3 р,, а котораго станичника или вожа на полѣ въ станицѣ убьютъ, и за его службу, и за убійство, и за изронъ давать Государево жалованье, женамъ и дѣтямъ ихъ по 4 рубли“ ****). Съ 1595 года сторожевая линія на Соснѣ вошла еще въ непосредственное сношеніе съ новымъ городомъ Кромами, изъ котораго ставилось 7 сторожъ: „на Быстрой Соснѣ, въ верхъ Тускоря и Теребужа, на Рудѣ въ верхъ Очки, за Вылскимъ лѣсомъ подъ погорѣлыми лѣски, на рѣкѣ на Очкѣ на быстрой, на Соснѣ усть Туреи и въ верхъ Боброка, на рѣкѣ на Очкѣ усть Рокитны“. Въ томъ же году думный дворянинъ Вельяминовъ-Воронцовъ сдѣлалъ близъ Ливенъ засѣку.

*) См. Чтенія въ Императ. Общ. Ист. и древн. Рос. при Моск. Унив., прим. 56.
**) Тамъ же прим. 57.
***) Изъ Ельца ставились сторожи: усть Воргла, подъ Радушкинымъ лѣсомъ, усть Чернавъ, вер- В Гольскаго лѣса, усть Полны, усть Тальца, на Козьѣ горѣ, сверхъ Пониковца и подъ Котельскимъ лѣсомъ.рхъ
****) Тамъ же стр. 36.

Но обратимся къ самому городу Ливнамъ. Для насъ интересно было бы читать описаніе его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ—подъ рукъ своего строителя, князя Владиміра Кольцова-Мосальскаго; но такое описаніе не дошло до насъ. Сохранилась только переписная книга отъ 1615 года, знакомящая насъ съ внѣшнимъ видомъ этого города въ то время, когда отъ основанія его протекло уже около тридцати лѣтъ, но, какъ легко примѣтить, безъ особенныхъ измѣненій въ его устройствѣ.

Городъ Ливны построенъ былъ въ 1586 году на томъ же мѣстѣ, на которомъ находится и теперь, т. е. на лѣвомъ, возвышенномъ берегу рѣки Сосны, при впаденіи въ нее рѣчки Ливны (позднѣе—Ливенки), которая составилась изъ двухъ рѣчекъ: Лѣсной Ливны и Полевой Ливны. Въ Книгѣ Большаго Чертежа говорится: „Городъ Ливны стоитъ на рѣкѣ Соснѣ, на лѣвомъ берегу“; кромѣ того, мѣстопахожденіе города Ливенъ опредѣляется теченіемъ рѣчекъ Ливенъ: „Лѣсная Ливна вытекла изъ Краснаго лѣсу, отъ города Ливенъ съ 10-ть верстъ, и пала въ Полевую Ливну близко города, а Полевая Ливна пала въ Сосну подъ городомъ Ливнами“ *). Какъ видно изъ приправочной книги 1615 года, городъ Ливны состоялъ: изъ *малаго острожка*, что внутри города Ливенъ, и изъ *большаго острога*, въ которомъ заключался и *посадъ*. Въ маломъ острожкѣ находились слѣдующія церкви:

1) Соборная церковь во имя Святыя Живоначальныя Троицы, да другая церковь придѣльная Рождества Пречистыя Богородицы, „древяна *клѣтцки* (т. е. съ куполомъ на подобіе клѣтки), ветха, а образы въ той церкви въ Соборной Живоначальныя Троицы.... Рождества Пресвятыя Богородицы обложенъ серебромъ, штилистовой (шестилистовой), съ вѣнцы сканые (изъ скани, волочнаго золота и серебра, ссученные)... напрестольная на прозелени..., да двери царскія... За соборными попы Живоначальныя Троицы, что на Ливнахъ внутри города, за двумя человѣки, за Васильемъ да за Максимомъ, земли выше Засосенскія Бѣломѣстныя слободы у Попова верха отъ рѣки отъ Сосны вверхъ Попову верху: паши паханыя и дикого поля 20 чети въ полѣ, а въ дву по томужъ; сѣна по дикому полю и Попову верху 40 копенъ“ **).

2) Церковь Святаго Пророка Иліи, да придѣлъ Страстотерпца Христова Димитрія Солунскаго, „древяна клѣтцки, ветха, а въ церкви образы и свѣчи, и книги, и колокола и всякое строенье церковное поповское, а служитъ у той церкви попъ Иванъ, дворъ его на погостѣ у церкви Св. Пророка Иліи, а земли къ той церкви нѣтъ“.

3) „Церковь Святыя Великія Христовы Мученицы Параскевы, нарицаемыя Пятницы, древяна клѣтцки, а въ церкви образы и свѣчи, и книги и всякое церковное строенье города Ливенъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, а у той церкви попъ Герасимъ, дворъ ево у той церкви на погостѣ, а земли къ той церкви нѣтъ“.

*) См. Книгу Большаго Чертежа, на стр. 3 и 4.

**) Земля за соборными попами почему-то записана въ приправочной лишь послѣ всѣхъ церквей на Ливнахъ (на 43 листѣ). Очевидно, она или отведена была попамъ послѣ построенія большаго острога, или же принадлежала и прежде, а теперь только записана въ книги.

4) „Въ маломъ же острожкѣ церковь Николы Чудотворца, древяна клѣтцки, да другая церковь теплая — Обновленіе храма Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа, древяна клѣтцки, а въ церквахъ образы и свѣчи, и книги, и всякое церковное строенье и колокола попа Карпа; а служитъ у тѣхъ церквей попъ Игнатій изъ найму у вдовыя попадьи попа Карпа у Овдотьи; земли къ тѣмъ церквамъ въ рядъ съ Стрѣлецкою землею по Новосильской дорогѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ: паши паханныя добрыя земли 5 чети да дикого поля 5 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна по дикому полю и по логомъ, и по верхомъ, и по дубровамъ за рѣкою за Трудами, въ рядъ съ стрѣльцами жъ, 20 копенъ, да съ приходскими попами за рѣкою за Сосною за Мининою удервью: дикого поля 40 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна по логомъ и по верхомъ и по дубравамъ 20 копенъ; и всего къ тѣмъ церквамъ земли въ рядъ съ Стрѣлецкою землею и съ приходскими попами пашни паханыя и дикаго поля 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ, сѣна 40 копенъ.

Въ острожкѣ жъ Изба Розрядная *)... Въ острожкѣ жъ дворы: соборнаго попа Максима, Мосея Коширяпинова, Ивана Павлова. Въ острожкѣ жъ *лавки:* пушкаря Офоньки Мартинова, пушкаря Малика Оносова, казака Петрушки Аметова, затинщика Семена Золотаря, пушкаря Олеши Турвогина, казака Остафея Головина, ямщика Ортемья Бѣшенцева, стрѣльца Ондрѣя Расторгуя, стрѣльца Ѳомы Савкова, Еремы Гнѣздилова..., ямщика Василья Кулака, ямщика Ивашки Дериглаза, стрѣльца Ивана Мартинова, казака Медвѣдева, вдовы Татьяны затинщиковы Гавриловы, жены Бѣлевцовы, воротника Малика Меланьева, казака Васюка Наумова, стрѣльца Федора Кривобрюха, ямщика Васьки Вырѣзуба, Олешки Сахарова,... Радіонова, чернова старца Сергіева монастыря, что на Ливнахъ, Евфимья Бобкина, сапожника Исака Сергѣева, стрѣльца Карпа Чепоса, Крымскаго вожака..., вдовы Овдотьи Клеменовы жены Толстово, стрѣльца Кузьмы Хрылева, пушкаря Ивана Колуженина, стрѣльца Федора Максимова, Сидора Токмакова, сапожника Миники Жукова, казака Василья Добродѣева, казака..., вдовы Рожкова“... Всего 37 лавокъ. — „Столы: столъ затинщика Семена Золотаря, столъ затинщика Антинки Галактіонова, столъ пушкаря..., и столъ Мартинова“... Всего 4 стола. — „Кузницы: кузница Гришки охотника, к. Богдана Рыжева, к. Петрушки Офонасьева сына Трегубова, к. Ивашки Иванова, к. Ивашки Сароченка, к. Мартина Кондратѣева, к. Дронки Орленина, к. Фоки Трегубова, и всего 8 кузницъ. А оброку съ лавокъ и столовъ и кузницъ на годъ даютъ по 20 рублевъ. — Въ острожкѣ же дворъ кабацкой, а на дворѣ двѣ избы ветхи, да погребъ, да ледникъ, а держатъ тотъ кабакъ да Ливенскую тамгу (пошлину) на вѣрѣ цѣловальники: Ливенскіе пушкари Мартинъ Шеинъ, Олексѣй Турыгинъ, Маликъ Оносовъ, а по сказкѣ тѣхъ цѣловальниковъ и по выспросу стороннихъ людей тотъ кабакъ и Ливенская тамга были въ откупу по ркг (123) (7123.—1615) годъ по мѣсяцъ

*) Разрядная изба, гдѣ производился судъ.

Октябрь, а отдавали тотъ кабакъ въ откупъ на Ливнахъ изъ Розряду, а откупу было по рі (110) рублевъ на годъ.—На Ливнахъ же и въ Ливенскомъ уѣздѣ рѣка Сосна да рѣка Олымъ, да рѣка Труды, да рѣка Любовша, а по сказкѣ городскихъ и уѣздныхъ людей съ тѣхъ рѣкъ за рыбныя ловли и за бобровые гоны и за хмелевыя болота и за полевой всякой звѣрь даютъ оброку города Ливенъ всякіе люди посадомъ и уѣздомъ на Ливнахъ въ Розрядѣ по 50 рублевъ на годъ" *).

„На Ливнахъ же около (т. е. вокругъ) посаду острогъ большой,—ставленъ тынъ дубовой, а подлѣ острогу *тарасы рублены* **), а около острогу копанъ ровъ, да около же острогу *надолбы* ***), а у острогу ворота: Егорьевскія, Афанасьевскія, Пятницкія, Никольскія, Успенскія, Покровскія, да къ рѣкѣ Соснѣ ворота *потайныя*, а на воротахъ башни.—Въ острогѣ два двора воеводскихъ, да дворы дѣтей боярскихъ: Ивана Драчова, Шерона Коширенинова, Парфирра Онисимова, Мартина Быканова, да у рѣки у Ливны дворы дѣтей боярскихъ: Василья Потапова, Лари да Максима да Курдюма Овсянниковыхъ; въ острогѣ жъ—соборнаго попа Василья, соборнаго дьякона Оксена Левонтьева, соборныхъ же церковныхъ двѣ кельи, а въ нихъ живутъ пономарь да проскурница: дворъ вдовы попадьи Овдотьи Никольскія, что въ маломъ острожкѣ; въ острогѣ же дворъ богадѣленной, да у рѣки у Ливны подъ горою пять келлій, а въ нихъ живутъ нищіе,—питаются по міру" ****)

Г. Артемьевъ въ своей статьѣ: „Городъ Ливны и Ливенскій уѣздъ" такъ описываетъ древнюю крѣпость г. Ливенъ: „Собственно „городъ" или крѣпостной острогъ (кремль), окружность котораго простиралась до 350 саженъ, расположенъ былъ на довольно кругомъ мысѣ, образуемомъ впаденіемъ рѣки Ливенки въ Сосну; теперь большая часть этого пространства занята частными постройками, а также торговою площадью, общественнымъ садомъ и солянымъ магазиномъ. Кремль съ востока и юга, т. е. по берегамъ Ливенки и Сосны, укрѣпленъ былъ землянымъ валомъ, а съ сѣвера и запада отдѣлялся отъ слободъ высокимъ деревяннымъ полисадомъ, къ внутренней сторонѣ котораго, въ самой крѣпости, пристроенъ былъ крытый накатъ съ башнями. Кромѣ того, кремль окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ рвомъ, глубиною въ $2^1/_2$ сажени. Изъ кремля на берегъ Ливенки существовалъ тайникъ,—подземный ходъ къ колодцу, сохранившемуся и доселѣ, изъ котораго брали воду, когда крѣпость нахо-

*) Къ сожалѣнію, первая по древности Приправочная книга города Ливенъ отъ 1615 года сохранилась до нашего времени безъ начальныхъ листовъ; притомъ на первомъ сохранившемся листѣ чернила выцвѣли такъ, что текстъ его не можетъ быть прочитанъ сполна. Кромѣ отрывочныхъ фразъ касательно Соборной церкви, здѣсь можно разобрать кое-что изъ перечисляемаго склада оружія въ маломъ острожкѣ: „да пищаль (т. е. пушка малаго калибра) скорострѣльная, да 2 пищали волконѣи (малокалиберныя, короткія), да 26 пищалей затинныхъ, да 2 пищали затинныя испорченныя на стрѣльбѣ.... въ маломъ же острожкѣ Изба Розрядная". Описаніе малаго острожка (безъ первыхъ утраченныхъ листовъ) занимаетъ 4 листа Приправочной.

**) *Тарасы*—своего рода ящики, туго набитые землею и служившіе защитою.

***) *Надолбы*—бревна или брусья съ продолбленными концами, надѣтыми на обтесанные столбы.

****) См. 5 листъ Приправочной.

дилась въ осадѣ *). Всѣ эти крѣпостныя постройки въ 1779 году были въ весьма ветхомъ состояніи, потому что существовали около двухсотъ лѣтъ". Но это описаніе не вполнѣ приложимо къ городу Ливнамъ, построенному въ 1586 году и описываемому Приправочною 1615 года. Во—первыхъ, въ описаніи Артемьева не упоминается о *маломъ острожкѣ;* во—вторыхъ, *тайникъ* показанъ выходящимъ къ Ливенкѣ, а не къ Соснѣ; въ—третьихъ, слободамъ отводится мѣсто за острогомъ, тогда какъ по Приправочной опѣ находились въ большомъ острогѣ: „въ острогѣ жъ слободы: Стрѣлецкая"... и т. д. Очевидно, у Артемьева описывается не первоначальный острогъ, который, какъ онъ говоритъ, „въ 1779 году былъ въ весьма ветхомъ состояніи, потому что существовалъ около двухсотъ лѣтъ", а болѣе поздній, поставленный послѣ сожженія стараго въ 1618 году и потомъ, быть можетъ, не разъ еще перестроенный и обновленный. Но послѣдуемъ за Приправочною 1615 года.

„Въ острогѣ жъ слободы"... Всѣхъ слободъ было четыре: Стрѣлецкая, Пушкарская, Ямская и Казачья.

1. *Стрѣлецкая слобода.* Въ ней „церковь Великія Христовы Мученицы Параскевы, нарицаемыя Пятницы, да другая церковь Св. Василія Блаженнаго — древяны клѣтцки; строенье тѣхъ церквей и въ церквахъ образы и свѣчи, и книги, и колокола, и всякое церковное строенье поповское, а на монастырѣ дворъ поновъ Андреевъ да четыре кельи, а въ нихъ живутъ нищіе,—питаются отъ церкви Божіи; пашни паханыя церковныя: добрыя земли, въ рядъ съ стрѣльцами, 2 чети, да дикого поля 8 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ; сѣна по логомъ и по верхомъ, въ рядъ съ стрѣльцами жъ, 20 копенъ, да въ рядъ съ приходскими—жъ попами, за Мининою удеревью, дикого поля 10 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по дикому полю 20 копенъ; и всего церковныя земли: пашни паханыя и дикого поля 20 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 40 копенъ. Въ слободѣ жъ дворы стрѣлецкіе..., всего 2 двора пятидесятниковъ, да 8 дворовъ десятниковъ, да 90 дворовъ стрѣлецкихъ, а людей въ нихъ тожъ".

2. *Слобода Пушкарская* **). Ее населяли: пушкари (артиллеристы) въ числѣ 13-ти дворовъ, затинщики (стрѣлки изъ затинной пищали) въ числѣ 17-ти дворовъ и воротники (караульные при крѣпостныхъ воротахъ) въ количествѣ 12-ти дворовъ. Всего въ Пушкарской слободѣ находилось 42 двора, съ такимъ же количествомъ людей; слобода эта не имѣла особой церкви.

---

*) На Красной площади, которая входила прежде въ составъ кремля, находится въ настоящее время питейный домъ, извѣстный подъ названіемъ *Горьмано*. Народное преданіе утверждаетъ, что кабакъ названъ такъ отъ того, что горѣлъ во время нападенія Ордынцевъ на Ливны (см. «Орловскія Губерн. Вѣдомости», 1860 г. № 26).

**) „А въ слободѣ дворы пушкарскіе: дворъ Мартина Шеина, Алексѣя Турыгина, Малика Оносова, Ивана Калужанина, Павла Занина, Третьяка Губина... Дворы городовыхъ воротниковъ: Гриши Подымова, Кондрата Потапова, Гаврила Суеткина... Въ той же Пушкарской слободѣ дворы затинщиковы: дворъ Семена Золотаря, Ивана Ивашова, Ѳедора Пустохина, Олфера Михайлова Борденкова"... (См. 10—12 листы Приправочной).

3. *Слобода Ямская*. Въ ней жили ямщики—охотники, исполнявшіе обязанности извоза и почтовой гоньбы: „а въ ней дворы охотницки, старосты Данилы Алексѣева, Михайлы Трубицына... всего 12 дворовъ ямскихъ охотниковъ, а людей въ нихъ 13 человѣкъ, да 8 мѣстъ дворовыхъ порожнихъ ямскихъ охотниковъ, и тѣ охотники померли, а иные съ бѣдности разбрелись“ (листы 13—14).

4. *Слобода Казачья* состояла изъ пяти слободъ: Егорьевской, Афанасьевской, Никольской, Покровской и Успенской. Изъ нихъ *Егорьевская* и *Аванасьевская* принимались за одну слободу съ церквами: Страстотерпца Христова Георгія и Св. Аѳанасія Александрійскаго - „древяными клѣтки; строенье тѣхъ церквей и въ церквахъ образы и свѣчи, и книги, и колокола, и всякое церковное строенье приходское; а у тѣхъ церквей служатъ: у Егорья попъ Гаврило, а у Аѳанасія попъ Дементій; а дворы ихъ у тѣхъ церквей на погостехъ; пашни паханыя и перелогу *) и диково поля тѣхъ церквей, въ рядъ съ казаки тоя жъ слободы, 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, по 10 чети къ церкви; сѣна въ рядъ съ казаками жъ 40 копенъ, да съ приходскими жъ попами за рѣкою за Сосною за Мининою удеревью 20 чети, по 10 чети въ полѣ, а въ дву по томужъ; сѣна по дубровамъ и по дикому полю и по логомъ и по верхомъ 40 копенъ; и обоего тѣхъ церквей въ рядъ съ казаки и съ приходскими попами: пашни паханыя съ перелогомъ и дикого поля 40 чети, по 20 чети къ церкви въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 40 копенъ. Въ слободѣ-жъ дворъ казацкаго головы да дворы казацкіе: пятидесятниковъ: Лари Старова, Василія Данилова, Радьки Долгова, десятниковъ: Самсона Макарова, Омельяна Нашабунина, Семена Шатылова, Василія Добродѣева, Андрея Боландина, Марка Дручинина, Томилы Терехова, Павла Воронковскаго, Гриши Бурцова, Микиты Стрѣльникова, Михайлы Петрова, Митьки Паршина, Олексѣя Кунѣева, Данилы Картавцова, Прони Андреева..., всего въ Егорьевской и Аѳанасьевской слободѣ 180 дворовъ казачьихъ, а людей въ нихъ тожъ число, да 13 мѣстъ дворовыхъ убылыхъ казаковъ, да 2 мѣста дворовыхъ казачьихъ сотниковъ“ (листы 15—22).

Въ слободѣ *Никольской* было двѣ церкви: „Николы Чудотворца да другая церковь Св. Мучениковъ Фрола и Лавра, древяныя клѣтки; строенье тѣхъ церквей и въ церквахъ образы и свѣчи, и книги, и колокола, и всякое церковное строенье поповское; а служитъ у тѣхъ церквей попъ Антонъ, дворъ его у тѣхъ церквей на погостѣ; пашни тѣхъ церквей, въ рядъ съ казаками тояжъ Никольскія слободы, паханыя добрыя земли 2 чети, да дикого поля 3 чети въ полѣ, а въ дву по томужъ; сѣна, съ казаки въ рядъ, по логомъ 10 копенъ, да въ рядъ съ ямщиками пашни паханыя добрыя земли 3 чети, да дикого поля 4 чети въ полѣ, а въ дву по томужъ; сѣна по логомъ 14 копенъ, да за рѣкою за Сосною отъ вершка отъ Липовца къ Мининой удереви и отъ Мининой удереви къ колодезю къ Ольшанцу и на

*) *Перелогъ*—заросшая и одервенѣвшая пашня, вновь вспаханная.

подолъ по колодезю по Ольшанцу до рѣки до Кщеневой вонче съ приходскими попами дикого поля на пашнѣ 8 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ: сѣна по дикому полю 16 копенъ, и всего пашни паханыя и дикого поля 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 40 копенъ. Въ той же въ Никольской слободѣ дворы казачьи *)... всего 110 дворовъ, а людей въ нихъ тожъ, да 20 мѣстъ дворовыхъ убылыхъ казаковъ, да мѣсто дворовое казачье воротника“ (листы 22—27).

Покровская и ***Успенская*** казачьи слободы, находившіяся „за рѣкою за Ливною въ большомъ острогѣ“, имѣли каждая по двѣ церкви. Въ первой изъ нихъ: „церковь Покрова Пресвятыя Богородицы да другая церковь Мученика Христова Никиты, древяныя клѣтцки; строенье въ тѣхъ церквахъ и въ церквахъ образы и свѣчи, и книги, и всякое церковное строенье попа Степана; дворъ его у тѣхъ церквей на погостѣ, да на погостѣ жъ двѣ келліи пономарскія, да проскурницы, да три келліи, а въ нихъ живутъ нищіе: Сережка Тихоновъ, Микитка Іеремеевъ, Демка Игнатовъ, а питаются отъ церкви же. Въ тѣхъ же слободахъ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы да церковь Архангела Михаила, стоитъ безъ пѣнія; строенье тѣхъ церквей и въ церквахъ образы и свѣчи, и книги, и всякое церковное строенье попа Аѳанасья; дворъ его у тѣхъ церквей на погостѣ, да на погостѣ же двѣ келліи, а въ нихъ живутъ нищіе: Епишка Гончаръ, Ивашка Горбунъ, Ивашко Долгой, а питаются отъ церкви Божіей. Пашни паханыя тѣхъ церквей: Покрова Пресвятыя Богородицы и Мученика Христова Никиты, да Успенія Пресвятыя Богородицы да Архангела Михаила въ рядъ съ казаками Успенской же да Покровской слободы дву попамъ 10 чети, да дикого поля 10 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да съ приходскими попами за рѣкою за Сосною за Мишиною удеревью 20 чети, по 10 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю и по логомъ и по дубровамъ 40 копенъ, и всего (за этими церквами) пашни паханыя и дикого поля 4[illegible] чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, за двумя попы по 20 чети. Въ тѣхъ же слободахъ дворы казачьяго головы и казачьи *)..., всего въ казачьихъ за—Ливенскихъ слободахъ—въ Успенской и въ Покровской 234 двора казачьихъ, а людей въ нихъ тожъ, да 36 мѣстъ дворовыхъ казачьихъ выбылыхъ казаковъ, да 3 мѣста дворовыхъ казачьихъ сотниковъ“ **).

Приправочная 1615 года сообщаетъ намъ древнѣйшія свѣдѣнія и о Ливенскомъ Сергіевскомъ монастырѣ. По мѣстному преданію, этотъ монастырь „первоначально былъ основанъ не въ самомъ городѣ Ливнахъ, но верстъ за четыре отъ города—вверхъ по р. Соснѣ, на другой сторонѣ этой рѣки, выше Ламской и Георгіевской слободъ, на горѣ, называемой Удеревъ, гдѣ теперь земля помѣщика Баркова,

*) Пятидесятниковъ: Василія Болтенка, Марки Ворожева, десятниковъ: Гадьки Клешина, Ивана Рыжкова, Тимохи Горбачева, Ивана Данилова, Никона Семскова, Евстрата Гулевскаго...

**) См. Приправочную книгу на л. 27—36.

а въ городъ Ливны перенесенъ онъ отъ набѣговъ непріятельскихъ, хотя и неизвѣстно когда" *). Мы не вправѣ отвергать вовсе это преданіе, такъ какъ оно не могло возникнуть безъ какого-либо къ тому повода, и, притомъ, съ такою ясностью указываетъ на мѣсто, гдѣ первоначально находился будто бы Сергіевъ монастырь. Очень возможно, что на указываемой мѣстности „Удеревъ" былъ когда-то монастырь, только не предъ построеніемъ города Ливенъ въ 1586 году, когда, по причинѣ Крымскихъ набѣговъ, Ливенскій край представлялъ изъ себя пустынную мѣстность, а въ болѣе древнюю эпоху, когда на Ливнахъ княжили еще Рязанскіе князья, или когда этотъ городъ имѣлъ собственныхъ князей изъ потомковъ Святослава Ольговича; а слѣдовательно, это былъ и не Сергіевъ, а другаго именованія монастырь, такъ какъ Св. Сергій Радонежскій жилъ въ 14-мъ вѣкѣ и прославленъ Россійскою Церковію уже впослѣдствіи. Съ другой стороны, ни въ одной изъ жалованныхъ грамотъ Сергіеву монастырю, дошедшихъ до насъ въ воеводскихъ выпискахъ конца 16-го и начала 17-го вѣковъ, не дѣлается никакого намека на то, чтобы этотъ монастырь существовалъ гдѣ—либо раньше построенія города Ливенъ въ 1586-мъ году, или владѣлъ какою—либо вотчиною до 1592 года, когда въ 1-й разъ „блаженныя памяти Царь и Великій князь всея Русіи пожаловалъ въ Сергіевъ монастырь на церковное строенье.... рѣку Тимъ со всѣми угодьи". Выраженіе „на церковное строенье", приводимое только въ этой древнѣйшей выпискѣ, по видимому, указываетъ на то, что около этого времени и началъ устраиваться Сергіевъ монастырь въ городѣ Ливнахъ.

Кто интересуется судьбою Сергіева монастыря на Ливнахъ, тому не безынтересны будутъ дѣлаемыя здѣсь выписки изъ Приправочной и другихъ писцовыхъ книгъ времени царя Михаила Ѳеодоровича, какъ древнѣйшіе и самые достовѣрные источники исторіи этого монастыря, своимъ почти двухсотъ-лѣтнимъ существованіемъ оставившаго неизгладимую память въ городѣ Ливнахъ.

Вотъ что читаемъ мы о немъ въ Приправочной Михайла Иванова Савенкова и Матюшки Ѳедорова подъ 1615 г.: „Въ большомъ же острогѣ монастырь Сергіевъ, а въ монастырѣ церковь Великаго Чудотворца Сергія Радонежскаго, да другая церковь теплая—Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, древяна клѣтцки, а въ церкви у Чудотворца у Сергія образы мѣстные: образъ Чудотворца Сергія, подница штилистовая, обложенъ серебромъ, вѣнцы сканные, да образъ Сергія жъ Чудотворца на прозелени; образъ Николая Чудотворца Можайскаго на рѣзи въ кіотѣ; образъ Страстотерпцевъ Христовыхъ Бориса и Глѣба на прозелени; образъ Пречистыя запрестольныя, да Деисусъ (т. е. три иконы, ставимыя вмѣстѣ и изображающія Спасителя, Богоматерь и Іоанна Предтечу), да двери церковныя на прозелени, да двѣ свѣчи поставныя не велики; у Благовѣщенія Пресвятыя въ церкви: образъ мѣсной Благовѣщенія Пречистой Богородицы на золотѣ, образъ Пресвятыя Богородицы запрестольной,

*) См. «Описаніе мужескаго монастыря въ Ливнахъ» («Орл. Епарх. Вѣдом.», 1871 г. № 17, стр. 1198).

да двери церковныя, да книгъ: Евангеліе письменно тетръ *). да Апостолъ письменной..., да два Октоя печатные, да Тріодь цвѣтная печатная, да Тріодь постная письменная, Служебникъ письменной, Псалтирь да Часовникъ да Минея Общая печатные; да ризы да стихарь полотняные, да кадило мѣдяное, да сосуды церковные оловяные; да на монастырѣ ворота Святыя, а на воротахъ Деисусы на прозелени писаны на оба лица, да на колокольнѣ 6 колоколовъ".

Таковъ былъ въ 1615 году Сергіевъ монастырь съ его церквами и внутреннимъ ихъ достояніемъ: 8 иконъ—въ двухъ церквахъ (въ настоящей и теплой), 10 церковныхъ книгъ, изъ которыхъ 4 были не печатныя, а письменныя (въ томъ числѣ Евангеліе и Апостолъ), однѣ священническія ризы, одинъ стихарь, одно кадило (мѣдное), сосуды всѣ оловянные! О составѣ монашествующихъ въ той же Приправочной читаемъ: „А въ монастырѣ игуменъ Харлампій, да попъ черный, да 11 чел. братьи, живутъ по кельямъ". Приводимъ теперь выписи на вотчины, коими владѣлъ Ливенскій Сергіевъ монастырь. 1) „Сергіева монастыря за игуменомъ за Харлампіемъ съ братьею по выписи воеводы Игнатья Михнева да Ѳедора Шишкина 123 (т. е. 1615) году Октября 16 дня, что по Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всея Руси грамотѣ, за приписью думнаго дьяка... Васильева, а отдали опѣ въ вотчину въ Сергіевъ монастырь на свѣчи и на ладонъ и на вино церковное игумену съ братіею на пищу въ Ливенскомъ уѣздѣ рѣку Кщеневу, а въ нее впали двѣ рѣчки Кщеневка и съ упалыми колодези, что впали въ рѣчку Кщеневку, и съ бобровыми гоны и съ хмѣлевыми болоты, которые всѣ-жъ на рѣчкѣ Кщеневкѣ, и луги береговые и со всѣми угодьи". 2) „Сергіева жъ монастыря за игуменомъ за Харлампіемъ съ братіею по выписи письма.... князя Михайла Путятина да подъячаго Микиты Харламова 107 (1599) году, что въ прошломъ 100 (1592) году Генваря въ 25 день блаженныя памяти Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Русіи пожаловалъ въ Сергіевъ монастырь на церковное строенье, на ладонъ и на свѣчи, и на вино церковное въ Ливенскомъ уѣздѣ рѣка Тимъ со всѣми угодьи, а въ нее впала рѣчка Косожа". 3) „Да за игуменомъ же за Харлампіемъ съ братіею въ вотчинѣ слободка за рѣкою за Сосною, отъ города отъ Ливенъ внизъ по рѣкѣ по Соснѣ по конецъ Бѣломѣстныя Казацкія слободы на рѣкѣ на Соснѣ, подъ слободкою же у рѣки у Сосны на берегу озерко, а въ слободкѣ крестьяне: Ефимъ Степановъ, Ѳедоръ Гавриловъ да бобылей: Савка Олексѣевъ, Филипка Павловъ, Ѳедька Титовъ, Самошка Кохоновъ (шесть дворовъ); крестьяне и бобыли селятся **); новой пашни паханыя добрыя земли осмина да дикого поля 69 чети съ осминою, обоего—пашни паханыя и дикого поля 70 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по

*) *Евангеліе тетръ*—значитъ четвероевангеліе, или книга, заключающая въ себѣ Евангелія 4-хъ Евангелистовъ, написанныя по тому порядку, въ какомъ они писаны Евангелистами, а не по церковному изъ нихъ выбору отдѣленій для воскресныхъ и праздничныхъ чтеній.

**) *Бобыль*—крестьянинъ, не имѣющій тягла и собственной земли.

дикому полю и межъ поль по логамъ и по верхомъ 140 копенъ, а сошного письма въ живущемъ и въ пустѣ полчети сохи и не дошло въ сошное письмо 5 чети пашни, а платить ему съ живущаго съ осмины“ (листы 37—40). 4) „Да за игуменомъ же за Харлампіемъ съ братіею вотчина въ Красномъ стану, по выписи воеводы Степана Исленьева *), что онъ по Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи граматѣ отказалъ въ Сергіевъ монастырь Никитинской починокъ Семенова подъ Краснымъ лѣсомъ подъ Евлановымъ Рогомъ, на Евлановѣ колодезѣ, по правую сторону Евланова колодезя, а въ немъ мѣсто дворовое Никитинское, да дворъ бобыль Карпинъ Васильевъ селится заново; пашни перелогомъ четверть да дикого поля 29 чети, обоего.... 30 чети въ полѣ. а въ дву по тому жъ; сѣна по рѣчкѣ по Присыску и по дикому полю и по дубровамъ 60 копенъ, а въѣзжати ему по селитовной и по дровяной лѣсъ—въ Красной лѣсъ, въ рядъ съ помѣщики“. 5) „Да за игуменомъ за Харлампіемъ съ братіею вотчина у города у Ливенъ у посаду“ **). 6) Сверхъ того, какъ увидимъ ниже, за Сергіевымъ монастыремъ была и мельница, о двухъ колесахъ, на р. Ливнѣ. Въ Ливенскихъ платежныхъ книгахъ письма и дозору Немира Ѳедоровича Кирѣевскаго да подъячаго Василья Ключарева говорится: „Въ Красномъ стану вотчина Сергіева монастыря, что на Ливнахъ, за игуменомъ за Харлампьемъ въ трехъ деревняхъ по жеребью, да за нимъ же, за игуменомъ за Харлампьемъ, въ вотчинѣ подъ городомъ подъ Ливнами слободка въ живущемъ четверть, а въ трехъ деревняхъ четверть же; да въ Мокрецкомъ стану монастырскія вотчины двѣ четверти пашни“.

Въ писцовыхъ Ливенскихъ книгахъ Ивана Малечкина да подъячаго Тимоѳея Семенова 7135, 7136 и 7137 (1627—1629) г.г. читаемъ: „Въ 1618 году Титовское помѣстье Иванова сына Бровина, что (въ Мокрецкомъ стану) былъ починокъ на рѣкѣ на Сосинѣ усть рѣки Кщеневы, на Мининомъ удереви, дано Сергіева монастыря, что на Ливнахъ, игумену Харлампью съ братьею за 70 чети, да игумену жъ Харлампью съ братьею дана пустошь, что былъ починокъ Елизарьевской Старухина, а въ пустоши дикого поля на пашню 100 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по дикому полю 200 копенъ, а въ приправочныхъ книгахъ Петра Есипова съ товарищи 1615 года тотъ Елизарьевской починокъ Старухина прописанъ, а въ сказкѣ своей, какову онъ игуменъ сказку на монастырскую вотчину и на угодьи за своею рукою далъ, тѣхъ починковъ за монастыремъ не написалъ, и потому тѣ починки за монастыремъ и не написаны“.

Въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ Малечкина находимъ и обстоятельное указаніе на вотчины Сергіева монастыря съ его крестьянами и бобылями. Вотъ оно: „Сергіева монастыря, что на Ливнахъ, за игуменомъ за Харлампьемъ съ братьею, по припра-

*) Степанъ Ивановичъ Исленьевъ былъ на Ливнахъ воеводою въ 1614 году.
**) См. Приправочную № 232.

вочнымъ книгамъ Петра Есипова и по выписи Пемира Кирѣевскаго съ товарищи 1615 и 1620 года, слобода за рѣкою за Сосною, отъ города отъ Ливенъ внизъ по рѣкѣ по Соснѣ по конецъ Бѣломѣстныя казачьи слободы на рѣкѣ на Соснѣ, подъ слободою жъ у рѣки у Сосны на берегу озерко, а въ слободѣ дворъ монастырской, а въ немъ живутъ дѣтеныши *): Ѳедотка Титовъ, да Уварка Ивановъ, да Олешка Бердинъ, да крестьяне – 9 дворовъ, да крестьянскихъ пустыхъ 5 дворовъ, а тѣ крестьяне въ 1629 году сошли безвѣстно, да 8 дворовъ крестьянъ, а тѣ крестьяне въ 1630 году написаны на Ливнахъ въ казаки, 17 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, а тѣхъ крестьянъ и бобылей въ 1618 году побили Литовскіе люди, и всего за игуменомъ за Харламьемъ съ братьею въ вотчинѣ слобода, а въ ней: дворъ монастырской, а въ немъ живутъ дѣтеныши, 2 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ тожъ, 7 дворовъ бобыльскихъ, а людей въ нихъ 12 человѣкъ, 13 дворовъ крестьянскихъ пустыхъ, 17 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ; пашни паханыя монастырскія и крестьянскія добрыя земли 12 чети съ осминою, да дикого поля 57 чети съ осминою, обоего... 70 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю и по логомъ и по верхомъ 140 копенъ, а въѣзжати имъ по селитовной и по дровяной лѣсъ въ Красной и въ Серболовъ лѣсъ врядъ съ помѣщики; а сошного письма въ живущемъ и впустѣ полъ чети сохи, и не дошло въ сошное письмо 5 чети пашни; въ живущемъ четь съ четвериком; да примѣрныя земли, что вымѣрено сверхъ монастырскія дачи лишка пашни и дикого поля 75 чети; обоего— монастырскія пашни и съ примѣрною землею 145 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; а сошного письма въ живущемъ и въ пустѣ четь сохи, и не дошло въ сошное письмо 5 чети пашни.—За игуменомъ же за Харламьемъ съ братьею вотчина въ Ливенскомъ уѣздѣ, что дано въ Сергіевъ монастырь на свѣчи и на ладонъ и на вино церковное и игумену съ братьею на пищу,—рѣка Кщенева, а въ нее впали—Кщеневка съ упалыми колодези, что впали въ рѣку Кщеневу, и съ бобровыми гоны и съ хмѣлевыми болоты.... и луги береговые со всѣми угодьи, да рѣка Тимъ со всѣми жъ угодьи, а въ нее впала рѣка Косожа, а писаны тѣ угодья за игуменомъ за Харламьемъ съ братьею по приправочнымъ книгамъ Петра Есипова съ товарищи 1615 года".

Къ городу Ливнамъ должно отнести и *Бѣломѣстную слободу*, хотя она считалась собственно въ Красномъ стану. „Слобода Бѣломѣстныхъ (т. е. свободныхъ отъ городской подати, отъ оброку) казаковъ за рѣкою за Сосною, противъ города Ливенъ, на Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи на *десятинной* **) землѣ, что пахали на Государя города Ливенъ посадомъ и уѣздными людьми; а въ слободѣ церковь Великомученика Христова Димитрія Солунскаго, дре-

*) *Дѣтеныши*—младшіе члены въ семействѣ монастырскаго слуги.
**) *Десятинники*—крестьяне, жившіе на землѣ князя и платившіе десятину... Бѣляевъ, стр 123.

вяна клѣтцки, а въ церкви образы и свѣчи, и книги, и всякое церковное строенье попа Василья; а у той церкви на погостѣ дворъ поповъ Васильевъ, да дворъ дьячковъ Лукьяновъ Афанасьевъ, да дворъ пономаря Степана. Въ той же слободѣ дворы: сотника казачьева Іева Головина, да пятидесятника Фирса Ѳедорова, да 5 дворовъ десятниковыхъ..., да 53 двора рядовыхъ казаковъ, всего 60 дворовъ, а людей въ нихъ тожъ" (листы 41—42),

„На Ливнахъ на посадѣ въ большомъ острогѣ на рѣкѣ Ливнѣ мельница, а на ней 2 колеса, а строена та мельница изъ Государевой казны, и та мельница отдана была въ Сергіевъ монастырь, что на Ливнахъ на посадѣ, игумену Харлампію съ братіею, а въ нынѣшнемъ въ 124 (1616) году, по Государеву Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи указу, ту мельницу велѣно отписать на Государя и велѣно ее вѣдати на Государя въ Приказѣ Большаго Дворца" *).

Такимъ образомъ переписная 1615 г. знакомитъ насъ не только съ внѣшнимъ видомъ города Ливенъ, какой получилъ онъ съ 1586 года, но и съ первоначальнымъ его населеніемъ. Это населеніе, за исключеніемъ священно-церковно-служителей, монастырской братьи и крестьянъ, бобылей, охотниковъ, ямщиковъ, бѣломѣстныхъ казаковъ и нищихъ, питавшихся отъ церквей и отъ міра,—состояло изъ людей служилыхъ, военныхъ, которые взяты были на Государеву службу изъ разныхъ городовъ—Коширы, Орла, Калуги и др., и надѣлены здѣсь пахатною землею и сѣнными покосами. Такъ, за стрѣльцами, жившими особою слободою подъ непосредственнымъ управленіемъ своихъ пятидесятниковъ и десятниковъ, въ числѣ ста дворовъ и въ такомъ же количествѣ человѣкъ, значилось: „пашни подъ Краснымъ лѣсомъ по обѣ стороны по Новосильской дорогѣ къ Крутому верху и за Крутой верхъ подлѣ Краснаго лѣсу пахапыя добрыя земли 355 четей въ полѣ, да дикого поля 457 четей, обоего—пашни пахапыя и дикого поля 812 четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; за пятидесятники по 10 чети, а за десятники по 9 четей, а за рядовыми стрѣльцы по 8 четей за человѣкомъ; да сѣнныхъ покосовъ по логомъ и по верхомъ и по рѣкѣ по Трудамъ и за рѣкою за Трудами по дубровамъ и по дикому полю 1700 копенъ". — Пушкари, затинщики и воротники имѣли за собою „пашни пахапыя добрыя земли (смежной съ казацкою и землями за—Ливенской слободы и Казачьей Никольской слободы) къ Серболову лѣсу 340 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; пушкари и затинщики по 10 чети, а воротники по 5 чети на человѣка; сѣна у рѣки Серболовки и по логомъ и по верхомъ 550 копенъ".—За воротниками состояло: „пашни подъ Краснымъ лѣсомъ Сторожевая поляна по обѣ стороны рѣки Полевой Ливны пахапыя 36 чети, да дикого поля 86 чети, обоего—пашни пахапыя и дикого поля 120 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ,—по 10 чети за человѣкомъ; сѣна по рѣкѣ по Полевой Ливнѣ и по верхомъ и по логомъ и по дикому полѣ

*) Приправочная, листъ 36.

240 копенъ, по 20 копенъ человѣку".—Надѣлъ Ямскихъ охотниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ *староста*, былъ богаче другихъ служилыхъ людей: за ними было „паши подъ Краснымъ лѣсомъ вверхъ по рѣкѣ по Ливнѣ паханыя добрыя земли 60 чети, да дикого поля 170 чети, обоего—паши паханыя и перелогу и дикого поля 280 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, по 20 четей за ямщикомъ; да имъ же дано на выпускъ животины за рѣкою за Ливною, противъ рѣчки Лѣсныя Ливенки, 5 десятинъ; Ямскія жъ слободы охотницкой порожжей земли 8-ми человѣкъ паши съ перелогомъ 40 чети, да дикого поля 120 чети, обоего—паши съ перелогомъ и дикого поля 160 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; и всего Ямскія слободы за охотники и порожжія Ямскихъ охотниковъ земли—паши паханыя и перелогу и дикого поля 300 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; да Ямскія жъ слободы охотникомъ 20 человѣкамъ дано на сѣно.... покосовъ за рѣкою за Кщеневою по обѣ стороны колокъ 50 десятинъ сѣна, ставится 1000 копенъ, по 20 копенъ на десятину, а владѣютъ Ямскія слободы охотники тою землею и сѣнными покосы по писцовой выписи Суда Каменного да подъячаго Василья Мартемьянова 112 (1604) году".—За казаками Егорьевско-Аоанасьевской слободы было: „паши паханыя добрыя земли вверхъ по рѣкѣ по Соснѣ 1200 чети, да дикого поля 2540 чети, обоего—паши паханыя и дикого поля 3740 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, по 20 чети за человѣкомъ; сѣна по дикому полю и по логомъ и по верхомъ 7480 копенъ; да 13-ти человѣкъ убылыхъ казаковъ паши перелогомъ 110 чети, да дикого поля 200 чети, обоего—паши перелогомъ и дикого поля 260 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да дву человѣкъ сотниковъ казацкихъ порожжей земли—паши перелогомъ и дикого поля 100 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ".—Во владѣніи казаковъ Никольской слободы находилось: „паши паханыя добрыя земли вверхъ по рѣкѣ по Ливнѣ межъ Пушкарскія земли и межъ Ямскихъ охотниковъ земли 700 чети, да дикого поля 150 чети, обоего... 2200 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, по 20 чети за человѣкомъ; сѣна по дикому полю и по логомъ и по верхомъ 4400 копенъ; да 20 человѣкъ убылыхъ казаковъ порожжей земли—паши перелогомъ 100 чети, да дикого поля 300 чети, обоего... 400 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да сотничьи порожжей земли—паши перелогомъ и дикого поля 50 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ".—Во владѣніи казаковъ за—Ливенскихъ Покровской и Успенской слободъ состояло: „паши паханыя добрыя земли отъ посаду внизъ по рѣкѣ по Соснѣ, по обѣ стороны Елецкой дороги, 2340 чети, да дикого поля 2340 чети, обоего... 4680 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ,—по 20 чети за человѣкомъ; да 36-ти человѣкъ выбылыхъ казаковъ паши перелогомъ и дикого поля 720 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; да трехъ человѣкъ сотниковъ казацкихъ порожжія земли—паши перелогомъ и дикого поля 150 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна казакомъ и порожжихъ выбылыхъ казаковъ межъ поль по логомъ и по верхомъ, и по дикому

полю, и по дубровамъ 5400 копенъ".—За Бѣломѣстными казаками было: „паши за сотникомъ и за пятидесятникомъ и за десятники и за казаки 600 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ,—по 10 чети за человѣкомъ; сѣна по дикому полю и по логомъ и по заполицамъ 1200 копенъ, по 20 копенъ человѣку".

Въ началѣ 17-го вѣка на Ливнахъ находилось 15 церквей, а съ четырьмя придѣльными—19, не включая сюда Дмитріевской церкви, что въ Бѣломѣстной слободѣ—за рѣкою Сосною.—Приходскихъ жилыхъ дворовъ въ большомъ острогѣ—на посадѣ—въ разныхъ слободахъ, кромѣ Разрядной избы, Кабацкаго и Богадѣленнаго дворовъ, также домовъ священно-церковно-служительскихъ (15), воеводскихъ (2), дѣтей боярскихъ (8), разныхъ келлій (18), въ которыхъ жили пономари, просвирницы и нищіе, и келлій Сергіевскаго монастыря,—считалось 676, а съ Бѣломѣстною слободою—736.

Построеніе г. Ливенъ на Быстрой Соснѣ было для Крыма какъ бы свего рода бѣльмомъ на глазу *). Крымцы все еще считали правый берегъ Сосны своимъ, а городъ Ливны какъ бы пограничнымъ пунктомъ между Московскимъ государствомъ и Крымскимъ царствомъ. Здѣсь съѣзжались для переговоровъ Московскіе и Крымскіе послы, заключались мирные договоры, происходилъ размѣнъ пословъ и т. под. Такъ, послѣ опустошительнаго нападенія Крымцевъ на Московскую украйну въ 1592 году, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, отправляя въ Крымъ своего посла и оставляя на Москвѣ Крымскаго—Аллабердея мурзу, велѣлъ передать хану: „Когда нашъ посланникъ Семенъ Безобразовъ и твои гонцы въ Крымъ къ тебѣ придутъ, то ты тотчасъ отпусти къ намъ своего гонца легкаго и отпиши, какого своего добраго человѣка нарядишь къ намъ въ послахъ и какого большаго своего человѣка пошлешь къ намъ въ провожатыхъ, который съ нашимъ добрымъ человѣкомъ у Ливенъ будетъ говорить о вѣчномъ мирѣ; напиши, къ какому сроку быть имъ къ Ливнамъ и взять нашего посла и твоего посла Аллабердея съ большими поминками и запросными деньгами; мы къ этому сроку пришлемъ при своемъ послѣ, князѣ Меркуріѣ Щербатомъ, и своего добраго человѣка, который съ твоимъ ближнимъ великимъ человѣкомъ о всякихъ дѣлахъ приговоритъ и размѣняется послами по прежнему обычаю: нашъ посолъ, князь Щербатый, и твой посолъ Аллабердей пойдутъ къ тебѣ, а твой новый посолъ и нашъ старый посланникъ Безобразовъ пойдутъ къ намъ" **). Въ ноябрѣ 1593 года вмѣстѣ съ княземъ Щербатовымъ отправились въ Ливны: боярин князь Ѳедоръ Яковлевичъ Хворостининъ да оружничій Богданъ Ивановичъ Бѣльскій для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ съ ханскимъ уполномоченнымъ Ахметъ-пашею. Пріѣхавши въ Ливны, Хворостининъ послалъ сказать Ахметъ-пашѣ, чтобъ тотъ ѣхалъ къ нимъ за рѣку Сосну на переговоры. Ахметъ отвѣчалъ, что ему ѣхать за рѣку невмѣстно: прежде пріѣзжалъ

*) Истор. Рос. Соловьева, изд. 4, т. 7, стр. 318.
**) Исторія Россіи Соловьева, т. 7, изд. 4, стр. 320.

въ Путивль большой его братъ Муратъ князь, а съ Москвы пріѣзжалъ тогда на размѣнуословъ Андрей Нагой, который пріѣзжалъ за р. Сеймъ къ Мурату князю въ шатеръ; потому теперь онъ, Ахметъ-паша, государя своего имени потерять и прежняго обычая нарушить не хочетъ. Хворостининъ возражалъ, что Андрей Нагой былъ дворянинъ обычный и великаго такого дѣла тогда не было, а теперь для великаго дѣла посланы люди великіе. Ахметъ отвѣчалъ, что и онъ у своего государя человѣкъ именитый же, да и служба его къ царю Ѳедору Ивановичу вѣдома, и ему отъ хана приказъ — за Сосну не ѣздить. Когда Хворостининъ далъ знать объ этомъ затрудненіи царю, то получилъ грамоту: „Сами знаете, что по ту и по сю сторону Сосны все наша земля, и вы бы приказали къ Ахметъ-пашѣ, что вы для добраго дѣла и мимо нашего указа свой съѣзжій шатеръ на ихъ сторонѣ велите поставить, только бы Ахметъ-паша пріѣзжалъ къ вамъ на съѣздъ въ вашъ шатеръ“. Но Хворостининъ урядился съ Ахметъ-пашею иначе: поладили съѣзжаться на серединѣ рѣки на мосту. Ахметъ далъ шерть за хана и царевичей — быть въ прямой дружбѣ и братствѣ съ царемъ, а Хворостининъ обѣщалъ; „если ханъ, калга и всѣ царевичи въ своей правдѣ устоятъ, лѣтомъ 1594 года на Московскія украйны воевать не будутъ, то государь осеньюословъ своихъ и другую половину запроса къ хану пришлетъ (первую половину везъ Щербатовъ), и впередъ поминки станетъ посылать ежегодно; государя нашего слово инако не будетъ, въ томъ вѣрьте намъ“. Ахметъ отвѣчалъ: „я вашимъ словамъ вѣрю“. Потомъ Ахметъ сталъ говорить, чтобъ государь велѣлъ казаковъ съ Дона свести, а къ Дербенту и Шемахѣ дорогу велѣлъ очистить. Хворостининъ отвѣчалъ, что „на Дону живутъ казаки воры бѣглые люди, и живучи на Дону, сложась съ запорожскими черкасами, Азовъ тѣснятъ безъ государева вѣдома и государевыхъ посланниковъ не слушаютъ; а теперь, какъ вашъ государь съ нашимъ государемъ укрѣпятся, то государь нашъ пошлетъ на Донъ рать свою, и велитъ тѣхъ воровъ, донскихъ казаковъ, перехватать и перевѣшать, остальныхъ съ Дона сослать, и впередъ на Дону не будетъ ни одного человѣка; а на Терку государь пошлетъ воеводамъ крѣпкій наказъ, чтобъ турецкимъ людямъ тѣсноты и помѣшки нигдѣ не дѣлали“ *). Щербатовъ же отвезъ въ Крымъ 10,000 р. хану и 17,000 деньгами для раздачи калгѣ, князьямъ, мурзамъ и уланамъ. Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, Крымскихъ гонцовъ отпускали изъ Ливенъ съ провожатыми; царь же Борисъ запретилъ оказывать такую честь хапскимъ посламъ, потому что они провожатыхъ бьютъ и въ полонъ берутъ **).

---

*) Тамъ-же, стр. 322—323.
**) Исторія Россіи, Соловьева, т. 8, стр. 38.

VI.

Станы, села, деревни, погосты, слободы, займища и починки на пространствѣ Ливенскаго уѣзда въ началѣ 17-го вѣка.

Значеніе города Ливенъ для обитателей бассейна р. Сосны.—Мѣстность первыхъ поселковъ и древніе станы въ Ливенскомъ уѣздѣ: Красный, Серболовъ, Затруцкій и Мокрецкій. Разныя поселенія въ каждомъ станѣ.—Общее количество поселеній, дворовъ, людей, пашни и сѣнныхъ покосовъ за помѣщиками и крестьянами.—Древніе помѣщики, какъ піонеры и колонизаторы Ливенскаго уѣзда.—Ихъ матеріальное обезпеченіе и семейный бытъ.

Построеніе города Ливенъ имѣло важное значеніе для всего верхняго бассейна Быстрой Сосны. Подъ защитою городовыхъ укрѣпленій и бдительною охраною сторожъ, раскинутыхъ по берегамъ Быстрой Сосны и ея притоковъ, этотъ край, дотолѣ пустынный и дикій, началъ замѣтно оживляться и пріобрѣтать работниковъ для своего культированія. Хотя бранная тревога не прошла еще здѣсь, и надъ обитателями Сосны по прежнему проносились военныя бури, обращавшія въ прахъ мирные „починки“ и займища, деревни и слободы; за то нападенія непріятелей не были уже такъ внезапны, и, на случай появленія Татаръ, теперь можно было найти безопасное убѣжище, укрыть отъ плѣна и меча жену и дѣтей, спасти отъ разграбленія и самые „животы“, т. е. скотъ и вообще движимое имущество. Такимъ надежнымъ убѣжищемъ служило именно городовое укрѣпленіе, съ постояннымъ въ немъ гарнизономъ и воеводою во главѣ. На обязанности воеводы лежало охраненіе не только города, но и всего уѣзда. Поэтому, какъ только приходили на городъ вѣсти о приближеніи „воинскихъ людей“ (т. е. Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ), воевода высылалъ въ уѣздъ, во всѣ его станы и волости, дѣтей боярскихъ и приказныхъ съ объявленіемъ, чтобы всѣ служилые и неслужилые люди, дѣти боярскіе съ женами и дѣтьми, вдовы и недоросли, спѣшили тотчасъ въ городъ—„въ осаду“, а кто въ осаду не пойдетъ или не поѣдетъ и возьмутъ его Татары, и тотъ будетъ выкупаться изъ плѣна и выкупать свою родню самъ, а изъ Государевой казны ему выкупа не ожидать; ослушниковъ сажали въ тюрьму и выпускали изъ нея только за крѣпкими письменными поруками, что въ извѣстный срокъ они доставятъ свои семейства въ осаду; кромѣ того, за ослушаніе наказывали сыскомъ прогоновъ, истраченныхъ на ихъ поиски и доставку въ городъ, били кнутомъ и батогами. Особенно строго отвѣчали за несвоевременную явку, по вѣстямъ, служилые дѣти боярскіе: „а дѣти бы боярскіе по вѣстемъ по домомъ не

мѣшкали, тотчасъ были на Государевѣ службѣ у воеводъ въ полкахъ со всею службою: а которые дѣти боярскіе по вѣстемъ про воинскихъ людей у воеводъ въ полкахъ тотчасъ не будутъ, а воеводамъ будетъ въ тѣ поры которое Государево дѣло съ воинскими людьми, и тѣмъ дѣтемъ боярскимъ... быти казненнымъ смертію, а хотя... ни котораго Государева дѣла и не будетъ, ... и тѣхъ дѣтей боярскихъ... за ослушанье бити кнутьемъ, а помѣстей и денежнаго жалованья убавливати по Государеву указу".

Воевода наблюдалъ также, чтобы всѣ, собравшіеся въ городъ, были своевременно переписаны, чтобы ихъ почаще осматривали и никому не дозволяли выходить изъ города по одиночкѣ „во все лѣто, чтобы ихъ Татарове не взяли". Высшее правительство всѣми мѣрами покровительствовало заселенію украинныхъ мѣстъ; оно щедро награждало земельными участками служилыхъ людей, выдавало имъ и семействамъ ихъ за изронъ, плѣнъ и смерть денежное жалованье, позволяло селиться на ихъ земляхъ всякимъ „охоцкимъ" и „гуляющимъ людямъ", бобылямъ, выходцамъ изъ Черкасъ и т. п. И вотъ, за массою служилыхъ людей какъ въ городѣ Ливнахъ, такъ и въ его уѣздѣ селятся еще ихъ братья и племянники, разные свойственники, половинщики, захребетники, сосѣди и подсосѣдники, полоняники, нищіе, ходящіе и шатающіеся „межъ дворъ". Тревожна была жизнь на Ливнахъ: но за то, кто желалъ трудиться, тотъ зналъ, что здѣсь всякій трудъ съ избыткомъ вознаграждался плодородіемъ почвы и обиліемъ всякихъ угодій; что на берегахъ Сосны всякаго неосторожнаго Татары легко могутъ ограбить, убить и взять въ плѣнъ, но что усердному труженику невозможно здѣсь умереть съ голоду, а человѣку пылкому, не уживающемуся почему-либо на своемъ мѣстѣ, провинившемуся гдѣ бы то ни было и ищущему новаго мѣста для поселенія— удобно найти пріютъ, проявить свою удаль на службѣ Государевой и даже, что называется, выйти въ люди. Что еще такъ недавно, на памяти многихъ, былъ для Русскаго государства Кавказъ, то, въ описываемое нами время, представлялъ изъ себя для Московскаго царства Ливенскій сторожевой, станичный край.

Исторія не сохранила намъ яснаго указанія на то, гдѣ, въ какихъ именно мѣстахъ на Быстрой Соснѣ и ея притокахъ сохранялись поселенія до построенія города Ливенъ въ 1586 году. Изъ того, что въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго выжигалось поле сплошь между Чернавой, Любовшей и Трудами, а также между Тимомъ, Кшенью и Олымомъ, мы имѣемъ право заключать, что здѣсь не было тогда поселеній; эта мѣстность, по которой имѣли обычай „перехаживать Татары", очевидно, была открытою, лежала впустѣ. Если и уцѣлѣли здѣсь поселенцы отъ прошлаго времени, то до построенія города Ливенъ въ 1586 году они должны были ютиться вдали отъ главныхъ Крымскихъ дорогъ, у чащи лѣсовъ, подъ прикрытіемъ топей и овраговъ, которыхъ Крымцы обыкновенно старались избѣгать на своемъ пути въ Русь*).

*) Есть преданіе, что однажды Татары, попавъ въ болото при деревнѣ Дутой, всѣ погрязли.

Отсюда и всѣ станы, образованные въ Ливенскомъ уѣздѣ, получили свои названія отъ лѣсовъ. Всѣхъ становъ было четыре: Красный, Серболовъ, Затруцкій (т. е. за р. Трудами по отношенію къ г. Ливнамъ) и Мокрецкій. Въ станѣ находилось сперва лишь по одному селу, но нѣсколько селецъ, погостовъ, деревень, слободъ, займищъ и починковъ, и всѣ эти поселенія тѣснились подъ тѣмъ или другимъ лѣсомъ, у какого-нибудь „рога“, оврага, „отвершка“, или „крутаго верха“, или „ржавца“, при рѣчкѣ или колодезѣ, озерѣ или болотѣ. Чтобы ближе познакомиться съ древнѣйшими поселками Ливенскаго уѣзда, изъ которыхъ впослѣдствіи многимъ суждено было вырости въ людныя села, мы воспользуемся „Приправочною книгою 1615 года по г. Ливнамъ и его уѣзду“, какъ древнѣйшимъ топографическимъ документомъ этой мѣстности, и сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія изложимъ въ порядкѣ *становъ*.

А) *Красный станъ*. Этотъ станъ, ближайшій къ городу Ливнамъ, расположенъ былъ на лѣвомъ берегу рѣки Сосны и ея притоковъ—Лѣсной и Полевой Ливны, Чернавы и ихъ притоковъ (колодезей): Здоровца, Евланова, Бѣлаго, Хвощеватаго (Несковатаго тожъ) и Хрущеватаго, Ребинскаго, Жилеваго, Присынскаго и Кривецкаго. въ области лѣсовъ: Краснаго, Сторожеваго, Жилеваго и Присынскаго. Въ Красномъ стану находились слѣдующія поселенія:

1) Деревня Здоровецъ, усть Никольскаго Верха, при колодезѣ Здоровцѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ*).

2) Деревня Зубцова въ Долгой Полянѣ, что былъ починокъ Буняевскій, Мишутвино тожъ, на рч. Лѣсной Ливнѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ.

3) Погостъ на Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи землѣ, на рч. Лѣсной Ливнѣ, въ Долгой Полянѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ, а на погостѣ церковь Николы Чудотворца, да придѣлъ Св. Мучениковъ Фрола и Лавра, дряхла клѣтцки; отъ войны 1613 года стоитъ не освящена; строенья та церковь попа Назарья; на погостѣ дворъ вдовыя попадьи попа Назарья Парасковьицы съ дѣтьми; пашни паханыя церковныя земли 2 чети, да дикого поля и дубравы пашенныя 18 чети, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна—въ Красномъ лѣсу полянка Гуляевская на р. на Лѣсной Ливнѣ 2 десятины, сѣна косятъ 40 копенъ, по 20 копенъ на десятинѣ **).

*) Въ настоящее время, близъ церкви села Здоровца, въ 10 верстахъ отъ Ливенъ, на берегу рч. Лѣсной Ливенки есть урочище—*Лугъ Ертаровка*. По преданію, названіе это происходитъ отъ того, что во время Азовскаго похода Петра Великаго на этомъ лугу останавливались рейтары (всадники).

**) Въ писцовыхъ Ливенскихъ книгахъ 1626—1629 г.г. говорится объ этой церкви: „а строенья та церковь попа Анурева отца Назарья, на погостѣ дворъ попа Ануря, ниже стрѣлицы, на Поклонной горѣ, на подолъ, по рѣчкѣ по Лѣсной Ливнѣ, да бобылей 5 дворовъ; пашни паханыя церковныя земли отъ церкви съ одну сторону въ верхъ по рѣчкѣ по Лѣсной Ливнѣ по Иванову землю Красова съ товарищи деревни Зубцовы, а съ другую сторону внизъ по рѣчкѣ по Лѣсной Ливнѣ къ усть Бѣлому колодезю 9 чети, да дикого поля дубровы пашенныя 11 чети, обоего: пашни паханыя и дикого поля и дубровы паханыя 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна въ Красномъ стану полянка Гулевская Григорьева, Малая тожъ, на рѣчкѣ на Лѣсной Ливнѣ, 2 десятины, сѣна на ней косятъ 40 копенъ, по 20 коп. на десятинѣ; да церковныя жъ земли по выписи воеводы князя Михайла

4. Деревня Евлановъ Рогъ, подъ Краснымъ лѣсомъ.

5. Деревня, что было займище *) Присова, подъ Евлановымъ Рогомъ, на р. Лѣсной Ливнѣ.

6. Деревня Семенихина подъ Краснымъ лѣсомъ, подъ Евлановымъ Рогомъ.

7. Деревня Присыскъ подъ Присыскомъ — лѣсомъ на колодезѣ Присыскѣ, по большой Новосильской дорогѣ.

8. Деревня Роговая подъ Краснымъ лѣсомъ подъ Евлановымъ Рогомъ.

9. Деревня Лепашина, сверхъ Евланова колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ.

10. Деревня, что было займище Алексѣя Зайцева, сверхъ Евланова колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ.

11. Село Пятницкое, что была деревня Парахина, сверхъ Евланова (Бѣлаго) колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ, а въ селѣ церковь Св. Великомученицы Параскевы. нарицаемыя Пятницы, древяна клѣтцки: строенье той церкви и въ церкви образы и книги и всякое церковное строенье приходское; въ селѣ дворъ поповъ Васильевъ, да на погостѣ жъ живутъ нищіе, питаются отъ церкви Божіей (кромѣ того еще 3 двора); при церкви пашни паханыя, да перелогу, да дикого поля 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю и по логомъ и по верхомъ, врядъ съ помѣщики Парахиными, 40 копенъ подъ Краснымъ лѣсомъ **)

12. Деревня Орлова, Хвощеватое тожъ, сверхъ Хвощеватаго и Хрущеватаго колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ.

13. Деревня Чюхахина, Чюхова тожъ, на Полевой Ливнѣ, у Краснаго лѣса.

14. Деревня Косьянова на отвершку у Краснаго лѣса, на Рогу.

15. Деревня Плотовая, Люта тожъ, на Полевой Ливнѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ.

16. Погостъ на Государевѣ... землѣ подъ Краснымъ лѣсомъ. межъ дву отвершковъ на рч. на Полевой Ливнѣ, а на погостѣ церковь во имя Страстотерпца Христова Егорья, древяна клѣтцки; строенье — та церковь и въ церкви образы мѣстные и Денисусы и книги и всякое церковное строенье попа Саввы ***), да на погостѣ дворъ поповъ Саввинъ, да на погостѣ жъ дворъ пономаря Ивана, да на погостѣ жъ живутъ

Волконскаго, 131 (1623) году мая въ 5 день, что дано подъ придѣлъ св. мученикъ Фрола и Лавра, по конецъ поль тоя жъ церковныя Никольскія земли съ одну сторону рѣчки Лѣсной Ливны, да помѣстныя и вотчинныя земли Ливенца Мишки Теряева, да казачья сына Тришки Баслонова, пашни паханыя церковныя добрыя земли четь, да дикого поля и дубровы пашенныя 9 чети, обоего... 10 чети въ полѣ, а въ дву по томужъ; сѣна по дикому полю 20 копенъ; и всего церковныя пашни паханыя и дикого поля и дубровы пашенныя 30 чети въ полѣ, а въ дву по томужъ; лѣсъ Красной вопче съ помѣщики".

*) „Займище"—мѣсто, назначенное подъ расчистку для пашни или угодьевъ.

**) По писцовымъ книгамъ 1626—29 гг. въ этомъ селѣ: «дворъ попа Нефодья, дворъ вдовыя попадьи (вѣроятно—Васильевой) Марьи, дворъ церковнаго дьячка Лучки Исаева, дворъ пономаря Ивашки Яковлева, да бобыльскихъ 3 двора». Кромѣ вышеуказанной пропорціи земли, въ это время при церкви села Пятницкаго считалось еще «примѣрныя земли 15 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, и та примѣрная земля отмѣрена врядъ съ тою жъ церковною землею».

***) Въ писцовой 1626—1629 гг. добавлено: «и приходскихъ людей».

ницiе: Андрюшка Кобцовъ, Сидорка Шеталовъ, питаются отъ церкви Божiей; пашни паханыя церковныя добрыя земли 2 чети, да перелогу 3 чети, да дикого поля 15 чети, обоего — 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, а писана та церковная земля и дорога въ Серболовъ лѣсъ письма Михайлы Нѣлова да подъячаго Гордѣя Бабанина во 108 (1600) году *). И попъ Савва на ту церковную землю тоя выписи не положилъ.

17. Деревня Пашкова на рч. Полевой Ливнѣ, на колодезѣ на Рыбникѣ (Рыбницѣ), подъ Краснымъ лѣсомъ.

18. Деревня Хвощеватая (Хвощевка), Потапова тожъ, на рч. на Полевой Ливнѣ, усть Хвощеватаго колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ.

19. Деревня, что было займище Присада, позднѣе — Костомарова, подъ Краснымъ лѣсомъ, на р. Полевой Ливнѣ, усть Хвощеватаго колодезя, Песковатаго тожъ.

20. Деревня Жилова, подъ Жилевымъ лѣсомъ, на Жилевѣ колодезѣ.

21. Сельцо (Пречистенское) на Рогу подъ Сторожевымъ лѣсомъ, на Кривецкомъ колодезѣ (за рѣкою за Чернавою), а въ немъ церковь Пресвятыя Богородицы, древяна клѣтцки, на Государевѣ... землѣ, строенье — та церковь и въ церкви образы и книги и всякое церковное строенье приходское, а на погостѣ дворъ поповъ Ѳедоровъ, да мѣсто дворовое просвирницыно, да мѣсто дворовое пономарское; пашни паханыя церковныя земли 2 чети, да пашни перелогомъ 3 чети, да дикого поля 15 чети, обоего... 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю 40 копенъ; лѣсъ Сторожевой общe съ помѣщики.

22. Деревня Золотухина, подъ Сторожевымъ лѣсомъ.

23. Деревня Соловьева, подъ Сторожевымъ лѣсомъ.

24. Деревня Чернянская, подъ Сторожевымъ лѣсомъ **).

Итого въ Красномъ станy въ 1615 году состояло: 1 село, 1 сельцо и 22 деревни, полагая въ томъ числѣ и 3 погоста. Сверхъ того, въ общемъ итогѣ „Переписной книги“ показывается: „деревня безъ жеребья, да починокъ ***) живущихъ, да пустошь, да въ пустоши 7 жеребьевъ. А въ селѣ и въ сельцѣ и въ деревняхъ и въ починкѣ 200 дворовъ помѣщиковыхъ, да 105 дворовъ крестьянскихъ, да 15 дворовъ бобыльскихъ; а людей въ нихъ: помѣщиковъ 191 чел., да 20 вдовъ, да 48 недорослей ****); крестьянъ 106 чел., бобылей 15 чел. Пашни паханыя помѣщиковы и

*) Къ 1626 году на этомъ погостѣ произошли слѣдующія перемѣны: попъ Савва овдовѣлъ, и вмѣсто него пономъ былъ Аоанасій; пономаря Ивана не стало, и его мѣсто занималъ Игнашка Ивановъ; вмѣсто нищихъ на погостѣ жили особыми дворами 5 бобылей; обработка церковной земли подвинулась такъ, что „добрыя земли считалось уже 5 чети съ осминою, перелогу 8 чети, а дикаго поля только 6 чети; на сѣножать отведено было 3 десятины,—и на нихъ косятъ 60 копенъ“; кромѣ вышеозначенныхъ 20 чети, въ это время значилось еще „примѣрныя церковныя земли 25 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ“.

**) О Красномъ станѣ въ Приправочной книгѣ см. стр. 45—179.

***) Починокъ—на вновь расчищенномъ лѣсномъ мѣстѣ, или выселокъ.

****) *Недоросль*—не достигшій совершеннолѣтія.

крестьянскія 227 чети, да перелогу и дикого поля 15272 чети, обоего—15499 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ... Да церковныя земли въ селѣ, да въ сельцѣ, да въ дву погостехъ пашни паханыя и перелогу и дикого поля 80 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 180 копенъ“ (въ томъ числѣ 60 копенъ, вѣроятно, погоста Егорьевскаго, о сѣнныхъ покосахъ котораго не упомянуто въ „Приправочной“).

Б) *Серболовъ станъ.* Онъ находился по теченію р. Чернавы и многочисленныхъ колодезей, каковы: Жилевой, Полой, Куначъ, Хмѣлевой, Шиловъ, Дайминовъ и Туровецъ, въ области лѣсовъ—Серболова, Оберецкаго, Богданова, Хмѣлеваго, большаго и меньшаго Туровца, большаго Кривецкаго, Плоскаго и Середняго. Въ этомъ стану были слѣдующія поселенія:

1. Деревня Малахова, подъ Серболовымъ лѣсомъ, у Полова колодезя.

2. Деревня Оберецъ, что былъ починокъ Оберецъ, подъ лѣскомъ Оберцомъ (нынѣ село Покровское).

3. Деревня Островъ, подъ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Полова колодезя (нынѣ село).

4. Погостъ на Государевѣ. . . землѣ подъ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Половой воды съ правой стороны, на суходолѣ, а на погостѣ церковь Преображеніе Спасово, древяна клѣтцки; строенье той церкви и въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строенье Степана Мишина да дѣтей его, Семена да попа Ивана, да на погостѣ дворъ Степана Мишина съ дѣтьми—Семеномъ да съ попомъ Иваномъ, да дворъ пономаревъ Сени Филатова, да на погостѣ живутъ нищіе: Микифоръ Васильевъ, Ивашко Сѣдой, Мишка Терентьевъ, а питаются отъ церкви Божіей: пашни паханыя церковыя добрыя земли 3 чети, да перелогомъ 5 чети, да дикого поля 12 чети, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по томужъ; сѣна по логомъ и по верхомъ 40 копенъ; лѣсъ Серболовъ обще съ помѣщики *).

5. Деревня Прилѣпы, подъ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Полова колодезя.

6. Деревня Сторожевая, подъ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Полова колодезя.

7. Деревня Гниловоды, подъ Серболовымъ лѣсомъ и на Гниломъ озерѣ.

8. Деревня Куначъ Вышній, подъ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ колодезя Кунача.

9. Деревня Чернянская, подъ Богдановымъ лѣсомъ, сверхъ Хмеленскова колодезя.

10. Село Егорьевское, подъ Богдановымъ лѣсомъ, верхъ Хмеленскова (Хмелеваго) колодезя, на Верхней Плотѣ, а въ селѣ церковь Страстотерпца Христова Егорія, древяна клѣтцки; строенье той церкви и въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строенье все приходское; въ селѣ дворъ поповъ Ивановъ, да дворъ поповъ Іосифовъ, да дворъ пономаревъ Прохоровъ; пашни паханыя церковныя добрыя

*) Къ 1626-му году попъ Иванъ овдовѣлъ, и вмѣсто него священнодѣйствовалъ уже попъ Маркеллъ; дьячкомъ былъ Митька Семеновъ, а пономаремъ Петрушка Семеновъ (очевидно, внуки помѣщика Мишина и племянники бывшаго попа Ивана); на погостѣ же вмѣсто нищихъ жили дворами 6 бобылей; обработка церковной земли подвинулась всего на одну «четь съ третникомъ добрыя земли».

земли 5 чети, да дикого поля 15 чети, обоего—20 чети, а въ дву по тому-жъ; сѣна по дикому полю и по логомъ и по верхомъ 60 копенъ; лѣсъ Богдановъ обще съ разными помѣщики *).

11. Деревня Новосильская, подъ Богдановымъ лѣсомъ, верхъ Хмѣлеваго колодезя.

12 Деревня Крутая, подъ Туровымъ лѣсомъ, на Крутомъ Верху.

13. Деревня Сторожевая, подъ Туровымъ лѣсомъ.

14. Деревня Быкова, подъ Туровымъ лѣсомъ и на Шиловѣ колодезѣ.

15. Село Пречистенское, подъ Большимъ Туровымъ лѣсомъ, на Дайминовѣ колодезѣ, а въ селѣ церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, древяна клѣтцки; строенье той церкви и въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строенье попа Ивана, да въ селѣ дворъ поповъ Ивановъ, да просвирницы Офимьи, да дворъ пономаревъ Карповъ, да на погостѣ живутъ нищіе, питаются отъ церкви Божіей: Микифоръ Игнатовъ, Ѳедька Матвѣевъ; пашни паханыя церковныя добрыя земли 2 чети, да дикого поля 18 чети, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ, да сѣнныхъ покосовъ и межъ *полъ* **) и по логомъ и по верхомъ и по дубровамъ и по ржавцамъ ***) по р. по Чернавѣ и за р. за Чернаву 60 копенъ, а по селитовной и по дровяной лѣсъ въѣзжать ему въ Большой Туровъ лѣсъ ****).

16. Деревня Кутепова, подъ Туровымъ лѣсомъ, на Дайминовомъ Отвершку.

17. Деревня Городилова, подъ лѣсомъ Меньшимъ Туровцемъ, на рѣкѣ Чернавѣ

18. Погостъ на Государевѣ ... землѣ подъ лѣсомъ Меньшимъ Туровцемъ, а на погостѣ церковь Архангела Михаила, древяна клѣтцки; строенье той церкви и въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строенье попа Филата*****); пашни паханыя церковныя земли 2 чети, да дикого поля 18 чети, обоего—20 чети; сѣна межъ полъ по логомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ 60 копенъ; по селитовной лѣсъ въѣзжать ему въ Малой Туровецъ.

19. Деревня Нетесова, на колодезѣ Туровцѣ, подъ лѣсомъ Меньшимъ Туровцемъ.

20. Деревня Юрова, подъ Большимъ Туровымъ лѣсомъ, на Крутомъ Верху.

---

*) Къ 1626 году въ составѣ причта села Егорьевскаго произошли значительныя перемѣны, вслѣдствіе которыхъ установились новыя отношенія между владѣльцами церковной земли. Именно: за вдовымъ попомъ Иваномъ большимъ («на трети») съ дьячкомъ Кленкою 7 чети безъ третника, а за попомъ Иваномъ меньшимъ съ пономаремъ Дронкою 13 чети съ третникомъ; сѣна (изъ 40 копенъ) вдовому попу Ивану съ дьячкомъ Кленкою 13 копенъ съ треть копною, а Ивану меньшему съ пономаремъ Дронкою 27 копенъ безъ треть копны, «а въ полѣ и въ дачахъ равняться имъ межъ себя самимъ по записямъ—вдовому попу Ивану съ дьячкомъ треть, а Ивану меньшему съ пономаремъ 2 трети».

**) *Полъ*—берегъ, сторона.

***) *Ржавецъ*—болотина, топь.

****) По писцовымъ книгамъ 1626—1629 гг. причтъ села Пречистенскаго составляли: два попа—Иванъ и Григорій, дьячекъ Парфенка Лукинъ и пономарь Васька Агѣевъ; на погостѣ было мѣсто проскурницыно, да бобыльскихъ 2 двора; пашни паханыя добрыя земли считалось уже (вмѣсто 2 ч.) 5 чети.

*****) По писцовой 1626—1629 г.—«попа Іосифа (очевидно, преемника Филатова); при попѣ Іосифѣ «пашни паханыя церковныя добрыя земли по верху къ Сосницѣ» считалось уже не 2, а 3 чети съ осминою.

21. Деревня Ясная Поляна подъ Туровымъ лѣсомъ.

22. Починокъ Волчья Поляна подъ Туровымъ лѣсомъ.

23. Деревня Грязцы, на Черной Грязи, подъ Богдановымъ лѣсомъ, верхъ Хмѣлеваго колодезя.

24. Починокъ Мухортовъ въ деревнѣ Грязцы.

25. Деревня Хмѣлевая подъ Хмѣлевымъ лѣсомъ, на Хмѣлевомъ колодезѣ.

26. Деревня Нижній Купачъ, подъ Серболовымъ лѣсомъ, на Лѣсномъ Купацкомъ колодезѣ*).

Итого въ Серболовомъ стану: 2 села, 16 деревень, 4 деревни безъ 7-ми жеребьевъ, 2 починка живущихъ, да 4 пустоши на дикомъ полѣ; дворовъ: помѣщиковыхъ 268, крестьянскихъ 39, бобыльскихъ 4; людей: помѣщиковъ 261 ч., да 8 вдовъ, да 37 недорослей; крестьянъ 39 ч., бобылей 4 ч.; пашни: „паханыя помѣщиковы и крестьянскія добрыя земли 269 чети съ осминою и съ четверикомъ, да перелогу и дикого поля 15114 чети съ четверикомъ въ полѣ, а въ дву по тому-жъ,— обоего... 15374 чети безъ полуосмины; сѣна 29262 копны... Да церковныя земли въ 2-хъ селахъ да въ 2-хъ погостехъ: пашни паханыя и перелогу и дикого поля 80 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна 220 копенъ.

В) *Затруцкій станъ* занималъ верхнее теченіе р. Сосны, въ области рѣчекъ— Фошни, Вязовика, Жерихани и колодезей: Плоскаго, Лѣснаго и полеваго Дросково, Никольскаго, Липовца и Теляжья, питаемыхъ лѣсами—Святицкимъ, большимъ и меньшимъ Вязовикомъ, Ястребовскимъ, большимъ и малымъ Дросковымъ, Жерихапскимъ, Городецкимъ, Ясеновымъ, Ильмовымъ, Ровнецкимъ, большимъ Никольскимъ, Фошпинскимъ и Татариновымъ. Здѣсь поселенія:

1. Сельцо Нижній Вязовикъ, что было займище, подъ лѣсомъ Большимъ Вязовикомъ, на рч. Вязовикѣ; въ немъ церковь Св. Чудотворца Николы, строена на Государевѣ землѣ, а въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строенье поповское, а на погостѣ той церкви дворъ поповъ Григорьевъ, да на погостѣ жъ келья, а въ ней живетъ пономарь; пашни паханыя церковныя добрыя земли 2 чети, да дикого поля 18 чети, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по р. по Соснѣ и по рч. по Вазовику и по дикому полю межъ полъ по логомъ и по верхомъ 40 копенъ; лѣсъ Большой Вязовикъ обще съ помѣщики **).

2. Деревня Середній Вязовикъ, подъ Большинъ Вязовикомъ лѣсомъ, на рч. Вязовикѣ.

3, Деревня Вышній Вязовикъ, подъ лѣсомъ Меньшимъ Вязовикомъ, на рч. Вязовикѣ.

*) Приправочная, стр. 332—474.

**) Въ 1626—29 годахъ пономъ въ сельцѣ Нижнемъ Вязовикѣ былъ Логгинъ, при которомъ все церковное строенье считалось уже приходскимъ; пономаремъ былъ Васька Дементьевъ; на погостѣ жили дворами 2 бобыля: пашни паханыя церковныя добрыя земли, вмѣсто 2 чети, значилось уже 5 чети съ третникомъ.

4. Деревня подъ Святитцкимъ лѣсомъ, по лѣвую сторону Святитцкаго Верха.

5. Деревня подъ Святитцкимъ лѣсомъ, по правую сторону Святитцкаго Верха.

6. Деревня на усть Святитцкаго Верха, подъ Святитцкимъ лѣсомъ.

7. Село Богоявленское, на р. Хвошнѣ, на усть Плоского колодезя, подъ Среднимъ лѣсомъ, а въ селѣ церковь Богоявленія, древяна клѣтцки, стоитъ на Государевѣ землѣ, отъ войны не освящена; строенье той церкви и всякое строенье въ ней поповское (Иваново), а на погостѣ дворъ поповъ Ивановъ; пашни паханыя церковныя добрыя земли 1 четь, да дикого поля 19 чети, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю и по дубровамъ и по р. Хвошнѣ 60 копенъ; лѣсъ Середній обще съ помѣщики *).

8. Слободка, что было займище, на усть рч. Жерыхани, по правую сторону Жерыханскаго лѣса.

9. Слободка сверхъ Жерыханскаго лѣса, на рч. Лѣсной Жерыхани.

10. Деревня Клевцова, сверхъ Плоскова колодезя, подъ Плоскимъ Среднимъ лѣсомъ.

11. Деревня верхъ Плоскова колодезя, подъ Среднимъ лѣсомъ.

12. Деревня подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на Лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ.

13. Деревня въ Большой Полянѣ и въ Хмѣлевомъ Куначѣ.

14. Деревня Харечкова, на Лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ, подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ.

15. Деревня Башкатова, подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на Лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ.

16. Деревня верхъ Дроскова Лѣснаго колодезя, подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на Брусовомъ Верху.

17. Деревня Шварева, подъ Дросковымъ лѣсомъ, на Середнемъ Отвершку.

18. Сельцо Архангельское, что было займище, подъ Дросковымъ лѣсомъ, на Брусовомъ Верху, а въ сельцѣ церковь Архангела Михаила, древяна клѣтцки, стоитъ на Государевой землѣ; строенье той церкви и въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строенье попа Семена, да на погостѣ дворъ поповъ Семеновъ, да дворъ пономаревъ Ивановъ; пашни паханыя церковныя земли четверть съ осминою, да перелогу да дикого поля и дубровы 19 чети съ осминою, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю и дубровамъ 60 копенъ; лѣсъ Большой Дросковъ со всѣми помѣщики **)

*) По писцовой 1626—1629 гг. причтъ села Богоявленскаго составляли: попъ Дмитрій, преемникъ „прежняго Ивана“, и дьячекъ Юшка Ивановъ; строенье церкви называется уже „прежняго попа Ивана и приходскихъ людей“; доброй пашенной земли значилось уже не 1 четь, а 5 четь, дикаго же поля убавилось—изъ 19-ти до 15-ти чети.

**) Въ 1626 году въ сельцѣ Архангельскомъ былъ тотъ же попъ Семенъ; дьячкомъ состоялъ Митрошка Васильевъ, а пономаремъ Тимошка Артемьевъ; при погостѣ жили дворями 2 бобыля: церковной пашенной доброй земли считалось уже 4 чети съ осминою.

19. Починокъ верхъ Дроскова Верха, подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ.

20. Деревня Муратова, верхъ Дроскова Полеваго колодезя, подъ Меньшимъ Дросковымъ лѣсомъ.

21. Починокъ (Теряева) на Полевомъ Дросковомъ колодезѣ, подъ Меньшимъ Дросковымъ лѣсомъ.

22. Деревня Сѣтенева, на Полевомъ Дросковѣ колодезѣ, подъ меньшимъ Дросковымъ лѣсомъ.

23. Ивановской починокъ Гранкина подъ Меньшимъ Дросковымъ лѣсомъ, на Полевомъ Дросковѣ колодезѣ.

24. Деревня Погонева подъ Меньшимъ Дросковымъ лѣсомъ, по правую сторону Дроского колодезя.

25. Починокъ подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на Лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ, въ Долгой Полянѣ.

26. Деревня Морозова, подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ на Рогу, на Дросковомъ Отвершку.

27. Сельцо Дмитровское на р. Хвощнѣ подъ Городецкимъ лѣсомъ, а въ сельцѣ церковь Страстотерпца Христова Димитрія Солунскаго, строенье той церкви поповское, стоитъ на Государевой землѣ, безъ пѣнія отъ войны, а на погостѣ мѣсто дворовое поповское: пашни перелогомъ церковной земли 2 чети, да дикого поля 18 чети, обоего — 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю 40 копенъ; лѣсъ Городецкій обще съ помѣщики *).

28. Деревня усть р. Хвощны.

29. Деревня на р. Соснѣ подъ Ильмовымъ лѣсомъ.

30. Деревня Ровнецъ, подъ Ровнецкимъ лѣсомъ, да къ ней же пустошь, что было сельцо Егорьевское **).

Итого въ Затруцкомъ стану: село безъ жеребья, да сельцо, да два сельца безъ жеребьевъ, да 13 деревень, да восемь деревень безъ 21 жеребья, да слободка, да двѣ слободки безъ шести жеребьевъ, да три починка, да починокъ безъ жеребья живущихъ, да въ дву пустошахъ четыре жеребья. А въ селѣ и въ сельцахъ и въ деревняхъ и въ починкахъ и въ слободкахъ 187 дворовъ помѣщиковъ, да 80 дворовъ крестьянскихъ, да 13 дворовъ бобыльскихъ. А людей въ нихъ: помѣщиковъ 166 человѣкъ, да 9 вдовъ, да 52 человѣка недорослей; крестьянъ 83 чел., бобылей 13 ч.— Пашни паханыя добрыя земли помѣщиковы и крестьянскія 143 чети, да перелогу и дикого поля и дубровы пашенныя 12760 чети безъ третника, обоего — 12903 чети

*) Церковь эта „разорена отъ Литовскихъ людей и отъ Татарскія войны въ 1616 году“; послѣ чего писцовая книга 1626—1629 г. обозначаетъ только мѣсто церковное да дворовое поповское.

**) Приправочная книга, стр. 475—532.

безъ третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 24023 копны... Да церковныя земли въ селѣ да въ трехъ сельцахъ: пашни паханыя да перелогу и дикого поля 80 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна 220 копенъ.

Г) *Мокрецкій станъ*. Онъ лежалъ на правомъ берегу р. Сосны, въ области ея притоковъ—Тима и Кщеневой и колодезей—Свинаго, Бѣлаго и Плоскаго, гдѣ залегали лѣса—Мокрецкій, Плоскій и Лебедскій съ удеревьями—Кунацкою и Мининою. Это былъ наименѣе населенный станъ. Въ немъ:

1. Село Введенское, подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, въ Долгой Полянѣ, а въ селѣ церковь Введенія Пречистыя Богородицы, древяна клѣтцки, на Государевѣ... землѣ, стоитъ безъ пѣнія отъ войны, строенье поповское, да на погостѣ дворъ поповъ Ждановъ, да на погостѣ жъ келья, а въ ней живетъ пономарь; пашни паханыя церковныя земли четверть, да дикого поля 19 чети, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна межъ полъ и по логомъ и по дубровамъ и по дикому полю и по р. Соснѣ 60 копенъ; лѣсъ Мокрецкій обще съ помѣщики *).

2. Деревня Свиная подъ Мокрецкимъ лѣсомъ.

3. Деревня Чесночная, верхъ Свинаго колодезя, подъ Мокрецкимъ лѣсомъ.

4. Деревня, что было займище Евлановское, на Рогу, подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, по верхъ озера и Евланова Рога.

5. Деревня Сторожева (или Сторожиловая) подъ Мокрецкимъ лѣсомъ.

6. Деревня Вышняя Роговая подъ Мокрецкимъ лѣсомъ.

7. Деревня Кудинова, на Плоскомъ колодезѣ, подъ Плоскимъ лѣсомъ.

8. Деревня Пятина на р. Тиму, подъ Плоскимъ лѣсомъ.

9. Деревня Шелохова, подъ Плоскимъ лѣсомъ, на р. Тиму.

10. Сельцо Рождественское, подъ Плоскимъ лѣсомъ, на р. Тиму, а въ сельцѣ церковь Рождества Христова, древяна клѣтцки, отъ Татарскія войны стоитъ безъ пѣнія, строенье той церкви приходское, стоитъ на Государевѣ... землѣ, а на погостѣ у той церкви мѣсто дворовое поповское, да мѣсто дворовое пономарское, да мѣсто дворовое просвирницыно; пашни перелогомъ церковныя земли 2 чети, да дикого поля 18 чети, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по дикому полю 40 копенъ; лѣсъ Плоской обще съ помѣщики **).

11. Деревня Лебедки, подъ лѣсомъ подъ Лебедками, на р. Тиму.

12. Починокъ на рѣкѣ Тиму.

13. Деревня на Середнемъ Острову на р. Соснѣ, подъ Кунацкою удеревью.

*) Въ 1626—1629 годахъ здѣсь попами были уже Евлампій и Илья, попомаремъ Ефимка Романовъ, проскурницею Дарьица, жившіе особыми дворами; при нихъ 3 двора бобылей: изъ 20 чети теперь церковной доброй земли показано уже 5 чети съ осминою, а подъ дикимъ полемъ 14 чети съ осминою; „да примѣрныя церковныя земли, что вымѣрено сверхъ церковныя дачи, пашни и дикого поля добрыя земли 23 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ“.

**) По писцовой книгѣ 1626—1629 гг. въ этомъ сельцѣ показана вмѣсто церкви часовня; при ней дворъ попа Ѳедора, мѣсто дворовое пономаря Сергушки и мѣсто дворовое проскурницыно; количество пашни прежнее.

14. Починокъ на р. Соснѣ усть Кщеневой, на Мининой деревн.

Итого въ Мокрецкомъ стану: „село, да 4 жеребья въ сельцѣ, да деревня, да 10 деревень безъ 18 жеребьевъ, да 2 починка живущихъ; а въ нихъ дворовъ: помѣщиковъ 76, крестьянскихъ 47, да 8 пустыхъ крестьянскихъ дворовъ, бобыльскихъ 6, а въ нихъ людей: помѣщиковъ 73 чел., да 4 вдовы, да 16 чел. недорослей; крестьянъ 48 чел., бобылей 6 чел. Пашни паханыя добрыя земли помѣщиковы и крестьянскія 74 чети съ осминою, да перелогу и дикого поля 5986 чети съ осминою, обоего — 6061 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна 10988 копенъ... Да церковныя земли: пашни паханыя и перелогу и дикого поля 40 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна 100 копенъ.

Всего въ 1615 году, по Приправочной книгѣ, въ Ливенскомъ уѣздѣ состояло: „помѣщиковъ 574 чел., да 48 вдовъ, да 153 чел. недорослей; за ними въ помѣстьяхъ: 4 села, да 2 сельца, да 1 село безъ жеребья, да 52 деревни, да 24 деревни безъ сорока семи жеребьевъ, да 8 починковъ, да починокъ безъ жеребья, да въ дву починкахъ четыре жеребьи, да слободка, да 2 слободки безъ шести жеребьевъ, да 5 пустошей, да въ трехъ пустошахъ одиннадцать жеребьевъ. А въ селахъ и въ сельцахъ, и въ деревняхъ, и въ починкахъ, и въ слободкахъ 734 двора помѣщиковыхъ, да 271 дворъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 276 человѣкъ, да 38 дворовъ бобыльскихъ, а людей въ нихъ тожъ, да 25 дворовъ крестьянскихъ пустыхъ. Пашни паханыя помѣщиковы и крестьянскія: добрыя земли 714 чети съ четверикомъ, да перелогу и дикого поля и дубравы пашеныя 49132 чети съ четверикомъ, обоего — 49846 чети съ полуосминою въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; сѣна 92801 копна... Да монастырскія вотчинныя земли: пашни паханыя добрыя земли осмина, да перелогу и дикого поля 99 чети съ осминою, обоего — 100 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ... А положены въ Лив. уѣздѣ помѣсныя земли по Государеву указу въ соху по 800 чети. А напередъ сего въ Лив. уѣздѣ помѣсныя и монастырскія земли въ сошное письмо были не положены. Да въ Ливенскомъ же уѣздѣ въ 4-хъ станахъ церковной земли 208 чети. Да помѣсныхъ порожжихъ земель 5521 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ“.

Такъ было бѣдно и малочисленно поселеніями верхнее и среднее теченіе р. Сосны въ началѣ 17-го вѣка, спустя уже тридцать лѣтъ послѣ того, какъ здѣсь положено было прочное начало новой гражданственности подъ защитою города Ливенъ: всего около ста разныхъ поселеній, включая сюда и такіе ничтожные, часто однодворные поселки, какъ починки и займища; 1043 жилыхъ двора на весь уѣздъ, который охватывалъ тогда и значительную часть нынѣшняго Малоархангельскаго уѣзда; 1041 человѣкъ — помѣщиковъ съ недорослями (безъ 48 вдовъ), крестьянами и бобылями! Положимъ, „переписная книга“ имѣетъ въ виду только людей служилыхъ, землевладѣльцевъ и сошныхъ, и не принимаетъ въ счетъ людей, не обязанныхъ службою и тягломъ; но послѣдняго рода людей успѣло тогда собраться во вновь засе-

ляемомъ краѣ еще очень мало... Правда, переписная книга не беретъ въ счетъ свой и священно-церковно-служителей, т. е. поповъ, дьячковъ и пономарей; но много ли ихъ было въ 13-ти селахъ, сельцахъ и погостахъ?.. Не считаются здѣсь и нищіе, что жили на церковныхъ земляхъ и питались отъ церквей Божіихъ; но такіе люди насчитывались здѣсь не сотнями, а десятками. И вотъ, если мы къ числу людей по „Переписной“ присоединимъ и всѣхъ такихъ жителей, какъ священно-церковно-служители, гулящіе люди *), нищіе, захребетники **), сосѣди и подсосѣдники, даже съ ихъ женами и дѣтьми: то и тогда численность населенія Ливенскаго уѣзда, по всѣмъ вѣроятіямъ, не превыситъ трехъ- четырехъ тысячъ человѣкъ, а съ городомъ едва ли дойдетъ до шести тысячъ ***). Потому-то и посолъ Крымскаго хана Джанибека-Гирея Ахметъ-паша Сулешовъ, въ 1614 году, предъ уполномоченными царя Михаила Оедоровича для заключенія мирнаго договора съ Крымомъ, находилъ возможнымъ пригрозить плѣномъ на Ливнахъ не болѣе какъ тысячи человѣкъ ****).

Какъ бы то ни было, но съ возникновеніемъ города Ливенскій край сталъ постепенно заселяться. Старая борозда, усѣвшая подъ вліяніемъ политическихъ невзгодъ частію зарости кустарниками и дубровами, а частію обратиться въ дикое поле, начала опять проходить межъ лѣсовъ, лѣсковъ и дубровъ, у колодезей, рѣчекъ, озеръ и болотъ, на ржавцахъ, рогахъ, вершкахъ и отвершкахъ, а мѣстами выходила уже и въ дикое поле, которое, кромѣ того, служило для многихъ и сѣнными покосами. Главную услугу краю въ этомъ отношеніи оказывали служилые люди, дѣти боярскіе— помѣщики. На ихъ долю выпала здѣсь и первая борозда, и самое заведеніе починковъ, займищъ и деревень; отъ ихъ именъ и фамилій многія изъ поселеній получили свои названія, а нѣкоторыя удерживаютъ эти названія и до настоящаго времени. Потому для насъ не безразличны самыя фамиліи первыхъ помѣщиковъ Ливенскаго уѣзда,—этихъ безстрашныхъ его піонеровъ, колонизаторовъ и первыхъ пахарей. Вотъ эти фамиліи, приводимыя нами въ алфавитномъ порядкѣ на основаніи *Приправочной* и *Переписныхъ* книгъ 17-го вѣка.

Абакумовъ, Абышкинъ, Авдѣевъ, Агановъ, Агѣевъ, Адамовъ, Акульшинъ, Александровъ, Алехинъ, Алтисинъ, Алтухинъ, Альчуковъ, Амосовъ, Анисимовъ, Анпенковъ, Аносовъ, Антиновъ, Аристовъ, Артемовъ, Афанасьевъ, Ахихминъ, Аширининъ, Ашихминовъ.—

---

*) „Гулящіе люди“—не владѣвшіе дворами и пашнями, а потому не вносимые въ писцовыя книги и не подлежавшіе общественнымъ податямъ и повинностямъ.

**) „Захребетникъ“—безземельный и бездомный крестьянинъ, работающій у другихъ, батракъ.

***) Такая цифра могла бы получиться въ томъ случаѣ, еслибъ въ каждомъ помѣщичьемъ, крестьянскомъ и бобыльскомъ дворѣ, подобно монастырскимъ дворамъ, было не менѣе четырехъ душъ мужскаго пола; но извѣстно, что монастырскіе крестьяне были домовитѣе крестьянъ помѣщичьихъ, а помѣщики не всѣ были люди семейные.

****) Исторія Россіи Соловьева, т. 9, стр. 85.

Бабкинъ, Багриновцевъ, Багрицовъ, Багулковцевъ, Байковъ, Бакулинъ, Барановъ, Барышовъ, Баскаковъ, Батинъ, Батраковъ, Бахтеяровъ, Бахтинцевъ, Бахтинъ, Бачуринъ, Башкатовъ, Безлѣпковъ, Безсоновъ, Бекетовъ, Бизгинъ, Биркинъ, Бирловъ, Блысковъ, Бобровниковъ, Богатый, Богданчиковъ, Боевъ, Болдыревъ, Болотовъ, Болоцкій, Болтинковъ, Борзенковъ, Борисовъ, Бородинъ, Борценковъ, Бредихинъ, Бровинъ, Бровкинъ, Брыковъ, Будогоцкій, Булавинъ, Булгаковъ, Бурновъ, Бурцовъ, Быкановъ, Быскаковъ, Бычищевъ, Бышановъ, Бѣжинъ, Бѣлиховъ, Бѣловъ, Бѣлый, Бѣляевъ.—

Васютинъ, Ватутинъ, Вахинъ, Веревкинъ, Вершиновъ, Викторовъ, Влаковъ, Власовъ, Волковъ, Волобовъ, Волобоевъ, Воробьевъ, Воровъ, Вороновскій, Выгаловъ, Выпоровъ, Выренинъ, Выриновъ.—

Гавриловъ, Гамовъ, Гладковъ, Глотовъ, Глухой, Глушковъ, Гнѣздиловъ, Гнѣздневъ, Говоровъ, Голдаевъ, Голицкій, Головинъ (Замятня), Голодскій, Голощаповъ, Голубицкій, Гончаровъ, Горбатовъ, Горборуковъ, Городниковъ, Граникинъ, Гревцовъ, Грибановъ, Гриденковъ, Гридуновъ, Гриневъ, Губановъ, Гудевскій.—

Данышинъ, Дворядникъ, Демидовъ, Деминъ, Добриковъ, Добродѣевъ, Докукинъ, Долгій, Должановъ, Долженковъ, Должиковъ, Домаревъ, Донской, Дорохинъ, Дороховъ, Дороѳеевъ, Драчевъ, Дромовъ, Дронинъ, Дружбинъ, Дурисовъ, Дурищевъ, Дурневъ, Дурновъ.—

Егоровъ, Егуновъ, Екимовъ, Енинъ, Ерминъ, Еремѣевъ, Ермоловъ, Ершовъ, Есиповъ, Еськинъ, Еськовъ, Ефановъ.—

Жердевъ, Животовъ, Жидковъ, Жилинъ, Жильцовъ, Жиновинъ, Житковъ, Жихаревъ, Жуковъ, Журуховъ.—

Заболоцкій, Заборовъ, Завалишенъ, Завалишинъ, Заикинъ, Зайцевъ, Заниновъ, Занцовъ, Зароченцевъ, Затыкинъ, Затвершковъ, Звягинцевъ, Звягинъ, Земляникъ, Зиборевъ, Зиновьевъ, Злобинъ, Золотухинъ, Зубаревъ, Зубовъ, Зубцовъ, Зыбинъ.—

Иваниковъ, Ивановъ, Ивановъ, Ивашинъ, Ивановъ, Иванчиковъ, Ивашовъ, Игнатьевъ, Извѣковъ, Изжеуровъ, Ильинъ, Ишпевъ.—

Кавелинъ, Казанцевъ, Казначеевъ, Калининъ, Калугинъ, Каменевъ, Капустинъ, Карловъ, Карогодинъ, Карповъ, Карповъ—Кислой, Касторновъ, Карташевъ, Карцевъ, Касьяновъ, Катасоновъ, Каторгинъ, Кафоновъ, Кириловъ, Кирѣевъ, Кишкинъ, Кладовъ, Кливцовъ, Климовъ, Клодовъ, Клоковъ, Клушинъ, Клюковъ, Ключниковъ, Кобозевъ, Ковыршинъ, Кожуховъ, Козминъ, Кокаревъ, Кологрѣевъ, Колшинъ, Кольцовъ, Коморовцевъ, Кондратьевъ, Кондуровъ, Кононовъ, Коноплевъ, Константиновъ, Конышовъ, Коринѳовъ, Коробецкій, Корогодинъ, Коршиковъ, Коршаньевъ, Косовъ, Косой, Костомаровъ, Костричный, Косюровъ, Косьяновъ, Котосоновъ, Кохановъ, Кохоновъ, Кошпрянниновъ, Крапивцевъ, Красниковъ, Красной, Красноуховъ, Красовъ, Кривцовъ,

Крюковъ, Кудрявой, Кузенковъ, Кузминъ, Куликовъ, Куповой, Куровъ, Курьяновъ, Кутафинъ, Кутеповъ, Кушелевъ.—

Лагутинъ, Лагутовъ, Лазаревъ, Лакомовъ, Ларіоновъ, Лахинъ, Лахтіоновъ, Левикинъ, Левитный, Левоновъ, Леденевъ, Лелеховъ, Леникова, Лесковъ, Лигостаевъ, Линовскій, Лисинъ, Литвиновъ, Литовиновъ, Лихонинъ, Лобовъ, Лобынцевъ, Логачевъ, Логовчинъ, Ломакинъ, Лубашиновъ, Лубенниковъ, Лукинъ, Лукьянчиковъ, Луневъ, Лыковъ, Лѣсной, Лютовъ (Лутовъ).—

Малыхинъ, Мальцевъ, Мансовъ, Мараховъ, Марковъ, Маслаковъ, Маслеховъ, Матвѣевъ, Махтинъ, Мацневъ, Медвѣдевъ, Мерунцевъ, Межиновъ, Мезенцевъ, Мехеховъ, Мерепковъ, Меркуловъ, Мешеневъ, Микитинъ, Миклевъ, Миклявъ, Микулинъ, Микульниковъ, Мильцевъ, Минаевъ, Минаковъ, Мишенковъ, Митусовъ, Митюшинъ, Митюревъ, Михайловъ, Михеевъ, Мишеневъ, Мишинъ, Мишюровъ, Моисеевъ, Молявинъ, Моначаровъ, Мининковъ, Моногоровъ, Москвитиновъ, Москвитинъ, Мостенскій, Моховровъ, Мощенниковъ, Мухортовъ, Мягкій, Мясниковъ.—

Невзгодовъ, Невѣровъ, Некрасовъ, Непотягинъ, Неспайковъ, Нестеровъ, Нетесовъ, Нехорошій, Новиковъ, Носовъ, Ностоязпинъ, Нѣгиневъ.—

Овсянниковъ, Огарковъ, Огибаловъ, Озерковъ, Озеровъ, Окатовъ, Окороковъ, Окульшинъ, Окуневъ, Олехинъ, Оловянниковъ, Олсуповъ, Олтупинъ, Олтуховъ, Олябьевъ, Омельяновъ, Описимовъ, Оносовъ, Онсуповъ, Онусовъ, Опальковъ, Остаховъ, Офонинъ, Офремовъ, Очкасовъ, Очкиневъ.—

Павловъ, Панюковъ, Парахинъ, Пахомовъ, Пашковъ, Паюмовъ, Пенковъ, Переверзевъ, Переславскій, Перцовъ, Печерскій, Пещальниковъ, Пикаловъ, Пирезовъ, Пирозовъ, Писаревъ, Пихачевъ, Пишковъ, Пишиовъ, Пишоновъ, Пищальниковъ, Пищулинъ, Платоновъ, Пленковъ, Плохой, Повѣткинъ, Погоневъ, Подколзинъ, Подольскій, Подорогинъ, Позняковъ, Полный, Полунинъ, Полухинъ, Польщиковъ, Полянскій, Пономаревъ, Поповъ, Посифловъ, Потаповъ, Поцѣлуевъ, Прокоповъ, Прохоровъ, Псаревъ, Пузиковъ, Пчельниковъ, Пыжовъ, Пѣшковъ.—

Равцевъ, Радкинъ, Радцевъ, Ракинъ, Ревякинъ, Ремезовъ, Реутовъ, Решетовъ, Римшинъ, Ровенскій, Рогозинъ, Рогулинъ, Родіоновъ, Розанцевъ, Розниковъ, Розспиовъ, Росленевъ, Росщукинъ, Ртищовъ, Рудневъ, Русановъ, Рыбинъ, Рыковъ, Рылкинъ, Рылковъ, Рышковъ, Рѣдкинъ, Рѣпинъ.—

Сабаевъ, Сабѣевъ, Савеловъ, Савенковъ, Савиновъ, Сазоновъ, Салтыковъ, Самойловъ, Сапковъ, Сапюковъ, Сапрыкинъ, Сараевъ, Сахаревъ, Селеховъ, Селименовъ, Селищевъ, Семенихинъ, Сенютинъ, Сергѣевъ, Сидоровъ, Сижищевъ, Силуяновъ, Ситниковъ, Скороваровъ, Скорый, Скрылевъ, Скрябинъ, Скуридинъ, Слѣпушкинъ, Смагинъ, Смотровъ, Смычковъ, Смѣшолоховъ, Созоновъ, Солодняевъ, Соложеницынъ, Солоповъ, Соновъ, Сотниковъ, Соходиловъ, Стародубцевъ, Старухинъ, Стохановъ, Страховъ, Строевъ, Стронковъ, Стрѣльниковъ, Стрянковъ, Студениковъ, Суринъ, Суровцевъ, Суха-

новъ, Сухаревъ, Сухининъ, Сухинъ, Сухошубовъ, Сушковъ, Сычевъ, Сѣдой, Сьменихинъ, Сѣриковъ, Сюлеменовъ.—

Таплыгинъ, Тарховъ, Тверитиновъ, Телѣгинъ, Теплинскій, Теплицкій, Тершиновъ, Теряевъ, Тимофеевъ, Титовъ, Тишининъ, Тишинъ, Товарковъ, Токаревъ, Токмаковъ, Толстой, Топоровъ, Трикачовъ, Трубицынъ, Трубниковъ, Тулковъ, Тумаковъ, Тупицынъ, Туридинъ, Тучковъ.—

Уваровъ, Улановъ, Ульяновъ, Устиновъ, Ухинъ, Ушаковъ, Ушатовъ.—

Фатѣевъ, Фаустовъ, Филатовъ, Филипповъ, Филинскій, Фроловъ, Фтатѣевъ.—

Ханинъ, Харечковъ, Харитоновъ, Хвостовъ, Хитрово, Хлудовъ, Хмелевскій, Хмыринъ, Хороводовъ, Хорошиловъ, Хорошниковъ (Хорошеньковъ), Хребтовъ.—

Чаплыгинъ, Челищевъ, Чельсовъ, Черепцевъ, Черниковъ, Черновъ, Черный, Чернышовъ, Чернятинъ, Четверткинъ, Чиковъ, Чубатой, Чумаевъ, Чунахинъ, Чурилинъ, Чуриловъ.—

Шабановъ, Шавовъ, Шавяковъ, Шадринъ, Шаловъ, Шаталовъ, Шатерниковъ, Шатовъ, Шаховской, Шацкій, Шевляковъ, Шевьяковъ, Шевяковъ, Шелизовъ, Шемринъ, Шепелевъ, Шетохинъ, Шетѣевъ, Шеховцевъ, Шешпринъ, Шигаревъ, Шиголевъ (Шигоевъ), Широпятой, Шишковъ, Шлоидовъ, Шолоновъ, Шолоховъ, Шонуровъ, Штоповъ, Шуйскій, Шумовъ, Шумскій.—

Щегловъ, Щемкуновъ, Щербининъ.—

Юринъ, Юровъ, Юрьевъ, Ютиловъ.—

Ядынинъ, Ядышный, Языковъ, Якимовъ, Ялдыковъ, Янинъ, Яхонтовъ.—

Ѳедориковъ, Ѳедоровъ, Ѳедяниковъ.—

По трудности украинской службы, на Ливнахъ селились большею частію люди незнатные, такъ—называемые *новики*, дѣти боярскіе „третьей статьи“, которымъ давалось помѣстья 150 чети и денегъ „съ городомъ по пяти рублей“, тогда какъ окладъ первой или большой статьѣ, лучшимъ новикамъ дѣтямъ боярскимъ, назначался „въ 300 ч., денегъ съ городомъ по 8 р.“, а второй статьѣ: „200 ч., денегъ съ городомъ по 6 р.“.

У многихъ изъ Ливенскихъ помѣщиковъ не было вовсе ни крестьянъ, ни бобылей, ни задворныхъ, пришлыхъ и дѣловыхъ людей, или работниковъ; сами же они не могли обработать своего земельнаго надѣла, такъ что несравненно большая часть ихъ имѣній оставалась впустѣ, подъ дикимъ полемъ. Въ приправочной книгѣ, по точномъ изслѣдованіи, записано, что изъ 49846 чети пашни, состоявшей во владѣніи Ливенскихъ помѣщиковъ, обрабатывалось, или, что то же, было пашенною доброю землею только 714 чети, съ четвериком, а 49132 чети съ четвериком значились подъ дикимъ полемъ, перелогомъ и пашенною дубровою. Понятно, что, при такихъ условіяхъ быта, помѣщики мало чѣмъ разнились отъ крестьянъ, были бѣдны и не стѣснялись родниться съ крестьянами, женясь не только на ихъ дочеряхъ, но и на вдо-

вахъ. Такъ, „Ливенецъ сынъ боярскій Левка Пантелѣевъ сынъ Болдыревъ“, изъ деревни Жериной, женился на вдовѣ монастырскаго крестьянина „Фильки Алехина—Оетиньцѣ“, хотя „Оетиньица“ была уже не молодая, такъ какъ имѣла отъ перваго мужа трехъ сыновей: „Ѳедосѣйка 11 лѣтъ, Савку 9 лѣтъ и Оську 5 лѣтъ“. Другой Ливенецъ, также „сынъ боярскій Петрушка Жилкинъ“, когда умеръ монастырскій крестьянинъ Семенъ Картавый, вступилъ въ бракъ съ женою его „Парасковьицею“ *). Вдовы же помѣщиковъ были тѣмъ болѣе желанными невѣстами, и многія изъ нихъ, покидая помѣстья своихъ мужей, выходили замужъ. Такъ поступила по убіеніи Литовцами (въ 1618 г.) своего мужа Ѳомы Яковлевича Ушакова, помѣщика деревни Векетовой Затрудкаго стана, вдова его Агафья. По случаю постоянной войны въ Ливенскомъ уѣздѣ, вдовы ежегодно умножались; тѣмъ не менѣе численность ихъ не увеличивалась, а сокращалась. Напримѣръ, въ 1615 году ихъ считалось въ уѣздѣ 48, а чрезъ десять лѣтъ было только 15. Конечно, нѣкоторыя изъ нихъ могли умереть, другія перешли на жительство въ иные города (какъ вдова Григорія Печельника Оксиньица съ сыномъ Петрушкою во Мценскъ въ 1617 году), но большинство вдовъ, по всей вѣроятности, сдѣлались вновь женами.

Не умѣя, въ большинствѣ случаевъ, ни читать, ни писать **), Ливенскіе помѣщики мало чѣмъ отличались отъ крестьянъ и по своему развитію. Иные помѣщики, нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, выдавали своихъ дочерей, какъ говорится, за перваго встрѣчнаго. Помѣщикъ Борисъ Монуиловъ принялъ къ себѣ въ зятья Антошку Сермягина, и тотъ зять его „выбѣгъ“. Бѣдность заставляла нѣкоторыхъ помѣщиковъ бросать свои имѣнія и „бродить безвѣстно“. О многихъ сиротахъ и недорослях помѣщиковъ замѣчено, что они „волочатся межъ дворъ“. За то были и такіе помѣщики, которые въ своихъ помѣстьяхъ строили церкви и снабжали ихъ иконами, книгами и другими принадлежностями на свой счетъ. Боярскій сынъ Степанъ Мининъ построилъ церковь Спасово Преображеніе на погостѣ подъ Серболовымъ лѣсомъ (сверхъ Полевой воды, на Суходолѣ) и одного изъ сыновей своихъ, Ивана, опредѣлилъ къ ней попомъ.

---

*) Въ то время въ Ливенскомъ уѣздѣ женщина была почти такъ же рѣдка и дорога, какъ и въ Кавказскихъ нашихъ укрѣпленіяхъ, до полнаго покоренія этого края: потому не всѣ Ливенскіе дѣти боярскіе были люди семейные. По крайней мѣрѣ, о многихъ изъ нихъ Переписная книга замѣчаетъ, что „послѣ нихъ (т. е. по смерти или убіеніи Татарами) жены и дѣтей не осталось“. Въ виду этого, всякая вдова крестьянская, даже не молодая, всегда могла разсчитывать на жениха не только изъ крестьянскаго сословія, но даже и изъ помѣщичьяго, дворянскаго: если же къ тому у нея были дѣти отъ перваго мужа, то это обстоятельство только придавало ей болѣе цѣны въ глазахъ жениха: дѣти были тогда дорогимъ приданымъ невѣстъ—вдовъ.

**) Въ числѣ депутатовъ при избраніи царя Михаила Ѳеодоровича, вѣроятно, находились лучшіе изъ Ливенскихъ дѣтей боярскихъ, но за нихъ рукоприкладствовалъ „съ Ливенъ выборный Егорьевскій попъ Гаврійло“.—См. собр. государ. грам. и догов. ч. I, стр. 640—641.

VII.

Смуты на Ливнахъ въ эпоху Самозванцевъ и набѣги Крымцевъ.

Сборъ рати на Ливнахъ и слухъ о Самозванцѣ.—Ливенское ополченіе подъ Кромами.—Мятежъ на Ливнахъ и убіеніе воеводы.—Мѣры царя Василія Ивановича Шуйскаго къ усмиренію бунтовщиковъ.—Покорность Лжедимитрію II-му. Участіе жителей г. Ливенъ въ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича.—Осада г. Ливенъ атаманомъ Заруцкимъ и разграбленіе поселковъ въ Красномъ стану.—Набѣги Крымскихъ Татаръ на Ливенскія мѣста.—Жертвы Татарскаго погрома.—Запустѣніе селъ и деревень.—Помѣщики—скитальцы.—Церкви безъ пѣнія.—Нищіе на погостахъ.—Богадѣленный дворъ и кельи для нищихъ при городскихъ и сельскихъ церквахъ.

Въ то время, какъ обитатели Быстрой Сосны все свое вниманіе обращали на югъ, къ Крыму, и оттуда только чаяли себѣ бѣдствій, на ихъ родномъ небѣ сгущалась грозовая туча, имѣвшая пролить обильные потоки золъ: то были смуты по поводу Самозванщины. При первой вѣсти о появленіи Самозванца, царь Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ велѣлъ на Ливнахъ собирать полки и прислалъ сюда воеводъ Петра Ивановича Шереметева и Михаила Глѣбовича Салтыкова.

По обычаю, на Ливнахъ полагали, что готовится Крымская война; но скоро дѣло разъяснилось. Въ это время ѣхалъ чрезъ Ливны на Донъ царскій посолъ, дворянинъ Хрущовъ; онъ имѣлъ бесѣду съ Шереметевымъ и Салтыковымъ по поводу Ливенскаго ополченія, и, между прочимъ, услышалъ отъ нихъ: „насъ ожидаетъ не Крымская, а совсѣмъ иная война; но—добавляли они—трудно поднять руку на Государя природнаго“ *), т. е. на Лжедимитрія, который тогда выдавалъ себя въ Польшѣ за царевича Димитрія, сына Іоанна Грознаго (какъ извѣстно, убитаго въ Угличѣ), и уже набиралъ войско противъ царя Бориса. Предположеніе воеводъ объ *иной войнѣ* стало ясно для всѣхъ на Ливнахъ, когда Татаръ не было видно, а между тѣмъ самозванный царевичъ появился уже въ Сѣверской украйнѣ, и Кромчане съ Сѣвчанами, повязавъ своихъ воеводъ, послали ему бить челомъ на царство. Можетъ быть, тоже сдѣлали бы тогда и Ливенцы, тѣмъ болѣе, что пропаганда бѣглаго монаха Леонида среди обитателей Сосны, въ пользу спасшагося будто бы царевича Димитрія, многихъ уже прельстила здѣсь, а царя Бориса почти никто не любилъ;

*) Карамз. т. X, стр. 358—360.—Соловьевъ, т. 8, стр. 100.

но на Ливнахъ стояла сильная царская рать. Бунтовать, подобно Кромчанамъ, было нельзя; и Ливенцевъ повели воеводы противъ ихъ же собрата по оружію и ближайшаго сосѣда—на городъ Кромы.

Неохотно шли Ливенцы ратью на Кромы, въ которыхъ затворилось около четырехъ тысячъ человѣкъ; не особенно радѣли царю Борису и самые ихъ воеводы—Шереметевъ и Салтыковъ. Они стояли подъ Кромами нѣсколько недѣль, успѣли почью сжечь городовыя стѣны и башни, но не выбили Кромчанъ изъ земляного вала. Вслѣдъ затѣмъ подосиѣла къ Кромамъ и главная царская рать, тысячъ въ семьдесять, подъ предводительствомъ князей Мстиславскаго и Шуйскаго. Казалось, Кромамъ теперь не устоять; но осада затянулась и велась безъ всякаго успѣха. Дѣло въ томъ, что, помимо несиособности главнаго воеводы Мстиславскаго, товарищи его Шереметевъ и Салтыковъ, что собирали рать на Ливнахъ и съ нетвердыми мыслями шли подъ Кромы, когда замѣтили ту же шатость и въ ратныхъ людяхъ, явно стали „норовить окаянному Гришкѣ“, т. е. самозванцу и его приверженцамъ—Кромчанамъ. Салтыковъ, начальствовавшій надъ царскою артиллеріею, во время одного приступа, самовольно, безъ вѣдома главныхъ воеводъ, велѣлъ свезти „нарядъ“ съ „городовой осыпи“, и тѣмъ избавилъ Кромчанъ отъ „тѣсноты велія“. Въ другой разъ, когда у Кромчанъ не доставало „зелейной казны“, услужливый Московскій воевода выставляетъ на шанцахъ цѣлые мѣшки съ порохомъ, и Кромчане уносятъ ихъ въ свое подземелье на виду у Московскихъ караульныхъ! Такъ шла осада маленькаго городка Кромъ, безъ стѣнъ и башенъ, пока живъ былъ Борисъ и пока преемникъ его, юный царь Оеодоръ Борисовичъ, не смѣнилъ несиособныхъ воеводъ Мстиславскаго и Шуйскаго. Новый же главный царскій воевода, Петръ Оедоровичъ Басмановъ, умный и доселѣ преданный дѣлу Годуновыхъ, сразу увидѣлъ настроеніе умовъ въ царскомъ войскѣ, сошелся въ мысляхъ съ воеводами Ливенскаго ополченія и вмѣстѣ съ ними передался на сторону самозванца. Петръ Ивановичъ Шереметевъ и Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ поспѣшили на встрѣчу къ самозванному царевичу, прибывшему изъ Путивля въ Кромы, пировали съ нимъ на Кромскомъ пепелищѣ и отсюда, уже безпрепятственно, проводили его чрезъ городъ Орелъ и Тулу на царство въ Москву.

Кто изъ Ливенскихъ людей не умеръ подъ Кромами отъ смертоноснаго „мыта“, свирѣпствовавшаго въ царскомъ войскѣ, а также и отъ мѣткой стрѣльбы Кромскихъ сидѣльцевъ, и возвратился къ своей украинской службѣ, тотъ много кое-чего могъ разсказать своей братьи по оружію—и о молодечествѣ своихъ сосѣдей Кромчанъ, съ козакомъ Корелою во главѣ, и о бѣдствіяхъ великой царской рати отъ свирѣствовавшей животной боли, и о переходѣ войска на сторону „прирожденнаго государя“, а главное—о рыцарской доблести новообрѣтеннаго царя, его милости и привѣтливости ко всѣмъ ратнымъ людямъ, и особенно о томъ, какъ они, Ливенцы съ Ельчанами и Рязанцами вообще, способствовали воцаренію „истиннаго прирожденнаго царя Ди-

митрія Ивановича"... *). Слухи о воинственности царя Димитрія усилились на Ливнахъ и Ельцѣ еще болѣе, когда начали свозить сюда нарядъ и собирать ратныхъ людей изъ другихъ городовъ, чтобы идти на Турскаго султана, взять Азовъ и изоевать въ концѣ царство Крымское. Тогда не страшились войны такъ, какъ въ настоящее время. Война на Ливнахъ была постоянная: рѣдкій годъ не приходили сюда Крымскіе Татары. Но тогда Крымцы вносили войну, а теперь сами Ливенцы пойдутъ на нихъ съ огнемъ и мечемъ, плѣномъ и грабежемъ... Вообще, говорятъ, что нападать и идти на приступъ — не такъ страшно, какъ стоять и защищаться; а нападать на такого врага, который пользуется оплошностью и беззащитностью другаго, никому не оказываетъ пощады, все жжетъ, рубитъ и беретъ въ *полонъ*, — есть своего рода ратный праздникъ, общее веселье... И вотъ, среди такихъ чаяній, на Ливны приходитъ вѣсть, что новаго, не бывалаго еще на Руси по широтѣ своихъ замысловъ, царя не стало, что онъ оказался будто бы монахомъ — разстригою, еретикомъ и чернокнижникомъ, и что, потому, его убили, а на Москвѣ воцарился князь Василій Ивановичъ Шуйскій, которому и должны теперь всѣ приносить присягу. Понятно, съ какимъ недовѣріемъ и нерасположеніемъ отнеслись на Ливнахъ къ такимъ вѣстямъ и требованіямъ изъ Москвы; и, наоборотъ, — какую радость породилъ между Ливенцами слухъ, шедшій изъ Путивля и Кромъ, что желанный царь вовсе не убитъ, а спасся отъ крамольныхъ Московскихъ бояръ и собираетъ противъ нихъ новыя силы. Не сдобровать Шуйскому! думали на украйнѣ, и тотчасъ все Присосенье стало за одно съ Трубчанами, Кромчанами, Ельчанами и прочими сосѣдями, отказавшись отъ покорности Москвѣ съ ея нелюбимымъ царемъ. Мятежъ на Ливнахъ, какъ и по другимъ украинскимъ городамъ, не обошелся безъ кровопролитія. Въ то время воеводою на Ливнахъ былъ мужественный Алексѣй Плещеевъ. Давъ присягу царю Василію, онъ желалъ остаться ему вѣрнымъ, склонялъ къ тому же своихъ подчиненныхъ и погибъ за противодѣйствіе мятежу **). Можетъ быть, голосъ воеводы и не былъ одинокъ; можетъ быть, съ нимъ пострадали и лучшіе изъ дворянъ, цѣнившихъ присягу, какъ дѣло Божіе, — только некому было предать ихъ имена на память родовъ и поколѣній, когда мятежники возобладали надъ городомъ. Одинъ лѣтописецъ, наблюдавшій издали за тѣмъ, что происходило тогда на Ливнахъ и по другимъ городамъ, исчисливъ важнѣйшія жертвы бунта, ограничивается общимъ указаніемъ на тѣ роды мученій, какимъ бунтовщики предавали воеводъ и многихъ дворянъ: „иныхъ — говоритъ онъ — съ башни метаху, иныхъ — съ мосту въ ровъ, иныхъ вверхъ ногами вѣшаху, иныхъ по стѣнамъ распинаху, руки и ноги гвоздіемъ пробивше, изъ пищалей разстрѣляху; они — жъ, яко мученики прежніе, ни въ чемъ ужасахуся, ихъ воровъ обличаху, и, отнюдь на ихъ вражью прелесть не льстящеся, вси помроша за правду".

*) См. Историческое описаніе г. Кромъ, Г. И., изданіе Кромской Земской Управы, 1890 г.
**) Карамзинъ т. XII, стр. 30—38. Соловьевъ, т. 8. стр. 172—173.

Вѣроятно, одною изъ такихъ смертей пострадалъ и Ливенскій воевода... Это было въ 1606 году; а спустя потомъ девять лѣтъ производился дозоръ Ливенскимъ служилымъ людямъ, изъ которыхъ объ однихъ записано, что они умерли, о другихъ,— что ихъ убили, или взяли въ плѣнъ Татары, а о нѣкоторыхъ (именно: Агѣѣ Лыковѣ, Сидорѣ Зубовѣ, Григорьѣ Безлѣпкинѣ, Степанѣ Васильевичѣ Гридуновѣ, Мепшовѣ Лаврентьевичѣ Быскаковѣ, Исаѣ Парфеновичѣ Гридуновѣ, Иванѣ Григорьевичѣ Казначеевѣ, Батракѣ Борьяновѣ, Зыбѣ Писаревѣ, Иванѣ Бычищевѣ, Ѳедорѣ Лобинцевѣ, Ѳедорѣ Рагозинѣ, Ронѣ Михайловѣ и Нехорошемъ Ишковѣ) сказано только, что „ихъ не стало": можетъ быть—въ числѣ этихъ людей загадочной судьбы были и пострадавшіе на Ливнахъ отъ руки своей же братьи, но писецъ, желая, можетъ быть, къ чести самихъ Ливенцевъ, быть краткимъ, удовлетворился общею, ходячею фразою для показанія того, что ихъ нѣтъ болѣе въ живыхъ.. Не слѣдуетъ также упускать изъ вниманія и то, что наслѣдники нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ помѣщиковъ (какъ напримѣръ Алешка Агѣевъ сынъ Лыковъ), „тѣ отцевъ своихъ помѣстья покиня, сошли безвѣстно". Если наше предположеніе относительно указанныхъ помѣщиковъ вѣроятно, то понятнымъ становится и отреченіе сыновей ихъ отъ наслѣдства, и безвѣстное исчезновеніе послѣднихъ съ Ливенъ: они не могли ужиться въ добромъ согласіи съ убійцами своихъ отцевъ, а у самихъ убійцъ смыкались уста для дачи точнаго показанія приказнымъ о томъ, когда и по какому случаю кого не стало, или куда и по какой причинѣ кто выбылъ... Когда страсти стихаютъ, тогда нѣтъ охоты и вспоминать о томъ, что творилось подъ ихъ вліяніемъ. Другое дѣло вспоминать и давать *сказни* объ убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ Татарами: тутъ было чѣмъ вспомнить себя и другихъ,—и на Ливнахъ помнили даже самые годы такихъ жертвъ, не только мужчинъ, но и женщинъ.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій, узнавъ, что происходитъ на берегахъ Быстрой Сосны, думалъ подѣйствовать на мятежныхъ жителей мирными убѣжденіями и религіозными мѣрами. Для этого онъ послалъ къ нимъ изъ Москвы Крутицкаго митрополита Пафнутія и боярина Нагого съ образомъ св. Царевича Димитрія и съ письмомъ матери его, Царицы-иноки Марѳы, въ которомъ она свидѣтельствовала, что собственными глазами видѣла мученическую смерть своего сына въ Угличѣ и достойную казнь самозванца на Москвѣ, совѣтовала не вѣрить злопамѣреннымъ слухамъ о спасеніи мнимаго царя и обѣщала полное прощеніе и милость отъ государя всѣмъ, кто придетъ въ разумъ и покореніе истинѣ *). Но посольство это не имѣло успѣха ни въ Ельцѣ, ни на Ливнахъ: здѣсь не хотѣли вѣрить ни митрополиту, ни Нагому, считая ихъ пособниками царя Василія, а о письмѣ царицы полагали, что оно сочинено самимъ Шуйскимъ для прельщенія ихъ. Тогда царь Василій Ивановичъ отправилъ войско подъ начальствомъ боярина Ивана Михайловича Воротынскаго (сына того знаменитаго Михаи-

*) Собран. госуд. грам. и догов. ч. I, стр. 316—318.

ла Ивановича Воротынскаго, съ именемъ котораго тѣсно связано возникновеніе г. Ливенъ) и стольника Юрія Трубецкаго. Трубецкой, отдѣлившись отъ Воротынскаго, съ 5-ю тысячами человѣкъ пошелъ на Кромы, а Воротынскій съ главными силами направился къ Быстрой Соснѣ и, расѣявъ на пути своемъ шайки мятежниковъ, осадилъ Елецъ. Между тѣмъ товарищъ его Трубецкой былъ разбитъ подъ Кромами и потерялъ почти весь свой отрядъ. Вѣсть объ этой неудачѣ смутила и людей Воротынскаго; они стали покидать его и расходиться по домамъ. Ослабленный такимъ образомъ, Воротынскій отказался отъ надежды взять Елецъ, снялъ съ него осаду и ушелъ въ Москву, оставивъ за собою не только Ливны и Елецъ, но и весь Орловскій край въ полномъ возстаніи.

Побѣдитель Трубецкаго, холопъ Болотниковъ, увеличивъ свой отрядъ Ливенцами и другими мятежниками, пошелъ къ самой Москвѣ, но вскорѣ былъ запертъ царемъ Василіемъ въ Тулѣ. Тутъ, въ 1608 году, въ числѣ другихъ были убиты: Ливенскій боярскій сынъ Аѳанасій Щетининъ, имѣвшій свое помѣстье въ Затруцкомъ стану подъ Каменнымъ лѣсомъ на Горемыкиномъ Верху, что была деревня Щетинина; Мокрецкаго стана, деревни Кудиновой, что подъ Плоскимъ лѣсомъ, на Плоскомъ колодезѣ, Нехорошій Ишковъ; Затруцкаго стана, деревни Непочатой, на Коробецкомъ отвершку помѣщикъ Петръ Бухаринъ; да въ томъ же 1608 году убитъ подъ Каширою Затруцкаго стана, слободки Дурневой, сверхъ Жерыханскаго лѣса, на рѣчкѣ Лѣсной Жерыхани, помѣщикъ Ѳедоръ Савенковъ. Кромѣ этихъ помѣщиковъ дѣтей боярскихъ, павшихъ жертвою самозванства, въ Ливенскихъ переписныхъ книгахъ упоминаются и многіе другіе, которыхъ въ 1608 году не стало. Возможно, что все это были сподвижники холопа Болотникова, ратовавшіе за тѣнь Лжедимитрія I-го. Когда же появился Лжедимитрій II-й и на нѣкоторое время поселился въ Орлѣ, тогда у города Ливенъ установилось такое же сношеніе съ Орломъ, какое до того времени велось съ Москвою; только не Лжедимитрій жаловалъ Ливенцевъ, а они, въ ожиданіи будущихъ милостей, служили Тушинскому вору имуществомъ, деньгами и людьми. Такъ было до тѣхъ поръ, пока и втораго самозванца не стало въ Калугѣ *).

Понятно, какъ должна была смотрѣть Москва на нашъ край въ эпоху служенія его самозванному дѣлу. Москва прилагала все свое стараніе къ тому, чтобы обстроить, заселить, укрѣпить и сдѣлать его оплотомъ противъ вражескихъ нападеній; и вотъ, этотъ оплотъ сталъ противъ нея, передался на сторону „воровъ“, сдѣлался центромъ мятежа, вступилъ въ открытую борьбу съ государствомъ! Съ этого времени Москва и всѣ, кто болѣе или менѣе оставался вѣрнымъ ея дѣлу въ смутную эпоху самозванцевъ, стали смотрѣть на обитателей нашего края, какъ на „воровъ“ и „искони погибшихъ людей“,

*) Замѣчательно, что въ то время, какъ Ливны были на сторонѣ Лжедимитрія II-го, нѣкоторые изъ служилыхъ людей этого города подвергались убіенію отъ Литовцевъ. Такъ, подъ 1609 годомъ въ писцовыхъ книгахъ значится убіеніе „Литовскими людьми подъ Орломъ“ Затруцкаго стана, деревни Бахтеяровой, сверхъ Плоскаго колодезя, подъ Серболовымъ лѣсомъ, помѣщика Петра Ансупова.

обозвали ихъ „крамольниками“, „проложенными головами“ и сложили о нихъ пословицы: „ Орелъ да Кромы — первые воры; Елецъ — всѣмъ ворамъ отецъ; Карачевъ — на поддачу; и Дмитровцы — не выдавцы; а коли Амчанинъ къ тебѣ на дворъ — выноси скорѣй святыхъ вонъ“... О жителяхъ Комарицкой (сѣвской) волости доселѣ поется извѣстная Комарицкая пѣсня, указывающая на измѣну ихъ своему барину, т. е. Борису Годунову, которому, какъ помѣщику, принадлежала эта волость; относительно же г. Ливенъ сложилась пословица: „Ливны — самимъ ворамъ дивны“. Г. Артемьевъ предполагаетъ, что къ сочиненію послѣдней пословицы послужило поводомъ важное сторожевое значеніе г. Ливенъ на Московской украйнѣ. Но не видно, чтобы Ливны укрѣплены были болѣе всѣхъ городовъ Орловскаго края, какъ бы „на удивленіе всѣмъ ворамъ“. Въ этомъ отношеніи Мценскъ имѣлъ даже явное преимущество предъ Ливнами, такъ какъ крѣпость его возвышалась на самородной, каменной горѣ, съ трехъ сторонъ недоступной для непріятеля, а съ четвертой она отдѣлялась глубокимъ рвомъ, который, въ свою очередь, защищенъ былъ новою крѣпостью — „Большимъ острогомъ“. Кромѣ того, дѣлаемое г. Артемьевымъ объясненіе стоитъ внѣ всякой связи съ вышеприведенными пословицами относительно прочихъ городовъ Орловскаго края. Вѣрнѣе, надо полагать, понялъ смыслъ всѣхъ этихъ пословицъ одинъ Орловскій старожилъ, Димитрій Ивановичъ Басовъ, прадѣдъ котораго поселился на Орлѣ вслѣдъ за смутнымъ временемъ; приведши въ своемъ описаніи Орловской старины большую часть указанныхъ пословицъ, онъ иронически замѣчаетъ: „значитъ, всю губернію похвалилъ“ *)! Вышеприведенныя пословицы, очевидно, разсчитаны на риѳму, но и въ самой риѳмѣ нельзя не видѣть характеристики жителей нашихъ городовъ въ Смутное время. Такъ, Кромы первые ознаменовали себя отчаянною борьбою противъ всего Московскаго войска; Орелъ былъ резиденціею втораго самозванца; Елецъ далъ въ своихъ стѣнахъ убѣжище всѣмъ бунтовщикамъ противъ царя Василія Ивановича и вызвалъ противъ себя походъ Московской рати; а Ливны могли *удивить* самихъ бунтовщиковъ своею кровавою расправою съ воеводою и тѣми, кто былъ на сторонѣ Москвы: именно, тогда какъ прочіе города только вязали своихъ воеводъ, Ливенцы сами наложили на нихъ руки...

Со смертію Лжедмитрія II-го не прекратились еще смуты на Ливнахъ, какъ и во всемъ Московскомъ государствѣ. Однако общія бѣдствія вразумили многихъ. Смирились и Ливенцы предъ Москвою; и когда, по очищеніи ея отъ Поляковъ, происходило избраніе новаго царя, то вмѣстѣ съ жителями Брянска и Мценска отправили на Москву и Ливенцы своихъ выборныхъ, дѣтей боярскихъ и казаковъ, во главѣ съ Егорьевскимъ попомъ Гаврилою (изъ казачьей слободы, что въ большомъ острогѣ), который одинъ за всѣхъ своихъ товарищей, какъ вѣроятно не умѣвшихъ писать, и руку приложилъ къ граматѣ. Въ этой знаменитой граматѣ, писанной на большихъ александрійскихъ листахъ, скрѣпленныхъ десятью восковыми печатями, значится между

*) См. „Орлов. Губ. Вѣдом.“ 1861 г. № 30,

другими и такая подпись: „съ Ливенъ Выборный, Егорьевскій попъ Гаврійло. и въ дѣтей Боярскихъ и Козаковъ мѣсто, руку приложилъ“ *).

Въ то время, какъ Ливенскіе выборные находились въ Москвѣ и своею подписью утверждали избраніе на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова. ихъ городъ подвергся осадѣ отъ казацкаго атамана Заруцкаго. Этотъ вѣрный слуга Лжедимитрія II-го, по убіеніи его. присоединился—было къ ополченію Минина и Пожарскаго для освобожденія Москвы отъ Поляковъ. а потомъ. принявъ подъ свое покровительство Марину Мнишекъ, вдову двухъ самозванцевъ. задумалъ утвердить на царствѣ маленькаго сына ея и свирѣпствовалъ съ шайкою Черкасовъ на югѣ Россіи. Какъ видно, онъ надѣялся на наше Присосенье. такъ усердно служившее прежде отцу „воренка Ивашки“; и если бы его надежды оправдались. то. быть можетъ, онъ и засѣлъ бы здѣсь съ Мариною, какъ послѣ утвердился въ Астрахани. Но Ливенцы, отправивъ уже депутацію въ Москву, не хотѣли болѣе знаться съ „ворами“. При появленіи Заруцкаго, они затворились въ городѣ и отбили всѣ приступы Черкасъ. Послѣ этого славнаго дѣла, Ливенскій воевода Григорій Ѳедоровичъ Колтовскій. въ Маѣ 1613 года, доносилъ въ Москву, что „воръ Ивашко Заруцкій приступалъ къ городу Ливнамъ, но города не взялъ, и отсюда пошелъ къ Лебедяни“ **). Заруцкій приступалъ также и къ Ельцу, но и Ельчане его отбили. Свою неудачу подъ Ливнами и Ельцемъ Черкасы выместили на ихъ беззащитныхъ селахъ и деревняхъ, и послѣ того своими грабежами долго еще держали жителей Сосны въ осадномъ положеніи ***).

Заруцкій, какъ видно, не проникалъ на правый берегъ Сосны и ограничился грабежемъ лѣваго ея берега, гдѣ расположенъ былъ Красный станъ. Въ *Приправочной книгѣ* 1615 года показываются совершенно запустѣвшими „отъ войны во 121 (т. е. 1613) году“ слѣдующія помѣстья Краснаго стана: 1) „*Богдановское* Иваново сына Слѣпушкина, что былъ починокъ обще съ Васильемъ Зыбинымъ съ товарищи; 2) *Оксеновское* Ильино сына Руднева; 3) *Васильевскій жеребей* Савельево сына Левонова; 4) *Климовъ жеребей* Степаново сына Михайлова: 5) *Степановъ жеребей* Кузмино сына Харитонова; 6) *Игнатовъ жеребей* Гамова: 7) *Хмеровъ жеребей* Гамова; 8) *Ѳедоровъ жеребей* Терлева: 9) *Епифановъ жеребей* Лыхова въ починкѣ Харина помѣстья Мезенцева. да межъ Фадѣева помѣстья Гнѣздилова на рѣчкѣ на Полевой Ливнѣ“ ****). Во всѣхъ этихъ помѣстьяхъ. находившихся „подъ лѣскомъ подъ Присыскомъ по большой Новосильской дорогѣ“, не осталось никого и ничего; видны были только знаки дворовыхъ мѣстъ. Кромѣ того. въ *Приправочной книгѣ* замѣчено, что „на погостѣ, на рѣчкѣ на Лѣсной Ливнѣ. въ Долгой Полянѣ подъ Краснымъ лѣсомъ, церковь Николы Чудотворца да придѣлъ Св. мученика Фрола и Лавра, дре-

*) См. Собран. госуд. грам. и договор. ч. 1, стр. 640—641.
**) См. Разрядныя книги подъ 1613 годомъ.
***) См. тамъ же подъ 1614 г. и Исторію Россіи Соловьева, т. 9, стр. 19.
****) Переписная книга №№ 233—241.

вяна клѣтцки, строенья иона Назарья, стоитъ не освящена отъ войны 121 (1613) году". Такъ какъ при описаніи этой церкви не упомянуто ни о книгахъ, ни объ иконахъ, то, вѣроятно, все внутреннее ея „строенье" было разграблено, а потому и самая церковь не могла быть освящена „отъ войны 121 году".

Въ *Приправочной книгѣ* упоминается еще, что многіе изъ Ливенскихъ помѣщиковъ и ихъ дѣтей, „оставя свои помѣстья отъ войны, сошли безвѣстно", или „волочатся межъ дворъ", но то, вѣроятнѣе, была уже другая „война"—Татарская.

Смуты самозванщины, раздиравшія Русское государство въ теченіе долгаго времени, были самою благопріятною порою для нападенія Крымскихъ Татаръ на Московскую украйну. Благодѣтельная цѣпь станичныхъ разъѣздовъ и сторожевыхъ постовъ, созданная на украйнѣ бдительнымъ Московскимъ правительствомъ, теперь, въ эпоху общаго безнарядья и отпаденія отъ Москвы украинскихъ городовъ, естественно ослабѣла и не могла сдерживать жадныхъ до добычи Крымскихъ наѣздниковъ. Дорога отъ Крыма къ берегамъ Быстрой Сосны сдѣлалась открытою; дверь на Ливны со стороны грознаго юга растворилась. И вотъ, съ того времени, какъ Русское государство вступило въ борьбу съ внутреннею крамолою и до утвержденія на престолѣ Михаила Ѳеодоровича, не проходило года, чтобы Крымцы не побывали въ Ливенскомъ уѣздѣ и не оставили здѣсь опустошительныхъ своихъ слѣдовъ. Съ каждымъ годомъ на Ливнахъ не досчитывались многихъ помѣщиковъ: кого изъ нихъ „убили Татарове", кто съ женою и дѣтьми „поиманъ ими въ полонъ", кого „не стало отъ Татарскія войны", а кто, „покиня отъ той войны свое помѣстье, сшелъ безвѣстно", или перебрался на Орелъ, ушелъ въ Мценскъ, Чернь, Новосиль, или же „скитается и волочится межъ дворъ". Крестьяне имѣли одинаковую участь съ помѣщиками: ихъ убивали и брали въ плѣнъ. Многіе починки, займища и деревни обезлюдѣли и обратились въ *пустоши,* на которыхъ, спустя пять—десять лѣтъ, видны были только слѣды дворовыхъ мѣстъ, а села обратились въ сельца и погосты. Не видно, чтобы Татары въ теченіе десятилѣтнихъ своихъ набѣговъ причинили какой—либо вредъ самому городу Ливнамъ; хотя, быть можетъ, они и не разъ держали его въ осадѣ, но для того только, чтобы дать возможность другимъ отрядамъ свободнѣе и безопаснѣе разбойничать въ уѣздѣ, или, какъ тогда говорили,—„роспустить войну". Особенно страдали тогда отъ Татарскихъ погромовъ станы: Серболовъ, Затруцкій и Мокрецкій, какъ болѣе удаленные отъ города.

Приправочная книга 1615 года, по „разспросу мѣстныхъ старожильцевъ, сохранила слѣдующія жертвы Татарскаго меча, огня и плѣна между 1605—1615 годами.

Въ 1605 году „Татарове *взяли* Малаха Медвѣдева", помѣстье котораго находилось въ Серболовомъ станѣ, въ деревнѣ Вышнемъ Вязовикѣ, подъ лѣсомъ Меньшимъ Вязовикомъ, на рѣчкѣ Вязовикѣ, обще съ Миляемъ Красновымъ „съ товари-

щи“: послѣ Малаха „жены и дѣтей не осталось, и помѣстье сто запустѣло“.—Въ 1607 году Татарове *взяли* въ Затруцкомъ стану, въ слободкѣ Дурневѣ, помѣщика Якова Булгакова, и такъ какъ послѣ него жены и дѣтей не осталось, то помѣстье Яковлево запустѣло; въ томъ же году „отъ Татарскія войны“ запустѣлъ починокъ въ Затруцкомъ стану подъ Ястребовскимъ лѣсомъ, на колодезѣ Теляжьѣ, гдѣ жили четыре помѣщика, дѣти боярскіе: „Тимоѳей Степановъ сынъ Боевъ, Степанъ Юрьевъ сынъ Межановъ, Ѳедоръ Васильевъ сынъ Сайковъ и Иванъ Васильевъ сынъ Тепленинъ“; за ними въ дачахъ было 200 чети, по 50 четей за человѣкомъ: тогда же „отъ Татарскія войны“ запустѣлъ починокъ Татариновъ въ Затруцкомъ стану, на рѣкѣ Фошнѣ, подъ Фошнинскимъ Татариновымъ лѣсомъ, гдѣ жило помѣщиковъ дѣтей боярскихъ 5 человѣкъ.—Въ 1608 году Крымцы опустошили деревню Ровнецъ въ Затруцкомъ стану и убили двухъ помѣщиковъ: Ѳедора Ефимова и Григорія Озарова Есиповыхъ.- Въ 1609 году въ Затруцкомъ же стану „*убили* Татарове Василья Брыкова съ женою и дѣтьми“, а помѣстье его находилось „въ деревнѣ по правую сторону Святицкаго верха, подъ Святицкимъ лѣсомъ, и отъ его помѣстья осталось „дворовое мѣсто“; „*взяли* Ермака Данилова сына Чурилова“, помѣстье коего находилось „верхъ Дроскова Лѣсного колодезя подъ Дросковымъ лѣсомъ, на Брусномъ верху“; послѣ Ермака остался сынъ, и „онъ, то помѣстье покиня, сшелъ въ Новосиль“.—Въ 1610 году „Татарове убили Онтона Михайлова сына Власова“, въ Затруцкомъ стану, въ починкѣ подъ Ясеновымъ лѣсомъ, противъ Громыкина Затона, а въ Мокрецкомъ стану, въ деревнѣ Хорошевой подъ Плоскимъ лѣсомъ, на р. Тиму, *взяли* помѣщика Мухортова.—Въ 1611-мъ году „Татарове *взяли* Карпа Омельянова“—помѣщика въ Мокрецкомъ стану деревни Шолоховой подъ Плоскимъ лѣсомъ, на р. Тиму, совмѣстнаго владѣнія съ Кондратомъ и Осипомъ Старухиными.—Въ 1612 году „Татарове *взяли* *) Микиту Межинова“—въ Затруцкомъ стану помѣщика деревни Ровнеца подъ Ровнецкимъ лѣсомъ, а послѣ него остался сынъ „Тимошка, и онъ, покиня то помѣстье, отъ войны волочится межъ дворъ“; въ Мокрецкомъ стану „убили Татаровя Олиса Чупахина“—помѣщика деревни Кудиновой подъ Плоскимъ лѣсомъ, на Плоскомъ колодезѣ, общаго владѣнія съ Ѳедоромъ Студенинновымъ.—Въ 1613 году Татары опустошали Красный станъ и взяли въ плѣнъ помѣщиковъ: Оксена Ильина Руднева, Клима Степанова Михайлова, а Ѳедора Терлева убили; пограбили: въ Серболовомъ стану—„Любимово помѣстье Лобово въ деревнѣ Гниловодахъ подъ Серболовымъ лѣсомъ, на Гниломъ озерѣ, и Любима убили“; въ Затруцкомъ стану—„Савино помѣстье Мартинова сына Олферова въ деревнѣ Ровнецѣ, подъ Ровнецкимъ лѣсомъ... и Савву взяли Татарове“;—починокъ Ворово на колодезѣ Линовцѣ. „а по сказкѣ сторонихъ людей, въ томъ починкѣ было помѣщиковъ дѣтей боярскихъ 9 человѣкъ: Ѳедоръ да Василій Максимовы дѣти Воровы, Потанъ да Третьякъ Омель-

*) По переписной 1626—1629 гг.—„убили“...

яновы дѣти Звягинцовы, Семенъ Максимовъ сынъ Дурисовъ. Илья Васильевъ сынъ Медвѣдевъ, Илья Ивановъ сынъ Быскаковъ, Микита Колугинъ, Томило Савенокъ, и тѣхъ дѣтей боярскихъ *поимали* Татарове съ женами и съ дѣтьми; Ѳедорово помѣстье Красникова въ деревнѣ Ровнецѣ подъ Ровнецкимъ лѣсомъ... и Ѳедора убили Татарове"; — въ Мокрецкомъ стану: „Семькино помѣстье Лютова въ деревнѣ, что было займище Евлановское на рогу подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, промежъ озера... и Семьку убили Татаровя; Герасимово помѣстье Чюмаева въ деревнѣ Сторожевой подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, обще съ Дмитріемъ Позняковымъ да съ Емелькомъ Болотцкимъ съ товарищи... и Герасима взяли Татаровя: Гришино помѣстье Власово въ деревнѣ Кудиновой на Плоскомъ колодезѣ, подъ Плоскимъ лѣсомъ, обще съ Ѳедоромъ Студенишовымъ съ товарищи... и Гришку убили Татарове; Сергѣево помѣстье Кранивецева въ деревнѣ Роговой подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, обще съ Ѳаддѣемъ Игнатовымъ да съ Иваномъ Кисловымъ, и Сергѣя взяли Татаровя". — Въ 1614 году обращены въ пустоши помѣстья: въ Серболовомъ стану — „Алексѣевское Голощагово въ деревнѣ Оберцѣ подъ лѣсомъ подъ Оберцомъ, обще съ Самойломъ Черново да съ Власомъ Щегловымъ съ товарищи... и Алексѣя взяли Татарове, а послѣ ево осталась жена вдова Агафья да сынъ Олферко 14 лѣтъ, да дочь дѣвка Парасковьица, и жена ево и дѣти отъ войны, покиня помѣстье, сошли во Мценскъ; — Даниловское помѣстье Батищево въ деревнѣ Оберцѣ... и Данила взяли Татарове, а послѣ ево остался сынъ Олешка, и онъ, покиня то помѣстье отъ войны, сшелъ безвѣстно"; въ Затруцкомъ стану: „Первово помѣстье Печаева сына Иваньчикова въ деревнѣ Ровнецѣ подъ Ровнецкимъ лѣсомъ... да Ивановское помѣстье Григорьева сына Казначеева и Первово и Ивана убили Татарове"; въ Мокрецкомъ стану; „Логвиновское помѣстье Галактіонова сына Остахова въ сельцѣ Рожественскомъ, и Логвина убили Татаровя"; послѣ Логвина остались двѣ дочери, и онѣ „отъ войны помѣстье отца своего покинули".

Только подъ 1606 годомъ *Приправочная книга* 1615 года и переписныя послѣдующихъ лѣтъ вовсе не упоминаютъ объ опустошеніяхъ отъ Татаръ *), но за то „приправочная" пополняетъ списокъ запустошенныхъ Татарами мѣстъ и убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ помѣщиковъ отъ неизвѣстныхъ лѣтъ; таковы помѣстья: въ Затруцкомъ стану: „Григорьево Титанино, что была деревня Луговая на рѣкѣ на Хвощнѣ подъ Серединымъ лѣсомъ (что осталось за роздачею у Михайлы Рогулина обще съ Михайломъ же Рогулинымъ да съ Левою Карловымъ съ товарищи)..., а Григорья убили Татарове; — Сергѣево помѣстье Лахтіоново въ деревнѣ Воровой подъ Дросковымъ лѣсомъ на Середнемъ отвершку, обще съ Вуріемъ Тучковымъ да съ Григоріемъ Ивановымъ съ товарищи..., а по сказкѣ сторонихъ людей Сергѣя *взяли* Татарове съ женою и съ дѣтьми ево; Григорьево помѣстье Щербинина жеребей въ сельцѣ

*) Это именно въ царствованіе Лжедимитрія I-го, когда онъ самъ готовилъ на украйнѣ средства для войны съ Турками.

Дмитровскомъ на рѣчкѣ на Хвощнѣ, подъ Городецкимъ лѣсомъ... и по сказкѣ сторонних людей Григорья убили Татарове, а послѣ ево остался сынъ Куземка, и онъ, отъ войны покиня то помѣстье, сшелъ въ Чернь". Въ Мокрецкомъ стану: „Ортемовское помѣстье Климова въ селцѣ Рожественскомъ, и Ортема убили Татарове: Васильевское Шилова въ томъ же селцѣ Рожественскомъ... и Василья взяли Татарова: Гришино помѣстье Быканово въ деревнѣ на Середнемъ Острову на р. Соснѣ подъ Кунацкою удеревью, обще съ Лукою Жихоревымъ съ товарищи... и Гришу взяли Татарове".

Кромѣ того, отъ Татарской войны запустѣли помѣстья и дворы: въ Серболовомъ стану—„Гавриловское Гулевсково въ деревнѣ Крутой подъ Туровымъ лѣсомъ, на Крутомъ верху, обще съ Оксеномъ Онисимовымъ съ товарищи... дворъ помѣщиковъ пустъ; Васильевскаго помѣстья Пчелинсково, что осталось за роздачею у Саввы Даньшина за 40 четичи въ селѣ Егорьевскомъ"... Въ Затруцкомъ стану: „Минино Яковлева сына Савелова, что былъ починокъ подъ Ясеновымъ лѣскомъ, противъ Громышкина Затону, вверхъ по рѣкѣ по Соснѣ противъ Мокреца: Ларина помѣстья Нижова, что осталось за роздачею у Агѣя Самойлова да у Кузмы Климова въ селѣ Богоявленскомъ, на рѣкѣ на Хвощнѣ, по лѣвую сторону Плоскова колодезя подъ Серединмъ лѣсомъ; Куприна помѣстья Ортемова сына Колшина въ слободкѣ, что было займище на усть рѣчки Жерыхани, по правую сторону Жерыханскаго лѣсу, обще съ Курбатомъ Бекетовымъ да съ Ѳомою да съ Кирѣемъ Прокоповыми, да Степаномъ Монниковымъ съ товарищи..., спричъ того, что изъ того жъ Куприна помѣстья за Ѳомою Ушаковымъ, а по сказкѣ сторонихъ людей, на томъ помѣстьи Купринѣ селились, и пропали безвѣстно; Бѣляево помѣстье Будоготцково въ той же слободкѣ, что было займище на усть рѣчки Жерыхани, по правую сторону Жерыханскаго лѣсу, обще съ Курбатомъ Бекетовымъ да Степаномъ Монасековымъ съ товарищи; Осиново помѣстье Мишаново въ той же слободкѣ, что было займище на усть рѣчки Жерыхани, обще съ Курбатомъ Бекетовымъ да Степаномъ Монасековымъ съ товарищи; Оедоровское помѣстье Савенкова, что осталось за роздачею Павла Шатохина и съ тѣмъ, что дано было Нехорошему Уланову въ слободѣ сверхъ Жерыханскаго лѣсу на рѣчкѣ на Лѣсной Жерыхани съ Замятнею Каширинымъ да съ Григорьемъ Токмаковымъ съ товарищи дикого поля 100 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; Ананьинскаго помѣстья Краснокова треть, что осталось за роздачею Данила Сапронова въ деревнѣ Плоскаго колодезя подъ Серединмъ лѣсомъ, обще съ Микиткою Бахтеяровымъ да Даниломъ Сапроковымъ съ товарищи; Петрухинскаго помѣстья Онсупова вверхъ Плоскова колодезя подъ Серединмъ лѣсомъ, обще съ Микитою Бахтеяровымъ съ товарищи, что осталось за роздачею у Микитки да Гришки Черныхъ, да у Ивана Мостенсково; Ульянова помѣстья Иванова сына Блыскова въ починкѣ подъ Большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на Рогу, на Лѣсномъ Дросковомъ колодезѣ, обще съ Кузмою Васютинымъ

да съ Семеномъ Левоновымъ". Въ Мокрецкомъ стану: „Гришина помѣстья Юрьева, что, по сказкѣ сторонихъ людей, осталось Матвѣя Дороѳеева треть въ деревнѣ верхъ Свиного колодезя подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, обще съ Матвѣемъ же Дороѳеевымъ да съ Ѳевомъ Головинымъ; Ѳедькино помѣстье Иванова сына Трубицына въ деревнѣ Нижней Роговой, подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, подъ Нижнимъ Рогомъ, обще съ Осипомъ Кишкинымъ съ товарищи; Мининово помѣстье Сидорова сына Баранова въ деревнѣ Вышней Роговой подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, обще съ Ѳадѣемъ Ушатова Есислова; Ивановское помѣстье Остахова въ сельцѣ Рожественскомъ подъ Плоскимъ лѣсомъ на рѣкѣ на Тиму".

Многихъ Ливенскихъ помѣщиковъ въ описываемое время, по выраженію Приправочной, — „не стало" (умерли ли они естественною смертью, пострадали-ль отъ своей же братьи въ мятежное время на Ливнахъ, сложили ли свои головы въ борьбѣ съ Москвою за самозванцевъ, или убиты и захвачены въ плѣнъ Татарами, — неизвѣстно), и послѣ ихъ помѣстья ихъ запустѣли. Именно, въ Серболовомъ стану: „Агѣевское Лыкова — въ деревнѣ Хмѣлевой, обще съ Андреемъ Гладкимъ да съ Иваномъ Мальцевымъ съ товарищи, а послѣ Агѣя остался сынъ Олешка, и онъ, то отца своего помѣстье покиня, сшелъ безвѣстно"; въ Затруцкомъ стану: „Сидорово Зубова — въ деревнѣ на усть Святитцкаго верха подъ Святитцкимъ лѣсомъ, обще съ Иваномъ Сухошубовымъ да съ Малахомъ Бородинымъ; Ортюшкино Лахтіонова — въ деревнѣ Воровой подъ Дросковымъ лѣсомъ на Середнемъ отвершку, а послѣ Ортема осталось два сына: Дениско да Корнилко, и они, то помѣстье отъ войны покиня, живутъ въ Новосили; Григорьево Безлѣпкова — въ сельцѣ Дмитровскомъ на рѣкѣ Хвощнѣ подъ Городецкимъ лѣсомъ; Степановское Васильева сына Гридунова — въ деревнѣ Ровнецѣ, обще съ Иваномъ Извѣковымъ и съ товарищи; Исаево Порфенова сына Гридунова — въ той же деревнѣ Ровнецѣ подъ Ровнецкимъ лѣсомъ; Ивановское Григорьева сына Казначеева — въ той же деревнѣ Ровнецѣ; Меньшово Лаврентьева сына Быскакова — въ той же деревнѣ Ровнецѣ; Семеново Иванова сына Извѣкова, и Семена не стало лѣтъ съ двѣнадцать (около 1603 г.), а послѣ ево осталось два сына: Онтонъ да Иванъ, и они, то отца своего помѣстье покиня отъ войны, живутъ во Мценску"; въ Мокрецкомъ стану: „Нехорошево Ишково — въ деревнѣ Кудиновой на Плоскомъ колодезѣ подъ Плоскимъ лѣсомъ, обще съ Ѳедоромъ Студенинновымъ съ товарищи; Пронино Михайлова — въ той же деревнѣ Кудиновой, обще съ Ѳедоромъ Студенинновымъ съ товарищи; Батраково Барьянова — въ деревнѣ Пятиной подъ Плоскимъ лѣсомъ, обще съ Богданомъ Пятина; Зыбино Писарева — въ деревнѣ Шолоховой подъ Плоскимъ лѣсомъ на рѣкѣ Тиму; Ивановское Бычищева — въ сельцѣ Рожественскомъ подъ Плоскимъ лѣсомъ на р. Тиму; Ѳедоровское Лобынцева — въ деревнѣ Лебедкахъ подъ лѣсомъ подъ Лебедками; Ѳедоровское Рогозина — въ той же деревнѣ Лебедкахъ, а послѣ Ѳедора остался сынъ, и онъ, то отца своего помѣстье отъ войны покиня, сшелъ безвѣстно".

Покидали помѣстья не только вдовы и оспротѣвшія дѣти помѣщиковъ, но и сами помѣщики, и сходили или на Ливны, подъ защиту городовыхъ укрѣпленій, или переселялись на жительство въ другіе города, или исчезали *безвѣстно*, или же *волочились, скитались* и *бродили межъ дворъ*. Такъ, въ 1613 году побросали свои помѣстья въ Красномъ стану: Богданъ Ивановичъ Слѣпушкинъ и Игнатъ Гамовъ и переселялись во Мценскъ, а Степанъ Кузминъ Харитоновъ и Миронъ Гамовъ „отъ войны сошли безвѣстно“.—Серболова стана помѣщики: „Ѳиресъ Левшинъ, деревни Хмѣлевой, обще съ Андреемъ Гладкимъ да съ Иваномъ Мальцевымъ съ товарищи, покиня свои помѣстья, сбрели безвѣстно, а Яковъ Левшинъ, взявъ помѣстье въ деревнѣ Хмѣлевой же, обще съ Андреемъ Гладкимъ да съ Иваномъ Мальцевымъ съ товарищи, не селился на немъ“.—Затруцкаго стана: помѣщикъ Иванъ Олферовъ сынъ Сидоровъ, покинувъ свое помѣстье, что былъ починокъ подъ Ясеновымъ лѣсомъ противъ Грамыкина Затону, вверхъ по р. Соснѣ, противъ Мокрена, обще съ Олфимомъ Микляевымъ,—„волочился межъ дворъ“; Первой Кишкинъ, покиня свое помѣстье, что былъ Кишкинъ жеребей—деревня Логовая на рѣчкѣ Хвощнѣ подъ Серединымъ лѣсомъ, обще съ Левою Карповымъ да съ Кузмою Аверкіевымъ сыномъ Климова съ товарищи, — 1608 года сшелъ на Елецъ; Степанъ Екимовъ сынъ Осиповъ, покиня свое помѣстье въ деревнѣ Ровецкѣ, сшелъ на Орелъ въ 1602 году; Яковъ Хминъ, помѣщикъ слободки Дуриевой, что сверхъ Жерыханскаго лѣса, въ 1607 году „сшелъ во Мценскъ“; туда же сошли и два сына помѣщика Семена Извѣкова—„Онтонъ да Ивашка“, лишившіеся отца въ 1602 году; Яковъ Дмитріевъ сынъ Левоновъ, покиня помѣстье, что былъ починокъ подъ Хвощенскимъ лѣскомъ,—жилъ на Ливнахъ на посадѣ.—Мокрецкаго стана: села Рожественскаго помѣщикъ Гриша Кондратьевъ Кураговъ, покиня свое помѣстье, что подъ Плоскимъ лѣсомъ, на р. Тиму, въ 1613 году сшелъ на Осколъ; оспротѣвшее въ 1615 году семейство помѣщика Фатѣя Сергѣева, деревни Шолоховой подъ Плоскимъ лѣсомъ на р. Тиму (общаго владѣнія съ Кондратомъ да Осипомъ Старухиными, да съ Оверкою Смѣшолоховымъ съ товарищи), именно—жена Фатѣева и двѣ дочери „волочатся межъ дворъ“.

Замѣчательно, что въ то время, какъ отъ Татарской войны Ливенскіе села, деревни и починки пустѣли, такъ что, въ большинствѣ случаевъ, оставались отъ нихъ только слѣды дворовыхъ усадьбъ,—церкви стояли на погостахъ невредимыми. Ни въ Припрaвочной 1615 года, ни въ писцовыхъ Ливенскихъ книгахъ послѣдующаго времени нѣтъ указанія на то, чтобы та или другая церковь была сожжена или разрушена Татарами. Есть только одно замѣчаніе относительно Димитріевской церкви сельца Дмитровскаго (что на рѣкѣ Фошнѣ подъ Городецкимъ лѣсомъ, въ Затруцкомъ стану), гласящее, что та церковь „разорена отъ Литовскихъ людей и отъ Татарскія войны въ 1616 году“, но и это замѣчаніе не даетъ намъ права утверждать, чтобы разо-

реніе Дмитріевской церкви послѣдовало именно отъ Татаръ, а не отъ Литовскихъ людей. Выраженіе — „отъ Татарской войны“ — весьма неопредѣленно и можетъ указывать только на то, что, по разореніи этой церкви Литовцами, она не могла быть скоро возстановлена. Но такъ какъ въ 1615 году Дмитріевская церковь несомнѣнно „стояла“, хотя и „безъ пѣнія“ (потому что при ней не было попа), а впослѣдствіи указывается уже только мѣсто ея: то возможно, что на совершенное разореніе ея имѣла вліяніе и Татарская война. Вообще же, въ виду сохранности церквей, когда вокругъ ихъ вздымалось пламя огня и видѣлись слѣды всеобщаго опустошенія, невольно приходитъ на мысль, что Крымскіе Татары какъ будто нарочно оставляли безъ вреда эти святыни Русскаго народа для того, чтобы посредствомъ ихъ на опустошенныя земли снова собрать разбѣжавшихся жителей, или привлечь новыхъ поселенцевъ, и, такимъ образомъ, имѣть возможность предаться новому грабежу и плѣну. И не удивительно: частыя удачи въ набѣгахъ могли пріучить Крымцевъ смотрѣть на Ливенскій уѣздъ, какъ на свой приходъ и доходъ! Однакожъ, по случаю ли осквернения храмовъ Татарами и неупроверженія престоловъ, гдѣ враги могли разсчитывать на сокрытыя сокровища, съ ограбленіемъ другихъ внутреннихъ принадлежностей церкви, или же по инымъ какимъ либо причинамъ, только нѣкоторыя уѣздныя церкви „отъ той войны оставались безъ пѣнія“, хотя на погостахъ ихъ жили попы и пономари (очевидно, исполнявшіе по преимуществу дьячковскія должности). Таковы: въ Красномъ стану — „ на погостѣ на рѣкѣ на Лѣсной Ливнѣ въ Долгой Полянѣ, подъ Красный лѣсомъ, церковь *Николы Чудотворца* да придѣлъ *Фрола* и *Лавра* отъ войны 121 (1613) года стоитъ не освящена*); въ Затруцкомъ стану: въ селѣ Богоявленскомъ на р. Хвощнѣ, на усть Плоскаго колодезя, подъ Серединнымъ лѣсомъ, — церковь Богоявленія Христова „отъ войны не освящена“; а въ сельцѣ Дмитровскомъ на р. Хвощнѣ, подъ Городецкимъ лѣсомъ, — *церковь страстотерпца Христова Димитрія Солунскаго* „стоитъ безъ пѣнія отъ войны“**); въ Мокрецкомъ стану: въ селѣ Введенскомъ подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, въ Долгой Полянѣ, — *церковь Пречистыя Богородицы* „стоитъ безъ пѣнія отъ войны“; въ сельцѣ Рожественскомъ подъ Плоскимъ лѣсомъ, на р. Тиму, — *церковь Рождества Христова* „отъ Татарскія войны стоитъ безъ пѣнія“***). Въ самомъ городѣ Ливнахъ, за рѣкою Ливною въ большомъ острогѣ, въ Казачьей Успенской слободѣ, *церковь Успенія Пречистыя Богородицы да церковь Архангела Михаила* стояла почему — то также безъ пѣнія, хотя и строитель ея попъ Аѳанасій, и образы, и свѣчи, и книги и всякое церковное строенье были налицо. Достойно замѣчанія и

*) Въ 1615 году строителя этой церкви попа Назарья уже не было въ живыхъ, а въ дворѣ поповомъ жила вдова его попадья Парасковьица съ дѣтьми, въ ожиданіи, конечно, что кто — нибудь возметъ „церковное строеніе“ ея мужа въ аренду и позаботится объ освященіи церкви, какъ арендовались тогда церкви и въ самомъ городѣ Ливнахъ.

**) При этой церкви не было ни попа, ни попова двора, а только дворовое мѣсто поповское.

***) На Рождественскомъ погостѣ были только дворовыя мѣста: поповское, пономарское и проскурницыно.

то, что въ Приправочной Ливенскаго уѣзда вовсе не упоминается о плѣнѣ поповъ, даже ихъ женъ и дѣтей: щадили ли ихъ Татары въ тѣхъ же видахъ, какъ и церкви, или же попы съ пономарями умѣли лучше своихъ прихожанъ избѣгать плѣна и меча Татарскаго? Повидимому, огонь Татарскій не касался и ихъ жилищъ, такъ какъ изъ 14-ти погостовъ только на двухъ не было поповскихъ дворовъ, да и объ этихъ двухъ нельзя утвердительно сказать, чтобы они сожжены были именно Татарами. Предполагать же, что попы, какъ болѣе обезпеченные люди, могли скорѣе другихъ приходскихъ людей возстановлять свои дворы послѣ ихъ разрушенія, не позволяетъ самая сохранность при нихъ церквей. Вѣроятнѣе думать, что Татары, въ своихъ соображеніяхъ, щадили вообще погосты церковные съ ихъ строеніями и людьми, а за попами и пономарями въ большей или меньшей мѣрѣ могли укрываться и „проскурницы“ и „нищіе“, что „питались отъ церкви Божіей“. Все это были какъ-бы люди Божіи.

Подъ нищими, прежде всего, разумѣлись, конечно, люди бѣдные, снискивавшіе себѣ пропитаніе милостынею, подаяніемъ, также слѣпые, хромые, увѣчные, извѣстные подъ общимъ именемъ убогихъ, равно престарѣлые, малоумные, разнаго рода „порченые“ и юродствующіе, иногда подъ названіемъ „блаженныхъ“. Какъ ни грубы были нравы на Ливнахъ временъ самозванщины, и какъ ни склонны были тогдашніе люди на проявленіе самаго широкаго эгоизма, своеволія, насилія, противленія власти и даже нарушенія присяги, но присутствіе при многихъ церковныхъ погостахъ, городскихъ и сельскихъ, „богадѣленныхъ дворовъ“ или „келлій“ для нищихъ обнаруживаетъ въ нихъ высокое уваженіе къ христіанской милостынѣ и заботливую участливость къ судьбѣ бездомныхъ, голодныхъ и не защищенныхъ отъ холода. Въ городѣ Ливнахъ, вѣроятно со времени еще построенія большаго острога, находился „богадѣленный дворъ, да у рѣки у Ливны подъ горою пять келлій, а въ нихъ жили нищіе, питались по міру“. Это былъ главный пріютъ нищенства и убожества на Ливнахъ. Кромѣ того, Ливенскіе стрѣльцы въ своей слободѣ, при церкви Великомученицы Параскевы, нарицаемыя Пятницы, имѣли четыре келліи для нищихъ, чтобы они питались отъ церкви Божіей. Въ двухъ Казачьихъ слободахъ—Покровской и Успенской, что въ большомъ же острогѣ „за рѣкою за Ливною“, при каждой изъ двухъ церквей находилось по три келліи для нищихъ; при Покровской жили нищіе: Сережка Тихоновъ, Микитка Іеремеевъ и Демка Игнатовъ, а при Успенской: Епишка Гончаръ, Ивашка Горбунъ и Ивашко Долгой. Такіе же пріюты для убожества созданы были стараніемъ поповъ и благотворительностію приходскихъ людей и при многихъ сельскихъ погостахъ. Именно, въ Красномъ станѣ: на погостѣ села Пятницкаго, что была деревня Парахина, и на Егорьевскомъ погостѣ „подъ Краснымъ лѣсомъ межъ дву отвершковъ на рѣчкѣ на Полевой Ливнѣ“, гдѣ жили нищіе: Андрюшка Кобцовъ да Сидорко Шаталовъ; въ Серболовомъ стану—на Преображенскомъ погостѣ „подъ Серболовымъ лѣсомъ сверхъ Половой Воды съ правой стороны“ жили нищіе: Микифоръ Васильевъ, Ивашко Сѣдой

и Митка Терентьевъ *), и на погостѣ села Пречистенскаго при церкви Рождества Пречистыя Богородицы „поповскаго строенья“.

Повидимому, келлія для нищихъ считалась необходимою принадлежностью каждой церкви; а гдѣ не было такихъ келлій, тамъ обычнымъ пріютомъ для нищихъ служили дворы поповскіе. И къ этому, кромѣ обычнаго состраданія, были у поповъ особые виды. Такъ какъ при уѣздныхъ церквахъ кромѣ попа, пономаря и проскурницы, обязанность которой состояла единственно въ приготовленіи просфоръ, не было ни дьяконовъ, ни дьячковъ; то вѣроятно будетъ предположить, что нѣкоторые изъ нищихъ исполняли обязанности пономарскія, давая чрезъ то пономарямъ возможность пѣть и читать, т. е. отправлять дьячковскую должность, а, быть можетъ, нѣкоторыми изъ нищихъ, не въ конецъ убогими, попы и пономари пользовались и для обработки своихъ пашенъ и сѣнныхъ покосовъ. Такія услуги нищіе могли охотно оказывать священно-церковно-служителямъ какъ за получаемое ими отъ причта покровительство, такъ и въ чаяніи, что когда они помрутъ, попъ и пономарь похоронятъ ихъ безмездно. Тоже можно предполагать и относительно видовъ городскаго духовенства на нищихъ, такъ какъ и при городскихъ церквахъ были только попы да пономари (послѣдніе при большинствѣ церквей почему-то даже не упоминаются *переписною*), а дьячекъ съ пономаремъ были при одной только церкви Св. Димитрія Солунскаго, что въ Бѣломѣстной казачьей „за рѣкою за Сосною противъ города Ливенъ“ слободѣ, подобно тому, какъ и одинъ дьяконъ (именно Соборной церкви) Оксенъ Левонтьевъ на весь городъ съ уѣздомъ. Здѣсь нищіе были еще нужнѣе, чѣмъ по селамъ, сельцамъ и погостамъ: кромѣ нѣкоторыхъ пономарскихъ услугъ по церкви и хозяйственныхъ по пахатному, сѣнокосному и дворовому дѣлу поповскому, они могли наблюдать ночной караулъ той церкви, отъ которой питаются сами, сопровождать попа при хожденіи по приходу съ „христославнымъ“, доставлять по назначенію вѣсти и распоряженія десятоначальника или поповскаго старосты, и наоборотъ, и т. п. Очень можетъ быть, что нѣкоторымъ изъ нищихъ, наиболѣе честнымъ и расторопнымъ, поручались тогда и нѣкоторыя ктиторскія обязанности, какъ — продажа въ церкви свѣчей, пріобрѣтаемыхъ попомъ на свой счетъ, а потому и доставляющихъ ему личный доходъ, за которымъ нужно было досматривать близкому къ попову двору человѣку, если даже не самой попадьѣ.

---

*) Этотъ пріютъ, какъ и самая церковь, устроенъ помѣщикомъ Степаномъ Мишинымъ съ сыновьями его, Семеномъ да попомъ Иваномъ.

VIII.

Городъ Ливны и его уѣздъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

Слѣды Смутнаго времени въ г. Ливнахъ и его уѣздѣ.—Заслуги Ливенскихъ служилыхъ людей въ очищеніи Русской земли отъ внутреннихъ ея враговъ.—Жалованныя вотчины Ливенскимъ казакамъ „за Московское осадное сидѣнье въ Королевичевъ приходъ“—Договоръ съ Крымцами на Ливнахъ и новые ихъ набѣги.—Взятіе и сожженіе Ливенъ Запорожскими казаками.—Помѣщики, павшіе при защитѣ города Ливенъ и разбѣжавшіеся по разнымъ мѣстамъ.—Пустоши.—Возстановленіе города Ливенъ и его сторожъ.—Обязанности Ливенскихъ воеводъ въ военное и мирное время.—Новые погосты и поселенія въ Ливенскомъ уѣздѣ.—Численность населенія.—Осадные головы на Ливнахъ.—Милостивое слово Государево Ливенскимъ воеводамъ.—Численность Ливенскаго гарнизона.—Участіе Ливенцевъ въ солдатскихъ походахъ, въ охраненіи усть-Черноавскаго острога и въ сопровожденіи Московскихъ и Крымскихъ пословъ.—Усиленіе сторожевой линіи по р. Соснѣ и образованіе Черкасскихъ слободъ въ окрестности г. Ливенъ.—Торговля и промыслы на Ливнахъ.—Бѣдность уѣздныхъ людей и недовольство ихъ своимъ положеніемъ.—Общія свѣдѣнія объ уѣздныхъ церквахъ и причтахъ.

Смутное время оставило по себѣ глубокіе слѣды опустошенія какъ на Москвѣ, такъ и по всему государству. Что же касается г. Ливенъ, то, говоря относительно, онъ былъ еще счастливѣе многихъ городовъ Московскаго государства: его стѣны съ башнями, церкви, торговыя лавки, *столы* и кузницы оставались цѣлы и невредимы; только церковь Успенская съ придѣломъ Архангела Михаила, что въ Казачьей слободѣ, стояла безъ пѣнія, да посадъ не досчитывался нѣсколькихъ десятковъ дворовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и многихъ изъ своихъ жителей, тогда какъ, по мысли и цѣлямъ правительства, этотъ городъ долженъ былъ съ каждымъ годомъ расти и множиться своимъ населеніемъ. Именно, въ періодъ Смутнаго времени на Ливнахъ запустѣло: въ Ямской слободѣ 8 дворовъ, въ Казачьихъ—Егорьевской и Аѳанасьевской 15 дв., Никольской 21дв., Покровской и Успенской 39 дв., всего 83 двора. Но положеніе уѣзда, который въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича началъ быстро заселяться, было теперь печальное. Населеніе его не только не подвинулось впередъ, какъ желало того Московское правительство, но и значительно сократилось противъ прежняго. Цѣлые десятки помѣстій, представлявшіе изъ себя деревни, теперь запустѣли совершенно. Напримѣръ: въ Красномъ стану считалось такихъ пустошей 9, въ Серболовомъ 8,

въ Затруцкомъ 35, въ Мокрецкомъ 24, всего въ Ливенскомъ уѣздѣ ко времени царствованія Михаила Ѳеодоровича значилось пустошей 76. Кромѣ того, изъ 14-ти селъ — четыре обратились въ погосты, пять сдѣлались сельцами, а уцѣлѣвшія пять селъ представляли собою ничтожныя деревушки.

Между тѣмъ, со вступленіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича, бѣдствія не прекратились еще какъ для всего государства, такъ въ частности и для Ливенскаго края. Въ то время совнѣ угрожали государству войною Поляки, Шведы и Крымскіе Татары, а внутри его тѣснились многочисленныя шайки Литовцевъ и Малороссійскихъ и Донскихъ казаковъ, бродили всякіе *воры* и разбойники, и всѣ разсчитывали на легкую добычу. Царская казна была пуста; ратныхъ людей стало мало. Надо было прежде всего очищать государство. Въ этомъ великомъ дѣлѣ участвовали и наши Ливенцы: дѣти боярскіе и казаки. Такъ, въ 1614 году, Ливенскій воевода Степанъ Ивановичъ Исленьевъ былъ въ товарищахъ знаменитаго воеводы Дмитрія Михайловича Пожарскаго, преслѣдовавшаго Литовскаго наѣздника Лисовскаго, и участвовалъ въ битвѣ подъ городомъ Орломъ, но былъ обращенъ въ бѣгство; только благодаря мужеству самого Пожарскаго одержана была подъ Орломъ побѣда надъ Литовцами, и Лисовскій вытѣсненъ былъ изъ предѣловъ Орловскаго края *).

Въ 1616 году въ походѣ съ Пожарскимъ было Ливенскихъ дѣтей боярскихъ 300 человѣкъ, да 300 человѣкъ казаковъ, изъ которыхъ, вѣроятно, немногіе уже возвратились на Ливны, такъ какъ съ тѣхъ поръ число дѣтей боярскихъ и казаковъ показывается на Ливнахъ значительно меньше противъ 1616 года. Именно, въ Розрядной росписи 1616 года говорится: „На Ливнахъ Игнатій Ермолаевъ сынъ Михневъ да Федоръ Григорьевъ сынъ Шишкинъ; и Февраля Игнатій и Федоръ отпущены, а на Ливнахъ велѣно быть воеводѣ Тимоѳею Васильеву сыну Измайлову, да Петру Прокофьеву сыну Данилову; а съ ними Ливенцевъ дѣтей боярскихъ 741 ч. и изъ нихъ велѣно быть съ бояриномъ со княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ 300 ч., а за тѣмъ 444 ч., съ головами 520 ч. казаковъ и изъ нихъ велѣно быть съ бояриномъ со княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ 300 ч., съ сотникомъ 100 ч. стрѣльцовъ, съ атаманомъ Михайломъ Головинымъ 60 ч. казаковъ. И всего на Ливнахъ 824 человѣка“. Кромѣ того, изъ Ливенскихъ *писцовыхъ книгъ* извѣстно, что Ливенскіе казаки участвовали въ оборонѣ Москвы отъ Поляковъ, осаждавшихъ ее въ 1618-мъ году подъ предводительствомъ королевича Владислава, и „за Московское осадное сидѣнье въ Королевичевъ приходъ“ пожалованы были, въ придачу къ прежнимъ помѣстьямъ, вотчинами. Таковы были вотчины: въ *Красномъ* станѣ — за Третьякомъ Романовымъ на Здоровецкомъ отвершку, у Краснаго лѣса, 45 чети; за Гришкою Баслановымъ въ Долгой Полянѣ на Евлановомъ колодезѣ, на р. Лѣсной Ливнѣ, 54 чети; за Осипомъ Харитоновымъ 50 чети, за Евоимомъ Михѣевымъ 99 чети; за ка-

*) См. „Историческіе очерки г. Орла“ Г. П., стр. 64—66.

зачьимъ сыномъ Ваською Бурковымъ 54 чети. Всѣ эти вотчины находились въ 3-хъ деревняхъ: Лопошинѣ, Орловой и Здобной.—Въ *Серболовомъ* стану: за Степаномъ Лукьяновымъ сыномъ Сотникова подъ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Полова колодезя, въ вотчинѣ и помѣстьѣ 152 чети; за Богданомъ Васильевымъ подъ Серболовымъ лѣсомъ, на Лѣсномъ Кунацкомъ колодезѣ, 37 чети съ осминою; за Исаемъ Григорьевымъ сыномъ Ушакова, по двумъ жалованнымъ вотчиннымъ граматамъ, 123 чети съ осминою; за Третьякомъ Романовымъ 45 чети. Вотчины эти находились въ деревняхъ: Сторожевой, Нижнемъ Куначѣ, Грязцѣ и въ сельцѣ Егорьевскомъ.—Въ *Затруцкомъ* стану: за казачьимъ сыномъ Ваською Бурковымъ по Государевой жалованной вотчинной граматѣ, за подписью дьяка Герасима Мартемьянова 1620 г. Октября 20 дня, что отцу его дано было за Московское осадное сидѣнье въ Королевичевъ приходъ. Нѣкоторые же изъ такихъ вотчинниковъ, познакомившись съ Московскою службою, не захотѣли уже оставаться на Ливнахъ и сошли въ Москву. Такъ, казакъ Иванъ Ѳедоровъ, „покиня свою вотчину (жеребей сельца Нижняго Вязовика), сшелъ къ Москвѣ и на Москвѣ сталъ въ стрѣльцы“.

Въ то время, какъ значительная часть Ливенскаго гарнизона была отпущена для походной службы и постепенно истаявала въ битвахъ съ внутренними и внѣшними врагами отечества, самый Ливенскій уѣздъ не зналъ покоя отъ Крымскихъ наѣздниковъ. При тогдашнихъ обстоятельствахъ Московскаго государства, невозможно было принять какихъ—либо рѣшительныхъ мѣръ противъ Крыма, и царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ огражденіе украйны отъ Крымскихъ набѣговъ, рѣшился сдерживать враговъ посредствомъ мирныхъ договоровъ, съ обѣщаніемъ даже платить имъ такъ—называемые *поминки**). Съ этою цѣлью, въ 1614 году, на Ливнахъ съѣхались Московскіе уполномоченные и посланникъ Крымскаго хана Джанибекъ—Гирея Ахметъ паша Сулешовъ. Ахметъ бывалъ на Ливнахъ и прежде. Еще въ 1593 году онъ пріѣзжалъ сюда для переговоровъ о прекращеніи съ обѣихъ сторонъ непріязненныхъ отношеній, съ освобожденіемъ плѣнниковъ, и имѣлъ тогда совѣщаніе съ Московскими уполномоченными, княземъ Ѳедоромъ Хворостининымъ и Богданомъ Бѣльскимъ, на мосту, перекинутомъ черезъ р. Сосну. Но въ то время Ахметъ—паша былъ сговорчивѣе, и общіе переговоры окончились утвержденіемъ мира и союза, какъ говорилось,„ на вѣки“**); теперь же онъ требовалъ, чтобы Московскій царь ежегодно присылалъ хану кромѣ *рухляди* (т. е. дорогихъ мѣховъ) 10,000 рублей. Русскіе послы представляли ему бѣдность своего государства и истощеніе царской казны по случаю Смутнаго времени; но Ахмету нашѣ не было нужды до Московской бѣдности; онъ твердилъ одно и угрожалъ:„ я на однихъ Ливнахъ вымещу; хотя возьму тысячу плѣнныхъ, и за каждаго возьму по 50 рублей, то у меня будетъ 50,000 рублей... Со

*) Поминокъ—даръ, подарокъ въ знакъ памяти.
**) Карамзинъ, т. X, стр. 195—196.

мною два дѣла,— говорилъ онъ русскому уполномоченному,— доброе и лихое: выбирайте!" Въ концѣ концовъ Сулешовъ согласился, конечно, взять всего 4000 рублей, но съ условіемъ, чтобы рано по веснѣ Государь прислалъ въ Крымъ еще большіе поминки*). Съ тѣхъ поръ русскіе послы часто возили въ Крымъ чрезъ Ливны и Елецъ денежную казну и рухлядь; только Московское золото и соболи мало приносили пользы: Крымцы, охотно принимая то и другое, всегда находили какой — либо поводъ къ разрыву съ Москвою и оправданію своихъ враждебныхъ нападеній на украйну, да и на самые поминки смотрѣли не иначе, какъ на лишнюю взятку со стороны слабаго сосѣда. Уже на другой годъ по заключеніи Ливенскаго договора, въ бытность воеводъ на Ливнахъ Игнатія Истомина сына Михнева да Ѳедора Шишкина, да осаднаго головы Ѳедора Стрѣшнева, Татары успѣли оставить слѣды своихъ набѣговъ въ Ливенскомъ уѣздѣ, опустошили въ Затруцкомъ станѣ деревню Щетинину, что было помѣстье Аоанасія Щетинина (убитаго подъ Тулою), и, по сказкѣ сторонніхъ людей, въ „123 (1615) году жену его взяли въ плѣнъ" **).

„Отъ Татарскія войны" 1616 года запустѣла деревня Соловьева Краснаго стана, въ коей помѣщиковъ — боярскихъ дѣтей было 8 человѣкъ, а Затруцкій помѣщикъ Мина Яковлевичъ Савеловъ „отъ войны 1616 году сшелъ въ Бѣлгородъ". Въ 1617 году, въ Серболовомъ станѣ изъ деревни Кутеповой, что подъ большимъ Туровымъ лѣсомъ на Даймиповомъ отвершку, Татары взяли въ плѣнъ помѣщика Максима Яковлевича Чернятина. Извѣстно также, что въ 1617 году, кромѣ боя съ Татарами въ Болховскомъ уѣздѣ въ Октябрѣ мѣсяцѣ, по донесенію Ливенскихъ воеводъ, была степная битва за 30 верстъ отъ Оскола. Въ 1618 году Августа 23-го дня бился съ Татарами Ливенскій воевода князь Никита Ивановичъ Егуповъ — Черкасскій, а 27-го Августа Татары стояли подъ Мценскомъ; въ томъ же году 8-го Октября была опять степная битва въ 120 верстахъ отъ Ливенъ, а 11-го Октября — новая битва за 50 верстъ отъ Ливенъ ***).

Подъ 1618 годомъ въ Ливенскихъ писцовыхъ книгахъ значится нѣсколько помѣщиковъ, убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ Татарами; это были: въ Красномъ станѣ — Неустрой Ѳедоровичъ Окатовъ и Гавріилъ Ивановичъ Шаталовъ; перваго Татары увели въ плѣнъ, а втораго убили; убили также и Лукьяна Григорьевича Дружбина, что жилъ въ деревнѣ Чернянской подъ Сторожевымъ лѣсомъ, за рѣкою Чернавою. Многіе служилые люди, получивъ въ этомъ году помѣстья, не захотѣли вовсе селиться; а другіе отказались отъ готовыхъ уже имѣній и разбрелись — кто куда.

Набѣги Крымцевъ не прекращались. Въ 1619 и 1620 г.г. отъ войны сошли съ своихъ имѣній безвѣстно: Илья Ивановичъ Гладковъ, Андрей Степановичъ Осмин-

*) Соловьевъ, т. 9, стр. 85.
**) *Припрaвочная* 1615 г. № 743.
***) Бѣляевъ, стр. 59.

никовъ, Антонъ Кузмичъ Левоновъ, Василій Ермоловъ, Максимъ Харламовъ и многіе другіе. Къ 1621 году Ливенская *переписная* пріурочиваетъ особенно разгромъ деревни Кудиновой въ Мокрецкомъ станѣ, подъ Плоскимъ лѣсомъ, на Плоскомъ колодезѣ: „по сказкѣ старожильцовъ сторонихъ людей“, Кудиновскіе помѣщики Ѳедоръ Прокофіевичъ Студениковъ и другіе „бродятъ межъ дворъ, а Гришку Студеникова взяли Татарове“. Подъ 1625 годомъ *переписной* значится убитымъ отъ Татаръ помѣщикъ Мокрецкаго стана Кирріанъ Григорьевичъ Кологривовъ.

Въ своей статьѣ „о городѣ Ливнахъ и его уѣздѣ“ г. Артемьевъ, на основаніи Воронежскихъ Актовъ, говоритъ, что „въ 1624 и 1625 г.г. Татары разорили Ливны и весь уѣздъ и доходили до Новосиля, откуда увели немало полоняниковъ“ *). Но изъ „Воронежскихъ Актовъ“ видно только, что въ 1625 году Татары напали на Ливенскій уѣздъ и, послѣ битвы съ Ливенскими воеводами, пошли войною на Новосиль. Именно, Ливенскіе воеводы, стольникъ Андрей Артемьевичъ Измайловъ да Данило Моисеевичъ Яблочковъ, 20-го Іюля доносили въ Москву Государю, что „Іюля въ 17 день, въ раннюю вечерню, приходяли Татаровя въ Ливенской уѣздъ, человѣкъ съ пятьсотъ, и они на Татаръ выходили и съ Татары бились, и Татаровя съ бою пошли въ Русь къ Новосили“ **). Очевидно, Ливенскимъ воеводамъ удалось отстоять городъ; но они не могли преградить Татарамъ пути къ Новосили и, слѣдовательно, избавить Ливенскій уѣздъ отъ разоренія. Потому-то Московское правительство, въ помощь Ливенскимъ воеводамъ, стало назначать еще городовыхъ или осадныхъ головъ, которые обязаны были защищать городъ въ осадное время, тогда какъ воеводы промышляли надъ непріятелемъ въ уѣздѣ.

Вообще, набѣги Крымцевъ, не прекращавшіеся въ Смутное время, были особенно часты въ первые и послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича. Въ 1639 году Крымскіе Татары два раза были подъ Новосилемъ, и, слѣдовательно, проникали чрезъ Ливенскій уѣздъ; въ 1640 году они опять воевали здѣсь въ Апрѣлѣ, Маѣ и Іюнѣ; въ 1641 году они опустошили Затруцкій станъ, гдѣ, въ деревнѣ Ениной, одного бобыля, Сережку Иванова, взяли въ полонъ, а двухъ—Якушку да Олешку (всѣ они жили въ помѣстьѣ Якова Семеновича Харитонова) убили, и изъ деревни Муратовой, вверхъ Дроскова колодезя, взяли въ плѣнъ бобыля Сережку Тарасова, бывшаго за помѣщикомъ Петромъ Левоновымъ.

1618-й годъ былъ особенно несчастенъ для города Ливенъ. Въ это время, кромѣ нападенія отъ Татаръ, онъ подвергся еще разгрому отъ Малороссійскихъ казаковъ. Польскій королевичъ Владиславъ, избранный на Московское государство въ смутное время Россіи, задумалъ теперь отнять корону у Михаила Ѳеодоровича и двинулся съ польскимъ войскомъ къ Москвѣ; при этомъ ему должны были вспомоще-

*) См. „Орловскія Губернскія Вѣдомости“ 1860 г. № 24.
**) См. Воронежскіе Акты, ч. II, стр. 16. Сообщилъ С. Е. Звѣревъ.

ствовать и Малороссійскіе казаки подъ предводительствомъ гетмана Конашевича—Сагайдачнаго. Сагайдачный шелъ къ Ливнамъ съ юга. Разгромивъ Путивль и Бѣлъгородъ *), онъ, въ первыхъ числахъ Сентября, напалъ на Ливны, гдѣ въ то время воеводами были: князь Никита Ивановичъ Егуновъ—Черкасскій и Петръ Прокофьевичъ Даниловъ, служившій здѣсь въ товарищахъ съ 1616 года.

Ливенскіе воеводы, во—время извѣщенные о движеніи Черкасовъ, укрѣпили осаду и собрали въ городѣ, кромѣ осадныхъ людей, 940 человѣкъ гарнизона; въ томъ числѣ было: дѣтей боярскихъ 302 человѣка, казаковъ съ головами и сотниками 248 чел., пѣшихъ стрѣльцовъ 100 чел. Но что значили эти силы противъ превосходныхъ силъ Сагайдачнаго! Опытный въ ратномъ дѣлѣ, Ливенскій воевода не далея въ обманъ Черкасамъ, подобно Елецкому воеводѣ Андрею Богдановичу Полеву („которому ратное дѣло было не за обычай"), и рѣшился не выходить изъ осады. Но вотъ что повѣствуется въ лѣтописи о судьбѣ Ливенъ и Ельца, этихъ стражей украйны: „Прінде же изъ—за Порога гетманъ Саадашной въ Украйные города съ запорожскими казаками, и прінде къ городу Ливнамъ, и городъ Ливну взяша *взятіемъ* **), воеводу князь Никиту Черкаского взяша въ полонъ, и товарища его Петра Даниловича ***) убиша, и многихъ людей побиша, и городъ *выжгоша*. И взявъ Ливны, поидоша къ Ельцу, и, пришедъ подъ Елецъ, стаху на малое время, и Елецъ взяша обманомъ, спереди выманивъ немногихъ людей. Воеводѣ же бывшу въ тѣ поры Андрею Полеву, и осадное сидѣнье ему не за обычай; и онъ со всѣми людьми изъ города на нихъ выйде. Саадашной же, со всѣми людьми пришедъ сзади, городъ взя. Въ тожъ время посланы быша послы въ Крымъ, Степанъ Хрущовъ да подъячей Семенко Бредехинъ; да тутъ же было Крымскихъ Татаръ 50 человѣкъ; да съ ними же послано было мягкія казны на 10 тысячъ. Черкасы-жъ ту казну взяша, и того Степана Хрущова и подъячева Семенку взяша въ плѣнъ; а Крымскихъ пословъ иныхъ поимаху живыхъ, а иныхъ побиша многихъ, и воеводу Андрея Полева убиша, а жену его въ полонъ взяша, а городъ Елецъ разориша и выжгоша, и многихъ людей въ полонъ поимана, и казну государеву всю взяша. Пословъ же тѣхъ Русскихъ и Крымскихъ вымѣниша подъ Москвою" ****). Въ одномъ древнемъ рукописномъ (полууставнаго письма) описаніи Ливенскаго Сергіевскаго монастыря говорится, что тогда „какъ самый городъ Ливны, такъ и слобода монастырскихъ крестьянъ была отъ Литовскихъ людей, подъ предводительствомъ Сагайдачнаго гетмана, разорена и 17 человѣкъ крестьянъ той слободы

*) «А Бѣлъ-городъ стоялъ на Донцѣ, на Бѣлой горѣ, на правой сторонѣ Донца, и *послѣ Литовскаго разоренья* перенесенъ на другую сторону Донца, съ нижнія стороны Бѣлаго колодезя, отъ берега отъ Донца, отъ стараго городища 380 саженъ». Кн. Б. Черт. на стр. 24.

**) *Взятье*—приступъ, штурмъ.

***) Въ Разрядныхъ книгахъ: Петръ Прокофьевичъ Даниловъ.

****) Вмѣстѣ съ Ливнами и Ельцомъ пострадалъ и г. Лебедянь. Обремененный добычею, Сагайдачный соединился съ Королевичемъ въ Тушинѣ, а въ ночь на 1-е октября они повели уже приступъ къ Москвѣ.

побиты и дворы опустошены" *). Разореніе Литовцами монастырской слободы подтверждается, какъ мы видѣли, и писцовыми книгами. Впрочемъ, сожженіе города Ливенъ казаками Сагайдачнаго, по—видимому, ограничивалось только городовыми стѣнами и башнями и не коснулось церквей, такъ какъ многія изъ церквей этого города, существовавшія въ 1615 году, упоминаются и въ Переписной 1646 года. По крайней мѣрѣ, трудно предполагать, чтобы сожженныя на Ливнахъ церкви могли возникнуть вновь въ теченіе столь короткаго времени. Съ другой стороны, если Малороссійскіе казаки, особенно въ виду упорной обороны Ливенскаго гарнизона, готовы были выместить свою злобу, за павшихъ своихъ товарищей, на городѣ и его защитникахъ съ ихъ имуществомъ; то нѣтъ еще основанія думать, чтобы они простерли свою месть и на церкви Божіи, которыя всегда свято почитались ими.

При оборонѣ города Ливенъ отъ Литовскихъ людей, въ 1618 году, вмѣстѣ съ товарищемъ воеводы Петромъ Прокофіевичемъ Даниловымъ пало много и помѣщиковъ, дѣтей боярскихъ. Изъ нихъ мы можемъ указать только на тѣхъ, которые упоминаются въ писцовыхъ книгахъ 1626—1629 годовъ. Это были—въ *Красномъ* станѣ: Василій Нечаевъ сынъ Зыбинъ, Иванъ Родіоновъ Павловъ и Иванъ Третьяковъ Ханинъ; въ *Серболовомъ* станѣ: Зиновій Кузминъ Орѣховъ; въ *Мокрецкомъ* станѣ: Наумъ Максимовъ Олтуховъ, Михайло Потаповъ Литвиновъ, Денисъ Васильевъ Лобынцевъ, Ѳедоръ Лобынцевъ и Ѳедоръ Рагозинъ, а также: Лукьянъ Сидоровъ Жихаревъ, Мелехъ Васильевъ Говоровъ, Ортюшка Ѳедоровъ Толстой и Гришка Быкановъ; въ *Затруцкомъ* станѣ: Олфимъ Борисовъ Миклаевъ, Ома Яковлевъ Ушаковъ, Матвѣй Никитинъ Кобызевъ, Софонъ Ефимовъ Азаровъ и Мартинъ Лаврентьевъ Быкановъ. Многіе помѣщики отъ Литовскаго разоренья сошли безвѣстно, а иные разбѣжались по другимъ городамъ: Кондратъ Исаевъ Стряпковъ сбѣжалъ на Елецъ, Кондратъ Григорьевъ—на Лебедянь, Ерофей Ивановъ Крюковъ—на Орелъ, братья—Ивашко, Власко да Терешко Омельяновы дѣти Власовы—безвѣстно.

Даже спустя десять лѣтъ послѣ Литовскаго разоренья, сопровождавшагося впрочемъ и набѣгами Крымцевъ, переписная Краснаго стана насчитываетъ 21 помѣстье „въ порожнихъ земляхъ"; пустоши эти лежали: на Здоровецкомъ отвершку, подъ лѣсомъ Присынскомъ на большой Новосильской дорогѣ, въ сельцѣ Пречистенскомъ подъ Сторожевымъ лѣсомъ (за рѣкою Чернавою) и у деревень—Золотухиной, Соловьевой и Чернянской. Въ Серболовомъ станѣ значились пустоши: за р. Чернавою по Кривцу, въ деревнѣ Нижнемъ Куначѣ подъ Серболовымъ лѣсомъ, въ деревнѣ Чернянской подъ Богдановымъ лѣсомъ, въ деревняхъ—Кутеповой, Крутой, Городиловой и Волчьей Полянѣ. Въ Мокрецкомъ станѣ: въ деревнѣ Вышнемъ Изрогѣ, Баранова тожъ; въ деревнѣ Черняту, Плашкова тожъ, въ деревнѣ Шолоховѣ подъ Плоскимъ лѣсомъ на р. Тиму, въ деревнѣ Пятиной, Кудиновой, въ сельцѣ Рожественскомъ, въ деревняхъ—

*) См. „Орловскія Епархіальныя Вѣдомости" 1871 г. стр. 1199.

Лебедкѣ и на Среднемъ Острову. Въ Затруцкомъ станѣ: въ сельцѣ Нижнемъ Вязовикѣ, въ деревнѣ Дурневѣ, въ слободкѣ Бекетовой, въ деревняхъ—Бахтеяровой, Луговой, Непочатой, Ровнецѣ.

Послѣ нашествія Сагайдачнаго, въ 1619-мъ году, при воеводѣ Григоріѣ Васильевичѣ Измайловѣ, Ливенскій гарнизонъ значительно убавился; здѣсь состояло теперь на лицо: дѣтей боярскихъ Ливенцевъ 286 ч., казаковъ 186 ч., стрѣльцовъ 29 ч., пушкарей 13 ч., затинщиковъ 27 ч., итого—541 человѣкъ; а въ 1620 и 1622 годахъ, при воеводѣ Михайлѣ Григорьевичѣ Козловскомъ, которому въ 1622 году приданъ былъ въ товарищи Ѳедоръ Грековъ, и подъ 1623 и 1624 годами, при воеводахъ князѣ Иванѣ Петровичѣ Засѣкинѣ да Иванѣ Ивановичѣ Язвецовѣ, въ Разрядныхъ книгахъ какъ на Ливнахъ, такъ и въ Ельцѣ вовсе не дѣлается перечня служилымъ людямъ. Очевидно, въ то время шло возобновленіе сожженнаго Сагайдачнымъ города Ливенъ, а также возстановлялись и сторожи, разстроенныя Смутнымъ временемъ на Руси. Въ возобновленномъ городѣ на посадѣ находились тѣ же церкви, что и въ прежнемъ, только безъ указанія на большой острогъ, такъ что можно думать, что теперь возобновленъ былъ только малый острожокъ, а посадъ защищенъ былъ лишь рвомъ и земляннымъ валомъ. Что же касается сторожъ, то, по Росписи 1623 года, съ Ливенъ опять ставилось 17 сторожъ: 1-я на горѣ по р. Соснѣ на Кирпичномъ броду, отъ города 3 версты; 2-я усть Трудовъ, отъ города 6 верстъ; 3-я на усть Рѣчицы, отъ города 8 верстъ; 4-я на усть Фошни, отъ города 40 верстъ; 5-я на усть Колпны, отъ города 40 верстъ; 6-я на усть Луковца, отъ города 40 верстъ, 7-я по Бѣлогородской дорогѣ за рѣку Быструю Сосну въ Колки, отъ города 4 в.; 8-я подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, отъ города 15 верстъ; 9-я подъ Долгимъ лѣсомъ, отъ города 30 верстъ; 10-я подъ Котельскимъ лѣсомъ, отъ города 170 в.; 11-я подъ Пузетцкимъ лѣсомъ, отъ города 150 в.; 12-я на р. Соснѣ на Мѣловомъ броду, отъ города 150 в.; 13-я внизъ по р. Соснѣ на усть Кшеневой, отъ города 5 в.: 14-я на усть Кунача, отъ города 7 в.; 15-я на усть Хмѣлеваго колодезя, отъ города 15 верстъ; 16-я на усть Чернавы, отъ города 20 верстъ; 17-я сверхъ Свишенъ, отъ города 30 верстъ *). Изъ 17-ти Ливенскихъ сторожъ—на 13-ти сторожахъ стояло по 2 человѣка дѣтей боярскихъ и по 2 человѣка казаковъ, а на четырехъ сторожахъ, наиболѣе удаленныхъ отъ города Ливенъ, какъ-то: Усть—Луковецкой, подъ—Котельской, подъ—Пузетцкой и на Мѣловомъ броду, стояло по 3 чел. дѣтей боярскихъ и по 3 ч. казаковъ. Всего высылалось изъ Ливенъ на сторожи дѣтей боярскихъ и казаковъ 76 человѣкъ. Разъѣзды сторожей были тѣ же, что и прежде; они простирались отъ 3-хъ до 150 верстъ.

Рядомъ съ Ливенскими сторожами по берегамъ Быстрой Сосны и ея притоковъ содержались караулы изъ городовъ—Дѣдилова, Епифани, Донкова, Кропивны, Ново-

*) См. Книги Разрядныя, т. I, стр. 963—964.

сили и особенно изъ Мценска. Изъ Мценска сторожили: „усть Чернавъ, на Рѣчицѣ, на усть Колины, усть Луковца, верхъ Очки на Рудѣ, на Долгомъ колодезѣ, на Любовшѣ и верхъ Олешенъ“,—на каждой сторожѣ по 4 человѣка, а всего—на 9-ти сторожахъ—36 человѣкъ. Изъ Новосили: „усть Чернавы, верхъ Любовши противъ Судбища, усть Оревскаго, на Любовшѣ усть Корытнова, усть Рѣчицы (до усть Трудовъ, а по другую сторону на гору по Соснѣ веретъ съ 6-ть до Святаго Камени), усть Хвощны до колодезя до Вязовика, въ Туровицкихъ дубровахъ (сверхъ колодезя Залегощи и сверхъ Скородинова по Ливенской дорогѣ) и усть рѣчки Колины“; на всѣхъ этихъ сторожахъ стояло по 4 человѣка дѣтей боярскихъ и казаковъ. Нижнее же теченіе Быстрой Сосны охранялось сторожами изъ Ельца и Донкова. Вообще берега Быстрой Сосны были обставлены сторожами такъ, что стоило только прискакать сторожу „съ вѣстями“ на одну изъ нихъ, какъ конскій топотъ стражниковъ раздавался уже по всѣмъ сторожамъ и вѣсти неслись отъ города къ городу до самой Москвы. Тогда, въ виду бранной тревоги, начиналась кипучая дѣятельность на Ливнахъ и по всему Верхососенью.

Одновременно съ укрѣпленіемъ сторожевой украинской линіи составленъ былъ новый уставъ для сторожевой и станичной службы, который, вмѣстѣ съ разрядными росписями сторожъ, разосланъ былъ ко всѣмъ воеводамъ украинскихъ городовъ отъ 1-го Марта 1623 года. По этому уставу Ливенскій воевода обязанъ былъ: 1-е) станичниковъ посылать съ 25 марта, или какъ откроется весна; 2-е) предъ отправленіемъ на службу долженъ собрать въ съѣзжую избу всѣхъ станичниковъ, дѣтей боярскихъ, атамановъ, ѣздоковъ и вожей, и пересмотрѣть ихъ по спискамъ и списки своего осмотра отправить въ Москву; 3-е) всѣхъ станичниковъ раздѣлить на двѣ половины, изъ коихъ первую посылать на сторожи съ 25-го Марта до Августа, а вторую съ 1-го Августа до 15-го Ноября; 4-е) чтобы въ каждой станицѣ было по сыну боярскому, да по атаману, да по 6-ти человѣкъ ѣздоковъ, да по два вожа, и чтобы у каждаго станичника было по два коня или къ коню по доброму мерину; 5-е) при самомъ отправленіи станицъ давать имъ наказныя памяти за воеводскою печатью, чтобы они ѣздили бережно и осторожно, доѣзжали до урочищъ и привозили къ воеводамъ доѣздныя памяти въ доказательство, что они на урочищахъ были; а ежели гдѣ переѣдутъ какую сакму, то немедленно посылали-бъ въ городъ своихъ товарищей, человѣка два или три съ вѣстьми, а сами-бъ продолжали путь до урочищъ, назначенныхъ въ разрядной росписи, и довѣдывались подлинныхъ вѣстей про Татаръ и про Черкасъ; ежели же гдѣ наѣдутъ на сакму воинскихъ людей, то, объѣхавши и разсмотря людей до точности, сколько и какіе люди, и въ какую сторону ѣдутъ, сами бы съ подлинными вѣстьми бѣжали къ воеводѣ; 6-е) по пріѣздѣ станичниковъ съ такими вѣстьми, воевода, разспрося ихъ подробно, долженъ немедленно отправить гонцовъ въ Москву и въ сосѣдніе города, дабы всѣ были готовы къ отраженію непріятеля.

Относительно *сторожей* Ливенскіе воеводы обязаны были: 1-е) высылать ихъ на караулы одновременно со станичниками, т. е. съ 25 Марта, или смотря по открытію весны; 2-е) по отправленіи сторожей въ назначенныя мѣста,—отправить роспись сторожъ въ Москву, съ прописаніемъ—сколько человѣкъ отправлено на которую сторожу, сколько верстъ которая сторожа отъ города и сколько проѣзда отъ одной сторожи до другой; 3-е) отправляя сторожей,—наказывать имъ настрого, чтобы они стояли на караулахъ осторожно день и ночь и дѣлали бы частые разъѣзды отъ одной сторожи до другой, чтобы провѣдать вѣрнѣе про воинскихъ людей; 4-е) какъ можно чаще посылать дозорщиковъ, чтобъ они смотрѣли за исправностію сторожей.—Если станичники и сторожа являлись неисправными,—первые не доѣзжали до указанныхъ имъ урочищъ, а послѣдніе оставляли свои караулы, не дождавшись смѣны; то воевода имѣлъ право ихъ наказывать, смотря по винѣ; а ежели которыхъ станичниковъ или сторожей погромятъ Татары или Черкасы, то воевода немедленно долженъ писать объ этомъ въ Москву, съ означеніемъ, какой уронъ потерпѣли станичники или сторожа.—Наконецъ, воевода обязанъ былъ смотрѣть за исправностью городскихъ укрѣпленій и, по вѣстямъ, собирать въ осаду всѣхъ уѣздныхъ жителей, писать ихъ въ особые списки, въ которыхъ должно быть означено, кто съ какимъ боемъ будетъ сражаться противъ непріятеля, на какомъ мѣстѣ въ городѣ или въ острогѣ, и подъ чьимъ начальствомъ, такъ чтобы всякій зналъ свое мѣсто во время непріятельскаго нападенія и исполнялъ приказанія своего ближайшаго начальства; долженъ былъ наблюдать, чтобы въ городѣ довольно было колья и каменья, чтобы *нарядъ* *) былъ въ исправности и чтобы въ осадѣ можно было сидѣть безстрашно. Въ то время, какъ, при вѣсти, уѣздные жители спѣшили молотить хлѣбъ, сыпали его по ямамъ и, оставивъ у своей *животины* (скотины) немногихъ людей, спѣшили въ осаду, воеводы посылали въ уѣздъ къ *засѣкамъ* **) благонадежныхъ головъ изъ дворянъ, которые должны были подлѣ засѣкъ собрать уѣздныхъ людей со всякимъ боемъ, худыя мѣста въ засѣкахъ подѣлать,—засѣчь и завалить лѣсомъ, а въ иныхъ мѣстахъ рвы покопать, у воротъ и у башенъ худыя мѣста подѣлать же, рвы почистить и стоять на засѣкахъ съ сборными людьми съ великимъ береженьемъ, чтобъ воинскіе люди чрезъ засѣку не прошли и уѣзда не повоевали. Головы должны были постоянно пересылаться между собою на засѣкахъ и о всемъ извѣщать воеводъ. При появленіи же непріятеля у засѣкъ, товарищъ большаго воеводы или голова съ сотнями промышляли надъ нимъ на засѣкахъ, въ мѣстахъ укрѣпленныхъ и тонкихъ, вообще представлявшихъ препятствія для нападающихъ и выгодныхъ для защищающихся.

Стоя во главѣ города и уѣзда во всякое время, воевода былъ вмѣстѣ съ тѣмъ

*) *Нарядъ*—артиллерія.

**) *Засѣка*—мѣсто, заваленное лѣсомъ, перекопанное рвами и прегражденное надолбами, либо острогомъ, для пресѣченія прохода.

и главнымъ начальникомъ въ гражданскомъ управленіи. По прибытіи въ городъ, новый воевода вступалъ въ отправленіе своей должности съ того, что принималъ отъ прежняго воеводы, или отъ своего товарища, если послѣдній по выбытіи перваго занималъ его мѣсто, ключи городовые и острожные, и на городѣ и на острогѣ нарядъ, и въ казнѣ *зелье* *) и свинецъ, и всякіе пушечные запасы, и деньги, что есть въ сборѣ, и всякія Государевы дѣла (бумаги). Принявши все это по описямъ и провѣривши по приходнымъ и расходнымъ книгамъ, воевода обязанъ былъ смотрѣть, чтобы все Государево было цѣло, какъ-то: зданія, оружіе, всякіе запасы, казна и бумаги, и чтобы вездѣ были надежные сторожа. Вмѣстѣ съ тѣмъ воевода долженъ былъ наблюдать, чтобы всѣ подати и доходы Государевы съ города, съ посада и со всего уѣзда исправно и въ цѣлости доставлялись въ казну. Неисправныхъ плательщиковъ обыкновенно приводили въ приказную избу и били на правежѣ палками по ногамъ: если же это не дѣйствовало, то бросали въ тюрьму и доправляли на ихъ *животахъ*. Воевода былъ судьею во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ; на немъ лежала обязанность охранять общественный порядокъ, правду и чистоту нравовъ: „да и тово ему беречь накрѣпко, чтобъ на посадѣ и въ слободахъ и въ уѣздѣ воровства, грабежу и убивства, и татьбы, и разбою, и бл... **) и насильства ни отъ кого никому не было“; если же кто объявится въ такихъ преступленіяхъ, „и тѣмъ чинить наказаніе, смотря по винѣ“. Для предохраненія отъ пожаровъ, воеводамъ повелѣвалось накрѣпко, чтобъ „въ лѣтніе дни въ городѣ никакіе люди избъ и мыленъ (баень) не топили и съ огнями не сидѣли, а ѣсть бы варили и хлѣбъ бы пекли въ поварняхъ въ печахъ; а у кого поварень нѣтъ, и тѣмъ велѣть ѣсть варить и хлѣбъ печь за городомъ и въ городѣ въ печахъ, чтобъ не близко города и хоромъ“. О такомъ распоряженіи воеводы, съ наступленіемъ теплыхъ весеннихъ и лѣтнихъ дней, *биричи* ***) ежегодно извѣщали горожанъ и жителей посада, послѣ чего избы и бани запечатывались, а люди должны были забираться въ клѣти. За тщательнымъ исполненіемъ такого приказанія наблюдали поставленные для того объѣзжіе головы.

Благодаря разнымъ мѣрамъ правительства, Ливенскій уѣздъ скоро пріобрѣлъ себѣ новыхъ поселенцевъ. Спустя десять лѣтъ послѣ нашествія Сагайдачнаго, здѣсь возникли разныя поселенія:

Въ Красномъ станѣ — *погостъ* въ деревнѣ Здобной, на помѣстной порожжей землѣ, въ починкѣ Степана Лыкова, — „церковь Св. Георгія, древяна клѣтцки, строенье попа Оксена да приходскихъ людей, на погостѣ дворы — попа Оксена, пономаря Описима Васильева, да дворъ бобыль; пашни паханыя добрыя земли церковныя 2 чети съ осминою, да дикого поля 8 чети съ осминою, сѣна 22 копны, лѣсъ Красной обще

*) *Зелье* — порохъ огнестрѣльный.

**) Т. е. распутныхъ домовъ и вообще распутства.

***) *Биричъ* — публичный чтецъ, обнародывавшій указы и постановленія правительства на площадяхъ и другихъ открытыхъ мѣстахъ.

съ помѣщики. *Деревни*—на усть Никольскаго верха и по правую сторону Никольскаго верха.—

Въ Серболовомъ станѣ: *сельцо Плоское* подъ Плоскимъ Середнимъ Кривецкимъ лѣсомъ, у Гнилова озера, съ мѣстомъ церковнымъ, что была часовня во имя Іоанна Богослова, и съ дворовымъ мѣстомъ попа Ларіона; пашни перелогомъ церковныя добрыя земли 2 чети съ осминою, да дикаго поля 17 чети съ осминою, сѣна по дикому полю и по дубровамъ до рч. Кривца 40 копенъ, лѣсъ Плоской Середній Кривецъ обще съ помѣщики. *Погостъ* на помѣстной казачьей землѣ въ деревнѣ Гниловодахъ, подъ Серболовымъ лѣсомъ на Гниломъ озерѣ, а на погостѣ церковь Преображеніе, древяна клѣтцки, „стала въ 1624 году“, строенье попа Лукьяна да приходскихъ людей, на погостѣ-жъ дворъ попа Лукьяна, а пашни къ той церкви „подаваютъ“ на время тоя-жъ деревни Гниловодъ помѣщики изъ своихъ помѣстныхъ земель. *Погостъ* на Государевой землѣ подъ Серболовымъ лѣсомъ, на Купацкомъ колодезѣ, межъ деревень Вышняго и Нижняго Кунача, „сталъ въ 1618 году“, а на погостѣ церковь Св. Чудотворцевъ Козмы и Даміана, древяна клѣтцки, строенье вдоваго попа Антона, а на погостѣ дворы: вдоваго попа Антона, попа Ѳедоса и пономаря Ивашки Васильева; пашни добрыя земли 5 чети, да дикаго поля 15 чети; сѣна 40 копенъ; лѣсъ Серболовъ обще съ помѣщики, а писана та земля къ церкви по выписи осадного головы Игнатья Кирѣевскаго въ 1624 году. Кромѣ сельца и двухъ погостовъ, въ томъ же станѣ деревни: *Шаталова* подъ Серболовымъ лѣсомъ, на Сухомъ верху, ниже Праворотья; *Соловьева* подъ Серболовымъ лѣсомъ, верхъ Жилева колодезя, на отвершку въ Приворотье; *Подколзина* сверхъ Полаго колодезя, на Суходолѣ, подъ Серболовымъ лѣсомъ; *Стоханова* подъ большимъ Кривецкимъ лѣсомъ, по лѣвую сторону Хвощеватаго верха; *Мулгина* подъ большимъ Кривецкимъ лѣсомъ, по правую сторону Хвощеватаго верха.—

Въ Затруцкомъ станѣ: *погостъ* на помѣстной порожжей землѣ въ Долгой Полянѣ, подъ большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ, поверхъ деревень Енина и Васютина, а на погостѣ церковь Архистратига Михаила да придѣлъ Св. мученицы Параскевы, нарицаемыя Пятницы, а та церковь ставлена въ 1626 году, строенье той церкви попа Ларіона да приходскихъ людей, на погостѣ дворъ попа Ларіона; пашни добрыя земли 2 чети съ осминою, да дикаго поля 17 чети съ осминою; сѣна 40 копенъ; лѣсъ большой Дросковъ обще съ помѣщики. Деревни: *Лобова* сверхъ Святицкаго верха, подъ Святицкимъ лѣсомъ; *Енина* подъ большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ, въ Большой Полянѣ, на Хмѣлевой Кулигѣ; *Драчева* подъ большимъ Дросковымъ лѣсомъ, на лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ; *Васютина* подъ большимъ Дросковымъ лѣсомъ на Рогу, на лѣсномъ Дросковѣ колодезѣ, въ Долгой Полянѣ; *Слободна*, что было займище, на усть рѣчки Жерихани, подъ Скопинымъ Гнѣздомъ, подъ Жериханскимъ лѣсомъ, по лѣвую сторону рѣчки Жерихани.—

Въ Мокрецкомъ станѣ: деревня *Нижняя Роговая*, Раткина тожъ, подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, подъ Нижнимъ Рогомъ; *деревня*, что было *займище*, подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, на Вышнемъ Изрогѣ, Баранова тожъ. Нѣкоторыя же изъ деревень, упоминаемыхъ въ приправочной 1615 года, не встрѣчаются въ писцовыхъ книгахъ 1626—1629 г.г., потому что, по разореніи ихъ, еще не были заселены вновь. Это—въ Красномъ станѣ: *деревня*, что было займище *Присова*, на р. Лѣсной Ливнѣ, и деревня *Присыскъ* подъ Присыскимъ лѣсомъ, на колодезѣ Присыскѣ, по большой Новосильской дорогѣ; въ Серболовомъ станѣ: починки—*Мухортовъ* въ деревнѣ Грязцахъ и *Волчья Поляна* подъ Туровымъ лѣсомъ; въ Затруцкомъ станѣ: деревня въ Большой Полянѣ и въ Хмѣлевомъ Куначѣ, деревня усть рк. Фошни; въ Мокрецкомъ станѣ: деревня *Вышняя Роговая* подъ Мокрецкимъ лѣсомъ; *Кудинова* на Плоскомъ колодезѣ, подъ Плоскимъ лѣсомъ; *Пятина* на рк. Тиму, подъ Плоскимъ лѣсомъ; *Лебедки* подъ лѣсомъ Лебедками, на рк. Тиму; *деревня* на *Середнемъ Острову*, на рк. Сосиѣ, подъ Кунацкою удеревью.

Вообще, къ 1630 году въ Ливенскомъ уѣздѣ состояло: селъ 5, сельцъ 6, погостовъ 8, деревень 76 и слободокъ 3, кромѣ починковъ и пустошей. Эти поселенія распредѣлялись по станамъ въ такомъ количествѣ:—въ Красномъ: 1 село, 1 сельцо, 3 погоста, 19 деревень; въ Серболовомъ: 2 села, 1 сельцо, 4 погоста, 28 деревень; въ Затруцкомъ: 1 село, 2 сельца, 1 погостъ, 22 деревни, 3 слободки; въ Мокрецкомъ: 1 село, 1 сельцо, 7 деревень. Представляемъ здѣсь свѣдѣнія о населеніи селъ и сельцъ по писцовымъ книгамъ 1626—1629 г.г.—Краснаго стана въ селѣ Парахинѣ—Пятницкомъ жило: помѣщиковъ съ недорослями 22 чел., крестьянъ 7 ч., бобылей 19 ч., а всѣхъ дворовъ съ тѣми, что и на церковномъ погостѣ, 40, кромѣ пустыхъ; въ сельцѣ Пречистенскомъ: помѣщиковъ 13 чел., а дворовъ 9.—Серболова стана въ селѣ Егорьевскомъ: помѣщиковъ 14 чел., крестьянъ 5 чел., бобылей 8 ч., а всѣхъ жилыхъ дворовъ 28; въ селѣ Пречистенскомъ: помѣщиковъ 16 чел., крестьянъ 4 ч., а дворовъ 22; въ сельцѣ Плоскомъ: помѣщиковъ 19, а дворовъ 18.—Затруцкаго стана въ селѣ Богоявленскомъ: помѣщиковъ 23 чел., крестьянъ 12 ч., бобылей 8 ч., а дворовъ 41; въ сельцѣ Нижнемъ Вязовикѣ: помѣщиковъ со вдовами, недорослями и помѣстными казаками 21 ч; въ сельцѣ Дмитровскомъ: помѣщиковъ 15 ч., а дворовъ 14; въ сельцѣ Архангельскомъ: помѣщиковъ 5 ч., крестьянъ 1 ч., бобылей 1 ч., а всѣхъ дворовъ 11 ч.—Мокрецкаго стана въ селѣ Введенскомъ: помѣщиковъ 12 ч., крестьянъ 7 ч., бобылей 6 ч., дворовъ 30; въ сельцѣ Рождественскомъ: помѣщиковъ 9 ч., дворовъ 8.—Деревни были еще бѣднѣе населеніемъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ жило по два и по три помѣщика, весьма часто безъ крестьянъ. Наиболѣе людными деревнями были: въ Красномъ станѣ—*Дутая* (22 помѣщика, съ 9 чел. крестьянъ и бобылей, всего 27 дворовъ), *Орлова* (21 помѣщикъ, 7 чел. крестьянъ и бобылей, всего 24 двора) и *Пашкова* (помѣщиковъ 22 чел., крестьянъ и бобылей 13 ч., а дворовъ 28).—Въ Сер-

боловомъ станѣ: *Нижній Куначъ* (26 пом., 25 ч. крестьянъ и бобылей, а дворовъ 46), *Крутая* (28 пом., 7 чел. крестьянъ и бобылей, а дворовъ 30), *Ясная Поляна* (пом. 21 ч., крестьянъ и бобылей 8 ч., а дворовъ 24) и *Нетесова* (25 пом., дворовъ 22). — Въ Затруцкомъ станѣ: *Сетенева* (пом. 20 ч., крестьянъ и бобылей 6 ч., а дворовъ всего 18). — Въ Мокрецкомъ станѣ самою населенною деревнею считалась *Ревякина*, въ которой находилось 16 человѣкъ помѣщиковъ съ недорослями, 15 чел. крестьянъ и бобылей, а дворовъ 29, и потомъ *Шолохова*, гдѣ жило 13 ч. помѣщ. (во вдовою и недорослемъ), 2 крестьянина и 1 бобыль, всего въ количествѣ 15 дворовъ.

Общее число помѣщиковъ — дѣтей боярскихъ, крестьянъ и бобылей въ Ливенскомъ уѣздѣ, по писцовымъ книгамъ Ивана Малечкина и подьячаго Тимоѳея Семенова (1626 — 1629 г.г.), было таково: въ Красномъ станѣ — помѣщиковъ 206 чел., крестьянъ 50 ч., бобылей 65 ч.; въ Серболовомъ — помѣщиковъ 331 ч., крестьянъ 105 ч., бобылей 120 ч.; въ Затруцкомъ — помѣщиковъ 219 ч., крестьянъ 96 ч., бобылей 102 ч.; въ Мокрецкомъ помѣщиковъ 83 ч., крестьянъ 56 ч., бобылей 43 ч. А всего: помѣщиковъ 839, крестьянъ 307, бобылей 330, да дѣловыхъ людей 3 чел. Что же касается до количества дворовъ помѣщичьихъ, крестьянскихъ и бобыльскихъ, то оно по всѣмъ четыремъ станамъ Ливенскаго уѣзда было таково: помѣщичьихъ 901, крестьянскихъ 287, бобыльскихъ 294, да дѣловыхъ людей 3 двора, кромѣ пустыхъ дворовъ, которыхъ считалось: помѣщичьихъ 11, крестьянскихъ 200, бобыльскихъ 27, да дѣловаго человѣка 1 дворъ.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича многіе изъ Ливенскихъ казаковъ, за свое участіе въ оборонѣ Москвы „въ Королевичевъ приходъ“, сдѣлались, какъ это мы видѣли, помѣщиками. За ними, за 4 человѣками, въ трехъ деревняхъ Краснаго стана — Лопашинѣ, Орловой и Здобной, состояло: 4 двора вотчинниковыхъ, дворъ крестьянскій 1, дворовъ бобыльскихъ 5, людей въ нихъ 7 человѣкъ. Въ трехъ деревняхъ - Сторожевой, Нижнемъ Куначѣ и Грязцахъ и сельцѣ Егорьевскомъ Серболова стана считалось казаковъ — помѣщиковъ также 4 человѣка. Въ Затруцкомъ — 9 чел.

Къ 1625 году городъ Ливны приведенъ былъ уже въ надлежащее оборонительное положеніе, такъ какъ, кромѣ воеводъ — Андрея Артемьевича Измайлова и Даниды Моисеевича Яблочкова, на Ливны присланъ былъ тогда въ *осадные головы* бѣлевецъ Игнатій Кирѣевскій, котораго въ слѣдующемъ году смѣнилъ новый *осадный голова* болховитинъ Степанъ Ржевскій. Осадный голова былъ начальникомъ крѣпости, особенно въ осадное время; подъ его командою находились пушкари, затинщики, воротники и разные жилецкіе люди. Въ 1625 году всѣхъ ратныхъ людей на Ливнахъ считалось 916 человѣкъ; въ томъ числѣ было: дѣтей боярскихъ Ливенцевъ и казаковъ помѣстныхъ 431 чел., стрѣльцовъ съ головою 66 ч., казаковъ конныхъ 284 ч., бѣломѣстныхъ казаковъ пѣшихъ 101 ч., пушкарей и затинщиковъ 34 ч. Воевода

назначался на службу „съ городомъ“ или „осаднымъ головою“, обыкновенно, въ то время, когда ожидали большаго прихода „воинскихъ людей“ и когда обычнымъ воеводамъ приходилось промышлять надъ непріятелемъ въ открытомъ полѣ. Въ такіе головы, въ 1628 году, назначенъ былъ на Ливны Лаврентій Ивановичъ Писаревъ, служившій предъ тѣмъ въ товарищахъ главнаго Ливенскаго воеводы Ѳедора Васильевича Клепика—Бутурлина. И въ томъ же году Ливенскій воевода Клепикъ—Бутурлинъ писалъ въ Москву, что онъ посылалъ товарища своего, Ивана Рогозина, на Крымскихъ и Ногайскихъ людей, и что походъ этотъ сопровождался побѣдою надъ непріятелемъ и взятіемъ 53 человѣкъ въ плѣнъ. За это царскій стряпчій Дорооей Флоровичъ Шиповъ привезъ Ливенскимъ воеводамъ, Бутурлину и Рогозину, „милостивое слово Государево съ червонцами“. Въ слѣдующемъ году, вѣроятно, ожидали опять Татаръ, и потому, при воеводахъ—князѣ Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ Волконскомъ и Яковѣ Ивановичѣ Ручиновѣ, Ливенскій гарнизонъ достигаетъ небывалаго еще количества—1419 человѣкъ, а въ 1630 году, при тѣхъ же воеводахъ, доходитъ до 1491 чел. Наибольшій же составъ Ливенскаго гарнизона относится къ 1631 году, при тѣхъ же воеводахъ, когда здѣсь было ратныхъ людей 1556 человѣкъ, въ томъ числѣ однихъ Ливенскихъ дѣтей боярскихъ 1053 чел. Въ это время шла война съ Польшей, и Московское правительство напрягало всѣ свои усилія къ возвращенію г. Смоленска. Какъ можно заключать изъ приводимаго въ Разрядныхъ книгахъ перечня служилыхъ на Ливнахъ людей за 1632-й и послѣдующіе два года, въ походъ противъ Смоленска выступило изъ Ливенъ около 500 дѣтей боярскихъ и до 150 казаковъ конныхъ; а такъ какъ въ это время надобно было особенно сторожить и за приходомъ „воинскихъ людей“ на украйну, то къ оружію на Ливнахъ призваны были ямскіе охотники (17 чел.) и вся братья стрѣлецкая, казачья, пушкарская и ямская, также ихъ племянники, половинщики и бобыли (227 ч.); послѣ чего Ливенскіе воеводы 1632—1633 годовъ, стольникъ Дмитрій Ѳедоровичъ Колтовскій и Алексѣй Степановичъ *) Самаринъ, располагали гарнизономъ въ 1149 ч. Такой же, вѣроятно, составъ гарнизона поддерживался на Ливнахъ и въ 1634 году при воеводѣ стольникѣ Андреѣ Васильевичѣ Клепикѣ—Бутурлинѣ и его товарищѣ—Уланѣ Евсигнеевичѣ Щепинѣ. Извѣстна судьба Смоленскаго похода. Тамъ погибла и вся почти Ливенская дружина. „Изъ дѣтей боярскихъ Ливенцевъ, которые были въ солдатской службѣ подъ Смоленскомъ“ спаслось во—время (и то, повидимому, бѣгствомъ) только „150 человѣкъ“, которые и присоединились къ Ливенскому гарнизону 1635 года. Потребовалось „верстанье *новиковъ*“ дѣтей боярскихъ; и съ братьей разныхъ служилыхъ людей, ихъ племянниками, половинщиками и бобылями, которые вооружались *рога-*

*) Въ Дворцовыхъ Разрядахъ—Елизарьевичъ.

тинами *) и топорами, составился гарнизонъ въ 1467 человѣкъ. Приблизительно такой же гарнизонъ поддерживался въ 1636 году при воеводѣ Яковѣ Оксеновичѣ Дашковѣ и при послѣдующихъ воеводахъ—Дмитріѣ Ѳедоровичѣ Колтовскомъ (1638—1642 гг.), Ѳедорѣ Михайловичѣ Бояшевѣ (1642 г.), Иванѣ Васильевичѣ Клепиковѣ—Бутурлинѣ (1643 –1645 гг.) и Емельянѣ Ивановичѣ Соплинѣ—Бутурлинѣ (1648 г.). Впрочемъ, показываемое въ Разрядныхъ книгахъ число ратныхъ людей на Ливнахъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, никогда не состояло въ наличности. Изъ общаго числа служилыхъ людей, прежде всего, отдѣлялась значительная часть въ солдатскіе полки, какъ это было въ походахъ Пожарскаго противъ Литовцевъ и—Шеина—подъ Смоленскъ. Кромѣ того, для охраненія отъ прихода „воинскихъ людей“, съ 1625 года изъ Ливенъ высылалось въ Усть-Чернавскій острогъ 100 чел. конныхъ и 50 ч. пѣшихъ, которые перемѣнялись по—мѣсячно и жили съ весны во все лѣто и до снѣговъ **); для посольской размѣны на Волуйкѣ часто находилось по 100 и 150 ч. Ливенскихъ служилыхъ людей; были также посылки служилыхъ Ливенцевъ и на Осколъ. Въ такихъ посылкахъ участвовали обыкновенно дѣти боярскіе и казаки; численность Ливенскихъ казаковъ—помѣстныхъ, конныхъ и бѣломѣстныхъ доходила до 600 ч.

При неопредѣленномъ числѣ въ городѣ дѣтей боярскихъ и казаковъ, численность стрѣльцовъ, пушкарей, воротниковъ и затинщиковъ отличалась относительною устойчивостію, такъ какъ это были люди пѣшіе, обязанные только гарнизонною службою и „служившіе съ земель“. Обычное число стрѣльцовъ было 100; но иногда численность ихъ упадала до 29 ч., какъ это было въ 1619 году, послѣ разгрома Ливенъ Сагайдачнымъ. Численность пушкарей и затинщиковъ (вѣроятно съ воротниками) не превышала 42 ч. Въ случаѣ осаднаго времени, въ защитѣ города участвовали и осадные люди, кто съ рогатиной, а кто съ топоромъ. Подъ 1617 и 1618 годами, по случаю вторженія Крымцевъ, въ составѣ Ливенскаго гарнизона упомянуты и „осадные люди“, только, къ сожалѣнію, безъ означенія числа. Надъ стрѣльцами непосредственнымъ начальникомъ былъ сотникъ, или *голова*, затѣмъ слѣдовали пятидесятники и десятники; надъ казаками (въ числѣ которыхъ были и Ливенскіе помѣщики), начальствовали есаулы, атаманы, сотники и головы, а надъ ямщиками—старосты.

По окончаніи Польской войны, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ обратилъ особенное вниманіе на укрѣпленіе сторожевой украинской линіи. Между прочимъ, въ это время сильнѣе прежняго укрѣплены были и берега Быстрой Сосны. Здѣсь, въ 1636 году, между Ливнами и Ельцемъ построенъ былъ новый городъ въ усть—Чернавскомъ ост-

**) *Рогатина*—острое, широкое копье, съ поперечиною, насаженное на дерево; но были *рогатины*—и родъ огнестрѣльнаго оружія: „какъ съ обѣихъ сторонъ воинскіе люди учнутъ вмѣстѣ сходиться и тѣмъ рогатенникамъ доведется у своихъ рогатинъ порохъ въ стволѣхъ запалити“ (Рати. Уст. XI, 137).

**) „А отъ Ливенъ 20 верстъ, между Ельца, въ лѣтнюю пору, на р. Соснѣ, на усть р. Чернавы, въ городкѣ, стоятъ заставные головы, сотнями перемѣняясь, на Калміюской дорогѣ“. Кн. В. Четр., стр. 4.

рогѣ былъ уже свой постоянный гарнизонъ съ осадным головою, лихвинцемъ Иваномъ Бунинымъ во главѣ; въ 1636 году здѣсь считалось съ головою 360 ч. служилыхъ людей да пушкарей 10 ч.*). Въ томъ же году поставленъ былъ ниже Ельца, на Талецкомъ броду, „полевой острогъ", для прикрытія посылаемыхъ туда (съ Ельца) головъ и ратныхъ людей. Кромѣ того, Михаилъ Ѳеодоровичъ покровительствовалъ заселенію Ливенскаго уѣзда какъ посредствомъ переселенія разныхъ людей изъ внутреннихъ областей государства, такъ и чрезъ привлеченіе въ этотъ малонаселенный край Малороссійскихъ казаковъ (обыкновенно называвшихся тогда Черкасами), которые, терпя угнетеніе отъ Польскаго правительства, тѣмъ охотнѣе селились у береговъ Быстрой Сосны, что царь, сверхъ богатыхъ земель, назначалъ имъ и денежное жалованье на первоначальное обзаведеніе: „атаману 7 рублевъ, есаулу 6 рублевъ, рядовымъ по 5 рублевъ, всѣмъ на лицо съ порукою, что Государеву службу служити, и Государевымъ жалованьемъ имъ на указныхъ своихъ мѣстахъ на вѣчное житье строитца, и пашню пахать и хлѣбъ сѣять". Такимъ образомъ съ 1630 года въ составѣ Ливенскаго гарнизона являются уже Малороссійскіе казаки—Ливенскіе помѣщики „съ атаманами и есаулами" во главѣ**). Черкасы образовали нѣсколько слободъ въ Ливенскомъ уѣздѣ. Одна изъ нихъ находилась въ самомъ городѣ, на посадѣ, и вмѣстѣ съ Стрѣлецкою слободою составляла Пятницкій приходъ; прочія находились недалеко отъ города: на устьѣ рѣчки Трудовъ (по Орловской почтовой дорогѣ), въ 6-ти верстахъ отъ города, что нынѣ село Крутое; при р. Соснѣ—слобода Телячье, въ 9-ти верстахъ отъ города, и, наконецъ, при Соснѣ же—слобода Рѣчица (нынѣ село), въ 15-ти верстахъ отъ города***).

Польское правительство не могло, конечно, равнодушно относиться къ тому, что его подданные массами перебѣгаютъ въ Московское государство и населяютъ собою пустынныя его пространства. Въ 1640 году Поляки, чрезъ особыхъ уполномоченныхъ, потребовали выдачи всѣхъ Черкасъ, но изъ Москвы отвѣчали на это требованіе, что въ *докончальныхъ*****) граматахъ не сказано, чтобы выдавать перебѣжчиковъ******).

Не смотря на постоянныя военныя опасности, жители города Ливенъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, занимались торговлею и разными промыслами: кузнечнымъ, коновальнымъ, плотничьимъ, сапожнымъ, рыбнымъ, звѣринымъ, гончарнымъ, селитренымъ и т. п. Въ маломъ острожкѣ было 37 лавокъ и 4 стола; лавки и столы держали и служилые люди: стрѣльцы, пушкари, затинщики, воротники, ямщики и казаки; были лавки и вдовьи, и чернаго старца Сергіева монастыря (торговавшаго, нѣ-

*) См. Кн. Разряди. т. II, 905 стр.

**) См. Книги Разрядныя подъ этимъ годомъ.

***) По 9-й ревизіи въ этихъ слободахъ съ принадлежащими къ нимъ хуторами считалось 477 дворовъ, а въ нихъ—2671 мужч. и 2999 женщ.; всѣ они причислены къ разряду государственныхъ крестьянъ.

****) *Докончальный*—мирный, утвержденный окончательно.

*****) Исторія Россіи Соловьева, т. 9, 264—265.

роятно, иконами, крестиками, свѣчами, ладономъ, деревяннымъ масломъ, а можетъ быть и нѣкоторыми рукописными сказаніями); „а оброковъ съ лавокъ и столовъ и кузницъ (числомъ 8) на годъ даютъ по 20 рублевъ“,—говорится въ *Приправочной* 1615 года. Кабакъ былъ одинъ на весь городъ и сдавался „въ откупъ изъ Розряду, а откупу было по 110 рублевъ на годъ“; откупщики держали кабакъ „на вѣрѣ“ и назывались цѣловальниками. Мѣсто этого кабака обозначается нынѣшнимъ питейнымъ домомъ (что на торговой—Красной площади), извѣстнымъ подъ названіемъ Горѣлаго. Сохраняется преданіе, что названіе „Горѣлаго“ усвоено за этимъ кабакомъ потому, что во время одного нападенія ордынцевъ онъ горѣлъ. Нѣкоторые посадскіе и уѣздные люди занимались рыбнымъ промысломъ и звѣроловствомъ; они брали на откупъ рѣки: Сосну, Олымъ, Труды и Любовшу „и съ тѣхъ рѣкъ за рыбныя ловли, и за бобровые гоны, и за хмѣлевыя болота, и за полевой всякой звѣрь давали оброку на Ливнахъ въ Розрядѣ по 50 рублевъ въ годъ“. Кромѣ того, пушкари и разные люди на Ливнахъ занимались приготовленіемъ селитры; они подряжались на то въ Пушкарскомъ Приказѣ, и въ 1634 году брали за пудъ селитры по 2 р. и 10 *алтынъ**). Были на Ливнахъ и такіе предпріимчивые люди, что, не взирая на опасность отъ Татаръ, вели торговлю съ Дономъ и доставляли туда хлѣбъ и разные другіе запасы. Торговля эта велась на стругахъ и была такъ важна для Дона, что когда она остановилась въ 1657 году, то Донцы жаловались въ Москву на крайнюю свою нужду въ хлѣбныхъ и военныхъ запасахъ**). Иногда торговые люди заживались на Дону и принимали участіе въ походахъ Донскихъ казаковъ подъ Азовъ, чтобы сообща пограбить и поразбойничать на счетъ басурманъ. Въ 1662 году они вмѣстѣ съ Донцами разгромили Турецкіе караваны, шедшіе въ Азовъ, бились съ ними и возвратились домой съ добычей, къ неудовольствію, конечно, Московскаго правительства***). Бывали случаи, что Ливенцы навсегда пристава̀ли къ Донцамъ, а Донцы, не ужившіеся почему-либо съ своими собратьями, предпочитали Тихому Дону Быструю Сосну и селились на Ливнахъ. Такъ, въ послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича бѣжали „на Донъ въ казаки“ нѣкоторые изъ жителей деревни Выпняго Кунача, а изъ Дона вышли на Ливны: Максимко Васильевъ, Гришка Абрамовъ и Евстратка Петровъ; они пристали къ церковнымъ землямъ, а Максимко на свой счетъ построилъ себѣ дворъ; впослѣдствіи эти Донцы поступили на Государеву службу,—кто въ стрѣльцы, а кто въ солдаты. Жили на Ливнахъ на церковныхъ земляхъ и Крымскіе полоняники; таковъ былъ Васька Болдырь, очевидно, принявшій христіанство.

Тогда какъ жители города Ливенъ, помимо земледѣлія, находили себѣ средства къ жизни въ торговлѣ и разныхъ промыслахъ, уѣздные люди были вообще бѣдны и

---

*) Исторія Россіи Соловьева, т. 9, стр. 224 -225.
**) Исторія Россіи Соловьева, т. II, стр. 13.
***) Тамъ-же, т. II, стр. 13 и т. 9, стр. 275.

часто терпѣли крайнюю нужду. Главное обезпеченіе Ливенскихъ помѣщиковъ состояло въ обработкѣ земельнаго надѣла; по этому препятствовали тогда и частые набѣги Татаръ, и недостатокъ рабочихъ рукъ. Помѣстья въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича были такъ малолюдны, что на двухъ помѣщиковъ не доставало и по одному крестьянину. Впослѣдствіи, къ 1630-му году, благодаря разнымъ мѣропріятіямъ правительства, число крестьянъ и бобылей въ Ливенскомъ уѣздѣ значительно увеличилось (съ 314 до 637 чел.), но за то увеличилось и число помѣщиковъ (съ 775 до 1076 чел.), такъ что въ общемъ на двухъ помѣщиковъ могло приходиться почти только по одному крестьянину или бобылю. Новымъ приливомъ населенія далеко не пополнился ущербъ, причиненный Ливенскому уѣзду Смутнымъ временемъ и учащенными набѣгами Крымцевъ. Къ 1630 году все еще считалось здѣсь: 11 дворовъ и 240 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, 200 дворовъ и 78 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 27 дворовъ и 16 мѣстъ дворовыхъ бобыльскихъ пустыхъ, 1 дворъ пустой дѣловаго человѣка. За то съ 1615 и по 1630 годъ обработка земли сильно подвинулась впередъ, а именно — съ 714 чети съ четверикомъ до 3306 чети съ осминою; это — „пашни паханыя помѣщиковы и крестьянскія земли“, послѣ чего еще считалось въ уѣздѣ „перелогу и дикаго поля и дубравы пашенныя 53,699 чети*)“.

Самый приливъ рабочаго населенія не обходился безъ непріятностей для помѣщиковъ. Обыкновенно, новыхъ поселенцевъ старались привлекать на свои помѣстья болѣе зажиточные помѣщики, а мелкопомѣстные владѣльцы страдали еще отъ вывода крестьянъ боярами и другими значительными помѣщиками. Нѣкоторые помѣщики отъ безлюдья бросали свои помѣстья и поступали въ казаки. О бывшемъ помѣщикѣ Затруцкаго стана изъ деревни Ровнеца Кирѣѣ Ѳедоровичѣ Сединѣ замѣчено въ писцовой, что онъ „въ 1617 году сталъ на Ливнахъ въ казаки“. Вопросъ о томъ, какъ-бы добыть себѣ крестьянина, бобыля или дѣловаго человѣка, былъ тогда насущною злобою дня, яблокомъ раздора между помѣщиками. Извѣстная жалоба Елецкихъ помѣщиковъ, что имъ „отъ насильства людей и крестьянъ боярина Ивана Никитича Романова мочи не стало, жить невозможно, пуще стало Крымской и Ногайской войны“, — раздѣлялась отчасти и Ливенскими владѣльцами. По крайней мѣрѣ, одинъ Ливенскій помѣстный казакъ, Авдѣй Яковлевъ, не постѣснялся въ домѣ своего крестьянина, при посторонннихъ свидѣтеляхъ, говорить даже такія рѣчи: „Государь насъ не жалуетъ, крестьянъ изъ-за насъ велитъ выводить; насъ въ заговорѣ человѣкъ съ пятьсотъ: кто изъ-за насъ крестьянъ выводитъ, у тѣхъ мы вотчины вызжемъ, а крестьянъ побьемъ, а найдемъ — де иного государя**)“. Въ рѣчи Яковлева видна запальчивость; никакого

*) Всего по Приправочной 1615 года считалось помѣщичьей и крестьянской земли въ Ливенскомъ уѣздѣ 49846 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ, сѣна 92801 копна; по писцовымъ-же книгамъ 1626—1629 гг.—земли 56395 чети, сѣна 112527 копенъ.

**) См. Дополненіе къ 9 т. Исторіи Россіи Соловьева, стр. 504—505.

серьезнаго заговора у него съ прочими помѣщиками, очевидно, не было,—было только общее недовольство бѣдностію, вслѣдствіе недостатка работниковъ, а отсюда и ожесточеніе противъ тѣхъ помѣщиковъ, которымъ удавалось такъ или иначе собрать на своихъ земляхъ сколько-нибудь крестьянъ и бобылей. Самый опасный элементъ въ помѣщичьемъ населеніи представляли тѣ разорившіеся служилые люди и ихъ недоросли, которые „бродили и волочились межъ дворъ.“ Такими бродягами по писцовой 1626—1629 гг. были: въ Красномъ стану—Трофимъ Гавриловъ Шмолдовъ, Яковъ Евсѣевъ Митюревъ, Сенька Моисеевъ Харитоновъ, Гришка Богдановъ Гревцовъ и неизвѣстный по имени сынъ Левона Хапина; въ Мокрецкомъ стану: бывшіе помѣщики деревни Кудиновой—Ѳедька да Оверко Студениковы и Гаврилко Ядышинъ; въ Затруцкомъ стану: бывшій Ровнецкій помѣщикъ Ларя Семеновъ сынъ Осиповъ. Число этихъ завѣдомыхъ бродягъ пополнялось еще многими изъ тѣхъ, кои, „взявъ помѣстья, не селились“ и исчезали неизвѣстно куда. Такіе люди, безъ сомнѣнія, могли сходиться въ мысляхъ съ помѣстнымъ казакомъ Авдѣемъ Яковлевымъ. При бездомномъ положеніи, имъ недалеко было до явнаго воровства и разбоевъ. Были случаи, что разбоемъ занимались и домовитые помѣщики. Извѣстно, напримѣръ, изъ писцовыхъ книгъ, что помѣщики Краснаго стана—Данилко да Филька Тимоѳеевы дѣти Ягурновы, имѣя свои помѣстья въ деревнѣ Присынкѣ, упражнялись въ разбоѣ и, будучи пойманы на томъ, „по сказкѣ старожильцовъ—тутошнихъ и сторонніхъ людей, за то воровство вкинуты въ 1629 году въ тюрьму.“ Если же бѣдствовали сами помѣщики, то могли ли благоденствовать ихъ бобыли и крестьяне?.. Впрочемъ, нѣкоторые бобыли, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ тогдашняго правительства, успѣвали дѣлать себѣ карьеру и становились помѣщиками. Такъ, напримѣръ, бобыль помѣщика Герасима Васильевича Михайлова (изъ деревни Драчевой, подъ Дросковымъ лѣсомъ) „Петрушка Савельевъ сынъ Золотухинъ бѣжалъ на Луковецъ въ дѣти боярскіе;“ за нимъ туда же въ дѣти боярскіе сбѣжали и нѣкоторые изъ бобылей деревни Ениной, что была за помѣщиками Ениными и Харитоновыкъ. Были также случаи, что правительство записывало крестьянъ въ казаки и надѣляло ихъ землею и угодьями, а въ казакахъ нѣкоторые изъ нихъ могли заслуживать и вотчины.

Взглянемъ также на бытъ уѣзднаго духовенства въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Около 1630 г. въ Ливенскомъ уѣздѣ считалось 19 погостовъ, изъ коихъ на трехъ: въ сельцѣ Пречистенскомъ Краснаго стана, въ сельцѣ Плоскомъ Серболова стана и въ сельцѣ Дмитровскомъ Затруцкаго стана не было ни церквей, ни часовень, ни поповъ „отъ войны“, а въ прочихъ погостахъ церкви стояли въ цѣлости и причты были на-лицо, почему здѣсь, безъ сомнѣнія, и совершалось богослуженіе *). Въ сельцѣ же Рождественскомъ Мокрецкаго стана совершалось,

*) При церкви сельца Пречистенскаго, Краснаго стана, показаны только „дворовыя мѣста попа Ѳедора, пономарское и проскурницыно“; слѣдовательно—попа не было.

очевидно, неполное богослуженіе, такъ какъ здѣсь на мѣстѣ бывшей церкви стояла часовня. При нѣкоторыхъ церквахъ, какъ въ селѣ Пречистенскомъ Серболова стана и Введенскомъ Мокрецкаго стана, было по два попа: въ другихъ, какъ на Георгіевскомъ погостѣ Краснаго стана, въ селѣ Егорьевскомъ и на погостахъ Преображенскомъ и Козмодамьянскомъ Серболова стана, кромѣ настоящихъ поповъ были еще вдовые попы, а въ остальныхъ было по одному попу. Полные причты (т. е. попъ, дьячекъ и пономарь) находились только при пяти церквахъ, а именно: въ трехъ селахъ—Парахинѣ Краснаго стана, Пречистенскомъ и Егорьевскомъ Серболова стана, въ одномъ сельцѣ—Архангельскомъ Затруцкаго стана и при погостѣ Преображенскомъ Серболова стана. При шести церквахъ служили попы съ пономарями, при одной (въ селѣ Богоявленскомъ Затруцкаго стана) попъ съ дьячкомъ, а при четырехъ—были одни попы. Обычною пропорціею церковной земли было „20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ,“ сѣна—40 копенъ; только при Георгіевскомъ погостѣ Краснаго стана, что въ деревнѣ Здобной, считалось почему—то всего 11 чети, а сѣна 22 копны, да о погостѣ Преображенскомъ Серболова стана замѣчено въ писцовой Малечкина, что „пашни къ той церкви подаваютъ на время тоя-жъ деревни Гниловодъ помѣщики.“ При четырехъ церквахъ, съ обычною пропорціею пашни, сѣна показано 60 копенъ; сто: въ селѣ Пречистенскомъ и при погостѣ Архангельскомъ Серболова стана, въ селѣ Богоявленскомъ и сельцѣ Архангельскомъ Затруцкаго стана. Нѣкоторыя же церкви, сверхъ обычной пропорціи, владѣли еще такъ—называемою „примѣрною пашенною землею“; именно: три церкви Краснаго стана—погосты Никольскій (10 чети) и Георгіевскій (25 чети) и Пятницкая церковь села Парахина (15 ч.). да ц. села Введенскаго въ Мокрецкомъ стану (23 чети съ осминою); при этихъ церквахъ сѣна клалось по 60 копенъ, кромѣ Парахинской, при которой „сѣножати“ было 40 копенъ.

Попы, дьячки и пономари были, можно сказать, самыми усердными и притомъ наиболѣе прочными колонизаторами Ливенскаго края. Въ то время, какъ помѣщики часто смѣнялись по разнымъ случаямъ войны, службы и добровольнаго перемѣщенія въ другія мѣста, попы крѣпко сидѣли на своихъ погостахъ и старались обращать дикое поле въ пашни. Оттого, быть можетъ, и самые бобыли охотнѣе селились на церковныхъ земляхъ, нежели на помѣщичьихъ. По крайней мѣрѣ, изъ писцовыхъ книгъ извѣстно, что тогда какъ цѣлыя помѣщичьи деревни вовсе не имѣли бобылей, на погостахъ Краснаго стана жили дворами 14 бобылей. Погосты прочихъ становъ были скуднѣе бобыльскими дворами, но и при нихъ, въ общей сложности, жило дворами 15 бобылей. При помощи бобылей, церковныя земли изъ дикаго поля все болѣе и болѣе превращались въ „добрыя земли“. Напримѣръ, при Никольскомъ погостѣ Краснаго стана доброй пашенной земли считалось 9 чети, а подъ дикимъ полемъ 11 чети; здѣсь же обработана была и 1 четь „примѣрной“ земли. При 11 церквахъ обрабатывалось по 5 чети и болѣе въ полѣ, а въ дву по тому жъ; при прочихъ же

церквахъ, гдѣ не было бобылей, воздѣлывалось лишь „по 2 или по 2 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ“. При нѣкоторыхъ церквахъ вдовые попы были „на трети“ пашни и сѣнныхъ покосовъ, что допускалось настоящими попами тѣмъ охотнѣе, что въ то время далеко не вся еще церковная земля была распахана. Вообще, поповскій бытъ представлялъ много выгодъ предъ бытомъ помѣщичьимъ, почему нѣкоторые помѣщики, умѣвшіе грамотѣ, рады были случаю сдѣлаться попами. Такъ о помѣщикѣ Затрупскаго стана Иванѣ Мартиновѣ, жившемъ подъ Ясеновымъ лѣсомъ, извѣстно, что онъ „сталъ въ попы“. А дѣти и внуки помѣщиковъ охотно становились дьячками и пономарями, какъ это было именно на Преображенскомъ погостѣ Серболова стана, въ помѣстьѣ Степана Мишина. Въ занятіи поповскихъ мѣстъ усматривается и наслѣдственность; напримѣръ, при Никольскомъ погостѣ Краснаго стана послѣ Андрея священствовалъ сынъ его Назарій. О состоятельности поповъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что изъ 16 церквей Ливенскаго уѣзда, о построеніи которыхъ упоминаютъ писцовыя книги, 4 были построены и снабжены во всемъ необходимомъ попами, 6 были построены попами съ помощью приходскихъ людей, 5 — приходскими людьми и 1 — помѣщикомъ *).

IX.

Положеніе города Ливенъ и его уѣзда въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Перепись посадскихъ тяглыхъ людей и надворничества „на Ливнахъ въ городѣ и за городомъ“. - Списокъ населенныхъ мѣстъ Ливенскаго уѣзда по переписи 1646 года.—Крестьяне, бобыли и задворные люди въ городѣ и уѣздѣ. - Мѣры противъ Крымскихъ набѣговъ. - Вольной сходъ воеводъ на Ливнахъ. — Полковые и городовые воеводы. Мѣстничество и ревизія на Ливнахъ. Укрѣпленіе Ливенской засѣки. - Нашествіе Крымскаго хана и слѣды Ханскаго погрома въ Ливенскомъ уѣздѣ. — Жертвы плѣна въ уѣздѣ и городѣ. - Бѣгство крестьянъ и бобылей отъ „разоренія Крымскаго хана“. — Взглядъ на колонизацію Ливенскаго края въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Важнѣйшимъ источникомъ для исторіи г. Ливенъ и его уѣзда въ царствованіе Алексѣя Михайловича служитъ переписная книга 1646 года. Въ ней мы находимъ

*) Всего въ Ливенскомъ уѣздѣ, по писцовой Малечкина, считалось „церковныя земли въ 5 селахъ, 3 сельцахъ, да въ 7 погостахъ (а къ 8-му погосту церковныя земли нѣтъ) пашни паханыя и перелогу и дикого поля и дубравы пашенныя, опричь приѣзжія и порожія земли, 301 четь въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 762 копны; да приѣзжія церковныя земли въ 2 селахъ да въ погостѣ 63 чети съ осминою; обоего .... 364 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ. Да церковныя жъ порожія земли въ 3 сельцахъ 60 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 120 копенъ“.

упоминаніе какъ о *городѣ* Ливнахъ, его *посадѣ* и *слободахъ*, такъ и подробное описаніе населенныхъ мѣстъ Ливенскаго уѣзда. Приводимъ выписку изъ этой переписи относительно города Ливенъ. „Лѣта 7154 (1646) Мая въ 20 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи указу и по наказу, за приписью дьяка Микиты Головина, князь Ѳедоръ Петровичъ Борятинскаго да подъячей Дмитрей Болотовъ, по сказкамъ за руками на Ливнахъ въ городѣ и за городомъ, посадскихъ тяглыхъ людей и надворничества дворниковъ и на церковныхъ земляхъ и всякихъ чиновъ людьми бобылей и бобылокъ досматривали. А по досмотру и по сказкамъ за руками въ *Пушкарской* слободѣ на пушкарской землѣ живутъ себѣ *) дворами бобыли (перечисленіе)..., а по сказкѣ пушкарей, что тѣ люди, которые живутъ на ихъ земляхъ, въ пушкарской службѣ и въ посылкахъ имъ помогаютъ, всего тѣхъ людей, которые живутъ себѣ дворами на пушкарскихъ земляхъ, 20 человѣкъ.

Да *за городомъ* на берегу р. Сосны Сергіевскаго монастыря, что на Ливнахъ, за игуменомъ Іоною съ братьею *слободна*, а въ слободкѣ крестьяне..., всего 18 дворовъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 41 человѣкъ. Да за тѣмъ же монастыремъ живутъ бобыли около монастыря на монастырской землѣ на оброкѣ..., всего 14 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 22 человѣка. Да которые живутъ на церковныхъ земляхъ на оброкѣ себѣ дворами:

Церкви *Николы Чудотворца*, что на Ливнахъ въ *городѣ*, за попомъ за Иваномъ на церковной землѣ живутъ себѣ дворами на оброкѣ на время... 3 двора. дѣти казачьи и стрѣлецкіе, да слѣпой Евтишка Фирсовъ, да вдова Огрофенка.

Церкви *Николы Чудотворца*, что въ *Казачьей* и въ *Ямской слободѣ*, за попомъ Васильемъ дворъ бобыль—Сенька Ивановъ слѣпъ.

Церкви *Покрова Пресвятыя Богородицы*, что въ *Казачьей* слободѣ, за попомъ Богданомъ на оброкѣ дворъ, въ немъ живетъ Донской казакъ Гришка Абрамовъ, дворъ Ливенца сына боярскаго Ерошки Дороосева, дворъ бобыль Савостьки Киреева (нынѣ въ солдатехъ), а за попомъ Иваномъ дворъ бобыль—Ларка Клеменовъ.

Церкви *Великаго Христова Мученика Георгія*, что на *посадѣ* въ *Казачьей* слободѣ, за попомъ за Иваномъ живутъ себѣ дворами на оброкѣ: дворъ—Крымской полоняникъ Васька Болдырь; дворъ—Ивашко Гончаръ; дворъ—Титко Хромовъ; дворъ—Силка Исаевъ; дворъ—Микитка Панпивсковъ, и тѣхъ де писецъ Тихонъ Кошкинъ по Государеву указу написалъ въ стрѣльцы и въ казаки, и книги къ Государю къ Москвѣ посланы, а нынѣ они живутъ на церковной землѣ на время.

Церкви *Успенія Пресвятыя Богородицы* за попомъ за Иваномъ живутъ на церковной землѣ: дворъ—Донской казакъ Максимко Васильевъ; дворъ—Елецкой ка-

*) *Себѣ*—особо.

закъ Ѳедька Ѳоминъ; дворъ—*кормовой* *) солдатъ Кудинко Петровъ, а дворы на церковной землѣ строили они сами, живутъ на оброкѣ до времени.

Церкви *Велиніа Христовы мученицы Параскевы*, нарицаемыя Пятницы, что на *посадѣ Стрѣлецкія* и *Черкаскія слободы*, за попомъ за Никитою на церковной землѣ живетъ себѣ дворомъ Донской казакъ Евстратко Петровъ да Ливенской стрѣлецъ Потанко Которгинъ, да солдатъ Сенька Коновалъ, а Государеву они службу нынѣ служатъ, а живутъ на церковной землѣ до времени безъ оброка.

Церкви *Димитрія Селунскаго*, что въ *Казачьей Бѣломѣстной слободѣ*, за попомъ за Иваномъ живутъ себѣ дворами: дворъ—полковой казакъ Максимко Головинъ; дворъ—гулящей человѣкъ Кленка Вылочинъ; дворъ—бѣломѣсной казакъ Митька Васильевъ; дворъ—стрѣлецъ Ивашко Горбинской; дворъ—бобыль Игнашко Епихинъ, и тотъ Игнашко посланъ по Государеву указу на Донъ на стругу въ стрѣльцахъ, а нынѣ въ томъ дворѣ живетъ мать ево Оксиньица; всего которые живутъ на церковной землѣ 25 чел.“

Переписная 1646 года упоминаетъ всего о 7-ми церквахъ города Ливенъ (кромѣ монастыря), потому что только на землѣ этихъ церквей жили разные тягловые люди. Церковныя земли особенно тянули къ себѣ разныхъ выходцевъ, полоняниковъ, обездоленныхъ войною, гулящихъ и шатающихся людей, такъ какъ съ одной стороны эти земли, по недостатку рабочихъ рукъ, лежали впустѣ, частію подъ перелогомъ, частію подъ дикимъ полемъ, а съ другой стороны—при нѣкоторыхъ церквахъ были уже готовые дворы, да и попы были уступчивѣе другихъ помѣщиковъ: они, какъ видно, не всегда выговаривали себѣ у своихъ жильцовъ извѣстный оброкъ, довольствовались временными ихъ услугами и не отталкивали вдовъ, слѣпыхъ и разныхъ убогихъ людей. Изъ такихъ церковныхъ жильцовъ, конечно, молодыхъ и здоровыхъ, пополнялся составъ гарнизонной службы, а слѣпые, горбатые и подобные калѣки доживали свой вѣкъ подъ церковнымъ кровомъ и уступали его новымъ нищимъ и убогимъ.

Кромѣ изложенныхъ свѣдѣній о городѣ Ливнахъ, переписная 1646 г. сообщаетъ особенно подробныя данныя о населенныхъ мѣстахъ Ливенскаго уѣзда, съ указаніемъ численности тягляго населенія въ каждомъ изъ четырехъ уѣздныхъ становъ. Вотъ какія села и деревни существовали на пространствѣ Ливенскаго уѣзда въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича.—

ВЪ КРАСНОМЪ СТАНѢ:

Села: *Никольское*—на Лѣсной Ливнѣ; *Пятницкое*, что была деревня Парахина, сверхъ Бѣлаго колодезя подъ Краснымъ лѣсомъ; *Егорьевское*.—Деревни: Никольскаго прихода—*Зубцова*, что былъ починокъ Буняевской, Мишустино тожъ, на Лѣс-

*) *Кормовой*—получающій жалованье или содержаніе за службу.

ной Ливнѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ, противъ Евланова колодезя *); *Костомарова*, что было займище—Присадъ, подъ Краснымъ и подъ Евлановымъ лѣсомъ, на Лѣсной Ливнѣ; Пятницкаго прихода—*Орлова*—сверхъ Хвощеватаго и Хрущеватаго колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ; *Лопашина*—подъ Краснымъ лѣсомъ, подъ Евлановымъ Рогомъ, сверхъ Евланова колодезя; деревня, что было займище Алексѣя Зайцева,—*Дутое* тожъ, сверхъ Евланова колодезя подъ Краснымъ лѣсомъ; Егорьевскаго прихода—*Платонова, Лютая* тожъ, на Полевой Ливнѣ подъ Краснымъ лѣсомъ; *Чувакина*—на Полевой Ливнѣ у Краснаго лѣса на Рогу; *Пашкова*—на Полевой Ливнѣ на колодезѣ Ребикѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ; *Хвощеватая, Потапова* тожъ **) на Полевой Ливнѣ на усть Хвощеватаго колодезя; *Жилевая*—подъ Жилевымъ лѣсомъ, на Жилевѣ колодезѣ; *Здобная*.—Всего въ Красномъ стану считалось: 3 села (собственно прихода, погоста или церкви) и 11 деревень.

ВЪ СЕРБОЛОВОМЪ СТАНѢ:

Села: *Спасское*—подъ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Полой Воды съ правой стороны; *Спасское*, что была деревня Гниловоды; *Козмодамьянское*—подъ Серболовымъ лѣсомъ на Кунацкомъ колодезѣ, межъ деревень Вышняго и Нижняго Куначя; *Егорьевское*—подъ Богдановымъ лѣсомъ, вверхъ Хмѣлеваго колодезя на Верхней Плотѣ; *Пречистенское*—подъ Большимъ Туровымъ лѣсомъ; *Архангельское: Никитское*.—Деревни: Спасскаго прихода—*Шестанова* подъ Серболовымъ лѣсомъ; *Соловьева*—подъ Серболовымъ лѣсомъ сверхъ Жилева колодезя; *Островъ*—сверхъ Полова колодезя на Суходолѣ, подъ Серболовымъ лѣсомъ; *Прильпы*—подъ Серболовымъ лѣсомъ, сверхъ Полова колодезя; *Сторожевая*—тамъ же; Спасскаго прихода—*Гниловоды*, подъ Серболовымъ лѣсомъ у Гнилаго озера; Козмодамьянскаго прихода—*Вышній Куначъ; Нижній Куначъ*; Егорьевскаго прихода—*Грязцы*, на Черной Грязи, вверхъ Хмѣлеваго колодезя подъ Богдановымъ лѣсомъ; *Новосильская*—тамъ же; *Крутая*—подъ Большимъ Туровымъ лѣсомъ на Крутомъ Верху; Пречистенскаго прихода—*Сторожевая*; Архангельскаго прихода—*Юрова*, подъ Туровымъ лѣсомъ на Крутомъ Верху; Никитскаго прихода—*Стаханова*, что была пустошь—Дикое Поле: того жъ прихода селятся дѣти боярскіе *подъ Долгимъ лѣсомъ*.—Всего въ Серболовомъ стану показано: 7 селъ и 15 деревень.

ВЪ МОКРЕЦКОМЪ СТАНѢ:

Село *Введенское* и сельцо *Рожественское*.—Деревни: Введенскаго прихода—*Нижняя Роговая*, подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, подъ Нижнимъ Рогомъ; *Ревякина*, что

*) Названіе этой деревни произошло отъ фамиліи помѣщика. Въ 1646 году здѣсь былъ помѣщикъ Иванъ Иванович Зубцовъ.

**) Названіе *Потапова* произошло отъ фамиліи помѣщика Евдокима Потапова, послѣ котораго владѣлъ сынъ его Михаилъ Евдокимовичъ (въ 1678 г.).

было займище Евлановское, на Рогу, подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, промежъ озера Евланова; *Свиная*, Невстанихина тожъ, подъ Мокрецкимъ лѣсомъ, сверхъ Свиного колодезя; Рождественскаго прихода—*Шолохова* подъ Плоскимъ лѣсомъ на р. Тиму, на усть Бѣлаго колодезя; *Лебедки* на р. Тиму, подъ лѣсомъ Лебедками; *Пятина* („за Григорьемъ Куприяновымъ сыномъ Пятинымъ“).—Всего въ Мокрецкомъ стану: село, сельцо и 6 деревень.

ВЪ ЗАТРУЦКОМЪ СТАНѢ:

Села: *Никольское*—Нижній Вязовикъ, что было займище подъ лѣсомъ Большимъ Вязовикомъ, на рч. Вязовикѣ; *Богоявленское* на рк. Фошнѣ, на усть Плоскаго колодезя подъ среднимъ лѣсомъ; сельцо *Дмитровское* на рк. Фошнѣ, подъ Городецкимъ лѣсомъ; *Архангельское*, подъ Дросковымъ лѣсомъ на Брусовомъ Верху; *Луковецъ*.—Деревни: Никольскаго прихода—*Святина*, подъ Святицкимъ лѣсомъ; *Вышній Куначъ*; Богоявленскаго прихода—деревня, что была *слободна* на усть рч. Жериханки подъ Скопинымъ Гнѣздомъ; деревня, что была слободка *Дурнова* сверхъ Жериханскаго лѣса; *Бахтеярова*—сверхъ Плоскаго колодезя; Дмитріевскаго прихода—*Луговая* на р. Сосинѣ; Архангельскаго прихода—*Енина* подъ Большимъ Туровымъ лѣсомъ на Дросковѣ колодезѣ; *Драчева* подъ Дросковымъ лѣсомъ; *Шпарова*—Ступина и Телѣгина тожъ; *Муратова* верхъ Дроскова колодезя.—Всего въ Затруцкомъ стану упоминаются: 4 села, 1 сельцо и 10 деревень.

Итого по *переписной* 1646 года въ Ливенскомъ уѣздѣ насчитывалось 17 селъ съ сельцами и 42 деревни. Такъ не богатъ былъ поселеніями Ливенскій уѣздъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. При этомъ необходимо еще имѣть въ виду, что тогдашнія села были незначительнѣе нынѣшнихъ поселковъ и деревень, а нѣкоторыя изъ нихъ представляли изъ себя одни погосты.

Что же касается крестьянскаго и бобыльскаго населенія, то оно представляется по *переписной* 1646 года въ такомъ количествѣ: 1) въ *Красномъ стану* за помѣщиками: 30 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 72 чел.; 11 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 18 чел.; да въ деревнѣ Здобной въ вотчинѣ за Васильемъ Евдокимовичемъ Бурковымъ 3 крестьянскихъ двора, людей 8 человѣкъ;—всего въ Красномъ стану крестьянскихъ (33) и бобыльскихъ (11) дворовъ 44, а крестьянъ (80) и бобылей (18) вмѣстѣ 98 чел.—2) Въ *Серболовомъ стану:* за помѣщиками 46 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 123 чел.; 42 двора бобыльскихъ, людей въ нихъ 61 чел. да 2 вдовы; да за монастыремъ и на церковныхъ земляхъ 2 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 4 чел., 8 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 18 чел.: всего крестьянскихъ (48) и бобыльскихъ (50) дворовъ 98, а людей въ нихъ (крестьянъ 127, бобылей 79) съ тремя вдовами 209 человѣкъ.—3) Въ *Мокрецкомъ стану:* за помѣщиками 7 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 8 чел.—4)

Въ *Затруцкомъ стану:* за помѣщиками 15 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 29 чел.; 14 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 19 чел., да вдова, да 1 дворъ задворнаго человѣка; всего крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ съ задворнымъ человѣкомъ 30, а людей со вдовою 50 человѣкъ.

Такимъ образомъ въ 1646 году на Ливнахъ считалось крестьянскихъ (38) и бобыльскихъ (14) дворовъ 52 *), а въ уѣздѣ крестьянскихъ (съ задворнымъ 96) и бобыльскихъ (82) 178, всего 230 дворовъ, а людей (въ городѣ 83, въ уѣздѣ 375) со вдовами (8) 458 чел.—Изъ этого числа собственно за помѣщиками (въ томъ числѣ и за Ливенскими пушкарями) состояло 281 и за церквами 49, а людей за помѣщиками 376 и за церквами 82 чел., именно: за Сергіевскимъ монастыремъ 34 двора, за Пятницкимъ попомъ Наумомъ (въ Красномъ стану) 2 двора, за Спасскимъ попомъ Дмитріемъ 3 двора бобыльскихъ, за Козмодаміанскимъ попомъ Родіономъ 3 двора бобыльскихъ, за Егорьевскимъ попомъ Лукьяномъ 2 двора бобыльскихъ (въ Серболовомъ стану) и за Никольскимъ попомъ Логвиномъ (Затруцкаго стана) 4 двора бобыльскихъ. Всѣ эти пять поповъ имѣли явное преимущество предъ помѣщиками въ людяхъ: тогда какъ на трехъ человѣкъ помѣщиковъ не приходилось и по одному крестьянскому или бобыльскому двору, у поповъ было отъ двухъ до четырехъ дворовъ бобыльскихъ; насельники обрабатывали церковныя земли и, питаясь отъ нихъ сами, способствовали благосостоянію священнослужителей.

Мы видѣли, какъ часты были нападенія Крымцевъ на Ливенскій уѣздъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и какими опустошеніями сопровождались эти нападенія; не смотря на то, во времени вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича общее количество крестьянскаго и бобыльскаго населенія, подобно служилому—помѣщичьему, не только не уменьшилось, но еще увеличилось. Извѣстно, что въ 1615 году всѣхъ крестьянъ и бобылей считалось въ Ливенскомъ уѣздѣ 314 человѣкъ, а въ 1646 году ихъ насчитывалось 450 человѣкъ **). Такое увеличеніе крестьянъ и бобылей не было послѣдствіемъ естественнаго прироста, но объясняется единственно благоволительными мѣрами правительства къ тому, чтобы этотъ край, постоянно угрожаемый и опустошаемый Татарами, не обезлюдѣлъ. Здѣсь не чинилось розыска бѣглыхъ крестьянъ отъ нелюбимыхъ помѣщиковъ; да и можно ли было дѣлать такіе поиски тамъ, гдѣ никто не былъ увѣренъ въ личной безопасности, гдѣ война, плѣнъ, мечъ и огонь не щадили никого и ничего, гдѣ одни изъ жителей цѣлыми семьями исчезали „безвѣстно,“ или „поймались въ полонъ“, а другіе, лишившись своего крова и всякаго родства, „волочились межъ дворъ?“ Обыкновенно, кто почему—либо появлялся на Ливнахъ,—будь это бѣглый холопъ или преступникъ,—тотъ становился здѣсь или

*) Т. е. за пушкарями 20 дворовъ и за Сергіевскимъ монастыремъ 32 двора, кромѣ 25 дворовъ, временно поселившихся на церковныхъ градскихъ земляхъ.

**) Убавилось только число дворовъ—съ 309 на 230.

гуляющимъ человѣкомъ, или *дьловымъ* и *задворнымъ*, или крестьяниномъ и бобылемъ, или же стрѣльцомъ и солдатомъ, а иногда попадалъ и въ дѣти боярскіе, на правахъ служилаго помѣщика. Переписчики только досматриваютъ, гдѣ и на чьей землѣ кто живетъ, не допрашиваясь, откуда и почему вышелъ и поселился тотъ или другой крестьянинъ, бобыль, задворный или гулящій человѣкъ.

Городъ Ливны, оцѣпленный сторожами и засѣками, продолжалъ, какъ и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, служить оплотомъ и убѣжищемъ въ виду Крымскихъ набѣговъ для уѣздныхъ людей. При первыхъ вѣстяхъ о непріятелѣ, бирячи готовы были разсыпаться по всѣмъ четыремъ станамъ, чтобы во-время собрать уѣздныхъ людей, служилыхъ и неслужилыхъ, въ осаду; въ помощь Ливенскимъ воеводамъ могли выступить еще цѣлые корпуса войскъ, содержавшіеся по украинскимъ городамъ. Послѣдняя мѣра, практиковавшаяся для удержанія Крымскихъ наѣздниковъ со времени Михаила Ѳеодоровича, была особенно приложена къ Ливнамъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, котораго Крымцы, по выраженію историка Соловьева, въ первый же годъ царствованія „поздравили“ набѣгомъ на Орловскій край *). Именно, въ 1646 году, царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ быть большому полку на Ливнахъ, сторожевому въ Ельцѣ, а передовому въ Курскѣ. Воеводами большаго полка были назначены: бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій, окольничій князь Дмитрій Петровичъ Львовъ, князь Семенъ Петровичъ Львовъ да дьякъ (съ Разрядомъ) Александръ Дуровъ; при казнѣ на жалованье драгунамъ и солдатамъ состояли: Иванъ Андреевичъ Ржевскій, Григорій Замятинъ Нереповъ да дьякъ. Въ случаѣ появленія Татаръ, съ Ливенскимъ корпусомъ должны были соединиться еще полки: Тульскій, Переяславльскій, Кропивенскій, Веневскій и Мценскій. Воеводамъ всѣхъ этихъ городовъ предписано было находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою относительно Крымскихъ вѣстей и быть всегда на-готовѣ выступить въ *сходъ* на Ливны. Такимъ образомъ Ливны стали главнымъ стратегическимъ пунктомъ относительно обороны украйны. Впрочемъ, смотря по обстоятельствамъ, большой полкъ перемѣщался иногда то въ Бѣлгородъ, то на Яблоновъ. Во время похода въ Бѣлгородъ, въ іюнѣ 1646 года, *головами* были: у Ливенцевъ Матвѣй Вонновичъ Ваучаровъ, у Мценянъ Андрей Артемьевичъ Шенинъ и Осипъ Стефановичъ Арсеньевъ, у Болховичанъ Никита Михайловичъ Зыбинъ, у Брянчанъ Гавріилъ Осиповичъ Бокинъ. По выступленіи большаго полка, на Ливнахъ оставались на воеводствѣ: князь Семенъ Петровичъ Львовъ и городовой воевода Дмитрій Ѳедоровичъ Колтовскій, которые, въ случаѣ появленія Крымцевъ, должны были присоединиться къ сходу въ Бѣлгородѣ. Простоявъ лѣто и осень въ Бѣлгородѣ, большой полкъ возвратился къ зимѣ на Ливны, сторожевой по прежнему

*) Побужденные Турецкимъ султаномъ, Крымцы въ декабрѣ 1645 года, подъ предводительствомъ своихъ царей Кази и Нуредина, опустошили Комарицкую (Сѣвскую) волость и повоевали Карачевскія и Орловскія мѣстности. См. Орлов. Епарх. Вѣдом. 1867 г. стр. 1217—1218.

помѣстился въ Ельцѣ, а передовой сталъ въ Курскѣ; при чемъ, по отозваніи князя Одоевскаго въ Москву, главнымъ воеводою большаго полка назначенъ былъ изъ Тулы окольничій Михаилъ Матвѣевъ Бутурлинъ. Назначеніе въ 1647 году въ полковые Ливенскіе воеводы князя Григорія Семеновича Куракина и Андрея Васильевича Клепикова—Бутурлина съ дьякомъ Саввою Самсоновымъ, а въ осадные—Ѳедора Обросимовича Лодыженскаго послужило поводомъ къ мѣстничеству на Ливнахъ. Такъ какъ полковая служба считалась выше городовой, то Лодыженскій почиталъ *порухою* (униженіемъ) для себя и своего рода служить ниже Бутурлина, о чемъ и билъ челомъ Государю. Въ Москвѣ однакожъ посмотрѣли на это мѣстническое дѣло иначе, и Лодыженскій за неудачное мѣстничество посаженъ былъ въ Ливенскую *тюрьму;* послѣ чего онъ оставался здѣсь городовымъ воеводою до 1650 года, когда былъ смѣненъ Яковомъ Петровичемъ Кологривовымъ. При преемникѣ Кологривова, бѣлевцѣ Никитѣ Михайловичѣ Зыбинѣ (1651—1653), сходъ назначался на Яблоновѣ и, по указу Государя, 10-го іюня 1653 года производился на Ливнахъ смотръ дѣтямъ боярскимъ и черкасамъ „со всею ихъ службою,“ а именно: Ливенцамъ, Ельчанамъ, Новосильцамъ, Ефремовцамъ, Талчанамъ и Чернавцамъ; ревизію эту производили: бояринъ и воевода Василій Борисовичъ Шереметевъ и окольничій Ѳедоръ Васильевичъ Бутурлинъ *). При Зыбинѣ же Ольшанскіе черкасы доставляли въ Воронежъ Московскія рогатины **).

Въ виду постояннаго сосредоточенія боевыхъ силъ на Ливнахъ, Крымскіе Татары сдѣлались осторожнѣе въ своихъ нападеніяхъ и не осмѣливались показываться на украйнѣ во всякое время года, какъ это было въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича: теперь болѣе удобнымъ временемъ для набѣговъ они считали уже зиму, такъ какъ съ выпаденіемъ снѣговъ, обыкновенно, прекращались на украйнѣ станичные и сторожевые разъѣзды, и Московское правительство, не чаявшее въ зимнюю пору прихода „воинскихъ людей,“ ослабляло свою бдительность. Между тѣмъ присоединеніе Малороссіи (въ 1654 г.) вовлекло Московское государство въ долговременную и изнурительную войну съ Польшею, осложнившуюся еще трудною борьбою съ Швеціею. Главныя силы государства были отвлечены на западъ; туда же ушла и часть Ливенскаго ополченія; украйна защищалась слабо, и Татары, подкупаемые Польскимъ золотомъ, нашли теперь удобный случай возобновить свои набѣги. Въ 1660 г. царь Алексѣй Михайловичъ, „по большимъ Крымскимъ вѣстямъ,“ велѣлъ укрѣпить Ливенскую засѣку и послалъ для этого дѣла инженера Михаила Ивановича Засѣцкаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ принять на себя и самое береженье засѣкъ съ сторожами. „Засѣчное дѣло,“ т. е. устройство земляныхъ и деревянныхъ крѣпостей, производилось „ратными всякими охочими пѣшими людьми (стрѣльцами, казаками и солдатами) изъ

*) См. „Разрядныя книги“ времени царя Алексѣя Михайловича.—
**) Ворон. Акты, ч. III, стр. 8-я.

поденнаго корму, по 6 денегъ человѣку на день;“ за *дѣловцами*, чтобъ они „не гуляли, засѣчное дѣло дѣлали на снѣхъ.“ наблюдали, кромѣ главнаго инженера, дворяне и головы, стоявшіе на засѣкахъ. Засѣчная работа кипѣла теперь у всѣхъ Татарскихъ *перелазовъ*, или бродовъ, на р. Сосиѣ, каковы — усть Луковца, Хвошны, Трудовъ, Ливенъ и Чернавы. Но засѣка не помогла: Крымцы прорвались чрезъ нее у самаго города Ливенъ и, подъ предводительствомъ своего хана, причинили много зла Ливенскому уѣзду. Татары побывали теперь во всѣхъ четырехъ станахъ Ливенскаго уѣзда и вездѣ оставили слѣды опустошенія.

Въ Красномъ стану Татары опустошили слѣдующія мѣстности: село Пятницкое, деревни: Костомарову, Орлову, Хвощеватое, Хрущеватое тожъ, Плотову, Лютую тожъ, Чувахину, Чухову тожъ, и Тишкову: въ *Серболовомъ стану:* села — Нижній Куначъ, Кузмодамьянское тожъ, Спасское, Спасское — Островъ, Егорьевское, деревни: Сторожевую, Прилѣпы и Грязцы; — въ *Затруцномъ:* село Никольское, деревни: Святину, Миляеву и слободку на усть рч. Жерихани. *Монрецкій* станъ опустошенъ былъ до того, что его пришли нужнымъ причислить навремя къ Затруцкому. Конечно, указанными мѣстностями не исчерпывались всѣ бѣдствія Татарскаго погрома. Здѣсь приведены только тѣ села и деревни, изъ которыхъ Татары вывели въ плѣнъ крестьянъ и бобылей. Нѣкоторыя деревни послѣ „ханскаго разоренія“ запустѣли совершенно. Такъ о деревнѣ Здоровцѣ, верхъ колодезя Здоровца на Линовомъ отвершку, подъ Краснымъ лѣсомъ, замѣчено въ писцовыхъ книгахъ 1684 года, что „той деревни помѣщики и вотчинники съ старыхъ усадьбъ сошли послѣ Ханскаго разоренія на новыя усадьбы, на новорочисную землю Краснаго жъ лѣсу, къ рѣчкѣ Лѣсной Ливнѣ“. Подобно Здоровецкимъ помѣщикамъ и пожѣщики „деревни усть — Никольскаго верха на рѣчкѣ на Лѣсной Ливенкѣ, противъ *стрѣлицы* въ Красномъ лѣсу, покинувъ старыя свои усадьбы, сошли послѣ Ханскаго разоренья на новыя усадьбы, на новорочисную землю Краснаго жъ стану, къ рѣчкѣ Лѣсной Ливенкѣ, противъ устья Бѣлаго колодезя въ низъ по правую сторону, что смежно съ деревнею Здоровцемъ.“ Невозможно перечесть всѣ жертвы плѣна „въ приходъ на Ливны Крымскаго хана.“ Мы можемъ отмѣтить здѣсь только тѣхъ плѣнниковъ изъ крестьянъ и бобылей, о которыхъ упоминаетъ переписная 1678 года. Вотъ эти жертвы.

Въ *Красномъ* стану: въ дер. Костомаровой Татары „въ приходъ Крымскаго хана взяли въ полонъ крестьянъ помѣщика Олфера Булгакова — 2 двора“; въ с. Пятницкомъ помѣщика Григорія Нарахина „поиманы въ полонъ крестьяне — 1 двора“; изъ деревни Орловой взятъ въ плѣнъ крестьянинъ Артемья Онисимова; въ деревнѣ Плотовой, Лютой тожъ, „взяты въ полонъ“ бобыли — 2 двора, бывшіе за помѣщикомъ Андреемъ Шетневымъ: въ дер. Чувахиной взяты въ плѣнъ: крестьянинъ Марко Козминъ, крестьянинъ Агѣя Васильевича Корогодина и бобыль Евсѣя Мансимовича Теряева; изъ деревни Тишковой „въ приходъ воинскихъ людей“ уведены въ плѣнъ крестьяне помѣ-

щиковъ: Ивана Анцупова - 2 двора.—Въ *Серболовомъ* стану: въ селѣ Нижнемъ Куначѣ, Козмодамьянскомъ тожъ, „въ приходѣ воинскихъ людей" захвачены бобыли, жившіе въ 4-хъ дворахъ на церковной землѣ; того же прихода въ деревнѣ Нижнихъ Купачахъ Татары плѣнили крестьянъ и бобылей (2 двора) въ помѣстьѣ Матрофана Онуфріевича Огаркова и у помѣщика Елисея Шигорева захватили одного бобыля; изъ села Спасскаго вывели 4 двора крестьянъ, бывшихъ за помѣщикомъ Трофимомъ Михайловичемъ Мохоровымъ; въ деревнѣ Сторожевой обезлюдѣли помѣщики Яковъ Курдюмовичъ Фаустовъ и Прокофій Яковлевичъ Рудневъ: у перваго Татары вывели 2 двора крестьянъ, а у втораго по двору крестьянскому и бобыльскому; изъ села Спасскаго-Острова Татары вывели бобылей, жившихъ тремя дворами на церковной землѣ, и крестьянъ въ вотчинѣ Сергіевскаго монастыря—два двора; въ деревнѣ Прилѣпахъ „поиманы въ полонъ" крестьяне и бобыли помѣщика Бориса Аносова, въ числѣ двухъ дворовъ; въ селѣ Егорьевскомъ взяты Татарами бобыли, жившіе на церковной землѣ двумя дворами; изъ деревни Грязцовъ Татары вывели крестьянъ помѣщика Мартина Скрябина (изъ двухъ дворовъ) и бобылей помѣщика Якова Скрябина (изъ двухъ дворовъ.)—Въ *Затруцкомъ* стану: изъ села Никольскаго Татары „поимали" крестьянъ, жившихъ на церковной землѣ; изъ деревнѣ Миляевой плѣнили крестьянъ помѣщиковъ Андрея Писарева и Михаила Прокофіева, всего 3 двора; въ деревнѣ Святинѣ захватили нѣсколькихъ крестьянъ, бывшихъ за помѣщикомъ Василіемъ Шетохинымъ (2 двора); изъ слободки усть Жерихани вывели крестьянъ и бобылей, что были за помѣщикомъ Романомъ Савиновымъ Кавприниномъ, въ числѣ двухъ дворовъ.

Къ числу жертвъ Крымскаго нашествія должно отнести и „пропавшихъ безвѣстно". Таковы были бобыли: Ефремко Сидоровъ, Романко Аѳанасьевъ и Афонько Анкудиновъ, жившіе дворами при церкви села Парахина; Безсонко Ивановъ, Сидорко Чаплинъ, Вавилко Григорьевъ, Осинко Ивановъ и Перфилько Трофимовъ, жившіе на погостѣ Георгіевской церкви (подъ Краснымъ лѣсомъ на Полевой Ливнѣ), и Пашко Акинфіевъ, жившій на Георгіевскомъ погостѣ, что на Степановомъ починкѣ Лыкова въ деревнѣ Здобной (на Полевой Ливнѣ усть Хвощеватаго колодезя). О всѣхъ этихъ бобыляхъ писцовая книга 1684 года, по сказкѣ старожильцовъ, замѣчаетъ, что они „отъ разоренья Крымскаго хана пропали безвѣстно". Пропалъ безвѣстно тогда же и пономарь Георгіевской церкви Краснаго стана Онисимко Гавриловъ. Что сталось съ городомъ Ливнами „въ приходъ Крымскаго хана"—неизвѣстно. Нужно думать однакожъ, что и самый городъ немало пострадалъ тогда отъ непріятельскаго оружія. Такъ думать заставляетъ насъ то именно обстоятельство, что въ числѣ жертвъ плѣна были и обитатели города. Здѣсь „поиманы въ полонъ" нѣсколько казаковъ и бобылей, стрѣлецъ и одинъ гулящій человѣкъ, жившіе въ Бѣломѣстной слободѣ на церковной землѣ; бобыль, жившій въ Никольской слободѣ, „взятъ въ полонъ"; нѣсколько изъ

полковыхъ казаковъ, жившихъ тремя дворами въ Успенской Заливенской слободѣ, „поиманы въ полонъ“; точно также уведены были въ Крымъ и многіе изъ бобылей, жившихъ 20-ю дворами „на Ливнахъ на пушкарской землѣ“.

Нашествіе Крымскаго хана на Ливенскій уѣздъ заставило многихъ крестьянъ и бобылей искать спасенія въ бѣгствѣ; нѣкоторые изъ бѣглецовъ, вѣроятно, попались въ плѣнъ, а другіе, оставшись на свободѣ, не хотѣли уже возвращаться на прежнія, опустошенныя мѣста и пристроились на новыхъ земляхъ. Потому въ переписной о многихъ крестьянскихъ поселкахъ замѣчено, что теперь тамъ „пусто“, т. е. не осталось никого. Кромѣ того, причиною бѣгства крестьянъ могло служить желаніе попасть на новомъ мѣстѣ въ бобыли или задворные люди, или обратиться въ гулящихъ людей; а бобыли, разъ снявшись съ своего мѣста, не думали возвращаться къ нему какъ по недостатку на то средствъ, такъ и потому, что надѣялись пристроиться въ какомъ-либо посадѣ, чтобы пользоваться большею безопасностью во время непріятельскаго нашествія. Вѣроятно и самая бѣдность разорившихся помѣщиковъ бывала немаловажною причиною побѣговъ крестьянъ и бобылей. По крайней мѣрѣ, о пяти крестьянскихъ дворахъ помѣщика Савелья Даншина, въ селѣ Богоявленскомъ, замѣчено, что они „разошлись отъ разоренія“; о пяти крестьянскихъ дворахъ, что были за помѣщикомъ деревни Жилевой Леонтіемъ Овсянниковымъ, а послѣ него за женою его Авдотьею, сказано просто, что тѣ крестьяне „живутъ въ бѣгахъ“; въ такихъ же бѣгахъ показаны 4 двора крестьянскіе, бывшіе за помѣщикомъ Кирѣевымъ въ деревнѣ Нижнихъ Купачахъ; два двора крестьянъ помѣщиковъ Багринцевыхъ въ деревнѣ Соловьевой; нѣсколько дворовъ крестьянъ и бобылей, значившихся за помѣщиками села Богоявленскаго: Клеменомъ Артемьевичемъ Карловымъ, Ѳедоромъ Елистратовичемъ Рогулинымъ и Тимоѳеемъ Елистратовичемъ Коширепиномъ. О нѣкоторыхъ бѣглецахъ было извѣстно, куда они сбѣжали и гдѣ находились. Такъ, о бывшемъ крестьянинѣ помѣщика села Спасскаго Антона Яковлевича Макарова замѣчено, что онъ бѣжалъ съ братьями своими въ Чернавскій уѣздъ; а крестьяне помѣщика деревни Сторожевой Меркулы Григорьевича Шевякина бѣжали въ деревню Крутую, — значитъ къ черкасамъ. Всякій помѣщикъ радъ былъ „пришлымъ людямъ“, но и „пришлые“ не засиживались на одномъ мѣстѣ: такъ о пришлецахъ помѣщика деревни Семелецкой Кондрата Коненева сказано, что „нынѣ тамъ пусто — живутъ въ бѣгахъ“.

При погромѣ селъ, погостовъ и деревень, въ приходъ Крымскаго хана пострадали и нѣкоторыя церкви. Такъ о церкви Св. Парасковеи, нарицаемыя Пятницы, что въ селѣ Парахинѣ Краснаго стана, замѣчено въ писцовыхъ книгахъ 1684 года, что она „стоитъ безъ пѣнія, не освящена отъ разоренья Крымскаго хана“. Въ той же писцовой Краснаго стана о церкви Св. Георгія Страстотерпца говорится: „и та церковь разорена въ приходъ Крымскаго хана, а нынѣ часовня древяная“. Въ сель-

цѣ Пречистенскомъ, что подъ Сторожевымъ лѣсомъ, на мѣстѣ Успенской церкви стояла также часовня. — Что случилось съ церквами Краснаго стана, стоявшими на пути Крымскаго хана; тоже, вѣроятно, было и съ церквами другихъ становъ; только не видно, чтобы Татары и теперь сожгли какую-либо изъ церквей, или увели въ плѣнъ кого-либо изъ поповъ. „Пропалъ“ одинъ пономарь — и тотъ „безвѣстно“.

Вообще царствованіе Алексѣя Михайловича не было еще благопріятнымъ временемъ для прочной осѣдлости въ Ливенскомъ уѣздѣ. Колонизація края поддерживалась исключительно мѣрами правительственными, и главную массу населенія, какъ и прежде, составляли служилые люди, стекавшіеся сюда изъ разныхъ мѣстъ, обыкновенно незнатные и не обезпеченные на мѣстѣ своей родины. Будучи удовлены на Ливнахъ помѣстьями и денежнымъ жалованьемъ, эти служилые люди старались удержать свои земли въ потомствѣ; а на мѣсто убитыхъ, вымершихъ или разорившихся отъ войны и шатающихся „межъ дворъ“ находились новые охотники—служилые люди; отказа не было никому, потому что непочатой земли, „дикаго поля“ и „перелогу“ было много; помѣщики охотно принимали къ себѣ каждаго „въ товарищи“. Писцовыя книги испещрены ссылками на грамоты, выдаваемыя новымъ Ливенскимъ помѣщикамъ, въ бытность воеводъ на Ливнахъ Дмитрія Воейкова (1651 г.), Андрея Чичирина (1661 г.), Владиміра Скрябина (1674 г.), и Тимоѳея Челищева (1675 г.). Все это были поселенцы незнатныхъ родовъ. Знатные же и богатые роды чуждались службы на Ливнахъ, кромѣ, конечно, воеводства, которое было временнымъ. Оттого въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ Ливенскомъ уѣздѣ не видно и вотчинъ, за исключеніемъ одной (въ деревнѣ Здобной Краснаго стана), принадлежавшей казачьему сыну Василію Евдокимовичу Буркову, который владѣлъ 3-мя дворами крестьянъ, въ числѣ 8 человѣкъ; да и въ этой вотчинѣ, скоро перешедшей во владѣніе Петра Кондратьевича Ершова, къ концу царствованія Алексѣя Михайловича крестьянъ было уже „пусто“ *). Кто изъ бояръ и думныхъ дворянъ могъ интересоваться помѣстьемъ въ такомъ краѣ, какъ Ливенскій, гдѣ личность крестьянина и имущество вотчинника не были обезпечены отъ „прихода воинскихъ людей“ и откуда крестьяне, при первомъ удобномъ случаѣ, могли разбрестись въ разныя стороны! Въ то время и въ средней полосѣ Россіи крестьянство не вполнѣ еще забыло прежнюю свою вольность и массами перебѣгало съ земли на землю; тѣмъ труднѣе было разсчитывать Ливенскимъ помѣщикамъ на прочность крестьянской осѣдлости. Здѣсь каждая вѣсть о появленіи Татаръ на украйнѣ, равно призывъ бирячей къ осадѣ, особенно же нашествіе Татаръ—

*) Въ 1652 году Бурковъ заложилъ свою вотчину Петру Ершову, а въ 1681 году Ершовъ „ту свою закладную вотчину заложилъ и просрочилъ Ливенцу Микитѣ Пантелѣеву,—жеребей деревни Здобной, что было займище Присада подъ Краснымъ лѣсомъ на Полевой Ливнѣ, усть Фощеватаго колодезя, а Песковатаго тожъ“.

подавали поводъ къ тому, чтобы разбѣгаться въ разныя стороны. При такихъ именно обстоятельствахъ жили на Ливнахъ всѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича *).

X.

Городъ Ливны и его уѣздъ по переписнымъ книгамъ 1678 года въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича.

Положеніе города Ливенъ и его уѣзда въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича.— Церкви г. Ливенъ и Сергіевскій монастырь.- Станы, села, деревни и ихъ населеніе. Новоприбылые крестьянскіе и бобыльскіе дворы.— Общее количество населенія въ Ливенскомъ уѣздѣ.-- Епархіальная зависимость и состояніе уѣзднаго духовенства.— Церковная утварь.- Грамотность въ средѣ духовенства.

Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича (1676—1782) было уже переходнымъ временемъ для города Ливенъ и его уѣзда отъ безпрерывныхъ военныхъ тревогъ къ мирному, обезпеченному труду. Теперь восточная половина Малороссіи была окончательно утверждена за Россіей и служила немаловажнымъ прикрытіемъ для обитателей р. Сосны отъ Крымскихъ и Ногайскихъ набѣговъ; кромѣ того, къ концу 17-го вѣка линія южныхъ укрѣпленій Россіи успѣла выдвинуться въ степи такъ, что Татарамъ трудно было проникать въ Ливенскій уѣздъ и производить въ немъ опустошенія; наконецъ, по случаю возникавшихъ смутъ въ Малороссіи и Чигиринскихъ походовъ, на Московской украйнѣ содержались цѣлые корпуса войскъ, готовые во всякое время дать отпоръ Крымскимъ наѣздникамъ. Главными стояніками сборныхъ войскъ были Сѣвскъ и Курскъ; особенно сильно укрѣпленъ былъ г. Сѣвскъ, воевода котораго занималъ первую степень между начальниками провинцій **). Въ правленіе же Софіи русскія войска, съ помощью малороссійскихъ казаковъ, проникли до самаго Крыма и привели въ трепетъ безпокойныхъ его обитателей, а молодой царь Петръ Алексѣевичъ взятіемъ Азова заставилъ Крымцевъ опасаться за самое политическое свое существованіе. Подъ вліяніемъ такихъ событій Ливенскій край, какъ удаленный уже отъ военныхъ тревогъ, все больше и больше привлекалъ къ себѣ обитателей; прежніе *перелоги* начали

*) Нашествіе Крымскаго хана на Ливенскій и сосѣдніе съ нимъ уѣзды находилось въ связи съ трудною войною Московскаго государства съ Польшею и Швеціею. Когда именно совершилось это нашествіе,—въ переписныхъ книгахъ Ливенскаго уѣзда не упоминается. Но такъ какъ В. Р. Чевскій („Г. Новосиль съ уѣздомъ". Историко—статистическій очеркъ, Орелъ, типографія Косякиной и Соколова, 1892 г. стр. 19), на основаніи извѣстныхъ ему памятниковъ Новосильской старины, относитъ разореніе города Новосиля Крымскими Татарами къ 1659 году; то, по всей вѣроятности, это событіе случилось при нашествіи Крымскаго хана на Ливенскія мѣста, что и могло быть причиною новаго укрѣпленія Ливенской засѣки въ 1660 году.

**) Исторія Россіи Соловьева, т 13, стр. 423.

вновь распахиваться и обращаться въ цвѣтущія нивы; дикое поле постепенно сужива-лось и уступало мѣсто новымъ починкамъ, займищамъ, деревнямъ и селамъ. Но прежде чѣмъ перейдемъ къ эпохѣ культурной жизни на берегахъ Сосны, остановимъ вниманіе наше на томъ состояніи города Ливенъ и его уѣзда, въ какомъ находились они послѣ бурнаго времени Крымскихъ набѣговъ. Въ этомъ отношеніи особенно драгоцѣнна для насъ переписная книга по городу Ливнамъ и его уѣзду, составленная въ началѣ царствованія Ѳеодора Алексѣевича, когда городъ Ливны сохранялъ еще бранный видъ и служилъ охраною для обитателей верхняго бассейна Сосны.

„Лѣта 7186 (1678) Генваря въ 21 день, по Государеву Цареву и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и по наказу изъ Помѣсного Приказу за приписью дьяка Ивана Ротозинина, Ливны города и Ливенского уѣзду переписи Григорья Ильича Шишкина да подьячего Ивана Ральина, что въ городѣ на Ливнахъ и на посадѣ, и въ слободахъ, и въ уѣздѣ за всякихъ чиновъ людьми въ помѣстьяхъ и въ отчинахъ, въ селахъ и деревняхъ, и въ починкахъ за монастыри крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и во дворехъ людей и ихъ дѣтей, и братьи, и племянниковъ, и сосѣдъ и подсосѣдниковъ, и захребетниковъ имяны съ отцы ихъ и съ прозвищи...“

Ливенская переписная книга отъ 1678 года, упоминая лишь вскользь о городѣ (т. е. кремлѣ) и посадѣ (иначе — большомъ острогѣ), сообщаетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія только о 6-ти церквахъ города Ливенъ, именно тѣхъ, на земляхъ которыхъ жили дѣти боярскіе, стрѣльцы, казаки, бобыли, работники и гулящіе люди, это: *Соборная Троицкая, Никольская. Димитріевская,* что въ Бѣломѣсти й слободѣ, *Никольская,* что въ Никольской слободѣ, *Успенская,* что въ За-Ливенской слободѣ полковыхъ казаковъ, и *Георгіевская,* что въ Георгіевской слободѣ.—Соборной Троицкой церкви *попъ Никита* сказалъ: „на церковной землѣ живетъ Ливенецъ сынъ боярской Кирюшка Ковыряинъ на время; у него 3 сына — Сенька 8 лѣтъ, Васька 6 л., Нестерко въ малыхъ лѣтехъ.“ Относительно жильцовъ на землѣ Никольской церкви Троицкій *протопопъ Иванъ* сказалъ: „которые де прежъ сего на церковной землѣ жили себѣ дворами на оброкѣ на-время 3 двора бобыльскихъ, и тѣ бобыли въ прошлыхъ годѣхъ померли или куда сошли — онъ протопопъ не знаетъ.“ — При Димитріевской церкви, что въ Бѣломѣстной слободѣ, жили особыми дворами: „*попъ Григорій* да дьячки — Сидорка, Данилка, Сенька Турбины, у Данилки работникъ Ивашка; а что де прежъ сего на церковной землѣ жили 2 двора казацкихъ, дворъ бобыльской, стрѣлецъ да гулящій человѣкъ, и въ прошлыхъ годѣхъ въ полонъ поиманы, а иные померли.“ — У Никольской церкви, что въ Никольской слободѣ, жили: „*попъ Иванъ,* дьячекъ Остаюй, дворъ вдовой попадьи Гавриловой Агафьи, да сына боярскаго дворъ; а что де прежъ сего у тое церкви былъ бобыль, и въ прошлыхъ годѣхъ взятъ въ полонъ.“ — У церкви Успенія, что въ За-Ливенской слободѣ: „*попъ Стефанъ,* два двора

дьячковы — Ивашки да Кирюшки, дворъ отставленнаго попа Павла; на церковной же землѣ живетъ Донской казакъ Ѳедька Кудрявцевъ, а что де прежъ сего на церковной землѣ жили 3 двора полковыхъ казаковъ на — время, и въ прошлыхъ годѣхъ въ приходъ воинскихъ людей поиманы въ полонъ, а иные померли".— У церкви Св. Великомученика Георгія: „*попъ Ѳедоръ*, да на церковной землѣ живутъ: дядя его Михайла Моголевцевъ, да полковой казакъ Самсонка Серебренниковъ на — время, а что де прежъ сего у тое церкви жили на оброкѣ 5 дворовъ бобыльскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ написаны въ стрѣльцы и въ казаки".

Такимъ образомъ за время Алексѣя Михайловича запустѣло на церковныхъ земляхъ города Ливенъ 15 дворовъ бобыльскихъ и казацкихъ: кто изъ жильцовъ ихъ умеръ или взятъ въ плѣнъ, а кто записанъ въ стрѣльцы и казаки, или пропалъ безъ вѣсти. Затѣмъ къ 1678 году оставалось: два сына боярскихъ, очевидно, обездоленные войною, одинъ Донской казакъ, почему — либо не ужившійся на Дону, одинъ полковой казакъ, одинъ работникъ, да вдовые попъ и попадья, да дядя поповъ.

На посадѣ жили городовые и отставные дѣти боярскіе: Иванъ Ивановичъ и Онуфрій Петровичъ Костромитины, Гр. Ѳедяниковъ, Тим. Ивановичъ Суловъ, Филиппъ Васильевичъ Баландинъ, Евфимъ Лукьяновичъ Крушинъ, Филимонъ Баландинъ, Даніилъ Горностаевъ, Ларіонъ Семеновичъ Головинъ и Макаръ Павловичъ Шатовъ. За ними не было ни крестьянъ, ни бобылей; потому они охотно принимали къ себѣ на жительство въ городъ тѣхъ изъ своихъ сослуживцевъ, дѣтей боярскихъ, которые потерпѣли разоренiе отъ войны и не могли оставаться въ своихъ помѣстьяхъ. Равно не стало и 20-ти бобыльскихъ дворовъ, что были на Ливнахъ на пушкарской землѣ: „по сказкѣ Ливенцовъ дѣтей боярскихъ Тимоѳея Иванова сына Суслова, Филиппа Васильева сына Баландина съ товарищи, тѣ бобыли въ прошлыхъ годѣхъ померли, а иные въ полонъ поиманы и написаны въ разныя службы, а нынѣ пусто".

Сергіевскій монастырь, по прежнему, былъ богатѣйшимъ вотчинникомъ Ливенскаго уѣзда. Послѣ игумена Харлампія, считающагося основателемъ монастыря, здѣсь настоятельствовали: игуменъ *Іона*, упоминаемый въ *подлинной переписной* 1846 года; іеромонахъ старецъ *Моисей*, исходатайствовавшій въ 1849 году выпись на монастырскую землю съ писцовыхъ книгъ Ивана Малечкина за приписью дьяка Мартемьяна Бредихина; іеромонахъ *Іоасафъ*, стараніемъ котораго въ 1667 году построена была каменная Успенская церковь съ придѣломъ во имя Св. Сергія, Радонежскаго Чудотворца, существующая донынѣ; игуменъ *Терентій*, имя котораго, подъ 1669 годомъ, значится на крестѣ, хранящемся въ Сергіевской церкви. Во время переписи 1678 года въ Сергіевскомъ монастырѣ „на посадѣ" настоятельствовалъ *строитель Матѳей* *). „По сказкѣ его, за тѣмъ монастыремъ: служка Алферко сынъ Зубаревъ,

*) Объ игуменѣ Іонѣ и строителѣ Матѳеѣ не упоминается ни въ „Описаніи древностей Сергіевской церкви въ г. Ливнахъ, сдѣланномъ по порученію Министра Финансовъ Графа Егора Францовича Канкрина Орловской Ка-

да поваръ Сенька Матѳевъ сынъ Корѣла, да за городомъ за рѣкою за Сосною. отъ города отъ Ливенъ внизъ по рѣкѣ по Оснѣ, по конецъ Бѣломѣстныя казачьи слободы, на рѣкѣ на Оснѣ на берегу, монастырская слобода, а въ ней монастырской дворъ, живутъ дѣтенышки: Тимошка Филипповъ сынъ Арнаутъ, Игнашка Константиновъ, у него 3 сына: Евтюшка 7 лѣтъ, Васька 5 л., Самошка 3 л., Данилка Сафоновъ, у него сынъ Пахомка 11 лѣтъ,—всего 7 человѣкъ". Сверхъ того, въ монастырской слободкѣ находилось 19-ть крестьянскихъ дворовъ: Ивашки Васильева сына Семенова *новика* съ 5-ю сынами, Марка Яковлева сына Кудрявцева, Моисейка Стенанова сына Кортаваго съ 2 сынами, Гришки Васильева сына Сомова (да съ нимъ живетъ крестьянинъ Панька Васильевъ сынъ Бѣлоглазъ), Якушки Семенова съ 2 братьями, Елисейки Васильева съ 3 сыновьями, Васьки Савельева сына Ефанова съ 4 сынами, Аѳоньки Васильева сына Сомова (у него зять Мишка Харитоновъ, у Мишки сынъ Гришка 9 л.), Иллюшки Иванова сына Устинова съ 4 сынами: Ивашкомъ (у Ивашки 2 сына), Кондрашкомъ (у него сынъ Иллюшка), Тимошкою и Ермошкою (у Ермошки сынъ Куземко) и съ внукомъ Гавриликою Лукьяновымъ, Васьки Савельева сына Ефанова съ 2 сынами, Радьки Осипова съ 2 сынами, Ларки Иванова сына Алехина съ 4 сынами и 2 пасынками, Данилки Осипова сына Шерпикова съ 3 сынами (изъ которыхъ старшій Ѳетюшка имѣлъ 2 сыновъ), Васьки Севастьянова сына Жданова, онъ же Боевъ, съ 5-ю сынами (изъ которыхъ два старшіе Тимошкинъ и Онуська имѣли по сыну), Обрамки Иванова сына Алехина (у него подсосѣдникъ Ливенецъ Макарко Захарьевъ сынъ Косьяновъ съ 3 сынами), Ерошки Иванова сына Рыпкова съ 3 сынами, Калашки Иванова сына Алехина съ 3 сынами, Мишки Иванова сына Алехина съ сыномъ, 2 братьями (Ермошкою и Обрамкою, у котораго 2 сына) и затемъ Лазаркою Яковлевымъ сыномъ Кудрявцевымъ, и Кузки Андреева сына Ситникова съ сыномъ. Всего за монастыремъ въ слободкѣ, въ 19-ти крестьянскихъ дворахъ, было людей „80 человѣкъ, служка, да поваръ, да подсосѣдникъ 3 человѣка". Изъ 5-ти сыновей *новика* Ивашки Семенова два старшіе сына, Сенька да Стенька, находились „въ бѣгахъ". Изъ монастырскихъ же старинныхъ крѣпостныхъ крестьянъ: „Андрюшка да Селиверстко Ѳедоровы дѣти съ племянникомъ Мартиномъ Никитинымъ сыномъ и съ двумя сынами Селиверстка (Ѳомкою да Онофрейкомъ). Якушка Гурьевъ сынъ Кудрявцевъ съ 3 сынами (Петрушкой, Кирюшкой, Мишкой). Сидорка Авдѣевъ сынъ Милинъ съ 4 сынами, Ивашко Семеновъ сынъ Милинъ Шалтыкъ съ 2 сынами жили на Ливнахъ въ полковыхъ казакахъ, а Селиверстко въ Донскихъ казакахъ; да крестьянскія дѣти Ивашко кузнецъ да Андрюшка Никитинъ дѣти Медвѣдевы жили въ бѣгахъ въ Зем-

---

зенной Палаты Предсѣдателю д. ст. с. Петру Алексѣевичу Бурнашову въ 1838 году", ни въ описаніяхъ Сергіевскаго монастыря, помѣщенныхъ въ Орлов. Епарх. Вѣдом. за 1871 г. въ № 17 и за 1872 г. въ № 8-мъ. Потому списокъ Сергіевскихъ настоятелей, приведенный въ 8 № Орловскихъ Епарх. Вѣдомостей за 1872 годъ, пополняется еще двумя именами, такъ что всѣхъ настоятелей Сергіевскаго Ливенскаго монастыря можно считать теперь не 13, а 15-ть.

лянскомъ городѣ; Антюшко (съ 2 сынами) да Алиоанко Ѳедоровы дѣти жили на Ливнахъ въ Бѣломѣстной слободѣ". Жены умершихъ монастырскихъ крестьянъ Фильки Алехина и Сеньки Кортаваго Фетиньица и Парасковьица вышли замужъ: Фетиньица за Ливенца сына боярскаго Левку Пантелѣева сына Болдырева въ деревню Жерину, а Прасковьица за Ливенца же сына боярскаго Петрушку Жилкина; съ Фетиньицей ушли трое сыновей ея отъ перваго мужа (Ѳедосейка 11 л., Савка 9 л., Оська 5 л.), а съ Парасковьицей одинъ сынъ (Лунка 6 л.). Бывшій же монастырскій крестьянинъ Корюшка Петровъ сынъ Ефановъ состоялъ „въ бѣгахъ". По видимому, монастырь не розыскивалъ своихъ крестьянъ—бѣглецовъ, такъ какъ на мѣсто бѣжавшихъ охотно поступали къ нему *новики*, да и розыски въ то время представляли много затрудненій. Были за Сергіевскимъ монастыремъ и бобыли, но ко времени переписи 1678 года „тѣ бобыли померли", а дѣти ихъ поступили на разную службу: „Сенька да Куземка Григорьевы дѣти Горностаевы сидѣли въ Съѣзжей избѣ на Ливнахъ въ подьячихъ (у Сеньки зять Андрюшка), а третій братъ ихъ Данилка (у него сынъ Егунко 15 л.), да Петрушкины дѣти Золотаревы—Сасонка, Ѳедька и Петрушка, да Яковлевы дѣти Сожины—Петрушка, Матюшка и Мартынко, да Филипповы дѣти Овчинниковы—Ивашка, Петрушка и Евсѣйко, да бобыли—Титко Фроловъ, Минка Потаповъ Гололобовъ, Фролка Ивановъ да Васька Маркеловъ сынъ Ивановъ жили на Ливнахъ въ полковыхъ казакахъ; Фролко Маркеловъ сынъ Ивановъ—въ Московскихъ стрѣльцахъ; Анисимко, Андрюшка и Филька Емельяновы дѣти Зачепилины жили на Ливнахъ въ городѣ; бобыль Ивашко Артемьевъ сынъ Жилинъ, да Минка Степановъ сынъ Семенниковъ жили на Ливнахъ, Ивашко въ Донскихъ казакахъ, Минка въ ямщикахъ, а Сенька Григорьевъ сынъ Смольяниновъ—выборнаго полку въ солдатахъ".

Вообще, число монастырскихъ крестьянъ часто измѣнялось. Напримѣръ, въ 1678 году за монастыремъ считалось 19 крестьянскихъ дворовъ, съ населеніемъ въ 80 человѣкъ, а въ 1679 году значилось 17-ть дворовъ, людей въ нихъ 77 человѣкъ; изъ двухъ дворовъ крестьяне успѣли уже разбѣжаться. Для исправленія духовныхъ требъ въ монастырской слободѣ, Сергіевскій монастырь имѣлъ у себя бѣлыхъ поповъ. Такимъ попомъ въ 1672 году былъ Тимоѳей, прикладывавшій съ соборнымъ попомъ Никитою къ верстальнымъ книгамъ руки вмѣсто не знающихъ грамотѣ, а въ 1686 году попъ Іаковъ, присутствовавшій при размежеваніи съ старцемъ Антоніемъ и съ крестьянами. Межеваніе это производилъ стольникъ Иванъ Васильевичъ Золотаревъ съ подьячимъ Ильею Струковымъ; при чемъ за Сергіевскимъ монастыремъ оказалось: „пашни пахатной и перелогу, да дикаго поля доброй земли 70 четвертей, да по старымъ писцовымъ книгамъ Ивана Малечкина въ 1629 году примѣрной земли въ тѣхъ же урочищахъ и въ тѣхъ же четвертяхъ 75 четвертей, всего старыя вотчины съ примѣрною землею 145 четвертей; да въ семъ же 1686 году примѣрено сверхъ

той старой вотчины изъ старой примѣрной земли въ тѣхъ же урочищахъ 350 четвертей; сѣна 140 копенъ; лѣсъ Красный и Серболовъ съ помѣщики обще; а о рѣкахъ Кшеневѣ и Тимѣ, которыя даны сему монастырю на пищу со всѣми угодьи и сѣнными покосы, писано было къ Великимъ Государемъ въ Помѣстный Приказъ, что оныхъ рѣкъ въ десятины и покопенно и версты положить не можно*). Въ 1688 году настоятель Сергіевскаго монастыря игуменъ Германъ просилъ въ Помѣстномъ Приказѣ о дачѣ ему на монастырскую вотчинную землю выписи, которая, по его прошенію, и дана съ писцовыхъ книгъ за подписаніемъ дьяка Автонома Иванова. Въ 1691 году настоятелемъ Сергіевскаго монастыря былъ игуменъ Алексѣй, какъ это видно изъ надписи, сдѣланной на минеи мѣсячной за октябрь мѣсяцъ, а въ 1699 году „сему монастырю дана была выпись на крестьянъ отъ думнаго дворянина и воеводы Семена Петровича Неплюева**).

Въ 1678 году въ Ливенскомъ уѣздѣ считалось 3 стана: Красный, Серболовъ и Затруцкій, къ которому причисленъ былъ существовавшій прежде четвертый станъ — Мокрецкій, сильно пострадавшій предъ тѣмъ временемъ отъ Татарскихъ набѣговъ***).

Въ переписной этого года значатся слѣдующія поселенія на пространствѣ Ливенскаго уѣзда съ жильцами ихъ — помѣщиками, крестьянами и бобылями:

1. Въ *Красномъ стану:*

СЕЛО НИКОЛЬСКОЕ.

Село Никольское, на Лѣсной Ливнѣ, съ церковью Св. Николая Чудотворца; при ней попъ Ѳедоръ Андреевъ да 2 двора дьячковыхъ — Сеньки да Ѳедьки Тимоѳеевыхъ дѣтей Андреева; да дворъ крестьянина Кузенки Ѳокина сына Андреева, а людей въ немъ 6 человѣкъ.

Приходомъ къ селу Никольскому были деревни:

Зубцова, что былъ починокъ Буняевской, Мишустино тожъ; въ ней 22 человѣкъ дѣтей боярскихъ: Кирила Ѳоминъ сынъ Ивашовъ, Матвѣй Михайловъ сынъ Адашевъ, Еськинъ, Красовы, Мягкіе, Зубцовы, Лагутины, Аширинины; всѣ они однодворцы, безъ крестьянъ и бобылей.

---

*) См. вышеприведенное описаніе древностей Сергіевскаго монастыря.

**) Тамъ-же.

***) Г. Артемьевъ въ своемъ изслѣдованіи говоритъ: «Ливенскій уѣздъ раздѣлялся на 4 стана..., а до 1673 г. былъ еще и 5-й станъ, называвшійся Подлѣснымъ»... «Отъ чего не упоминается послѣ о Мокрецкомъ станѣ, находившемся за р. Сосною,—неизвѣстно. Тѣмъ болѣе это непонятно, что значительная часть становъ Затрутскаго и Серболова также были расположены за Сосною, а однако включены въ перепись. Что Мокрецкій станъ не былъ безлюденъ, можно видѣть изъ писцовой книги 1691 года, по которой значится въ Мокрецкомъ станѣ 1778 датчиниковъ или владѣльцевъ принисной тамъ къ селамъ и деревнямъ земли» (см. Орлов. Губ. Вѣдом. 1860 г. № 26, стр. 247). Но такое недоумѣніе г. Артемьева относительно Мокрецкаго стана объясняется тѣмъ, что онъ не имѣлъ у себя подъ руками переписной книги 1678 года. Что-же касается до упоминаемаго г. Артемьевымъ 5-го *Подлѣсного* стана въ Ливенскомъ уѣздѣ, то такого стана мы не встрѣтили ни въ одной переписной Ливенской книгѣ за время съ 1615—1684 г., а потому и сомнѣваемся въ его существованіи.

Костомарова, что было займище Присада; ее населяли 16 человѣкъ помѣщиковъ-однодворцевъ: Сасонъ Исаевъ сынъ Чюпахинъ, Губановы, Голицкіе, Селеменовы, Бызгины, Левоновы, Жердевы, Теряевы и Булгаковы; никто изъ нихъ крестьянъ и бобылей не имѣлъ, а „которые прежъ сего за отцомъ Савелья да Трофима Алферьевыми дѣтьми Булгаковыми были 2 двора крестьянскихъ, и въ прежнихъ годѣхъ въ приходъ Крымскаго хана взяты въ полонъ, а нынѣ пусто".

СЕЛО ПЯТНИЦКОЕ.

Село Пятницкое, что была деревня Парахина, съ церковью Св. Великомученицы Параскевы, нарицаемыя Пятницы; въ прежнее время при церкви жили бобыли двумя дворами „и тѣ бобыли померли". Изъ 22-хъ помѣщиковъ этого села только одни Парахины имѣли на своихъ земляхъ крестьянъ и бобылей; именно: „за Володиміромъ да за Сафономъ Ларіоновыми дѣтьми—крестьянской дворъ да бобыльской, людей въ нихъ 4 человѣка; за Микитою Лазаревымъ сыномъ—дворъ крестьянской, людей въ немъ 6 чел.; за Евтифѣемъ Семеновымъ сыномъ—2 двора крестьянскихъ, людей 7 чел.; за Іовомъ Овдокимовымъ сыномъ—дворъ крестьянскій, людей 3 чел.; за Савостьяномъ Григорьевымъ сыномъ прежъ сего было за отцомъ ево 4 двора крестьянскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ въ полонъ поиманы". Прочіе Парахины, а также Чюриловы, Анисимовы и Овсянниковы не имѣли ни крестьянъ, ни бобылей.

Къ приходу Пятницкому принадлежали деревни:

Орлова, Хвощеватое тожъ, у Хрущова колодезя: въ ней жило 16 помѣщиковъ—однодворцевъ: Анисимовы, Кондуровы, Устиновы, Филатовы, Ефановы, Воробьевы, Ермоловъ (Андрей Михайловичъ), Ситниковъ, Овсянниковъ и Платоновъ; изъ нихъ только за отцомъ Андрея да Ивана Артемьемъ Анисимовымъ „прежъ сего былъ крестьянинъ, и въ прошлыхъ годѣхъ взятъ въ полонъ".

Лапошина, подъ Краснымъ лѣсомъ, состояла во владѣніи Петра Маркова сына Смагина съ товарищами (6 чел.), изъ которыхъ только за дѣдомъ Антона Семеновича Огибалова „былъ бобыль, и въ прошлыхъ годѣхъ умре".

СЕЛО ЕГОРЬЕВСКОЕ.

Село Егорьевское Верхнее, съ церковью Св. Великомученика Георгія; у той церкви попъ Павелъ да дьячекъ Овдокимко Топоровъ".

Деревня Плотовая, Лютая тожъ; въ ней 13 помѣщиковъ—однодворцевъ: Рудневы, Лютые, Бакулины, Жидкіе, Токаревы, Бѣляевъ и Левшинный—безъ крестьянъ и бобылей; за Андреемъ Филипповичемъ Алтухинымъ былъ дворовый человѣкъ Кондрашко Семеновъ сынъ Семеновъ (у него 2 сына: Кондрашко 8 л., Васька 4 л.), за отцомъ Понкратья Андреева Шатѣева „были 2 двора бобыльскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ взяты въ полонъ, а нынѣ пусто; за Перфильемъ Андреевымъ сыномъ Шатѣевымъ—2 двора бобыльскихъ, людей въ нихъ 8 человѣкъ".

Деревня Чюваxина. Чюхова тожъ, съ 13-ю помѣщиками—однодворцами: Козминымъ (Степаномъ Козмичемъ), Воробьевыми и Селютинымъ; за Игнатомъ Марковичемъ Козминымъ и Аѳѣмъ Васильевичемъ Корогодинымъ было по крестьянину, а за Евѳѣмъ Максимовичемъ Теряевымъ былъ бобыль, и тѣ двое крестьянъ да бобыль „въ приходъ воинскихъ людей въ прошлыхъ годѣхъ взяты въ полонъ".

Деревня Пишнова, за 22 помѣщиками—однодворцами; за отцами Фрола Ивановича и Федора Алексѣевича Лисуповыхъ было по 2 двора крестьянскихъ, „и тѣ крестьяне въ приходъ воинскихъ людей въ полонъ поиманы": прочіе всѣ помѣщики, какъ-то: Михайловы, Авдѣевы, Логачевы, Злобины, Подкользины, Бекетовъ, Настолзинъ, Кудрявый, Ядышный, Ершовъ и Невзоровъ—безъ крестьянъ и бобылей.

Деревня Хвощеватая, Потапова тожъ, за 18 помѣщиками-однодворцами—Трубицыными, Мезенцевыми, Чиковыми, Потаповыми, Глаткими, Ершовымъ, Выпоровымъ, Головинымъ и Горборуковымъ безъ крестьянъ и бобылей; два же крестьянскихъ двора, что были у отца Михайлы Евдокимовича Потапова, въ „прошлыхъ годѣхъ померли".

Деревня Жилева, подъ Жилевымъ лѣсомъ, за 2-мя помѣщиками: Рыковымъ (Федоромъ Мелентьевичемъ) и Овсянниковымъ, а по смерти послѣдняго за вдовою его Авдотьею Леонтьевною; за Овсянниковымъ было 5 крестьянскихъ дворовъ и изъ нихъ всѣ люди разбѣжались.

Деревня Здобная прежде принадлежала Василію Евдокимовичу Буркову, у котораго въ починкѣ было 3 двора крестьянскихъ, а „нынѣ тою отчиною владѣетъ Петръ Кондратьевъ сынъ Ершовъ и крестьянъ пусто".

„Да въ томъ-же Красномъ стану сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ поселены вновь села и деревни и починки—Ливенцы дѣти боярскіе".

Деревня Здоровецъ, усть Никольскаго Верха на рч. Ливенкѣ за 20 однодворцами; это: Ликовы, Смагины, Гранкины, Ханины, Кобозевы, Мишюревъ (Петръ Яковлевичъ), Гревцовы, Кожуховы, Богатые, Теряевы, Хвостовы, безъ крестьянъ и бобылей*).

Деревня Семенихина за 16-ю помѣщиками—однодворцами: Семенихины (Григорій Ѳедоровичъ), Манцовы, Золотухины, Егоровы, Глаткій, Саряевы, Болтенковъ, Ханинъ, Ровенскіе, безъ крестьянъ и бобылей.

Деревня Дутая; въ ней помѣщиковъ 21 человѣкъ, безъ крестьянъ и бобылей: Ивановы (Мартинъ Ермолаевичъ), Леоновы, Хмелевскій, Рылковы, Котосоновъ, Заболоцкіе, Чельцовъ, Стрянковъ; за отцомъ Максима Никитича Иванова „были прежъ сего 2 бобыля и въ прошлыхъ годѣхъ померли"; за отцомъ Василья Федоровича Рылкова былъ также бобыль „и въ прошлыхъ годѣхъ умре".

---

*) Подъ названіемъ Здоровца въ переписной показаны двѣ деревни; въ настоящее время есть село Здоровецъ и Здоровецкіе (Здоровскіе) дворы, при колодцахъ, въ 11 в. отъ города.

Деревня Роговая за 15-ю помѣщиками-однодворцами (безъ крестьянъ и бобылей): Манцовы, Огибаловы, Соповы, Алтуховы, Кожуховы, Солоповы, Аѳонины.

Деревня Косьянова за 11 однодворцами: Добриковы (Василій Ивановичъ), Сухой, Кондратьевы, Ахихминъ, Косьяновы.

СЕЛО НИЖНЕЕ ЕГОРЬЕВСКОЕ.

Село Нижнее Егорьевское. съ церковію Св. Великомученика Георгія: у той церкви попъ Сидоръ да дьячекъ Максимка Еськовъ.

СЕЛО УСПЕНСКОЕ.

Село Успенское, съ часовнею Успенія Пресвятыя Богородицы; въ немъ помѣщиковъ-однодворцевъ 21 человѣкъ (безъ крестьянъ и бобылей): Дромовъ (Василій Лаврентьевичъ). Хмелевскій, Добриковы, Горбатовъ, Занцовъ, Шеховцовы, Пыжевы, Алтухинъ, Клоковы, Невзоровы, Козлинъ, Анисимовъ.

Деревня Новосильская, помѣщики-однодворцы въ числѣ 21 человѣка (безъ крестьянъ и бобылей) съ Михайлою Евдокимовичемъ Подольскимъ во главѣ: Страховъ, Карповъ, Хапинъ, Сухаревъ, Анисимовъ, Голубицкій, Куликовъ, Созоновъ, Трубицынъ, Пашковъ, Потаповы, Ялдыковъ, Ромезовъ, Голощановъ, Бакулинъ, Кривцовъ, Косторный, Александровъ, Крапивцовъ.

„Всего въ Красномъ стану за помѣщики (281 ч.) 6 дворовъ крестьянскихъ, 3 двора бобыльскихъ, обоего 9 дворовъ, людей въ нихъ 34 человѣка, дворовыхъ людей 2 человѣка, дѣтей у нихъ 2 человѣка*).

II. Въ *Серболовомъ стану:*

СЕЛО БОГОЯВЛЕНСКОЕ.

Село Богоявленское, съ церковью—Богоявленіе Христово; у той церкви попъ Григорій да дьячекъ Степанъ Григорьевъ, живутъ на церковной землѣ. Въ селѣ 46 помѣщиковъ—однодворцевъ, безъ крестьянъ и бобылей: Везсоновъ (Петръ Алексѣевичъ), Марковъ, Бѣлые, Митусовъ, Шумакинъ, Никитины, Саженцевъ, Ленковъ, Каторгины, Потаповъ, Куновой, Опальковы. Бочюринъ, Некрасовы, Фроловъ, Моначаровъ, Трубниковы, Мальцевъ, Литовиновъ, Пенковъ, Болтенковъ, Пышковъ, Ѳедориковъ, Жихаревъ, Медвѣдевъ, Амосовы, Скурвдины, Черниковы, Добродѣевы, Фаустовы, Шемрины, Глаткіе.—„Прежъ сего за отцомъ Трофима Савельева сына Даншина было 5 дворовъ крестьянскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ померли, а иные отъ разоренья разошлись“. Братья Ледянниковы имѣли у себя дворового человѣка (Лавренку Савельева); помѣщикъ Ракинъ имѣлъ работника (Гаврилу Иванова), а за Дмитріемъ Самойловичемъ Косюровымъ „жилъ гулящій человѣкъ на—время“.

*) Красный станъ описывается въ переписной 1678 г. подъ №№ отъ 2-го по 23 включительно.

Того жъ прихода *деревня Круглая* за 34 помѣщиками — однодворцами (безъ крестьянъ и бобылей): Чаплыгинымъ (Лазаремъ Сидоровичемъ), Артемовымъ, Зубаревыми, Болотовыми, Лукинымъ, Шепелевыми, Драчевыми, Реутовыми, Лыковыми, Рѣдкинымъ, Заблоцкими, Быкановымъ, Минаковымъ, Кутеповыми, Рѣпинымъ, Ватутиными, Титовымъ, Минаевымъ, Стародубцевымъ, Башкатовымъ, Моисеевымъ, Марковымъ.

Деревня Кунацкая, на р. Соснѣ, за 14 помѣщиками — однодворцами; это были: Гончаровъ (Саввелій Григорьевичъ), Болоцкій, Синютины, Болдыревъ, Плешковъ, Бабкинъ, Скрябинъ, Ядынинъ, Суринъ, Толстые и Клушины; изъ нихъ только Клушины (Евфимъ Лукьяновичъ да Ѳома Сидоровичъ) имѣли по дворовому человѣку (у перваго: Ѳомка Устиновъ съ двумя сыновьями, а у втораго — Ивашка Мартыновъ).

СЕЛО НИЖНІЕ КУНАЧИ.

Село Нижніе Куначи. Козмодамьянское тожъ, съ церковью Козмы и Даміана; „у той церкви попъ Гаврила, да на церковной землѣ живетъ бобыль Ивашко Сергѣевъ сынъ Сергѣевъ (у него сынъ Созонка да пасынокъ Сережка Семеновъ сынъ Семеновъ); а прежъ сего было на церковной землѣ 4 двора бобыльскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ въ приходъ воинскихъ людей поиманы въ полонъ. Въ томъ же селѣ въ починкѣ за стольникомъ за Васильемъ Алферовымъ сыномъ Хитрово дворъ его боярской, а во дворѣ дѣловые люди: Трошка Алексѣевъ сынъ Огуречниковъ (у него 2 сына: Якимка 15 лѣтъ, Тимошка 5 л.), Мишка Филипповъ сынъ Шестаковъ, всего людей 4 человѣка“. За помѣщикомъ Митрофаномъ Сидоровичемъ Мезенцевымъ былъ дворъ бобыльской (Гришки Еремеева Татаринова съ двумя сыновьями — Тараскомъ и Кипріянкомъ); за прочими помѣщиками (всего 20 чел.): Бѣляевымъ, Кушелевымъ, Яхонтовымъ, Красноуховымъ, Жихоревыми, Ѳедяниковымъ, Шолоховымъ, Тоноровымъ, Борзенковымъ, Ѳедоровымъ, Шеталовымъ, Викторовымъ и Косторнымъ — ни крестьянъ, ни бобылей не было; „а что прежъ сего было за помѣщики: за Иваномъ Казанцевымъ крестьянинъ, за Степаномъ Сотниковымъ 7 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, за Иваномъ Никифоровымъ сыномъ Якимовымъ крестьянинъ, за Григорьемъ Сапковымъ 5 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ тѣ помѣщиковы крестьяне и бобыли померли, а нынѣ пусто“.

Того-жъ прихода *деревня Куначи Нижніе*, въ ней за Мартыномъ Юрьевымъ сыномъ Дорохинымъ было два двора крестьянскихъ, въ нихъ людей 4 чел.; за Митрофаномъ Опуфріевымъ сыномъ Огарковымъ „прежъ сего было крестьянскихъ и бобыльскихъ 2 двора, и въ прошлыхъ годѣхъ поиманы въ полонъ; за Кирилою Елисѣевымъ сыномъ Шигаревымъ прежъ сего (за отцомъ его) былъ бобыль, и въ приходъ воинскихъ людей взятъ въ полонъ; за Борисомъ Михайловымъ сыномъ Кирѣевымъ (за дѣдомъ его) было 4 двора крестьянскихъ, и они живутъ въ бѣгахъ; за Ѳедоромъ Томилинымъ сыномъ Родивоновымъ — 2 двора крестьянъ и бобылей вымерли“; прочіе

помѣщики—Окороковы, Лѣсные, Дороховы, Огарковы были также однодворцы, безъ крестьянъ и бобылей.

СЕЛО СПАССКОЕ.

Село Спасское; въ немъ „церковь Спаса Преображенія; попъ Аверкій Ѳедоровъ; 13-ть помѣщиковъ однодворцевъ, безъ крестьянъ и бобылей... Прежъ сего за Трофимомъ Михайловымъ сыномъ Мохоровымъ было 4 двора крестьянскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ взяты въ полонъ; за Ермоломъ да за Антономъ Яковлевыми Мохоровыми былъ крестьянинъ Останка Синютинъ съ братьями, и онъ живетъ въ бѣгахъ въ Чернавскомъ уѣздѣ"; у Филинскихъ былъ бобыль, но умеръ; прочіе помѣщики: Лобовъ, Пыхачевъ, Грибаковъ, Антиповы, Шатовъ, Бочюрины.

Того прихода *деревня Сторожевая*, подъ Серболовымъ лѣсомъ, за 9-ю дѣтьми боярскими—однодворцами; изъ нихъ: у Мишиныхъ было 3 двора бобыльскихъ, и они опустѣли; у Дворятинина былъ тоже бобыль, но умеръ; у Якова Курдюмова Фаустова было 2 двора крестьянскихъ „и въ прошлыхъ годѣхъ взяты въ полонъ"; у Прокофія Яковлева Руднева также „взяты въ полонъ" изъ двухъ дворовъ крестьяне и бобыли; бывшіе бобыли за Селеховымъ и Пикаловымъ померли.

Того-жъ прихода *деревня Гниловоды*, подъ Серболовымъ лѣсомъ; въ ней за Сидоромъ Алексѣевичемъ Ефановымъ дворъ бобыльской, въ немъ 6 чел., „а что прежъ сего было за отцомъ сво 2 двора крестьянъ, и тѣ крестьяне въ прошлыхъ годѣхъ померли, а иные въ полонъ поиманы"; за Василіемъ Васильевичемъ Ефановымъ съ братьями—2 двора бобыльскихъ, людей въ нихъ 3 чел.; за Степаномъ Васильевичемъ Говоровымъ—дворовыхъ 4 чел., дѣтей у нихъ 6 чел.

СЕЛО СПАССКОЕ—ОСТРОВЪ.

Въ селѣ Спасскомъ (Островъ) сверхъ Полова колодезя на Суходолѣ, подъ Серболовымъ лѣсомъ, церковь Преображенія Господня; въ немъ 13 помѣщиковъ—однодворцевъ безъ крестьянъ и бобылей: Логачевъ (Кондратъ Григорьевичъ), Ковыршинъ, Шеталовъ, Батинъ, Донской, Сапрыкинъ, Стрешковы, Ухинъ, Бредихинъ; а что „прежъ сего на церковной землѣ жили 3 двора бобыльскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ померли, а иные въ полонъ поиманы, да что прежъ сего за Сергіевымъ монастыремъ, что на Ливнахъ, за игуменомъ въ томъ селѣ на церковной землѣ жили 2 двора крестьянскихъ, и въ прошлыхъ годѣхъ померли, а иные въ полонъ взяты".

Того прихода *деревня Прилѣпы*, подъ Серболовымъ лѣсомъ, за 9-ю помѣщиками безъ крестьянъ и бобылей: Микульниковымъ (Лахтіономъ Григорьевичемъ), Шишковымъ, Шолоповымъ, Ютиловымъ, Токаревымъ; за Гордѣемъ Борисовичемъ Аносовымъ „прежъ сего было (за отцомъ сво) 2 двора крестьянъ и бобылей, и въ прошлыхъ годѣхъ въ полонъ поиманы", а крестьянинъ Микульниковыхъ „умре".

Того-жъ прихода *деревня Соловьева;* въ ней помѣщиковъ—однодворцевъ 21 человѣкъ: Багринцевъ (Савва Степановичъ), Игнатьевъ, Воробьевъ, Невзоровъ, Лахины, Толстые, Аѳанасьевы, Погоневъ, Копыловы, Сабѣевъ; „прежъ сего за Багриновцевыми было 2 двора крестьянскихъ и нынѣ въ бѣгахъ".

Того-жъ прихода *деревня Подоберцова,* за 12-ю помѣщиками—однодворцами безъ крестьянъ и бобылей; это—Подкользинъ (Ѳедоръ Сафоновичъ), Черные, Туридины, Щегловы, Золотухинъ.

Того-жъ прихода *деревня Подкользина,* за Дементьемъ Сафоновымъ Подкользинымъ съ товарищи (всего 6 чел. помѣщиковъ), безъ крестьянъ и бобылей.

Того-жъ прихода *деревня Малахова;* въ ней помѣщики: Алехины, Трубицынъ, Должановъ, Титовъ, Ютиловъ, Стохановъ, Зибаревъ, Долженковъ.

СЕЛО ЕГОРЬЕВСКОЕ.

Село Егорьевское подъ Богдановымъ лѣсомъ; въ селѣ церковь Великомученика Георгія, у церкви попъ Поликарпъ, „а которые прежъ сего у той церкви жили 2 двора бобыльскихъ и въ прошлыхъ годѣхъ поиманы въ полонъ": помѣщикъ Шуйскій имѣлъ дворъ бобыльскій (людей 5 челов.); прочіе: Фаустовъ, Пенковы, Глушковы, Трикачовъ, Зиновьевъ, Лакомовы, Вачюринъ, Ртищевы, Печерскіе, Потаповъ, Снжинцевъ—безъ крестьянъ и бобылей.

Того прихода *деревня Новосильская,* подъ Богдановымъ лѣсомъ; помѣщики безъ крестьянъ и бобылей: Калинины, Глушковы, Шепелевы, Лукьянчиковъ, Салтыковъ.

Того-жъ прихода *деревня Черничья;* помѣщики: Пчельниковъ, Окульнины, Сычовъ, Дорохинъ, Зубцовы, Снжинцевъ, Шумовъ.

Того-жъ прихода *деревня Грезцы,* на Черной Грязи; помѣщики: Скрябины, Потаповъ, Бахтинъ, Сотниковъ, безъ крестьянъ и бобылей; за отцомъ Емельяна Мартыновича Скрябина было 2 двора крестьянскихъ, да за дядею его Яковомъ—2 двора бобыльскихъ „и въ прошлыхъ годѣхъ въ полонъ поиманы, а иные померли".

Того-жъ прихода *деревня Крутая,* подъ Большимъ Туровымъ лѣсомъ; помѣщики: Хорошиловы, Силуяновы, Харитоновы, Фатѣевы, Выриновъ, Каменевъ; изъ нихъ только за Михайлою Клементьевичемъ Хорошиловымъ былъ дворъ крестьянскій (съ 3 чел.).

Того-жъ прихода *деревня Хмылевая,* на Хмѣлевомъ колодезѣ: помѣщики: Пикаловъ, Мильцовъ, Горбатовъ, Косовы, Шумскіе, Заниннъ, Затырчиковъ, Тулковы, всѣ безъ крестьянъ и бобылей.

СЕЛО ПРЕЧИСТЕНСКОЕ.

Въ селѣ Пречистенскомъ церковь Пречистыя Богородицы; у церкви попъ Романъ; „по сказкѣ ево, прежъ сего на церковной землѣ было 2 двора бобыльскихъ и тѣхъ бобылей взялъ отецъ ево попъ Ѳедоръ въ Чернавской городъ, невѣдомо по

какому указу, а нынѣ пусто: помѣщики всѣ безъ крестьянъ и бобылей: Медвѣдевъ, Кафоновъ, Шигалевъ, Ивашинъ, Полунины, Филатовъ, Тепленскіе, Агѣевъ.

Того прихода *деревня Ясная*, что подъ Большимъ Туровымъ лѣсомъ; помѣщики безъ крестьянъ и бобылей: Болотовъ, Лиховы, Сухаревъ, Трубниковы, Пенковъ, Суровцевъ, Клодовъ, Потаповъ, Оносовы, Анисимовъ, Егоровъ, Риновъ, Ѳедориковы.

Того-жъ прихода *деревня Волчья*; помѣщики: Абакумовъ, Зайцевы, Антиповы, Авдѣевъ, Ватутинъ, Сижинцевъ, Москвитиновъ, всѣ безъ крестьянъ и бобылей.

Того-жъ прихода *деревня Сторожевая*, Акулкова тожъ; помѣщики: Шевяковъ, Перцовы, Толстой, Зарочинцовы, Стрѣльниковъ, Сѣдой, Никаловъ; изъ нихъ только у Меркулы Григорьевича Шевякова было 2 двора крестьянскихъ, но ко времени переписи 1678 года тѣхъ крестьянъ не стало: одни померли, а другіе „жили въ бѣгахъ въ деревнѣ Крутой“.

Того-жъ прихода *деревня Крутая*, за 15-ю помѣщиками однодворцами: Лукьяничниковыми (Ефремомъ Степановичемъ), Савочковыми, Башкатовыми, Екимовыми, Смотровымъ, Литвиновымъ, Гладкими и Трубицынымъ, всѣ они безъ крестьянъ и бобылей.

Того-жъ прихода *деревня Быкова*, подъ Туровымъ лѣсомъ, за Давидомъ Дмитріевымъ сыномъ Носовымъ съ товарищи: Сахаревымъ, Смотровымъ, Воробьевымъ, Мининымъ, Тишкинымъ, Глотовымъ, Докукинымъ, Моногаровымъ, всего за 10 ч. безъ крестьянъ и бобылей.

Того-жъ прихода *деревня Кутепова*, за однодворцами: Акимомъ Ѳедоровичемъ и Акимомъ Ивановичемъ Кутеповыми.

Того-жъ прихода *деревня Нетесова*, за 11-ю однодворцами: Нетесовымъ (Савеліемъ Ивановичемъ), Лупинымъ (Павломъ Остафьевичемъ), Чаплыгинымъ, Черышевыми, Щацкимъ, Корташевымъ; всѣ безъ крестьянъ и бобылей.

СЕЛО АРХАНГЕЛЬСКОЕ.

Село Архангельское за 6-ю однодворцами (безъ крестьянъ и бобылей); это: Сижинцевы (Никита Тихоновичъ), Дронины, Куровъ, Скуридинъ.

Того прихода *деревня Пономареа*, подъ Чернымъ лѣсомъ на Черномъ колодезѣ, за Васильемъ Игнатьевичемъ Пономаревымъ съ товарищи (всего 18 челов.); это: Шадринъ, Лукины, Повѣткины, Бурцовы, Лѣсной, Полный, Ефановъ, Озеровъ, Литвиновы, Дворяткинъ, Пашковъ, Гладковъ, всѣ безъ крестьянъ и бобылей.

СЕЛО НИКОЛЬСКОЕ—ПЛОСКОЕ.

Село Никольское, Плоское тожъ: въ немъ церковь Никиты Христова мученика; у той церкви попъ Трифонъ; въ селѣ 18 помѣщиковъ—однодворцевъ: Мещеневъ (Константинъ Осиповичъ), Перцовъ, Стрѣльниковъ, Зайцевъ, Рылковъ, Скорый, Логачевъ, Ядынинъ, Барановъ, Ефановъ, Бекетовъ, Невѣровъ, Аниенковъ, Ковыршинъ, Мясниковъ, Бровкинъ, Миклаевъ, Сергѣевъ (безъ крестьянъ и бобылей).

Того прихода *деревня Стоханова,* что была пустошь Дикое Поле, за Гуріемъ Даниловичемъ Александровымъ съ товарищи (всего за 20 чел. однодворцами): это: Мишинъ, Непотягинъ, Ядынины, Анисимовы, Титовъ, Алтисинъ: у Александрова былъ бобыль, но онъ умеръ.

Того-жъ прихода *деревня Мульгина,* за Моисеемъ Клеменовымъ сыномъ Заболоцкимъ съ товарищи (всего за 9-ю чел. однодворцами): Савиновымъ, Зароченцовыми, Кафоновымъ, Стрепковыми, Мальцевымъ.

СЕЛО НИКОЛЬСКОЕ.

Село Никольское, что подъ Долгимъ лѣсомъ, съ церковью Николая Чудотворца; у церкви попъ Ѳома; помѣщиковъ 23 человѣка, всѣ однодворцы: Злобины, Кавелинъ, Шацкій, Бачюрины, Сапрыкины, Савиновъ, Болоцкіе, Тарпиновъ, Пахомовъ, Лукинъ, Сергѣевъ, Шигоревъ, Пыжовъ, Толстой, Шешуринъ, Лѣсной, Потаповъ.

Того прихода *деревня Черемошня,* за 8-ю однодворцами: Шеховцевымъ (Иваномъ Фроловичемъ), Дворянинымъ, Скрылевыми, Ревякинымъ, Махтинымъ, Скороваровымъ, Логачевымъ.

Того-жъ прихода *деревня Малинова;* въ ней 13 помѣщиковъ—однодворцевъ: Полунинъ (Яковъ Клементьевичъ), Молявинъ, Верпиновъ, Пашковы, Шигоревъ, Потаповы.

Того-жъ прихода *деревня Семенецкая,* за 17-ю однодворцами; это: Альчюковъ, Леденевы, Трубицынъ, Бѣляевъ, Сотниковъ, Стрепковъ, Скуридинъ, Пыжовъ, Шаловы, Волковъ, Баскаковъ, Должиковъ; за Кондратомъ Коненевымъ жили „пришлые люди на-время, а нынѣ пусто—въ бѣгахъ".

„Всего въ Серболовомъ стану за помѣщики: крестьянскихъ 3 двора, людей въ нихъ 7 человѣкъ, бобыльскихъ 6 дворовъ, людей въ нихъ 25 челов., на церковной землѣ дворъ бобыльскій, людей въ немъ 3 чел., обоего—крестьянъ и бобылей 10 дворовъ, людей въ нихъ 35 чел.; въ вотчинѣ дѣловыхъ людей *) 2 чел., дѣтей тожъ, дворовыхъ людей 8 чел., дѣтей тожъ, гулящій 1 чел. Всего крестьянъ и бобылей и дѣловыхъ людей съ гулящимъ человѣкомъ *56 человѣкъ* **).

III. Въ *Затруцкомъ стану:*

СЕЛО САВИНО.

Село Савинъ на рѣкѣ Тимѣ; въ немъ часовня Архангела Михаила: у той часовни попъ Леонтій; въ селѣ 17 помѣщиковъ—однодворцевъ: Веригинъ (Степанъ Степановичъ), Болтенковы, Никаловъ, Смотровъ, Плоховой, Степановъ, Логачевы, Гово-

---

*) *Дѣловые люди*—назначенные къ работѣ.

**) Серболовъ станъ въ переписной подъ №№ 24—60.

ровъ, Кожуховъ. Исаревъ. Пантелѣевъ. Жаворонковъ, Стародубцевъ, Мальцевъ (Филиппъ Григорьевичъ).

Деревня Красная Поляна, селится вновь на рк. Тимѣ. за 13 однодворцами, каковы: Селютинъ (Леонтій Исаевичъ), Хмелевскіе, Мильцевъ, Рыковъ, Шаталовъ, Перцовъ, Золотухинъ, Конопыхинъ, Антиповъ, Пасловъ.

СЕЛО РОЖДЕСТВЕНСКОЕ.

Село Рождественское съ церковью во имя Рождества Христова; у той церкви попъ Василій; помѣщиковъ—однодворцевъ 12: Левоновъ, Долгіе, Меренковъ, Студениковы, Ланинъ, Ильинъ, Гласковы [1]).

Деревня Лебедки; въ ней 19 однодворцевъ: Пиляевъ (Никифоръ Остафьевичъ), Карловы, Пупковы. Голошановъ. Ѳедорищевъ, Булавины, Головинъ, Шебановъ, Волковъ, Филипповъ, Дороѳеевъ, Демидовъ [2]).

Деревня Пятина подъ Плоскимъ лѣсомъ, на рк. Тимѣ; въ ней 13 помѣщиковъ, всѣ однодворцы: Сапроновъ (Иванъ Алексѣевичъ), Ревякинъ, Ноялковъ, Писаревы, Ткаревъ, Шелоховы, Растворовъ, Ѳомины, Кривцовъ [3]).

Деревня Шолохова за однодворцами 21 человѣкомъ: Шолоховъ (Михаилъ Аверкіевичъ), Головинъ (Павелъ Трофимовичъ), Старухинъ, Мопыхины, Писаревы, Власовы, Шаховъ, Сергѣевы, Биркинъ [4]).

Деревня Кудинова поселилась вновь; помѣщиковъ однодворцевъ 29: Животовъ (Клеменъ Никитичъ), Меренковъ, Кореневъ, Демидовъ, Кудиновы, Шеменовы, Тербуновъ. Никоповъ, Бѣлоусовъ. Кривцовы, Мальцевы, Юрьевъ, Масловы, Ядынинъ, Поповъ, Орлатовъ, Ряполовъ, Распоповъ, Ѳоминъ, Деникевъ, Карловъ.

Деревня Роговая, подъ Плоскимъ лѣсомъ на Плоскомъ колодезѣ, за 5-ю человѣками однодворцами: Кочергинымъ (Андреемъ Кирилловичемъ), Ѳедорищевымъ, Леневымъ, Необѣдовымъ, Чернымъ [5]).

СЕЛО ВВЕДЕНСКОЕ.

Село Введенское съ церковью Введенія Пресвятыя Богородицы; у той церкви попъ Дмитрій; помѣщиковъ однодворцевъ 15-ть человѣкъ: Савенковы (Терентій Карповичъ), Тулицыны, Мальцевы. Пирѣевъ, Тереховъ, Кавелинъ, Тулицынъ [6]).

---

[1]) Въ прежнее время сельцо Рождественское (перен. книга 1646 г) находилось въ Мокрецкомъ стану.

[2]) Дер. Лебедки по переписной 1646 г. состояла въ Мокрецкомъ стану.

[3]) Дер. Пятина была прежде въ Мокрецкомъ стану.

[4]) Деревня Шолохова находилась раньше въ Мокрецкомъ стану.

[5]) Деревня «на Рогу» (по приправочной 1615 года.) или «Нижняя Роговая» (по переписной 1646 года) относилась къ Мокрецкому стану.

[6]) Село Введенское состояло прежде въ Мокрецкомъ стану.

Деревня Ревякина; въ ней 19 однодворцевъ: Животовы (Ларіонъ Михайловичъ). Лютой, Монзиновъ, Ревякины, Алехины, Багрицевъ, Демидовы, Шеменевъ, Прохоровъ, Голдаевъ, Тербинъ *).

Деревня Вахнева за 15-ю помѣщиками — однодворцами, каковы: Ревякины (Устинъ Псаевичъ), Поздняковы, Рудневъ, Кутафинъ, Болоцкіе, Дорофеевъ, Лихонинъ, Шебановъ, Вышловъ.

Деревня Плешкова: въ ней 10 помѣщиковъ, всѣ однодворцы: Дорофеевъ (Гаврила Ѳедоровичъ), Юрьевы, Мальцевъ, Нестеровъ, Головинъ, Ивашиковъ, Малютинъ (Кириянфъ Потаповичъ).

Деревня Шебанова; ее населяли 9 помѣщиковъ однодворцевъ: Дорофеевы (Ив. Никитичъ), Ильинъ, Гнѣздиловы, Викуловъ, Ивашиковъ.

Деревня Рѣдкина; въ ней 12 однодворцевъ: Вороновскіе (Кондратъ Родіоновичъ), Пикаловы, Чекихинъ, Селишевъ, Микляевъ, Мешшиковъ (Ѳедосъ Семеновичъ).

СЕЛО НИКОЛЬСКОЕ.

Село Никольское съ церковью Св. Николая Чудотворца; „у той церкви попъ Сафонъ сказалъ: которые прежъ сего жили на церковной землѣ крестьяне и тѣ въ прошлыхъ годѣхъ померли и въ полонъ поиманы“: помѣщиковъ однодворцевъ 16-ть: Павловъ (Данило Кирпяновичъ), Лешшны, Лехоневъ, Агѣевъ, Черные, Бахтеяровы, Даниловъ, Псаревы, Медвѣдевъ.

Деревня Миляева за 7-ю однодворцами: Красовыми (Псаемъ Даниловичемъ), Болоцкими, Ряполовымъ, Медвѣдевымъ; „села Никольскаго дѣти боярскіе сказали, что прежъ сего за Андреемъ Писаревымъ да за Михайлою Прокофіевымъ было 3 двора крестьянскихъ и въ прошлыхъ годѣхъ онъ Михайло умре, а крестьяне поиманы въ полонъ“; за Созономъ Зибаревымъ былъ дворъ крестьянской, и въ прошлыхъ годѣхъ тотъ крестьянинъ „умре“.

Деревня Святина подъ Святицкимъ лѣсомъ: въ ней 27 однодворцевъ: Огарковы, Кутафины, Микулинъ, Гритчинъ, Злобинъ, Шетохины, Красные, Скорые, Башкатовъ, Ширяевы, Булгаковъ, Брыковы, Бородины. „Той же деревни дѣти боярскіе Ѳедоръ Шетохинъ съ товарищи сказали: прежъ сего за Борисомъ Мануиловымъ сыномъ Кутафинымъ жилъ на ево землѣ зять ево Антошка Сермягинъ, да за Васильемъ Шетохинымъ были 2 двора крестьянскихъ, и тотъ зять и крестьяне выбѣгли, а иные въ полонъ взяты“.

СЕЛО ДМИТРОВСКОЕ.

Въ селѣ Дмитровскомъ, на рѣкѣ Фошнѣ, церковь Великомученика Димитрія: „у той церкви попъ Клеменъ да дьячекъ Михайла Клеменовъ; въ селѣ 20 ч. одно-

*) Бывшаго Мокрецкаго стана.

дворцевъ: Мягкій (Иванъ Ивановичъ), Распоповъ, Полянскіе, Бредихины, Зибаревы, Алехинъ, Будихинъ, Дуровы, Рыбины, Золотухинъ, Теряевъ, Половневъ.

Деревня Пущинская, за 3-мя однодворцами: Медвѣдевымъ (Иваномъ Андреевичемъ), Уваровымъ, Павловымъ.

Деревня Логовая, Лимовая тожъ: въ ней 31 чел. однодворцевъ: Пенковъ (Иванъ Минаевичъ), Псаревъ, Агѣевъ, Рыбины, Чернышовъ, Шимаревъ, Болоцкій, Рогулинъ, Медвѣдевъ, Шасковъ, Полухинъ.

Деревня Шевякова, на рѣкѣ Фошнѣ; въ ней за Аверкіемъ Онисимовичемъ Псаревымъ задворные люди—2 двора, людей въ нихъ 5 челов.; прочіе помѣщики однодворцы (всего 6 чел.): Псаревъ (Василій Свиридовичъ), Пироговъ, Черниковы.

СЕЛО БОГОЯВЛЕНСКОЕ.

Въ селѣ Богоявленскомъ церковь Богоявленія; „въ томъ селѣ за помѣщикомъ Клеменомъ Артемьевымъ сыномъ дворъ крестьянскій; людей въ немъ 3 чел., а иные въ бѣгахъ: за Оедоромъ Елистратовымъ сыномъ Рогулинымъ да Тимоосеемъ Елистратовымъ Кошпренпномъ были прежъ сего крестьяне и бобыли, и одни изъ нихъ умерли, а иные живутъ въ бѣгахъ"; прочіе помѣщики однодворцы: Сухинины, Уваровы, Рогулины, Корниловы, Панюковъ, Кочюковъ, Климовъ, Прокофіевы, Павловы, Климовы, Самойловъ, Воропаевы, Семеновы.

Деревня — что была слободка *Дурнова*,; въ ней 14 однодворцевъ: Токмаковъ (Сидоръ Яковлевичъ), Кошпренпновъ, Переславскій, Дурновъ; изъ нихъ только за Лукьяномъ Евсѣевичемъ Булгаковымъ жило 3 ч. дворовыхъ.

Деревня Прокопова, Бекетова тожъ, за 7 челов. однодворцами: Прокоповымъ (Иваномъ Дементьевичемъ), Ушаковыми, Полянчиковымъ, Лукьянчиковымъ, Мокасиновыми.

Деревня Бахтеярова вверхъ Плоскаго колодезя; въ ней помѣщиковъ однодворцевъ 8 человѣкъ: Клевцовъ (Яковъ Григорьевичъ), Зибаревы, Печерскій, Буняковъ; изъ нихъ за отцемъ Ивана Никитича Бахтеярова былъ крестьянинъ, который сбѣжалъ.

Деревня Клевцова подъ Плоскимъ лѣсомъ, вверхъ Плоскаго колодезя; въ ней 6 ч. однодворцевъ: Клевцовы, Поспѣлые, Зиборевъ: за Тимоосеемъ Семеновичемъ Поспѣлымъ „жилъ себѣ дворомъ на его землѣ на —время выборнаго полку солдатъ Ивашко Оедоровъ Пыхтовъ".

Деревня—что была *слободка* на усть рѣчки Жерихани; въ ней 6 ч. помѣщиковъ: Корниловъ, Звягинъ, Сопроновы; за Перфильемъ Архиповымъ Кошпренпновымъ жилъ дворовый человѣкъ съ дѣтьми: за дѣдомъ Никифора Елисѣевича Кошпренина (Романомъ Савиновымъ) „было 2 двора—крестьянскій и бобыльскій, и тѣ крестьяне и бобыли въ прошлыхъ годѣхъ померли, а иные въ полонъ поиманы".

СЕЛО ПОКРОВСКОЕ.

Въ селѣ Покровскомъ церковь Покрова Пречистыя Богородицы; поселено вновь на рѣкѣ Соснѣ; 21 ч. однодворцевъ: Обориковъ (Дмитрій Григорьевичъ), Коробецкій, Медвѣдевы, Масловы, Ерофеевъ, Криволаповъ, Заевъ, Филатовы, Дубровскій, Легостаевъ. Оборневъ, Семенихинъ, Внуковъ, Демьяновъ, Узоловъ, Онисимовъ, Павловъ.

Деревня Погожая на р. Соснѣ; въ ней 23 ч. помѣщиковъ однодворцевъ: Лодыгинъ (Михаилъ Родіоновичъ), Егорьевы, Ефремовъ, Кононовъ, Гречишкинъ, Волковы, Колугинъ, Бахтеяровы, Шелишевъ. Квашнины, Ильинъ, Золотухинъ, Санинъ, Лесковы, Можаровъ.

Деревня Косожа на рѣкѣ Косожѣ; въ ней 9 однодворцевъ: Можаровъ (Петръ Гавриловичъ), Бахтеяровъ, Сабины, Леоновы, Волковъ.

Деревня Красная—на р. Соснѣ—„поселена вновь"; въ ней 25 однодворцевъ: Лубениковъ (Авдѣй Герасимовичъ), Оборневъ, Коробецкіе, Бахтеяровъ, Зубаревъ, Боевы, Ревякинъ, Сѣдельниковъ, Гладкій, Дубровскій, Рогулинъ, Сотниковъ, Шестоналовъ, Сухотинъ, Болдыревъ, Внуковы, Перовъ, Тучковъ, Булгаковъ, Гридякинъ.

Деревня Мисайлова на р. Соснѣ—„поселена вновь"; въ ней 10 однодворцевъ: Перовъ (Обросимъ Карповичъ), Халезевы, Зубовъ, Бухтеровъ, Сухининъ, Ефремовъ, Бахтеяровъ, Бабенькинъ, Дуровъ.

Деревня Бѣлозерки; въ ней 12 однодворцевъ: Есиновъ (Ѳедоръ Ивановичъ), Занинъ, Лаушкинъ, Черницынъ, Музалевъ, Золотухинъ, Кононовъ, Масловъ.

Деревня Губкина „поселена вновь" на р. Соснѣ; въ ней 19 однодворцевъ: Бабенковъ (Сафонъ Кондратьевичъ), Борзенковъ. Кошелевъ, Ревякинъ, Моисеевъ, Казначеевъ, Козминъ, Момошинъ, Кулаевъ, Кофоновы, Быкановы, Красниковы, Васютинъ, Губановъ, Огарковы.

СЕЛО ИВАНЬ.

Въ селѣ Ивани церковь Покрова Пречистыя Богородицы; при ней попъ Миронъ; въ селѣ 17 однодворцевъ: Давыдовъ (Иванъ Филипповичъ). Ефремовъ, Алехинъ, Малыгины, Щербатовъ, Шелимовъ, Писаревъ, Булгаковъ, Пыхтинъ, Лежновъ, Семеновъ, Москвитинъ, Челединовъ, Мещеряновъ, Мягкинъ, Офремовъ.

Деревня Верхососенье на р. Соснѣ; 19 однодворцевъ: Маховъ (Мапеимъ Евлампіевичъ), Косьяновъ, Протасовъ, Харитоновъ, Комаринъ, Тучковы, Логостаевъ, Дубининъ, Щетининъ, Воскобоевъ, Лупинъ. Боженовъ, Калининъ, Золотухинъ, Гречишкинъ, Дубенцовъ, Теряевъ, Леоновъ.

СЕЛО АРХАНГЕЛЬСКОЕ.

Въ селѣ Архангельскомъ церковь Архистратига Михаила, у церкви попъ Василій; въ селѣ 11 однодворцевъ: Гревцовы (Парфенъ Ивановичъ), Легостаевы, Мальцевы, Медвѣдевъ.

Деревня Драчева; 15 однодворцевъ: Драчевъ (Иванъ Фроловичъ), Лобниковъ, Бѣжиновы, Солодиловы, Михайловы, Шелимовы.

Деревня Харечкова за 7 однодворцами:—Лукьянъ Перфильевичъ и Макаръ Трифоновичъ Харечковы, Смолины, Шелимовы, Борзенковы.

Деревня Башматова; 11 однодворцевъ: Иванъ, Ѳома и Максимъ Семеновичи и Евдокимъ Никифоровичъ Башкатовы, Извѣковы, Медвѣдевъ.

Деревня Новосильская; 15 однодворцевъ: Безлѣпкинъ (Евсѣй Григорьевичъ), Филиповы, Легостаевъ, Курсовъ, Реткинъ, Жердевъ, Клоковы.

Деревня Екина; 10 однодворцевъ: Игнатъ Козмичъ, Аѳанасій Борисовичъ и Иванъ Сидоровичъ Епины съ товарищами; за Епиными были „прежъ сего крестьянскіе и бобылъскіе дворы и нынѣ пусто".

Деревня Шварова (Шпарова), Ступина и Телѣгина тожъ; 19 однодворцевъ: Павловы (Тимоѳей Любимовичъ), Пучковы, Малыхины, Дергунцовы, Тучковъ, Внуковы, Сухинъ, Легостаевы.

СЕЛО НИЖНЕЕ АРХАНГЕЛЬСКОЕ.

Въ селѣ Нижнемъ Архангельскомъ церковь Архистратига Михаила; у церкви попъ Василій; помѣщиковъ однодворцевъ 3 человѣка: Близскіе (Иванъ Аѳанасьевичъ съ товарищи).

Деревня Погонева за 7 чел. однодворцами; — Пятохинъ (Ефимъ Ивановичъ), Лаушкинъ, Епинъ, Луневъ, Шереповъ.

Деревня Сетенева; 26 однодворцевъ: Левоновы (Терентій Карповичъ), Теряевы, Черниковы, Сухановъ, Харитоновъ, Васютины, Епины, Калининъ, Сухонины.

Деревня Морозова; 11 однодворцевъ: Ушаковы (Григорій Ѳомичъ), Внуковы, Семеновы, Болоцкій, Сотниковъ.

Деревня Непочатая за 5-ю однодворцами: Малыгинымъ (Ѳедоромъ Андреевичемъ) Драчевымъ, Епинымъ, Лаушкинымъ, Ковшинниковымъ.

Деревня Кононова; 22 однодворца: Васютинъ (Ларіонъ Полуѳовичъ), Оборневъ, Онисимовъ, Лаврищевы, Воровъ, Непочатый, Шелимовы, Давидовы, Зайцевъ, Аѳонины; изъ нихъ только за Давидовымъ былъ дворовый человѣкъ Якушко Семеновъ.

Деревня Никольская; 9 однодворцевъ: Аѳонины (Кондратъ Григорьевичъ), Ефремовы; у Данилы Петровича Ефремова—дѣловой человѣкъ съ 2-мя сыновьями.

Деревня Ворова на Ворѣ колодезѣ; 48 человѣкъ однодворцевъ: Алехины (Борисъ Остафьевичъ), Ивановъ, Черниковы, Муратовы, Теряевъ, Розниковъ, Жердевы, Даниловъ, Мальцевы, Гревцовы, Герасимовы, Колѣновы, Меркуловъ, Креневъ, Васильевъ, Позняковъ, Бологовъ, Бочюринъ, Фурсовъ, Погоневъ, Бабаевъ, Курловъ, Внуковы, Селезневъ, Борзенковъ, Муратовы, Лощаковъ, Сараевъ.

СЕЛО РОВНЕЦЪ.

Въ селѣ Ровнецъ церковь Св. Великомученика Георгія; у церкви попъ Василій; 27 чел. помѣщиковъ, всѣ однодворцы: Аристъ Семеновичъ Новиковъ, Исай Васильевичъ и Абрамъ Онуфріевичъ Кожуховы, Несторъ Архиновичъ Ашихминовъ, Авдѣй Поліефтовичъ Овсянниковъ, Степанъ Никитичъ Мерцаловъ, Ивашниковъ, Ломакинъ, Огарковы, Бирюковы, Заболоцкій, Асѣевы, Ерминъ, Хмелевскій, Лубянниковы, Полынинъ, Губановы, Сапрыкинъ, Шабановъ, Зубцовъ, Зароченцевъ, Жилинъ, Моногоровъ, Савинковъ, Окороковъ, Мезинцевъ.

„Всего въ Затруцкомъ стану: крестьянскихъ дворовъ 3, людей въ нихъ 7 чел., дворовыхъ людей 12 чел., дѣловыхъ людей 3 чел.; итого 22 человѣка*)".

„Всего на Ливнахъ на посадѣ за монастыремъ 19 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 80 чел., поваръ 1 чел., служка 1 чел., подсосѣдникъ 1 чел. Въ Ливенскомъ уѣздѣ за помѣщики и на церковной землѣ крестьянскихъ 12 дворовъ, людей въ нихъ 39 чел., бобыльскихъ 10 дворовъ, людей въ нихъ 37 чел., дворовыхъ людей 24 чел., дѣтей у нихъ 8 чел., дѣловыхъ людей 3 чел., въ вотчинѣ дѣловыхъ людей 4 чел.; обоего—крестьянскихъ и бобыльскихъ 41 дворъ, людей 159 чел. Всего крестьянскихъ и бобыльскихъ, дѣловыхъ и дворовыхъ и съ гулящими 199 чел.".

„Въ Ливенскомъ же уѣздѣ сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ за Ливенцы дѣтьми боярскими, по сказкамъ ихъ, крестьянскіе и бобыльскіе дворы объявились вновь:

Въ Красномъ стану въ дер. Здобной за Исаемъ Васильевымъ и Абрамомъ Онофріевымъ дѣтьми Кожуховыми, да за нимъ же Абрамомъ усть Никольскаго Верха на рѣкѣ на Ливенкѣ Лѣсной противъ *стрѣлицы***) его помѣщицкій дворъ съ *задворными людьми*... всего 4 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 16 чел., задворныхъ 2 двора, людей 7 чел., дворовыхъ людей 5 чел., дѣтей тожъ.

Въ дер. Косьяновѣ за Несторомъ Архиновымъ сыномъ Ашихминымъ дворъ крестьянской, людей въ немъ 3 чел.

Въ дер. Жилевой за Авдѣемъ Полуехтовымъ сыномъ Овсянниковымъ дворъ крестьянской, людей 5 чел., задворныхъ 2 чел., людей 4 чел.

Въ Затруцкомъ стану въ дер. Красной за Степаномъ Никитинымъ сыномъ Мерцаловымъ дворъ крестьянской, въ немъ 4 чел.

Всего въ Ливенскомъ уѣздѣ сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ, по сказкамъ, объявилось вновь: крестьянскихъ 7 дворовъ, людей въ нихъ 27 чел., 1 дворъ бобыльской, людей тожъ, задворныхъ 4 чел., людей 11 чел., дворовыхъ людей 5 чел., людей тожъ: обоего—крестьянскихъ и бобыльскихъ 8 дворовъ, людей 29 чел., всего:

---

*) Затруцкій станъ въ переписной подъ №№ 61—112.

**) *Стрѣлица*—укрѣпленіе, съ котораго стрѣляли,—бойница, башня.

крестьянскихъ и бобыльскихъ и задворныхъ и дворовыхъ людей и ихъ дѣтей и братьевъ и племянниковъ 48 чел.“.

Сличая переписную книгу 1678 года съ такою же книгою 1646 года, мы находимъ, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича численность крестьянскаго и бобыльскаго населенія въ г. Ливнахъ и его уѣздѣ значительно уменьшилась; именно: въ 1646 году „на Ливнахъ на пушкарской землѣ и въ Ливенскомъ уѣздѣ было за помѣщики и за вотчинникомъ и за монастыремъ и на церковной землѣ 95 дворовъ крестьянскихъ, 82 двора бобыльскихъ, всего въ городѣ и уѣздѣ 230 дворовъ“, а къ 1678 году „убыло крестьянскихъ 59 дворовъ, бобыльскихъ 70 дворовъ, обоего — крестьянскихъ и бобыльскихъ 129 дворовъ“. Но уменьшеніе крестьянъ и бобылей не доказываетъ еще того, чтобы въ царствованіе Алексѣя Михайловича уменьшился общій составъ населенія Ливенскаго уѣзда; убыль крестьянъ и бобылей въ значительной мѣрѣ восполнялась приливомъ новыхъ служилыхъ людей — дѣтей боярскихъ, которыхъ насчитывалось въ 1678 году 1700 чел., кромѣ ихъ вдовъ и недорослей, а также переходомъ на Ливны черкасъ, т. е. Малороссійскихъ казаковъ. Потому-то и число населенныхъ мѣстъ въ уѣздѣ не только не уменьшилось, но и увеличилось новыми селами и деревнями; именно: по переписной 1678 года въ Ливенскомъ уѣздѣ значилось: въ Красномъ стану 5 селъ и 17 деревень, въ Серболовомъ — 9 селъ и 28 деревень, въ Затруцкомъ (вмѣстѣ съ бывшимъ Мокрецкимъ) — 11 селъ и 41 деревня, всего-же въ уѣздѣ: 25 селъ и 85 деревень. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича и въ правленіе ц. Софіи численность населенныхъ мѣстъ и самое народонаселеніе Ливенскаго уѣзда еще болѣе увеличились. Г. Артемьевъ, помѣстившій рядъ статей „о городѣ Ливнахъ и его уѣздѣ“ въ Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1860 годъ, на основаніи нѣкоторыхъ соображеній, полагаетъ, что къ концу 17 вѣка населеніе Ливенскаго уѣзда простиралось вообще до 11,000 человѣкъ. Вотъ эти соображенія:

„Изъ сохранившихся въ архивѣ Ливенскаго уѣзднаго суда верстальныхъ книгъ 1672 года, смотровыхъ 1681 года и писцовыхъ 1685—1692 гг. видно, что въ концѣ 17-го столѣтія населеніе Ливенскаго уѣзда было довольно значительно... Изъ упомянутой писцовой книги видно, что въ немъ считалось селъ 32, деревень 96 и 4729 *даточныхъ помѣстныхъ* или владѣльцевъ приписной къ этимъ селамъ и деревнямъ земли и пустошей. Верстальныя книги даютъ намъ возможность опредѣлить число мужескаго пола, преимущественно разныхъ служилыхъ людей... Въ 1680 году воеводѣ Михаилу Воейкову и подъячему Ѳедору Петрушеву въ Старомъ Осколѣ и въ Ливнахъ велѣно было сдѣлать осмотръ *завоеводчиковъ**), ясауловъ, сотниковъ,

---

*) *Завоеводчикъ* — помѣщикъ воеводскій.

*копейщиковъ***), рейтаровъ и солдатъ и городовой службы дворянъ и дѣтей боярскихъ, всякихъ чиновъ служилыхъ и отставныхъ, и недорослей, а Бѣлогородскаго полка тѣхъ, которые прежде съ 1676 по 1680 г. на службѣ въ полкахъ были, и воеводъ, и всѣхъ, кто не были въ Чигиринскомъ походѣ 1674 года лѣностію, ослушаніемъ и воровствомъ, или, бывъ въ полку, изъ онаго, не имѣя отпуска, въ домы свои бѣжали. Затѣмъ должно было опредѣлить указанное число копейщиковъ, рейтаровъ и солдатъ и по недостатку наличныхъ назначить въ эти должности самыхъ лучшихъ изъ бывшихъ рейтаровъ и изъ *пѣтчиковъ*, а бѣглецовъ написать въ солдаты. Во исполненіе этого наказа Воейковъ и Петрушевъ, прибывъ въ Ливны и взявъ подписныя прошлыхъ 1675 и 1679 годовъ разборныя книги Ливенцамъ всякихъ чиновъ служилымъ людямъ, назначеннымъ въ полковую службу, конную и пѣшую, а также переписныя 1678 года крестьянскимъ и бобыльскимъ дворамъ, и пересмотрѣвъ всѣхъ, кто были изъ нихъ на—лицо, разобрали при окладчикахъ, допрашивая всякаго человѣка порознь, и сказки отъ нихъ взяли за ихъ, окладчиковъ, рукоприкладствомъ. И по этому разбору оказалось на—лицо въ 3-хъ станахъ Ливенскаго уѣзда—Затрутскомъ, Красномъ и Серболовомъ слѣдующее число разнаго званія людей: сотенныхъ 30, копейщиковъ 59, рейтаровъ большаго оклада 159, сотенныхъ пѣтчиковъ 5, рейтаровъ, которые отъ смотра и разбора бѣжали и сказокъ не подавали, за что имъ быть въ солдатахъ,—37, рейтаровъ, которые сверхъ указнаго числа 250-ти человѣкъ остались, а у нихъ лошади худы и сами они скудны, почему также назначены въ солдаты,—39, солдатъ 165, казаковъ: атаманъ, есаулъ и 72 рядовыхъ. Въ добавокъ къ этимъ выбрано на полковую и городовую службу изъ отставныхъ 2. Написанныхъ прежде въ сказкахъ сотенныхъ и копейщиковъ съ отцами, братьями и съ дядями, отдѣльно отъ ихъ семействъ, 68. Записано же при этомъ осмотрѣ сотенныхъ 19, копейщиковъ 50, рейтаровъ 250, рейтаровъ-пѣтчиковъ 171, солдатъ 190, донскихъ казаковъ 55, въ городовую службу 996. Итого въ Ливнахъ составилось конныхъ и пѣшихъ полковой и городовой службы 2,569 чел. Да у нихъ же считалось на пашнѣ 1019, недорослей 1104, старыхъ и увѣчныхъ 189, а всего 2309. Сверхъ того въ Ливенскомъ уѣздѣ считалось тогда Ливенскихъ черкасъ полковой службы, которые служили въ Рыбинскомъ полку, 84 и черкасъ городовой службы 45, а всего 129; да у нихъ было на пашнѣ 81 и недорослей 125; итого 206 чел. Такимъ образомъ все мужское населеніе служилыхъ людей Ливенскаго уѣзда простиралось до 5213 чел. Весьма вѣроятно, кажется, допустить, что и количество женскаго пола было не менѣе того же. Если еще принять въ соображеніе, что въ уѣздѣ проживали также и другія сословія, какъ духовенство, торговые и посадскіе люди и т. п., хоть въ небольшомъ количествѣ, то все населеніе

---

*) *Копейщикъ* или *конейникъ*—ратникъ, вооруженный копьемъ,—копьеносецъ.

Ливенскаго уѣзда въ концѣ XVII столѣтія, кажется, безъ преувеличенія можно будетъ считать въ 11,000 чел.*)".

Въ церковномъ отношеніи г. Ливны и его уѣздъ были неоднократно перемѣщаемы изъ одной епархіи въ другую. Первоначально, какъ мы видѣли, Ливенскій край находился въ области Черниговской епархіи, къ которой относилось и все Рязанское княжество; потому-то Черниговскіе архипастыри считали своимъ долгомъ посредствовать между великимъ княземъ Владимірскимъ и князьями, господствовавшими „на Рязани, на Ливнахъ и на Воронежѣ". Въ концѣ 12-го вѣка на Рязани образована была особая епископская каѳедра, и съ тѣхъ поръ обитатели Быстрой Сосны находились въ вѣдѣніи Рязанскихъ владыкъ. Со времени же присоединенія Соснинскаго бассейна къ Московскому княжеству мы видимъ его находящимся въ епархіи Крутицкой; почему въ царствованіе Василія Шуйскаго и посланъ былъ сюда Крутицкій митрополитъ Пафнутій для увѣщанія жителей, передавшихся на сторону самозванца. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича былъ поднятъ вопросъ объ учрежденіи на Ливнахъ епископской каѳедры. Именно, на Московскомъ соборѣ 1667 года, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ святѣйшихъ патріарховъ: Александрійскаго Паисія, Антіохійскаго Макарія и Московскаго Іосафа II, царь Алексѣй Михайловичъ предлагалъ учредить въ городѣ Ливнахъ особую епископію, и соборъ тогда же постановилъ „открыть на Ливнахъ епископскую каѳедру, съ подчиненіемъ ея Крутицкой митрополіи, такъ чтобы Ливенскій епископъ, кромѣ священнослуженія и хиротонисанія, ничего не дѣлалъ безъ благословенія и повелѣнія Крутицкаго митрополита"**). Но постановленіе это, какъ и соборное опредѣленіе 1681 года объ учрежденіи такой же каѳедры въ гор. Болховѣ, не было приведено въ исполненіе, по недостатку на то матеріальныхъ средствъ. Оставшійся по прежнему въ непосредственномъ вѣдѣніи Крутицкихъ іерарховъ, Ливенскій уѣздъ испытывалъ немалыя затрудненія въ сношеніи съ епархіальною каѳедрою, которая отдѣлялась отъ него почти 500-верстнымъ разстояніемъ***). Вслѣдствіе этого многіе изъ церквей оставались „безъ пѣнія". Такъ, напримѣръ, въ 1678 году, изъ 25-ти селъ Ливенскаго уѣзда въ 6-ти не было ни поповъ, ни дьячковъ, именно: въ селахъ Пятницкомъ (Парахинѣ) и Успенскомъ Краснаго стана, Спасскомъ (Островѣ) и Архангельскомъ Серболовaго стана, въ Богоявленскомъ и Покровскомъ Затруцкаго стана; дьячковъ же не было въ 13-ти селахъ: Нижнемъ-Куначѣ (Козмодамьянскомъ), Спасскомъ, Егорьевскомъ, Пречистенскомъ, Никольскомъ—Плосковѣ тожъ, Никольскомъ, что подъ Долгимъ лѣсомъ (Серболова стана), Савинѣ (при часовнѣ Арх. Михаила), Рождественскомъ, Никольскомъ, Ивани, Архангельскомъ, Ниж-

*) См. «Орлов. Губерн. Вѣдом.» 1860 г. № 26.
**) См. Истор. Россійской Іерархіи, 1827 г., т. I, стр. 32.
***) Крутицкіе іерархи имѣли свое мѣстопребываніе въ Москвѣ—«на Крутицахъ».

немъ-Архангельскомъ и Ровнецѣ (Затруцкаго стана), и только въ 5 селахъ: Никольскомъ (на Лѣсной Ливнѣ), Егорьевскомъ Верхнемъ, Егорьевскомъ Нижнемъ (Краснаго стана), Богоявленскомъ (Серболова стана) и Дмитріевскомъ на Фошнѣ (Затруцкаго стана) были попы и дьячки: въ двухъ селахъ Успенскомъ (Краснаго стана) и Савинѣ (Затруцкаго стана) вмѣсто церквей находились часовни, а въ селѣ Архангельскомъ (Серболова стана) не было и часовни. При отсутствіи дьячковъ, обязанности ихъ, по всей вѣроятности, исполняли дѣти и внуки поповскіе—недоросли, которые впослѣдствіи становились настоящими дьячками. Такъ, въ селѣ Никольскомъ (на Лѣсной Ливнѣ) дьячками были внуки попа Андрея—„Сенька да Федька Тимофеевы дѣти Андреева“; въ селѣ Богоявленскомъ (Серболова стана) должность дьячка проходилъ сынъ попа Григорья „Стенька Григорьевъ“; при церкви села Дмитріевскаго на Фошнѣ (Затруцкаго стана) дьячкомъ состоялъ сынъ попа Клемеда „Михайло Клеменовъ“. Въ занятіи поповскихъ мѣстъ видна также наслѣдственность. Иногда же попы перемѣщались на другой приходъ, чтобы еще при жизни своей доставить сыну поповское мѣсто. Извѣстно, напримѣръ, что Пречистенскій попъ Осдоръ (Серболова стана) перешелъ „въ Чернавскій городъ“, а послѣ него священствовалъ въ селѣ Пречистенскомъ сынъ его Романъ, повидимому недовольный на отца за то, что тотъ, перемѣщаясь на новый приходъ, вывелъ съ собою съ Пречистенской церковной земли и два двора бобыльскихъ—„невѣдомо по какому указу“ *). Переписная 1678 года не упоминаетъ о нищихъ, жившихъ прежде при церквахъ Ливенскаго уѣзда: померли ли они, или „пойманы были Татарами“—неизвѣстно. За то она указываетъ на убыль крестьянъ и бобылей, жившихъ на церковныхъ земляхъ и частію умершихъ, частію уведенныхъ Татарами въ плѣнъ; это въ селахъ: Пятницкомъ, Парахинѣ тожъ (2 двора бобыльскихъ), Спасскомъ—Островѣ (3 двора бобыльскихъ), Егорьевскомъ (2 двора бобыльскихъ), Никольскомъ (крестьяне) и Нижнемъ Куначѣ (4 двора бобыльскихъ). Изъ 25 уѣздныхъ Ливенскихъ церквей только 2 имѣли на своей землѣ крестьянъ и бобылей, именно: за церковью села Никольскаго на Лѣсной Ливнѣ былъ крестьянскій дворъ (въ числѣ 6 человѣкъ) и за Козмодаміанскою церковью уцѣлѣлъ одинъ бобыльскій дворъ (въ числѣ 3 чел. м. п.).

Русскій православный народъ искони выражалъ свое благочестіе въ преданности къ храмамъ Божіимъ. Эту черту обнаруживаютъ и обитатели Ливенскаго уѣзда въ 17-мъ вѣкѣ. Изъ переписныхъ книгъ этого времени видно, что гдѣ скоплялось нѣсколько десятковъ жилыхъ дворовъ, тамъ появлялся у..е и погостъ съ церковью или, по крайней мѣрѣ, часовнею. Какъ незначительны были тогда приходы, можно судить изъ того, что въ Красномъ станѣ Ливен. уѣзда, въ 1684 году, при 557 дворахъ и при 1250 душахъ мужескаго пола, считалось 8 приходовъ, изъ которыхъ въ 4-хъ были церкви, а въ прочихъ вмѣсто церквей, частію подвергшихся разоренію при на-

*) См. Переписную Ливенскую книгу 1678 г. № 44.

шествіи Крымцевъ, а частію не освященныхъ по смутнымъ обстоятельствамъ тогдашняго времени.—часовни; значитъ, въ приходѣ, среднимъ числомъ, состояло около 70 дворовъ, съ населеніемъ въ полтораста душъ муж. пола. Понятно, отсюда, какъ, при бѣдности тогдашняго населенія, тревожимаго притомъ частыми нападеніями непріятелей, твудно было построить или возобновить разоренную церковь, съ необходимыми всякій разъ хлопотами предъ отдаленнымъ епархіальнымъ начальствомъ объ освященіи церкви и поставленіи къ ней причта. Въ виду такихъ обстоятельствъ, между прихожанами и попами установлялась крѣпкая связь и взаимная преданность. Если прихожане были не въ состояніи на свой счетъ построить церковь, къ нимъ приходилъ на помощь попъ и на свои собственныя средства созидалъ церковь, которую потомъ или выкупали у него прихожане, или обогащали внутреннее достояніе ея своими „прикладами“, состоявшими въ образахъ, ризахъ, книгахъ, колоколахъ и т. п.

Уѣздныя церкви были вообще весьма бѣдны. Построенныя *клѣтцки*, онѣ совнѣ отличались отъ обыкновеннаго жилаго дома только приподнятою кровлею (на подобіе клѣтки), а внутри имѣли видъ моленныхъ домовъ. Весь иконостасъ ихъ состоялъ иногда изъ двухъ иконъ, какъ напр. въ Пятницкой церкви села Парахина (впрочемъ не освященной „отъ разоренья Крымскаго хана“, но съ попомъ и тремя дьячками), и въ Никольской села Никельскаго, въ которой третьимъ образомъ была уже запрестольная икона Пречистыя Богородицы Одигитріи. Въ Георгіевской церкви съ вторымъ престоломъ Св. Никиты мученика было всего 5 иконъ съ запрестольными. Заслуживаетъ особеннаго вниманія села Новосильскаго церковь Св. великомученика Георгія: она строилась въ 1684 году уже не *клѣтцки*, но „съ круглымъ алтаремъ“; для ней тогда же приготовлено было 6 образовъ и полотняныя ризы. Въ часовняхъ стояло по 1 или по 2 образа, а въ часовнѣ сельца Покровскаго — 3. Но при всей бѣдности населенія, въ нѣкоторыхъ церквахъ имѣлись иконы въ серебряныхъ окладахъ. Таковы: въ церкви Никольской „образъ Пречистыя Богородицы запрестольныя Одигитріи, окладъ серебряный съ вѣнцемъ, вѣнецъ чеканной, окладъ басменной“; въ Пятницкой церкви—„образъ Св. мученицы Параскевы, окладъ серебряной золоченой басебной“ (тоже-что басменной); въ Георгіевской—„образъ Пречистыя Богородицы на престолѣ обложенъ, вѣнецъ и гривна (ожерелье или цѣпь на шеѣ) серебряная“. Въ Георгіевской часовнѣ, бывшей прежде церковью, имѣлся также напрестольный образъ Богородицы въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ. Вообще же въ церквахъ и часовняхъ Краснаго стана имѣлись только слѣдующіе образа: Спаса, Пр. Богородицы Одигитріи, Успенія, Казанскія и Владимірскія, Деисусы (въ одной Георгіевской), Св. Николая, Флора и Лавра, Параскевы, Георгія и Иліи. Напрестольные кресты были неокладные, слѣд. деревянные. Таковы же, вѣроятно, были и священные сосуды; о сосудахъ же Георгіевской церкви замѣчено, что они были оловянные. *Кандьи* или кадильницы упоминаются мѣдныя. Священническія ризы были вездѣ полотняныя (т. е.

собственно: риза, стихарь, поручи и епитрахиль) и по одной парѣ: только въ Никольской церкви было двое ризъ, изъ которыхъ одне были собственностью попа, а другія составляли „прикладъ“ приходскихъ людей *). О колокольняхъ не встрѣчается упоминанія: о числѣ-же колоколовъ извѣстно, что ихъ было: при Никольской 2, Пятницкой 4, Георгіевской 3. При новостроившейся церкви села Новосильскаго колоколовъ еще не было. Изъ часовень только одна Георгіевская имѣла 2 колокола, которые, очевидно, были спасены при разореніи находившейся здѣсь церкви въ приходъ Крымскаго хана.

Въ нѣкоторыхъ церквахъ имѣлись еще письменныя напрестольныя евангелія „безъ евангелистовъ“ (въ Георгіевской); въ Пятницкой церкви было евангеліе, котораго „половина обгорѣла кругомъ“; въ Никольской церкви имѣлись два евангелія: одно напрестольное поповское, другое „толковое Польской печати“ — прикладъ приходскихъ людей. Изъ прочихъ церковныхъ книгъ упоминаются: Апостолъ, Часословъ, Псалтирь слѣдованная и учебная, Требники — большой и меньшій, Канунникъ, Тріодь цвѣтная, Минея общая съ праздниками, Октой, Шестодневъ, Прологъ марта мѣсяца, Николино житіе и ермолой письменной. При часовнѣ сельца Пречистенскаго находился только Служебникъ „старый“; при Покровской часовнѣ — Апостолъ и Требникъ; при Архангельской — Минея общая, Псалтирь и Часословъ малый „Кіевской печати“.

Появленіе въ Ливенскомъ уѣздѣ богослужебныхъ книгъ Польской или Кіевской печати объясняется съ одной стороны переселеніемъ въ 17-мъ вѣкѣ на Ливны малороссійскихъ казаковъ, изъ которыхъ нѣкоторые могли приносить съ собою священныя книги и жертвовать ихъ въ ту или другую церковь, а съ другой — частыми походами Ливенскихъ служилыхъ людей (по случаю тогдашнихъ войнъ съ Поляками и Турками) въ Малороссію, гдѣ они могли такъ или иначе пріобрѣтать Евангелія, Часословы и прочія церковно-богослужебныя книги Виленскаго и Кіевскаго изданія, чтобы внести ихъ потомъ дорогимъ „прикладомъ“ въ приходскую церковь, въ благодарность Господу Богу за благополучное возвращеніе свое на родину.

Всѣ попы Краснаго стана: Никольскій - Егорій Емельяновъ, Покровскій — Мелентій, Пятницкій — Василій Ѳоминъ, Архангельскій — Романъ Филипповъ, Егорьевскій — Аѳанасій Дорофеевъ и села Новосильскаго попъ Савинъ прикладывали свои руки къ переписнымъ книгамъ 1684 г. за помѣщиковъ дѣтей боярскихъ, своихъ духовныхъ дѣтей, и почеркъ нѣкоторыхъ изъ нихъ (особенно Никольскаго Егорія Емельянова и Архангельскаго Романа Филиппова) отличается такою твердостью, что почти не уступаетъ опытнымъ въ этомъ дѣлѣ подьячимъ. Изъ всего стана мы не встрѣтили между рукоприкладствовавшими только одного попа сельца Пречистенскаго — Матвѣя Иванова, а восьмаго попа, вдовца Сидора, который жилъ и священствовалъ на разоренномъ, въ нашествіе хана, Георгіевскомъ погостѣ (въ часовнѣ), уже не было въ живыхъ, и

*) Въ двухъ часовняхъ сельцъ Пречистенскаго и Покровскаго имѣлись также полотняныя ризы.

дворъ его былъ „пустъ“. Въ числѣ подписей имѣются и три рукоприкладства дьячковъ: Пятницкаго — Дорошки Тарасова, Никольскаго — Ѳедьки Андреева и Георгіевскаго Новосильскаго — Ивана Иванова. Изъ наличныхъ дьячковъ не встрѣчается подписи только одного Георгіевскаго — Евдокимки Иванова. Кромѣ того, о значительной степени грамотности духовенства въ Красномъ станѣ свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ церквахъ употреблялись письменныя евангелія и ермолои. Гдѣ обучались грамотѣ Ливенскіе кандидаты на священство и дьячковство — неизвѣстно; но есть основаніе думать, что разсадникомъ духовнаго просвѣщенія для г. Ливенъ и его уѣзда уже тогда служилъ именно Сергіевскій монастырь. Изъ переписныхъ книгъ 17-го вѣка мы знаемъ, что нѣкоторые бобыли, жившіе на землѣ Сергіевскаго монастыря, умѣли читать и писать, почему иногда поступали подьячими въ Ливенскую *съѣзжую избу;* таковы, напримѣръ, были „Сенька и Кирюшка Григорьевы дѣти Горностаевы“. Вѣроятнѣе всего предполагать, что *Горностаевы* и другіе монастырскіе *дѣтеныши* своею грамотою, а чрезъ нее и карьерою, обязаны были какому-нибудь *черному старцу* Сергіевскаго монастыря, поставившему для себя подвигомъ обученіе дѣтей чтенію и письму, тѣмъ болѣе, что у монастыря была своя лавка въ городѣ, гдѣ, какъ нужно думать, можно было пріобрѣтать самыя грамотки, бумагу и чернила. По крайней мѣрѣ, на просвѣтительное значеніе Сергіевскаго монастыря для всего Ливенскаго уѣзда ясно указываетъ то, что въ первой половинѣ 18-го вѣка при Сергіевской обители существовала уже правильно организованная школа для дѣтей духовенства Ливенскаго уѣзда.

XI.

Статистическія свѣдѣнія о Красномъ станѣ Ливенскаго уѣзда въ правленіе царевны Софіи, по писцовой и межевой книгѣ 7193 (1684) года.

Вѣковая борьба за культуру на берегахъ Сосны. — Ливенскія писцовыя, межевыя и переписныя книги 17-го вѣка, какъ древнѣйшіе и важнѣйшіе памятники статистическихъ свѣдѣній о городѣ Ливнахъ и его уѣздѣ. — Подлинная писцовая и межевая книга помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ Красномъ станѣ, письма и межеванья стольника Ивана Васильевича Золотарева и подьячаго Александра Ершова. — Села, селища, деревни, починки, пустоши и населенныя дубравы на пространствѣ Краснаго стана. — Помѣстныя и вотчинныя земли съ прогорѣлыми полянками изъ Краснаго лѣса. — Межа Краснаго и Затруцкаго становъ. — Межа между Краснымъ и Серболовымъ станомъ. — Пограничная черта между Ливенскою градскою землею и Новосильскимъ уѣздомъ. — Поселенія, помѣщики и вотчинники Краснаго стана. — Церкви и часовни; святые образа, напрестоль-

ныя принадлежности, священническія облаченія и церковныя книги: священно-церковно-служители и ихъ земельные и сѣнокосные надѣлы.— Общее заключеніе о Красномъ станѣ.

Мы видѣли, какъ, подъ напоромъ враждебныхъ Московскому государству народовъ, городъ Ливны на—долго исчезъ было съ лица земли, а уѣздъ его обезлюдѣлъ и обратился въ дикое поле, перемежаемое остатками первобытныхъ лѣсовъ и дубравъ, въ которыхъ обитали охотники за дикими звѣрями да появлялись безстрашные станичники, долженствовавшіе извѣщать Московское правительство о движеніи непріятелей,—и какъ затѣмъ, по возстановленіи города Ливенъ, подъ надежною защитою его стѣнъ, Ливенскій уѣздъ снова началъ заселяться служилыми и всякими *жилецкими* людьми. Долго Крымскіе Татары оспаривали Присосенье, какъ обычное для себя перепутье въ Московское государство, и силились обратить его по прежнему въ пустошь; но бодрствовало съ своей стороны и Московское правительство по отношенію къ берегамъ Быстрой Сосны: независимо отъ высылки и поселенія на Ливнахъ разнаго служилаго—военнаго люда, оно отворило сюда свободныя ворота всѣмъ, кому не было счастья и удачи внутри государства, въ Малороссіи и на Дону, кого преслѣдовалъ на мѣстѣ судъ за разныя преступленія, кто желалъ избыть отъ крѣпостной зависимости, или въ комъ кипѣлъ бранный духъ, кого влекла на новое мѣсто безшабашная удаль, или кто надѣялся изъ бѣднаго захребетника и бездомнаго подсосѣдника попасть въ казаки, пробиться въ дѣти боярскіе, сдѣлаться помѣщикомъ и даже вотчинникомъ. За этимъ людомъ тогда же послѣдовали на берега Сосны готовые уже попы съ дьячками и попомарями; такъ какъ всѣмъ имъ правительство въ изобиліи предоставляло дикое поле на пашни, луга и логи на покосы, лѣса и дубровы „для въѣзда въ нихъ по селидебной и дровяной лѣсъ“. Попы строили или арендовали построенныя раньше церкви и часовни и снабжали ихъ „всякимъ церковнымъ строеньемъ“, т. е. святыми иконами, священными сосудами и облаченіями, богослужебными книгами, свѣчами и др. принадлежностями; во всемъ этомъ усердно помогали имъ своими „прикладами“ и приходскіе люди. Въ тѣхъ же поселкахъ, гдѣ не доставало готоваго попа, ставился въ попы какой-либо сынъ помѣщика, если онъ былъ сколько-нибудь обученъ грамотѣ. На церковныхъ погостахъ, какъ и на усадьбахъ помѣщичьихъ, не замедлили появиться бобыли и разные „нищіе“. Такимъ образомъ, гдѣ такъ недавно еще залегало дикое поле, тамъ въ короткое время возникали болѣе или менѣе людныя поселенія. Села, слободы и деревни, равно займища и починки, весьма часто обращались Крымцами въ пепелъ и развалины, а обитатели ихъ гибли отъ меча, таяли отъ плѣна, разбѣгались въ разныя стороны; но за временнымъ опустошеніемъ Присосенья слѣдовали новые приливы служилыхъ людей, съ новыми выходцами изъ крестьянъ, бобылей, разныхъ задворныхъ или дѣловыхъ людей,—и Ливенскій уѣздъ опять возставалъ изъ-подъ развалинъ, снова перелоги его становились

„доброю пашнею“, дикое поле постепенно суживалось, а села и деревни пополнялись новыми дворами. Упорная борьба благодѣтельной культуры съ всесокрушительнымъ варварствомъ длилась на берегахъ Быстрой Сосны въ теченіе цѣлаго вѣка; успѣхъ этой борьбы склонялся то на ту, то на другую сторону; среди бранной тревоги и господства меча угасали цѣлыя поколѣнія; у представителей культуры иногда отнимались, какъ говорится, руки для воздѣлыванія края, на который устремлялись всегубительныя стихіи несмолкавшей войны; по временамъ казалось, вотъ, вотъ перестанетъ уже биться жизненный пульсъ у береговъ Быстрой Сосны, и этотъ прекрасный уголокъ Московскаго государства обратится въ „дикое поле“, къ явному торжеству варварскаго Крыма. Но Москва была крѣпка духомъ и тогда, когда не имѣла еще достаточно силы защитить отъ Крымцевъ дорогаго своего Присосенья: „Сами вы знаете, что по ту и по другую сторону Сосны все наша земля“—напоминалось въ 1593 году изъ Москвы посламъ ея Хворостинину и Вѣльскому, когда они заключали на Ливнахъ мирный договоръ съ Крымскимъ посланцомъ Ахметъ—пашею, желавшимъ, чтобы переговоры о мирѣ происходили на правомъ берегу Сосны, который Татары считали своимъ.

Дорого стоило Москвѣ держаться на берегахъ Быстрой Сосны и культировать ихъ среди бранныхъ тревогъ: много людей полегло здѣсь своими головами и не больше ли еще уведено было ихъ въ плѣнъ Татарами,—первыхъ приходилось замѣщать новыми людьми для такихъ же жертвъ, а послѣднихъ—выкупать за золото, серебро и дорогіе мѣха, присовокупляя къ тому и дорогіе *поминки* ханамъ, калгамъ, царевичамъ, разнымъ мурзамъ и посламъ. А чего стоило содержаніе остроговъ, засѣкъ, станичниковъ, вожей, сторожей и даже цѣлыхъ корпусовъ войска на берегахъ Быстрой Сосны! Но разъ утвердившись на берегахъ Быстрой Сосны, Московское правительство считало этотъ край уже навсегда своимъ, внимательно относилось ко всѣмъ его невзгодамъ и весьма часто посылало сюда писцовъ, межевщиковъ и разныхъ дозорщиковъ, которые составляли списки наличныхъ здѣсь помѣщиковъ, освѣдомлялись, кого изъ нихъ и почему не стало,—кого убили или взяли въ плѣнъ Татары, кто перешелъ или сбѣжалъ отъ войны въ другой городъ, кто взялъ помѣстье и на немъ не селился, а кто бросилъ свое опустошенное помѣстье и „бродитъ межъ дворъ“; подробно „имяны“ перечисляли помѣщичьихъ крестьянъ, бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей, съ ихъ семействами; описывали самыя помѣстья и вотчины,—кто чѣмъ владѣетъ изъ пашни, перелоговъ, дикаго поля, сѣнныхъ покосовъ и куда въѣзжаетъ по „селидебной и дровяной лѣсъ“. Такимъ образомъ составились *писцовыя, межевыя* и *переписныя книги*, какъ драгоцѣннѣйшіе памятники колонизаціи Ливенскаго уѣзда. При помощи этихъ памятниковъ мы можемъ воспроизвести эпоху колонизаціи нашего края въ страдное для него время Крымскихъ погромовъ; можемъ указать на первоначальныя здѣсь поселенія и на постепенное возникновеніе разныхъ селъ, деревень, слободъ, починковъ и займищъ, съ церквами, часовнями и причтами при нихъ;

можемъ назвать по имени, отчеству и фамиліи самихъ колонизаторовъ нашего края, нерѣдко съ ихъ женами и недорослями, крестьянами, бобылями, дѣловыми и задворными людьми; знаемъ жертвы непріятельскаго меча, огня, плѣна и грабежа; имѣемъ возможность объяснить происхожденіе названій многихъ поселеній, а также показать, насколько въ тотъ или другой промежутокъ времени подвигалась впередъ самая обработка земли, какъ постепенно сокращалось пространство „дикаго поля“, уступая мѣсто „доброй пашнѣ“ и „расчищеннымъ землямъ“. Такихъ *книгъ*, обнимающихъ своимъ описаніемъ пространство Ливенскаго уѣзда, дошло до насъ 8, которыя хранятся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Изъ нихъ первыя три принадлежатъ времени Царя Михаила Ѳеодоровича, четвертая—Алексѣя Михайловича, пятая—Ѳеодора Алексѣевича, а остальныя—времени Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Въ частности, 1-я изъ нихъ отъ 1615—1616 г. представляетъ „списокъ съ писцовой и межевой книги города (Ливенъ), его острога, посада и слободъ, и помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ: Красномъ, Серболовѣ, Затруцкомъ и Мокрецкомъ“, къ сожалѣнію—безъ начальныхъ листовъ и безъ означенія писцовъ.—2-я относится къ 1620 году и озаглавлена такъ: „Подлинная платежная книга помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ: Красномъ, Серболовѣ, Затруцкомъ и Мокрецкомъ, письма и дозора Немира Ѳедоровича Кирѣевскаго и подьячаго Василія Ключарева“.—3-я относится къ 1627—1628 г. подъ заглавіемъ:„ Подлинная писцовая и межевая книга помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ: Красномъ, Серболовѣ, Затруцкомъ и Мокрецкомъ, письма и мѣры писцовъ Ивана Ивановича Малечкина и подьячаго Тимофея Семенова“.—4-я отъ 1646 года съ заглавіемъ: „Подлинная переписная книга посадскихъ дворовъ и людей въ городѣ и помѣстныхъ и вотчинныхъ въ станахъ: Красномъ, Серболовѣ, Мокрецкомъ и Затруцкомъ, переписи князя Ѳедора Петровича Борятинскаго и подьячаго Дмитрія Болотова“.—5-я отъ 1678 года: „Подлинная переписная книга посадскихъ дворовъ и людей въ городѣ и помѣстныхъ въ станахъ: Красномъ, Серболовѣ и Затруцкомъ, переписи Григорія Ильича Шишкина и подьячаго Ивана Ральина“.—6-я отъ 1686 года: „Подлинная писцовая и межевая книга помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ: Красномъ и Серболовѣ, письма и межеванья стольника Ивана Васильевича Золотарева и подьячаго Александра Ершова“.—7-я отъ 1690 года: „Подлинная писцовая и межевая книга помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ: Мокрецкомъ, Серболовѣ и Затруцкомъ, письма и межеванья стольника Акима Кузмича Паршина и подьячаго Афанасья Губанова“.—Наконецъ, 8-я отъ 1691 года: „Подлинная писцовая и межевая книга помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ станахъ: Затруцкомъ и Серболовѣ, письма и межеванья стольника и воеводы Павла Ѳедоровича Загряжскаго и подьячаго Афанасья Губанова.“—Кромѣ того, сохранилась еще одна „Подлинная писцовая и межевая книга помѣстныхъ земель въ Затруцкомъ станѣ, письма и межеванья стольника и воеводы Василья Са-

вича Жемайлова и подъячаго Селиверста Булгакова", относящаяся къ 1692 году, и 5 подлинныхъ *межевыхъ книгъ* на помѣстныя земли (между 1692 и 1699 годами): Сидора и Филимона Зубцовыхъ, Кириллы Сапрыкина Зенова, Іуды Кожухова, Ивана и Ѳедора Ереминыхъ и Егупа Горностаева въ пустоши, что былъ починокъ *Поршинъ* Затруцкаго стана; б) разныхъ владѣльцевъ въ деревнѣ Губкиной Затруцкаго стана; в) въ *деревнѣ Дубовинѣ* Затруцкаго стана; г) въ *деревнѣ Теплыхъ Плотахъ, Муравлева тожъ,* Мокрецкаго стана, и д) помѣстной земли Самойлы Кононова и Ивана Самойлова Хитровыхъ въ *деревнѣ Верхососеньѣ,* на Хмѣлевомъ Колодезѣ (отъ 11 ноября 7208 г.). Изъ этихъ послѣднихъ книгъ—1-я межеванья стольника и воеводы Павла Ѳедоровича Гагряжскаго; 2-я, 3-я и 4-я письма и межеванья стольника и воеводы Василья Савича Жемайлова и подьячаго Селиверста Булгакова, а 5-я межеванья Сидора Аѳанасьевича Гринева *). Изъ перечисленныхъ Ливенскихъ писцовыхъ, межевыхъ и переписныхъ книгъ мы по преимуществу пользовались тремя—отъ 1615-го, 1646 и 1678 годовъ, описывающими городъ Ливны и его уѣздъ въ началѣ каждаго изъ царствованій—Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича, такъ какъ и эти книги въ достаточной мѣрѣ проливаютъ свѣтъ на колонизацію Ливенскаго уѣзда въ 17-мъ вѣкѣ **). Любознательные жители современныхъ селъ и деревень Ливенскаго уѣзда въ представленныхъ нами выдержкахъ изъ *переписныхъ книгъ* найдутъ первыя историческія указанія на ихъ родныя поселенія, съ первоначальными обитателями, на завѣтныя пашни, питавшія ихъ предковъ, на рѣки, рѣчки, колодези, ржавцы и болота, подлѣ которыхъ ихъ прадѣды имѣли свои покосы, на разныя урочища, вершки, отвершки и *вертепины,* которыми владѣютъ они сами, на залегавшія здѣсь нѣкогда лѣса и уже исчезнувшіе безслѣдно и т. п. Словомъ, предъ ними, въ краткомъ очеркѣ, привстаетъ неизслѣдованная еще никѣмъ исторія ихъ мѣста жительства съ бѣдствіями Татарскихъ погромовъ. Особенно драгоцѣнны въ статистическомъ отношеніи *приправочная* 1615 года и *переписныя книги* временъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей: первая описываетъ Ливенскій уѣздъ въ началѣ борьбы съ Крымскими Татарами, а послѣднія изображаютъ его уже по выходѣ изъ этой борьбы, на канунѣ Крымскихъ походовъ князя В. В. Голицына, потрясшихъ гнѣздо Крымскихъ разбойниковъ, и въ виду новаго—Петровскаго времени, предъ благословеннымъ разцвѣтомъ земледѣлія, торговли и промышленности на берегахъ Быстрой Сосны, а потому заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны того, кто интересуется своею родиною не только въ ея настоящемъ, но и давно прошедшемъ.

*) «Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи», кн. 1, С. П. Б. 1869 г., стр. 115—116, №№ 1180—1193.

**) Что-же касается до платежной 1620 года и переписныхъ книгъ 1626—1629 годовъ, то мы воспользовались изъ нихъ въ своихъ очеркахъ только тѣмъ, что нашли въ нихъ наиболѣе характернаго. Выдержки изъ этихъ книгъ были уже помѣщены нами въ «Трудахъ Орловской Ученой Архивной Коммиссіи» за 1892 г.во 2-мъ вып.

Подлинная писцовая и межевая книга 1693-го года характеризуетъ свое значеніе въ отношеніи статистики Ливенскаго уѣзда слѣдующимъ предисловіемъ:

„7193 (1684) года Октября въ 11 день, по указу Великихъ Государей Царей и Великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, и по наказу изъ Помѣстнаго Приказа за приписью дьяка Аникиша Невѣжина, писцы—стольникъ Иванъ Васильевичъ Золотаревъ да подъячей Александръ Ершовъ писали и мѣрели и межевали въ Ливенскомъ уѣздѣ въ Красномъ и въ Серболовомъ, въ Затруцкомъ и въ Мокрецкомъ станѣхъ помѣстныя и вотчинныя монастырскія и церковныя и порожжія земли и дикія поля, села и деревни и починки и пустоши и селища и займища за Ливенцы за дѣтьми боярскими, за вдовами и за дѣвками и за недорослыми и за казаками, и у нихъ крестьянъ и бобылей и дѣловыхъ и задворныхъ людей въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ ихъ, и что за кѣмъ въ тѣхъ селехъ и въ деревняхъ и въ починкахъ и въ пустошахъ и на дикихъ поляхъ и на монастырскихъ и на погостахъ церквей и въ порожжихъ земляхъ и въ дикомъ полѣ черныя пашни и сѣна и лѣсу и всякихъ угодій, и за кѣмъ именемъ и по скольку черныя пашни въ дачахъ и всякаго угодья и крестьянъ и бобылей и задворныхъ и дѣловыхъ и кабальныхъ людей, и что сверхъ писцовыхъ книгъ письма и мѣры Ивана Малечкина да подъячаго Тимоѳея Семенова 137 (1629) году за кѣмъ прибыло помѣстныхъ и вотчинныхъ земель и дикихъ поль и монастырскихъ и церковныхъ земель и порожжихъ погостныхъ пустыхъ и на какихъ урочищахъ, и то писано въ сихъ писцовыхъ книгахъ ниже сего порознь по статьямъ“.

СТАНЪ КРАСНОЙ.

За помѣщики въ помѣстьяхъ: села, деревни, починки, пустоши, дубровы и займища.

Деревня Здоровецъ, верхъ колодезя Здоровца, на Липовомъ отвершку, подъ Краснымъ лѣсомъ, а той деревни помѣщики и вотчинники съ тѣхъ старыхъ усадьбъ сошли послѣ Ханскаго разоренья на новыя усадьбы, на новорасчисную землю Краснаго жъ лѣсу, къ рѣчкѣ къ Лѣсной Ливенкѣ; а въ той деревнѣ помѣщиковъ 25 чел., да недоросль 1 чел., 20 дворовъ помѣщиковыхъ, да 5 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ помѣщиковыхъ же, да дворъ задворнаго человѣка, а людей въ немъ 7 человѣкъ, да мѣсто дворовое бобыльское пусто; пашни паханыя добрыя земли 236 чети съ осминою, да перелогу 57 чети съ осминою, да дикаго поля 301 четь, да примѣрныя земли, что примѣрено въ той же ихъ межѣ сверхъ старыхъ ихъ дачъ лишнія земли дикаго жъ поля 192 чети, обоего... 786 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна межъ полъ, поль, по лугомъ и по верхомъ и по дикому полю и по Здоровцу и вверхъ по **Трудамъ 1093 копны.**

Починокъ Головинъ на Здоровецкомъ отвершку у Краснаго лѣсу; всего въ починкѣ Головинѣ съ прогорѣлыми полянки 4 человѣка помѣщиковъ, а за ними 5 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, пашни паханыя добрыя земли 4 чети, да перелогу 3 чети съ осминою, да дикаго поля 79 чети съ осминою, обоего... 87 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 103 копны.

Пустошь—что было займище—*Григорова полянка*, подъ Краснымъ лѣсомъ.

Деревня усть Никольскаго верха на рѣчкѣ на Лѣсной Ливенкѣ противъ *стрѣлицы* въ Красномъ лѣсу, а той деревни помѣщики съ тѣхъ старыхъ усадьбъ сошли послѣ Ханскаго разоренья на новыя усадьбы, на новорочисную землю Краснаго жъ лѣсу, на рѣчкѣ на Лѣсной Ливенкѣ противъ устья Бѣлаго колодезя внизъ по правую сторону, что смежно съ деревнею Здоровцемъ; а въ ней помѣщиковъ 20 чел., недорослей 4 чел., 14 дворовъ помѣщиковыхъ, да дворъ задворнаго человѣка, людей въ немъ 4 чел.: пашни паханыя добрыя земли 167 чети, да перелогу 16 чети, да дикаго поля 141 четь безъ полуосмины, да примѣрныя земли, что примѣрено въ той же ихъ межѣ сверхъ старыхъ ихъ дачъ лишнія земли дикаго поля 58 чети, обоего... 382 чети безъ полуосмины въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна межъ поль, по лугомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ до рѣки Трудовъ 638 копенъ.

Деревня Зубцова, Красова тожъ, по правую сторону усть Никольскаго верха, на Лѣсной рѣчкѣ Ливенкѣ, противъ устья Бѣлова колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ; въ ней 14 чел. помѣщиковъ, 12 дворовъ помѣщиковыхъ, да мѣсто крестьянское пусто; пашни паханыя добрыя земли 124 чети съ осминою, да перелогу 12 чети съ осминою, да дикаго поля 185 чети, обоего... 322 чети, да примѣрныя земли дикаго поля 89 чети, обоего... 410 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣкѣ Трудамъ и по рѣчкѣ по Березовцу и межъ поль, по лугомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ 644 копны.

Деревня Зубцова въ Долгой полянѣ, что былъ починокъ Буняевской Мишустина, по одной сторонѣ рч. Лѣсной Ливенки отъ Краснаго лѣсу противъ Евланова колодезя; въ ней помѣщиковъ 22 чел., 15 дворовъ помѣщиковыхъ, а въ нихъ дѣловыхъ людей 7 чел.. да мѣсто дворовое помѣщиково пусто, да 2 мѣста дворовыхъ—крестьянское да бобыльское пусты; пашни паханыя добрыя земли 190 чети, да перелогу 18 чети, да дикаго поля 380 чети, обоего... 588 чети, да примѣрныя земли дикаго поля 324 чети, и обоего... 912 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рч. по Трудамъ и по рч. по Березовцу и межъ поль, по логомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ 1004 копны.

Пустошь, что была деревня *Евланова* подъ Краснымъ лѣсомъ, на Евлановѣ колодезѣ, по правую сторону Евланова колодезя, по обѣ стороны рч. Лѣсной Ливенки; помѣщиковъ дѣтей боярскихъ 13 чел., да 7 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ,

да 5 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ; пашни паханыя добрыя земли 45 чети, да перелогу 10 чети, да дикаго поля 54 чети съ осминою, всего 110 чети, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 77 чети, обоево... 187 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣнныхъ покосовъ 220 копенъ.

Деревня Костомарова, что было займище *Присада*, подъ Краснымъ лѣсомъ, подъ Евлановымъ рогомъ, на рѣчкѣ на Лѣсной Ливенкѣ, по обѣ стороны; въ ней дѣтей боярскихъ 28 чел,. да недорослей 3 чел,, 15 дворовъ, да 6 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ помѣщиковыхъ, 2 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ, 2 мѣста пустыхъ бобыльскихъ; пашни паханыя добрыя земли 230 чети, да перелогу 33 чети, да дикаго поля 515 чети съ осминою, обоего 778 чети, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 226 чети съ осминою, всего . . . 1003 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1601 копна.

Пустошь, что была деревня *Присынокъ* подъ лѣсомъ подъ Присынкомъ, на колодезѣ на Присынку; въ ней 26 чел. помѣщиковъ, да недорослей 3 чел.. 16 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ, 3 мѣста крестьянскихъ пустыхъ, да мѣсто бобыльское пусто-жъ; пашни перелогомъ добрыя земли 42 чети съ полутретникомъ, да дикаго поля 784 чети безъ полутретника, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 1020 чети съ полутретникомъ, обоего . . . 1846 чети съ полутретникомъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Березовцу и межъ поль, по логомъ и по дубровамъ 1652 копны.

Пустошь, что былъ починокъ *Присынокъ*, а по новому прозванію *Могилы тожъ*, подъ Краснымъ лѣсомъ на большой Новосильской дорогѣ; помѣщиковъ 27 чел., 15 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ; пашни перелогомъ добрыя земли 57 чети съ осминою, да дикаго поля 417 чети съ осминою, обоего... 475 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по лугамъ и по верхамъ и по дикому полю 950 копенъ.

Деревня Семенихина подъ Краснымъ лѣсомъ, подъ Евлановымъ рогомъ, межъ изроговъ, на рѣч. на Лѣсной Ливенкѣ (усадьбы подъ Краснымъ лѣсомъ, а пашня по обѣ стороны рч. Лѣсной Ливенки): помѣщиковъ 31 чел., да недорослей 3 чел., дворовъ помѣщиковыхъ 21. людей въ нихъ дѣловыхъ 3 чел., 7 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ, 8 мѣстъ крестьянскихъ пустыхъ, 2 мѣста бобыльскихъ пустыхъ же: пашни паханыя добрыя земли 274 чети безъ третника, да перелогу 121 чети безъ полутретника, да дикаго поля 635 чети съ осминою, обоего... 1030 чети. да примѣрено лишнія земли дикаго поля 170 чети, всего 1200 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ, сѣна по рч. по Лѣсной Ливенкѣ и по Ключевому колодезю и межъ поль, по лугамъ и по дикому полю 2074 копны.

Деревня Роговая подъ Краснымъ лѣсомъ, подъ Евлановымъ рогомъ, на Гниловодѣ; помѣщиковъ 23 чел., да недорослей 5 чел., 13 дворовъ помѣщиковыхъ, 1 мѣсто дворовое помѣщиково пусто, да 3 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ; пашни па-

шни паханыя добрыя земли 116 чети, да перелогу 38 чети, да дикаго поля 476 чети, обоего... 630 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рѣчкѣ по Лѣсной Ливенкѣ и межъ поль, по логамъ и по верхамъ и по дикому полю черезъ Моховой верхъ и по Моховому верху 1260 копенъ.

Деревня Лопашино безъ жеребья подъ Краснымъ лѣсомъ, подъ Евлановымъ рогомъ, на Гниловодѣ, сверхъ Евланова колодезя, а жеребей той деревни писанъ въ порожжихъ земляхъ, а въ ней опричь того жеребья, что писанъ въ порожжихъ земляхъ, помѣщиковъ 8 чел., 6 дворовъ помѣщиковыхъ, 1 мѣсто дворовое помѣщиково; пашни паханыя добрыя земли 61 четь, да перелогу 13 чети, да дикаго поля 156 чети, обоево... 230 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна межъ поль, по лугомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ и по обѣ стороны Моховаго верха 460 копенъ, да примѣрныя земли дикаго поля 108 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

Деревня, что было займище Алексѣя *Зайцева*, *Дутое тожъ*, сверхъ Евланова колодезя на Гниловодѣ, подъ Краснымъ лѣсомъ; помѣщиковъ 22 чел., да недорослей 4 чел., помѣщиковыхъ дворовъ 21, мѣстъ дворовыхъ пустыхъ помѣщиковыхъ 6, мѣстъ пустыхъ крестьянскихъ 9; пашни паханыя добрыя земли 172 чети съ осминою, да перелогу 37 чети безъ полтретника, да дикаго поля 436 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли линнія дикаго поля 219 чети безъ третника, всего 855 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1280 копенъ.

СЕЛО ПАРАХИНО, ОВСЯННИКОВО ТОЖЪ.

Село (что была деревня) *Парахино* подлѣ верховья Бѣлаго колодезя, на Гниловодѣ (усадьбы подъ Краснымъ лѣсомъ); въ немъ помѣщиковъ 29 чел., недорослей 8 чел., 17 дворовъ помѣщиковыхъ, людей у нихъ дѣловыхъ 4 чел., 2 мѣста дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, 4 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 20 чел., 17 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханыя добрыя земли 235 чети, да перелогу 37 чети, да дикаго поля 422 чети безъ третника, обоего 694 чети безъ третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна межъ поль, по логомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ сверхъ отвершковъ рч. Полевой Ливенки по обѣ стороны Корытной дороги 1369 копенъ.

Того—жъ села *Парахина*, а по новому прозванію *деревня Овсянникова*, подъ Краснымъ лѣсомъ, подлѣ верховья Бѣлаго колодезя, на Гниловодѣ; въ ней помѣщиковъ 18 чел., недорослей 2 чел., 10 дворовъ помѣщиковыхъ, людей въ нихъ дѣловыхъ 1 чел., 5 мѣстъ помѣщиковыхъ дворовыхъ пустыхъ, 12 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 3 мѣста дворовыя бобыльскія пусты; пашни паханыя добрыя земли 49 чети, да перелогу 31 четь, да дикаго поля 240 чети, обоево... 420 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя линнія земли дикаго поля 80 чети

безъ полуосмины въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна межъ поль, по логомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубровамъ сверхъ отвершковъ рч. Полевой Ливенки по обѣ стороны Корытной дороги 840 копенъ.

Деревня Орлова сверхъ Хвощеватаго и Хрущеватаго колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ, по одну сторону рч. Полевой Ливенки въ верховьяхъ усадьбы, а по другую сторону той же рѣчки поля; помѣщиковъ 7 чел., да 5 дворовъ помѣщиковыхъ, да 2 мѣста дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, да мѣсто крестьянское пустое, да 2 мѣста бобыльскихъ пустыхъ, пашни паханыя добрыя земли 70 чети, да перелогу 15 чети, да дикаго поля 56 чети, обоего... 141 четь въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 282 копны, да примѣрныя земли дикаго поля 72 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

Деревня Орлова-жъ верхъ Хвощеватаго и Хрущеватаго колодезя, подъ Краснымъ лѣсомъ, по одну сторону усадьбы на рч. Полевой Ливнѣ, а по другую сторону той же рч. Полевой Ливны пашня; помѣщиковъ 20 чел., недорослей 10 чел., 17 дворовъ помѣщиковыхъ, 6 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ, 6 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 4 мѣста дворовыхъ бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханыя добрыя земли 185 чети, да перелогу 104 чети, да дикаго поля 570 чети, обоево... 859 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1568 копенъ.

Деревня Косьянова на отвершку Краснаго лѣсу, на Рогу внизъ по правую сторону рч. Полевой Ливенки, а по другую сторону той же рч. Полевой Ливенки пашня; помѣщиковъ 23 чел., недорослей 2 чел., 14 дворовъ помѣщиковыхъ, 3 мѣста дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, да дворъ крестьянской, людей въ немъ 2 чел., 5 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ; пашни паханыя добрыя земли 257 чети съ третникомъ, да перелогу 33 чети съ третникомъ, да дикаго поля 539 чети съ третникомъ, обоево... 830 чети, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 748 чети съ осминою, всего... 1578 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1660 копенъ.

Деревня Чюванкино и *Жоково тожъ*, на рч. на Полевой Ливнѣ по одну сторону Краснаго лѣсу, а по другую сторону той же рч. Полевой Ливенки; помѣщиковъ 24 чел., недорослей 12 чел., 17 дворовъ помѣщиковыхъ, 5 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ, 5 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 3 мѣста дворовыхъ бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханыя добрыя земли 204 чети съ осминою, да перелогу 25 чети съ полуосминою, да дикаго поля 610 чети съ полуосминою, обоего... 840 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1680 копенъ, и убыло изъ того помѣстья противъ старыхъ писцовыхъ книгъ въ той деревнѣ Чюванкинѣ пашни паханыя и перелогу и дикаго поля добрыя земли 210 чети, сѣна 420 копенъ.

Дубровы за Чернавскимъ колодеземъ: *Осиниовая, Отсночная*, дуброва *Зеленая*, дуброва прозвище *Медвѣжья*; въ нихъ помѣщиковъ 5 чел., а за ними въ по-

мѣстьяхъ дикаго поля и дубровы на пашню добрыя земли 30 чети, да примѣрено литней земли 66 чети, обоево... 96 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 60 копенъ.

Деревня Плотавая, Лютая тожъ, на рч. на Полевой Ливнѣ подъ Краснымъ лѣсомъ, по одну сторону усадьбы, а по другую сторону той же рч. Полевой Ливны поля; помѣщиковъ 25 чел., недорослей 4 чел., 15 дворовъ помѣщиковыхъ, дѣловыхъ людей въ одномъ дворѣ 2 чел., 8 мѣстъ помѣщиковыхъ пустыхъ, дворъ крестьянской, людей въ немъ 8 чел., 6 мѣстъ крестьянскихъ пустыхъ, 2 мѣста бобыльскія пустыя; пашни паханыя добрыя земли 185 чети, перелогу 64 чети съ осминою, да дикаго поля 450 чети съ осминою, обоево... 700 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1400 копенъ, да примѣрныя земли 95 чети.

Деревня Пишково подъ Краснымъ лѣсомъ, на рч. на Полевой Ливенкѣ, на колодезѣ на Ребинкѣ, по одну сторону рч. Полевой Ливенки подлѣ Краснаго лѣсу усадьбы, а по другую сторону той же рѣчки поля; помѣщиковъ 22 чел., недорослей 3 чел., 28 дворовъ помѣщиковыхъ, дѣловыхъ людей въ одномъ дворѣ 4 чел., 23 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 2 мѣста бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханыя добрыя земли 221 четь съ осминою, да перелогу 32 чети безъ полуосмины, да дикаго поля 495 чети съ полуосминою, обоего... 748 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1497 копенъ.

Пустошь дикое поле, что по конецъ полдеревни *Пишковой*, по одну сторону рѣки Чернавы; помѣщиковъ 9 челов., за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню старыя дачи 136 чети, да примѣрныя земли дикаго поля 120 чети съ осминою, обоево 256 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 272 копны, да той же пустоши дикаго поля 40 чети въ порожжихъ земляхъ.

Деревня Хвощеватая, Потапова тожъ, на рѣчкѣ на Полевой Ливнѣ, на усть по обѣ стороны Хвощеватова колодезя подъ Краснымъ лѣсомъ, по одну сторону рч. Полевой Ливенки усадьбы, а по другую сторону той же рч. поля; помѣщиковъ 13 чел., недорослей 4 чел., 15 дворовъ помѣщиковыхъ, одно мѣсто помѣщиково пусто, 6 мѣстъ дворовихъ крестьянскихъ пустыхъ, 1 мѣсто бобыльское пусто; пашни паханыя добрыя земли и съ отхожею землею 82 чети, да перелогу 27 чети, да дикаго поля 206 чети, обоего... 315 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 577 копенъ.

Тоя—жъ деревни Хвощеватой, Потапова тожъ, на рч. на Полевой Ливнѣ, на усть по обѣ стороны Хвощеватаго колодезя подъ Краснымъ лѣсомъ, по одну сторону рѣч. Полевой Ливенки усадьбы, а по другую сторону поля; помѣщ. 3 челов., недорослей 3 чел., 4 дв. помѣщиковыхъ, 4 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ; пашни паханыя добрыя земли 33 чети, да перелогу четь съ осминою, да дикаго поля и съ отхожею землю 79 чети съ осминою, обоего...114 чети, да примѣрено

лишнія земли дикаго поля 33 чети, всего...147 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ, сѣна 228 копенъ.

Деревня Здобная, что было займище *Присада,* подъ Краснымъ лѣсомъ, на рѣкѣ на Пол. Ливнѣ, усть Хвощеватаго колод.. а Песковатаго тожъ, по одну сторону рч. усадьбы, а по другую поля; 3 помѣщика, 3 двора помѣщиковыхъ, да 6 мѣстъ крестьянскихъ и бобыльскихъ Васьки Сергѣева, да Васьки Романова, Родки Захарова, да Дружинки Тихонова, Андрюшки Іевлева и Игнашки Ильина, а тѣ крестьяне и бобыли пропали безвѣстно; пашни паханыя добрыя земли 20 чети, перелогу 32 чети, обоего... 55 чети, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 6 чети, всего 61 четь въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рч. Полевой Ливнѣ и межъ поль, по логамъ и по верхамъ и по дикому полю и по дубровамъ подъ Жилевымъ лѣсомъ 110 копенъ, лѣсъ Красной съ помѣщики обще.

Деревня Здобная, что было займище *Присада,* подъ Краснымъ лѣсомъ, на рч. Полевой Ливнѣ, усть Хвощеватаго колодезя, Песковатой тожъ, по одну сторону рѣчки усадьбы, а по другую сторону поля: помѣщиковъ 6 чел., 2 двора помѣщиковыхъ, 3 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, да за 3 человѣки 2 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 5 челов., да дворъ задворнаго челов., людей въ немъ 3 челов.; пашни паханыя добрыя земли 16 чети, да перелогу четь, да дикаго поля 20 чети, обоего...37 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 13 чети, всего 50 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 74 копны.

Деревня Здобная — жъ, что было займище *Присада,* подъ Краснымъ лѣсомъ, на рч. Полевой Ливенкѣ, усть Хвощеватаго колодезя....

Деревня Жилева, подъ Жилевымъ лѣсомъ, на Жилевомъ колодезѣ; помѣщиковъ 3 чел., 1 дворъ помѣщиковъ, 6 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханыя добрыя земли 10 чети, да перелогу четь съ осминою, да дикаго поля 18 чети съ осминою, обоего...30 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 60 копенъ.

Въ той же *деревнѣ Жилевой* 2 помѣщика, мѣсто дворовое помѣщиково, да 3 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ, Ларки да Сеньки Есиповыхъ, да Еремки Климова, да Матюшки Григорьева, а тѣ крестьяне пропали безвѣстно; пашни паханыя добрыя земли 10 чети, да перелогу 1 четь съ осминою, да дикаго поля 18 чети съ осминою, обоево...30 чети, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 19 чети, всего...49 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по Жилеву колодезю по логамъ 60 копенъ.

Пустошь на дикомъ полѣ по конецъ казачьихъ посадскихъ поль, за Жилевымъ колодеземъ къ Шеталовскому полю, промежъ Жилеваго верха по Муравской дорогѣ, за двумя помѣщиками.

СЕЛЬЦО ПРЕЧИСТЕНСКОЕ.

Сельцо Пречистенское подъ Сторожевымъ лѣсомъ, по одну сторону рѣчки Чернавы, а усадьбы отъ рѣчки Чернавы въ 480 саженяхъ; помѣщиковъ 22 челов., 16 дворовъ помѣщиковыхъ, 3 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ; пашни паханыя добрыя земли 170 чети, да перелогу 27 чети безъ полуосмины, да дикаго поля 358 чети съ полуосминою, обоего...555 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли 1322 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1110 копенъ.

Деревня Чернянская, подъ Старожевымъ лѣсомъ, по одну сторону рѣки Чернавы; помѣщиковъ 23 челов., 9 дворовъ помѣщиковыхъ, 6 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ; пашни паханыя добрыя земли 125 чети, да перелогу 14 чети съ осминою, да дикаго поля 384 чети съ осминою, обоего...524 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 1659 чети съ полуосминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1050 копенъ, да тоя жъ деревни Чернянской по конецъ поль помѣщиковъ 5 человѣкъ, что дано имъ вновь изъ дикаго поля...на пашню 30 чети, да сверхъ тѣхъ ихъ дачъ примѣрено лишнія земли дикаго поля 105 чети, сѣна 60 копенъ.

Пустошь, что была деревня *Соловьева* подъ Сторожевымъ лѣсомъ; помѣщиковъ 38 челов., 11 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ; пашни перелогомъ добрыя земли 93 чети съ осминою, да дикаго поля 323 чети съ осминою, обоего...417 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 578 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 834 копны.

Пустошь, что была деревня *Золотухина* подъ Сторожевымъ лѣсомъ, по одну сторону рѣки Чернавы; помѣщиковъ 15 челов., 6 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ помѣщиковыхъ; пашни паханыя добрыя земли 53 чети, да перелогу 23 чети, да дикаго поля 193 чети, обоего...269 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено лишнія земли дикаго поля 269 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 538 копенъ.

СЕЛО НОВОСИЛЬСКОЕ.

Село Новосильское, что была пустошь дикое поле, усадьбы на дву Чернавскихъ отвершкахъ, на дву прудахъ, на Гниловодѣ, подъ Новосильскимъ лѣсомъ; помѣщиковъ 77 чел., недорослей 2 чел., 59 дворовъ помѣщиковыхъ, да 10 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, пашни паханыя добрыя земли 590 чети, да перелогу 43 чети, да дикаго поля 1572 чети, обоего...2205 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли дикаго поля 2205 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 10125 копенъ, да того жъ села Новосильскаго всѣмъ помѣщикамъ отмежевано въ тѣхъ урочищахъ на старыя ихъ дачи и на примѣрныя земли на усадьбы на 4450

чети 220 десятинъ съ полудесятиною, да на сѣнные покосы 1102 десятины съ полудесятиною, да на лѣсныя угодья 880 десятинъ, и всего на усадьбы и на сѣнные покосы и на лѣсныя угодья 2203 десятины, а того села всѣмъ помѣщикамъ пашнею и сѣнными покосы и всякими угодьи владѣть вопче противъ ихъ полюбовного заручного челобитья, а для воды проѣздъ того села Новосильскаго всѣмъ помѣщикамъ черезъ большую Московскую дорогу и черезъ помѣстную землю деревни Соловьевой Прохора Косьянова съ товарищи, что вышелъ колодезь изъ—подъ Середняго лѣсу: а межа того села Новосильскаго Матвѣеву помѣстью Сахарова съ товарищи учинена, починъ отъ ивы, что стоитъ въ большомъ Черниавскомъ отвершку на мысу, на взгорьѣ, на обчей Егорьевской межѣ того села Новосильскаго, на ней двѣ грани, подлѣ ея двѣ ямы, по—праву церковная Егорьевская земля села Новосильскаго, а по лѣву помѣстная земля того—жъ села Новосильскаго Матѳея Сахарова съ товарищи...

Пустошь дикое поле по лѣвую сторону отъ Новосильскаго лѣсу, отъ верховья рѣки Черниавы и съ Каменною дубровою и Въѣзжею съ урочищи: помѣщиковъ 14 чел., а за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню 135 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 405 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1350 копенъ, да въ тѣхъ же урочищахъ отмежевано имъ на усадьбы 67 десятинъ съ полудесятиною, да на лѣсныя угодья 270 десятинъ.

Пустошь дикое поле въ верховьѣ рѣки Черниавы по одну сторону *Въѣзжей* и въ *Косьяновой дубровѣ:* помѣщиковъ 16 чел., недорослей 1 чел., а за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню 220 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 295 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна на тѣ дачи 1200 копенъ, а десятинами имѣется 300 десятинъ, да отмежевано имъ на усадьбы 60 десятинъ, да на лѣсныя угодья 240 десятинъ.

Пустошь дикое поле по обѣ стороны рѣчки Большаго Кривца и по одну сторону къ рѣкѣ Любовшѣ отъ межи села Новосильскаго; помѣщиковъ 14 чел., а за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню 235 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 470 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна на тѣ ихъ дачи и на примѣрныя земли 1837 копенъ съ полукопною, а десятинами—184 десятины, да отмежевано имъ на усадьбы 35 десятинъ съ четью, да на сѣнныя угодья 141 десятина.

Пустошь дикое поле усть рч. Большаго Кривца по одну сторону р. Любовши...

Пустошь дикое поле по обѣ стороны рѣки Любовши съ урочищи и по одну сторону рч. Большаго Кривца къ межѣ села Новосильскаго; помѣщиковъ 15 чел., а за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню 315 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли дикаго поля 315 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна... 1975 копенъ, да отмежевано имъ на усадьбы 31 десятина съ полудесятиною, да на лѣсныя угодья 126 десятинъ.

СЕЛЬЦО ПОКРОВСКОЕ.

Сельцо Покровское, что была пустошь дикое поле, усадьбы по одну сторону рк. Любовши и по обѣ стороны рч. Корытенки, а пашни и покосы по обѣ стороны рк. Любовши и рч. Корытенки и рч. Малаго Кривца; помѣщиковъ 156 чел., 126 дворовъ помѣщиковыхъ. 23 мѣста дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, 2 двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 7 чел., дѣловыхъ людей 15 чел.; пашни паханыя добрыя земли 1455 чети, да дикаго поля 2543 чети, обоего... 4080 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 4080 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна на тѣ ихъ дачи и на примѣрныя земли 20,400 копенъ, да того жъ сельца Покровскаго всѣмъ помѣщикамъ отмежевано на усадьбы 408 десятинъ, да на сѣнные покосы 2040 десятинъ, да на лѣсныя угодья 1623 десятины, и всего на усадьбы на сѣнные покосы и на лѣсныя угодья 4131 десятина.

Пустошь дикое поле по обѣ стороны рк. Любовши и въ Жилевой дубровѣ отъ Становаго колодезя; помѣщиковъ 15 чел., за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню 299 чети, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 299 же чети, всего стараго помѣстья и съ примѣрною землею 599 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна... 1495 копенъ, да въ тѣхъ же урочищахъ отмежевано имъ на усадьбы 29 десятинъ, да на лѣсныя угодья 115 десятинъ.

Пустошь дикое поле по обѣ стороны рк. Любовши и въ верхъ по лѣвую сторону Становаго колодезя и въ Становой дубровѣ, помѣщиковъ 56 чел., за ними въ помѣстьяхъ дикаго поля на пашню 1177 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено сверхъ тѣхъ ихъ дачъ лишнія земли дикаго поля въ тѣхъ же урочищахъ 1177 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, обоего... 2355 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 5787 копенъ съ полу-конною, а десятинами имется 1449 десятинъ, да на лѣсныя угодья 471 десятина, да на усадьбы 118 десятинъ.

СЕЛЬЦО АРХАНГЕЛЬСКОЕ.

Сельцо Архангельское, что была пустошь дикое поле на колодезѣ на Теляжьѣ, подъ Ястребскими лѣсками, что было написано по старымъ книгамъ въ Затруцкомъ стану, и по нынѣшнему письму и по отводу старожильцевъ Становой межи то сельцо Архангельское отмежевано въ Красный станъ; помѣщиковъ 114 чел., недорослей 1 чел., 43 двора помѣщиковыхъ, въ одномъ дворѣ помѣщиковѣ крестьянскихъ дѣтей 2 чел., 55 мѣстъ дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, да дворъ крестьянской, въ немъ 3 чел.; пашни паханыя добрыя земли 789 чети, да перелогу 51 четь съ осминою, да дикаго поля 1417 чети съ осминою, обоего... 2258 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя лишнія земли дикаго поля 2258 чети въ полѣ, а

въ дву по тому жъ, сѣна 9198 копенъ съ полу-копною, да отмежевано имъ на усадьбы по обѣ стороны колодезя Теляжья 226 десятинъ, да на лѣсныя угодья 903 десятины, да на сѣнные покосы 1129 десятинъ.

Пустошь дикое поле по одну сторону рк. Трудовъ, отъ устья рк. Любовши, что били челомъ на сѣнные покосы Ливенцы Кириллъ Гавриловъ сынъ Сопрыкинъ, да Фролъ Никитинъ сынъ Анисимовъ, да Максимъ Ѳедоровъ Кабановъ.

Общее количество помѣщиковъ съ недорослями, крестьянъ, дѣловыхъ и задворныхъ людей, дворовъ жилыхъ и пустыхъ, пашни, перелогу, дикаго поля и примѣрной земли, сѣнныхъ покосовъ и лѣсовъ.

„Всего *въ Красномъ стану* за помѣщики за 1071 человѣки да за недорослями 76 чел. 543 двора помѣщиковыхъ, людей въ нихъ дѣловыхъ 36 чел., въ одномъ дворѣ помѣщиковѣ крестьянскихъ дѣтей 2 чел., 223 мѣста дворовыхъ помѣщиковыхъ пустыхъ, 11 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ 45 чел., 133 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ пустыхъ, 34 мѣста бобыльскихъ пустыхъ, 3 двора задворныхъ, людей въ нихъ 14 чел.; пашни паханыя добрыя земли 6604 чети съ осминою, да перелогу 1194 чети съ полутретникомъ, да дикого поля 17882 чети, обоего... 25681 четь безъ третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли, что примѣрено сверхъ старыхъ дачъ у всѣхъ помѣщиковъ 19,404 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ, и всего старого помѣстья и съ примѣрною землею 45085 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 82870 копенъ, да на сѣнные жъ покосы 2 десятины, да въ Красномъ же стану *Черныхъ* лѣсовъ: *Красного* лѣсу 8000 десятинъ, да *Жилева* лѣсу 600 десятинъ, всего 8600 десятинъ.

В О Т Ч И Н Ы.

Въ Красномъ стану за вотчинники въ вотчинахъ:

—За Ливенцемъ за *Константиномъ Ивановымъ* сыномъ *Голоцкимъ* вотчины блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича... по жалованной вотчинной грамотѣ за приписью дьяка Григорья Близнакова 189 (1681) году, что ему дано *за Литовскіе походы да за Конотопскую службу* изъ помѣстья ево въ вотчину въ дву третяхъ пустоши, что было *займище Григорова полянка* въ Красномъ лѣсу, по обѣ стороны рч. Лѣсной Ливенки, на гору по Грозному верху, а въ ней на ево жеребей дикого поля на пашню 10 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рк. по Лѣсной Ливенкѣ 20 копенъ, а для *хоромного* и *дровяного лѣсу* и по всякое угодье въѣзжать ему въ Красной лѣсъ по прежнему съ помѣщики вопче.

—За *Константиномъ* же *Голоцкимъ* вотчины по той же жалованной вотчинной грамотѣ... пустоши, что была *деревня Присынокъ* подъ лѣсомъ подъ Присынскомъ на колодезѣ на Присынку, а въ ней на ево жеребей мѣсто дворовое вотчинниково, пашни перелогомъ добрыя земли 3 чети, да дикаго поля 31 четь, обоево... 34 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна по рч. по Березовцу, по логомъ и по верхомъ и по дубравамъ 68 копенъ, *лѣсонъ Присынокъ* съ помѣщики и вотчинники вопче, да сверхъ той ево вотчинной дачи примѣрено лишнія земли дикого поля 37 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, а та ево Константинова вотчина Голоцкаго писана въ нынѣшнемъ 193 (1685) году октября въ 4 числѣ.

—За Ливенцы за *Аванасьемъ Ефимовымъ* сыномъ да за *Емельяномъ Михайловымъ* сыномъ *Кондоуровымъ*, что кромѣ сего было по писцовымъ книгамъ Ивана Малечкина 137 (1629) году въ вотчинѣ за Аванасьевымъ отцомъ, а за Емельяновымъ дѣдомъ роднымъ за Ефимомъ Кондоурова, а Михеевъ онъ же, *жеребей деревни Орловы* въ верхъ Хвощеватого и Хрущеватого колодезя подъ Краснымъ лѣсомъ, а въ ней на ихъ жеребей мѣсто дворовое вотчинниково, да мѣсто дворовое крестьянское Карпушки Иванова, да два мѣста бобыльскихъ Евстратки Константинова да Игнашки да Пашки Акуловыхъ, а тѣ крестьяне и бобыли, по сказкѣ старожильцовъ, въ приходъ Крымскаго хана пропали безвѣсно; пашни паханыя добрыя земли 10 чети, да перелогу 5 чети, да дикого поля 30 чети, обоево... 45 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, по 22 чети съ осминою за человѣкомъ; сѣна межъ поль, по логомъ и по верхомъ и по дикому полю и по дубравамъ и по обѣ стороны рч. Лѣсной Ливны въ верхъ къ дву дубкамъ и черезъ Корытную дорогу въ Каменную дубраву къ Чернавскому колодезю 9 копенъ, а въ лѣсъ Красной въѣзжать имъ по прежнему съ помѣщики вопче; писана за ними та вотчина... 192 (1684) году октября въ 12 день.

—За Ливницемъ за *Микитою Ивановымъ* сыномъ *Пантелѣевымъ*, что прежъ сего было по писцовымъ книгамъ Ивана Малечкина 137 (1629) году въ вотчинѣ за казачьимъ сыномъ за Ваською Бурковымъ, а во 160 (1652) году Васька Бурковъ ту свою вотчину заложилъ Петру Ершову, а во 189 (1681) году Петръ Ершовъ ту свою закладную вотчину заложилъ и просрочилъ Ливенцу Микитѣ Пантелѣеву, *жеребей деревни Здобной*, что было займище Присада подъ Краснымъ лѣсомъ, на рч. по Полевой Ливнѣ усть Хвощеватаго колодезя, а Песковатый тожъ, по одну сторону той рч. усадьбы, а по другую сторону поля; на ево жеребей дворъ вотчинниковъ, да крестьянскихъ дворовыхъ мѣстъ—Микифорки Іевлева, Ивашки Родіонова, Ивашки Мартынова, да бобыльскихъ дворовыхъ мѣстъ Ивашки Постухина, Малика Кузмина, Андронки Иванова, Микифорки Ѳедорова, а тѣ крестьяне и бобыли сошли безвѣсно; пашни паханыя добрыя земли 5 чети, да перелогу 1 четь, да дикого поля 12 чети, обоего... 18 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна по рч. Полевой Ливнѣ межъ поль, по логамъ и по дикому полю подъ Жилевымъ лѣсомъ 36 копенъ;

лѣсъ Красной по прежнему со всѣми помѣщики вопче; писана за нимъ та вотчина 189 (1681) году и по допросу Петра Ершова въ нынѣшнемъ 193 (1685) году Мая въ 17 день.

— За Ливенцемъ за *Константиномъ Ивановымъ* сыномъ *Голоцкимъ* въ вотчинѣ по Государевѣ жалованной вотчинной грамотѣ 189 (1681) году въ пустоши въ дикомъ полѣ за рк. за Любовшею отъ Орловской дороги къ рѣчкѣ къ Синковцу и въ низъ по рч. по Синковцу съ урочищи, а на ево жеребей дикого поля и дубравы на пашню 30 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено сверхъ той ево вотчинной дачи лишней земли дикого поля въ тѣхъ же урочищахъ 170 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, обоево за нимъ вотчины и съ примѣрною землею 200 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна на ту ево вотчинную дачу въ низъ по рч. по Синковцу и Орловской дорогѣ и по верхомъ и по дубровамъ къ межѣ сельца Архангельскаго 500 копенъ; писана за нимъ та вотчина по грамотѣ... 189 (1681) году Февраля въ 19 день и по ево сказкѣ за рукою Архангельскаго попа Романа 194 (1686) году Октября въ 6 день. — Да сверхъ той ево Константиновой вотчинной дачи въ тѣхъ же межахъ и граняхъ примѣрено лишней земли дикого поля по другую сторону Орловской дороги и въ низъ отъ Орловской дороги по рѣчкѣ по Синковцу до устья, что впала въ рѣку Труды, и въ низъ рѣкою Трудами до устья рѣчки Теляжского колодезя, что впала въ р. Труды, и отъ устья Теляжского колодезя въ верхъ по Теляжскому колодезю да Орловской же дорогѣ 1000 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; и та примѣрная земля, по ево Константинову заручному челобитью, отписана на Великихъ Государей въ помѣстье въ порожжія земли до помѣстныя отдачи.

И всего въ Красномъ стану за вотчинники за 4 человѣки: дворъ вотчинниковъ, да 2 мѣста дворовыхъ пустыхъ вотчинниковыхъ, 5 мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ, 6 мѣстъ дворовыхъ бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханыя добрыя земли 15 чети, да перелогу 9 чети, да дикого поля 113 чети, обоево... 137 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрено сверхъ тѣхъ вотчинниковыхъ дачъ за однимъ человѣкомъ лишнія земли дикого поля въ тѣхъ же урочищахъ 170 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна на тѣ ихъ дачи 786 копенъ".

Помѣстныя и вотчинныя порожжія земли, которыя были не въ раздачѣ, и Прогорѣлыя полянки изъ Краснаго лѣса.

„Прогорѣлая полянка порожжая земля подъ Краснымъ лѣсомъ подлѣ рч. Лѣсной Ливенки, подлѣ сѣнныхъ покосовъ *церкви Николая Чудотворца* попа Георгія..., а къ той Прогорѣлой полянкѣ дикого поля на пашню 12 чети въ полѣ, а въ дву

по тому жъ, сѣна подлѣ рѣчки Лѣсной Ливенки по лугомъ 2 десятины..., да противъ той Прогорѣлой поляпки на другой сторонѣ рѣчки Лѣсной Ливенки подъ Краснымъ лѣсомъ *двѣ прогари*, а въ нихъ 6 десятинъ, а четьми иметца 4 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ".

Прогорѣлая полянка, что въ Красномъ лѣсу подлѣ *Большого верха*, а въ ней дикого поля на пашню 6 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 20 копенъ.

Прогорѣлая полянка, что въ Красномъ лѣсу по обѣ стороны *Большого верха*, сверхъ отписныхъ сѣнныхъ покосовъ (22 десятины, 240 копенъ), а въ ней дикого поля на пашню 33 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 67 копенъ.

Прогорѣлая полянка, что въ Красномъ лѣсу на *Бѣломъ колодезѣ* и по обѣ стороны Бѣлова колодезя, а въ ней на пашню дикого поля 60 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 160 копенъ.

Всего въ Красномъ стану въ отписныхъ порожжихъ и примѣрныхъ земляхъ (села Парахина, селецъ Покровскаго и Архангельскаго, деревень: Присынка, а по новому прозванію Могилы тожъ. Зайцевой. Дутой тожъ, Плотавой, Лютой тожъ, Пишковой, Здобной, Золотухиной, Семенихиной, Роговой, Овсянниковой, Орловой, Косьяновой, Чернянской, Жилевой) 15 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ; пашни паханыя добрыя земли 23 чети, да перелогу 123 чети, да дикого поля 25052 чети съ осминою, обоево... 25198 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли, что примѣрено сверхъ старыхъ дачъ лишнія земли 419 чети съ третникомъ, и всего старого помѣстья и съ примѣрною землею 25,618 чети безъ полутретника въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 10,021 копна, да на усадьбы и на лѣсныя угодья и на сѣнные покосы написано въ порожжихъ земляхъ 1067 десятинъ.

И изъ тѣхъ отписныхъ порожжихъ земель по грамотамъ Великихъ Государей писано въ помѣстье за разными помѣщиками: пашни паханыя добрыя земли 14 чети, да перелогу 9 чети, да дикого поля 712 чети безъ третника, обоево... 735 чети безъ третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 1720 копенъ съ третью копною, да на сѣнные покосы 2 десятины.

А въ остаткѣ тѣхъ отписныхъ порожжихъ земель и съ примѣрною землею 24,873 чети съ полутретникомъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 9301 копна безъ трети копны, да на сѣнные покосы и на усадьбы и на лѣсныя угодья 1065 десятинъ.

Всего въ Красномъ стану за помѣщики и за вотчинники и за недоросльми и церковныхъ и отписныхъ порожжихъ и примѣрныхъ земель 70,648 чети безъ третника въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 93,309 копенъ, да на усадьбы и на лѣсныя угодья и на сѣнные покосы 1067 десятинъ, да черныхъ лѣсовъ 8600 десятинъ".

Межа между Краснымъ и Затруцкимъ станомъ.

„А межа учинена становая межъ *Краснаго* и *Затруцнаго становъ*: починъ отъ *нолодезя Здоровца* отъ Стрѣлецкія земли Ливенскихъ стрѣльцовъ Васьки Измалкова съ товарищи, отъ столба, что стоитъ на землѣ Юды Кожухова съ товарищи *деревни Здоровца* и въ верхъ тою *рѣною Трудами* по правую сторону становая межа Красного стану разныхъ селъ и деревень и помѣщиковъ и отъ помѣсныхъ земель, а по лѣвую сторону въ верхъ той *рѣки Трудовъ* становая межа Затруцкаго стану разныхъ селъ и деревень и помѣщиковъ *до устья рѣки Любовши*, что впала въ рѣку Труды съ правой стороны, а межъ того столба и до устья р. Любовши 5388 саженъ, а отъ устья р. Любовши въ верхъ по р. по Трудамъ до устья *Теляжья нолодезя*, что впалъ въ р. Труды, межъ ими 3680 саженъ, а отъ устья Теляжья колодезя въ верхъ по р. по Трудамъ до устья *Синковца*, что впала въ р. Труды, межъ ими 1617 саженъ, а отъ того Синковскаго устья и отъ р. Трудовъ поворотить на право круто въ верхъ по рч. по Синковцу и до *Скороденской дороги* и до двугранпаго столба и до дву ямъ и до бродка межъ ими 7236 саж., а отъ того столба и отъ ямъ и отъ *Скородинной дороги* и отъ *бродна* въ верхъ по рч. по *Синковцу* до трехгранного столба и до трехъ ямъ, что стоитъ на межѣ Ивана Мальцева съ Ѳедотомъ Алтуховнымъ, межъ ими 434 саж., на правѣ земля рч. Синковца Красного стану, а на лѣвѣ земли рч. Синковца Затруцкаго стану, а отъ того трегранпаго столба и отъ трехъ ямъ и отъ рч. Синковца поворотить на лѣво немного на мысъ, по становой межѣ межъ Затруцкого и Красного становъ на два столба и на двѣ ямы, межъ ими 30 саженъ, а столбы стоятъ и ямы выкопаны на лѣвой сторонѣ Затруцкого стану, а на правой сторонѣ Краснаго стану, а отъ тѣхъ дву столбовъ и отъ дву ямъ прямо до *гороцного вывершна* черезъ *большой Коротной вывершокъ*, что вышелъ изъ Синковца, а межъ ими 727 саженъ, на правѣ становая межа Красного стану, а на лѣвѣ Затруцкого стану, а отъ тѣхъ дву столбовъ и отъ дву ямъ до столба, что стоитъ на грацкой межѣ, въ *верховьи Трупкомъ на мысу*, межъ Ливенскаго и Новосильскаго уѣздовъ, подлѣ сво грацкая яма, межъ ими 20 саженъ, на правѣ земля Красного стану, а на лѣвѣ земля Затруцкого стану разныхъ селъ и деревень*). А на становой межѣ старожильцы и окольные люди были и межу отводили: Евтюей Муратовъ и Яковъ да Герасимъ да Дементей Черниковы, Сергѣй да Ѳедотъ Алехины, Иванъ да Ооопасей да Ларіонъ Внуковы, Григорій да Остаѳей Мальцовы, Лукьянъ Алехинъ, Иванъ Селезневъ, Константинъ Болоцкой, Иванъ Мальцевъ, Логинъ Ровенской, Свиридъ Ханинъ, Купай да Юда да Исай Кожуховы, Иванъ Костромитиновъ, Иванъ Болондинъ, Тимоѳей Сусловъ, Иванъ большой да Иванъ

*) Такимъ образомъ пограничная черта Краснаго и Затруцкаго стана заключала въ себѣ 19,102 сажени, или нашихъ 38 верстъ и 102 сажени.

меньшой Трубицыны. А положена становая межа межъ Краснаго и Затруцкаго стану по сказкѣ старожильцовъ и окольныхъ людей за руками іюня въ 14 день нынѣшнего 193 (1685) году (№ 528).

Межа между Краснымъ и Серболовымъ станомъ.

„Да межа жъ становой межи учинена межъ *Красного и Серболова становъ*: отъ козачьи земли Уварка Татаринкова съ товарищи починъ отъ столба, которой столбъ поставленъ у казачьи земли межъ Серболова и Красного стану, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, одна на сторонѣ Серболова стану, а другая на сторонѣ Красного стану, а отъ того столба и отъ ямъ межъ тѣхъ становъ Серболова и Красного по той-же становой межѣ и черезъ два *вывершка*, что вышли изъ *большого Комаревскаго верха* на старой грацкой дубъ, на немъ двѣ грани, подлѣ ево двѣ ямы, одна грань старая Ивана Малечкина 137 (1629) году, а другая насѣчена вновь, межъ ими 209 саженъ, а отъ того дуба и отъ ямъ черезъ *дорожку* на ильмъ, на немъ двѣ грани, одна старая, а другая насѣчена вновь, межъ ими 94 саж., на правѣ земля Серболова стану, а на лѣвѣ земля Красного стану, а отъ того ильма поворотить на право круто межъ тѣхъ становъ въ верхъ *вывершкомъ*, что вышелъ изъ подъ *Жилева лѣсу* до старого граннаго дуба, что стоялъ по *конецъ того отвершка*, и тотъ старый дубъ выгнилъ и подлѣ того дуба поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, одна Серболова стану, а другая Красного стану, межъ ими 160 саженъ, а отъ того столба и отъ ямъ прямо тою жъ становою межею до стараго до граннаго дуба, и тотъ старой дубъ свалился и подлѣ того мѣста поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 80 саж., а ямы выкопаны одна Серболова стану, а другая Красного стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо черезъ *большую Московскую дорогу* до старого до граннаго дуба, и тотъ дубъ свалился, и подлѣ того мѣста поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 229 саж., а ямы выкопаны одна Серболова стану, а другая Красного стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо по той-же становой межѣ сквозь *паросникъ къ Серболову верху*. а въ Серболовѣ верху поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ихъ 180 саж., а ямы выкопаны одна Серболова стану, а другая Красного стану, а отъ столба и отъ ямъ поворотить на лѣво круто въ верхъ по тому жъ Серболову верху и тѣмъ Серболовымъ верхомъ на лѣво *вывершка* до стараго до граннаго клену, а старой кленъ выгнилъ и подлѣ того мѣста поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 240 саж., одна Серболова стану, а другая Красного стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо тою жъ становою межею до стараго до граннаго столба, что стоялъ на становой межѣ межъ Красного и Серболова стану, и тотъ старой столбъ выгнилъ и подлѣ того столба поставленъ столбъ,

на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 120 саж., и отъ того столба и отъ ямъ прямо тою жъ становою межею до старого до граннаго столба, и тотъ старой столбъ выгнилъ и подлѣ того столба поставленъ вновь столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 277 саж., по правую сторону межа и яма выкопона Серболова стану, а по лѣвую сторону межа и яма выкопана Красного стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо тою жъ становою межею на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 236 саж., по праву земля Серболова стану, а по лѣву земля Красного стану, а отъ того столба и отъ ямъ *черезъ Жилевъ верхъ* и черезъ два *вывершна* на иву, на ней грань, подлѣ ея двѣ ямы, межъ ими 290 саж., по праву становая межа и яма выкопана Серболова стану, а по лѣву становая межа и яма выкопана Красного стану, а отъ той ивы и отъ ямъ прямо тою жъ становою межею на старой граннои столбъ, и тотъ столбъ выгнилъ, а подлѣ того столба поставленъ вновь столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 224 сажени, по праву становая межа и яма выкопана Серболова стану, а по лѣву... Красного стана, а отъ того столба и отъ ямъ прямо тою жъ становою межею на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 371 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Красного стану, а отъ того столба и ямъ поворотить на лѣво круто тою жъ становою межею на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 400 саж., по лѣву становая межа... Красного стану, а по праву... Серболова стану, и отъ того столба и отъ ямъ прямо тою жъ становою межею до старого до граннаго дуба, и тотъ дубъ свалился и подлѣ того мѣста поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 251 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Красного стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо... черезъ *ржавецъ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 160 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Красного стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо... до старого до граннаго дуба по правую сторону черезъ землю *деревни Соловьевой*, а по лѣвую сторону *деревни Пишновой*, и тотъ старый дубъ свалился, а подлѣ того дуба поставленъ столбъ вновь, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 140 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Красного стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо... до старого до граннаго дуба, на немъ насѣчена вновь грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 221 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Красного стану, а тотъ дубъ стоитъ отъ *ржавца на взгорнѣ* въ 20 саженяхъ, а отъ того дуба и отъ ямъ прямо... черезъ *верхъ* и *ржавецъ* къ *Московской дорогѣ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 262 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Красного стану, а отъ того столба и отъ ямъ прямо... до старого до писцоваго дуба, и тотъ старый дубъ свалился, подлѣ того дуба поставленъ столбъ вновь, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 320 саж., а отъ того столба и отъ ямъ прямо въ низъ *Корытнымъ верхомъ* къ другому *верху*, а у Корытнаго верха поставленъ столбъ

виновь, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы, межъ ими 836 саж., по праву... Серболова стану, а по лѣву... Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ поворотить на право круто на низъ *Долгимъ верхомъ* къ *Данилову колодезю*, межъ ими 560 саж., а отъ того Данилова колодезя прямо тѣмъ-же Долгимъ верхомъ и колодеземъ на низъ къ *рч. Чернавѣ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, на лѣвой сторонѣ Краснаго стану, а по др. сторону Данилова колодезя выкопана яма въ Серболовомъ стану, а отъ того столба и отъ ямы и отъ Данилова колодезя въ низъ рч. Чернавою по правую сторону Серболова стану, а по др. сторону рч. Чернавы Краснаго стану до устья *рч. Малой Чернавы*, что впала въ *рч. Чернаву*, и до *Муровскаго шляху*, а у р. Чернавы, подлѣ устья въ Серболовѣ стану поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 2580 саж., а по др. сторону рч. Чернавы по лѣвую сторону въ Красномъ стану противъ того жъ столба поставленъ столбъ на становой межѣ, на немъ грань, подлѣ ево яма, а межъ тѣхъ столбовъ и ямъ 22 саж., а отъ того столба и отъ ямы и отъ р. Чернавы поворотить на лѣво круто въ верхъ по рч. по Малой Чернавкѣ, что впала въ р. Чернаву, что течетъ въ Серболовъ станъ, тою жъ становою межею до устья *Пониковца колодезя*, межъ ими 3832 саж., по праву рч. Малой Чернавы становая межа Серболова стану, а по лѣву той-же рч. Чернавки становая межа Краснаго стану, а отъ того устья *Пониковскаго колодезя* верхъ тою-жъ рѣчкою Малою Чернавкою на столбъ, что стоитъ у рч. у Чернавки, на немъ грань, подлѣ ево двѣ выкопаны становыя ямы, межъ ими 2940 саж., одна яма Серболова стану, а друг. Краснаго стану, а отъ того столба и отъ ямъ и отъ рч. Чернавки прямо въ верхъ *большимъ Головищенскимъ верхомъ* тою-жъ становою межею на лѣво немного на стобъ, на немъ грань, подлѣ ево выкопаны двѣ становыя ямы, одна Серболова стану, а др. Краснаго стану, межъ ими 615 саж., а отъ того столба и отъ ямъ прямо... черезъ *вывершекъ*, что вышелъ отъ рч. отъ *Чернавы*, на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево выкопаны двѣ становыя ямы, одна Серболова стану, а др. Краснаго стану, а межъ ими 386 саж., а отъ того дуба и отъ ямъ прямо... на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево выкопаны двѣ становыя ямы, одна Серболова стану, а друг. Краснаго стану, а межъ ими 327 саж., а отъ того дуба съ гранью и отъ ямъ прямо... на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево—двѣ ямы становыя..., межъ ими 474 саж., а отъ того дуба и отъ ямъ черезъ *Ефремсную дорогу* на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ становыя ямы..., межъ ими 446 саженъ, а отъ того дуба и отъ ямъ прямо... черезъ *вывершекъ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево выкопаны двѣ становыя ямы..., межъ ими 263 саж., отъ того столба и отъ ямъ на лѣво немного тою-жъ становою межею по *Елецкой дорогѣ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево двѣ становыя ямы..., межъ ими 517 саж., а отъ того столба и отъ ямъ прямо... на дубъ безверховатъ съ отростки, на немъ грань, подлѣ ево двѣ ямы..., межъ ими 101 саж., а отъ того дуба

и отъ ямъ поворотить на право круто... на столбъ, на немъ грань, подлѣ сво двѣ становыя межи, межъ ими 400 саж., а отъ того столба и отъ ямъ прямо... на столбъ, на немъ грань, подлѣ сво двѣ становыя ямы, одна Серболова стану, а др. Краснаго стану, межъ ими 400 саж., а отъ того столба и отъ ямъ прямо... черезъ *Сменецкой верхъ* на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ сво двѣ становыя ямы..., межъ ими 400 саж., а отъ того дуба и отъ ямъ прямо... на дубъ краковистъ плотавъ, на немъ грань, подлѣ сво двѣ ямы..., межъ ими 406 саж., а отъ того дуба и отъ ямъ прямо... межъ Серболова и Краснаго стану на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ сво двѣ ямы..., межъ ими 420 саж., а отъ того дуба и отъ ямъ прямо... на дубъ плотавъ, на немъ грань, подлѣ сво двѣ становыя ямы..., межъ ими 526 саж., а отъ того дуба и отъ ямъ прямо вниз *Локотецкимъ вывершномъ* до *Большого Локотецкаго верха* и черезъ верхъ на гору на столбъ, на немъ грань, подлѣ сво двѣ ямы..., межъ ими 560 саж., а отъ того столба и отъ ямъ прямо.... къ *вывершку* Локотецкаго верха на березу, на ней грань, подлѣ ея двѣ становыя ямы.... межъ ими 530 саж., а отъ той березы и отъ ямъ... прямо въ верхъ Локотецкимъ верхомъ къ *большой Московской дорогѣ*, а у Московской дороги поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ сво двѣ ямы, межъ ими 893 саж., а ямы выкопаны одна на правой сторонѣ того *Локотецкаго вывершка* въ Серболовомъ стану, а другая на лѣвой сторонѣ того жъ Локотецкаго отвершка въ Красномъ стану *).—А на становой межѣ были старожилы и окольные люди и межу отводили: Степанъ Богриновцевъ, Осипъ Капыловъ, Дементій Подкользинъ, Устинъ Черной, Сидоръ Щиголевъ, Василій Богриновцевъ, Яковъ Сабаевъ, Фролъ Погоневъ, Иванъ большой Трубицынъ, Филиппъ Потаповъ, Яковъ Карповъ, Иванъ Александровъ, Ермолъ Алтунинъ, Лукьянъ Кривцовъ, Максимъ Клевцовъ, Василій Дремовъ, Устинъ Полунинъ, Харламъ Щиголевъ, Антипъ Потаповъ, Василій Ефановъ, Герасимъ Пашковъ, Тимоѳей Потаповъ, Евдокимъ Потаповъ, Григорій Богриновцевъ, Василій Паршинъ съ товарищи. А положена та становая межа межъ Краснаго и Серболова стану по сказкамъ старожильцовъ и окольныхъ людей въ нынѣшнемъ въ 193 (1685) году мая въ 11, да въ 25, да въ 26 дни".

Межа между градскою Ливенскою землею и Новосильскимъ уѣздомъ.

„Да межа *грацкой* межи межъ Ливенскаго и Новосильскаго уѣздовъ: починъ отъ *Московской дороги* и отъ *Муровскаго шляху*, подлѣ грацкой межи поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, а противъ того столба и ямы на грацкой межѣ стоитъ столбъ межевщика Ивана Игнатьева 182 (1674) году, на немъ грань,

*) Всего пространства межи Краснаго и Серболова стана 22,918 саж., или 45 верстъ и 418 саж.

подлѣ ево яма, а отъ тѣхъ столбовъ и отъ ямъ прямо по той же грацкой межѣ Ливенскаго и Новосильскаго уѣздовъ по лѣвую сторону на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево выкопана грацкая яма, межъ ими 260 саж., а столбъ стоитъ и яма выкопана противъ стараго столба и ямы межевщика Ивана Игнатьева.., а отъ того столба и отъ ямы прямо по той же грацкой межѣ Новосильскаго и Ливенскаго уѣздовъ до стараго до граннаго дуба межевщика И. Игнатьева, на немъ насѣчена другая грань вновь, подлѣ ево выкопана яма на лѣвой сторонѣ въ Красномъ стану, а межъ ими 301 саж., а отъ того дуба съ граньми и отъ ямы прямо по той же общей грацкой межѣ черезъ *Оревской вывершекъ* на дубъ краковистъ, на немъ старая грань межевщика И. Игнатьева, да вновь насѣчена другая грань, подлѣ ево выкопана яма на лѣвой сторонѣ въ Красномъ стану, а межъ ими 354 саж., по праву земля грацкой межи Новосильскаго уѣзду *села Судбищ* Фрола Рогачева съ товарищи, а по лѣву земля грацкой межи Ливенскаго уѣзду Краснаго стану *села Новосильскаго* Матвѣя Сахарова съ товарищи, а отъ того дуба и отъ ямы прямо тою-жъ грацкою межею черезъ *Оревскій вывершекъ* на дубъ краковистъ, на немъ старая грань межевщика И. Игнатьева, да вновь насѣчена другая грань, подлѣ ево выкопана яма, межъ ими 486 саж., а дубъ стоитъ *на мысу противъ Оревскаго вывершка и Плотаваго лѣсу*, а отъ того дуба и отъ ямы прямо по той же грацкой межѣ черезъ *Оревской отвершекъ* и черезъ *Судбицкую дорогу* на старой грацкой дубъ межевщика Ивана Игнатьева, и тотъ дубъ засохъ, а подлѣ того дуба поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 690 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо... сквозь *Высокую дубровку* на старой граннои дубъ межевщика И. Игнатьева, да вновь насѣчена грань, подлѣ ево яма, межъ ими 236 саж., а отъ того двуграннаго дуба и отъ ямы прямо внизъ *Оревскимъ вывершкомъ*, а отъ того вывершка на право немного *на мысъ степью* до старого до граннаго столба и до ямы межевщика Ивана Игнатьева, и подлѣ того столба поставленъ вновь столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма выкопана вновь, межъ ими 1197 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо... до стараго до граннаго столба и ямы межевщика И. Игнатьева, а противъ того столба поставленъ на лѣвой сторонѣ вновь столбъ, на немъ грань, подлѣ сво яма, межъ ими 250 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо... *къ рч. Ореву* на березу, на ней грань, подлѣ ея яма, межъ ими 560 саж., а отъ той березы и отъ ямы въ низъ *по рч. по Ореву* по лѣвую сторону до устья *рч. Лозавки*, что вышла изъ правой стороны изъ Новосильскаго уѣзду, а до того устья 1514 саж., а отъ того устья въ низъ тою-жъ рѣчкою *Оревымъ* до устья тоя-жъ рч. *Орѣвы*, что впала въ р. *Любовшу*, а до того устья рч. *Ореза* 1505 саж., а отъ того устья поворотить на лѣво круто въ низъ по р. по *Любовшѣ* по лѣвую сторону до *Каменной горы* и до *Нижняго борка*, а межъ ими 790 саж., а отъ той *Каменной горы* и отъ *Нижняго борка* на право круто черезъ р. *Любовшу* и черезъ *колодезь Якдовищемъ* на столбъ,

на немъ грань, подлѣ ево яма, а столбъ стоитъ и яма выкопана отъ р. *Любовши* въ 50 саж., на лѣвѣ Великихъ Государей порожжая земля — пустошь дикое поле Ливенскаго уѣзду Краснаго стану, а на правѣ земля Новосильскаго уѣзду, по сказкѣ старожильцовъ, которые на той грацкой межѣ на отводѣ были, земля стольника Венедикта Хитрово, а отъ того столба и отъ ямы прямо въ верхъ *вывершкомъ* на березу, на ней грань, подлѣ ея *ортебина большая*, межъ ими 847 саж., а отъ той березы и отъ *ортебины большой* поворотить на право круто въ верхъ *вывершкомъ* и изъ того вывершка *степью* къ *Елецкой дорогѣ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 472 саженя, а столбъ поставленъ и яма выкопана подлѣ *Елецкой дороги*, а отъ того столба и отъ ямы прямо *степью* черезъ *Елецкую дорогу* и черезъ *вывершекъ*, что отъ *Ботвининской дубровы* на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 876 саж., а отъ того дуба и отъ ямы прямо *степью* черезъ *дорожку*, что ѣздятъ изъ *села Новосильскаго Ефремовскую дорогу*, на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 866 саж., а отъ того дуба и отъ ямы прямо сквозь *дубровку* къ *вывершку* къ *Головищу Плоскаго колодезя*, а межъ ими 400 саж., а отъ того вывершка *Головища Плоскаго колодезя* прямо *Головищенскимъ вывершкомъ* до *Головищенскаго колодезя*, что вышелъ съ правой стороны Новосильскаго уѣзду и черезъ *колодезь*, межъ ими 410 саж., а отъ того *Головищенскаго* колодезя прямо на гору *степью* черезъ *отвершекъ*, что отъ *Плоского колодезя*, на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 1051 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо *степью Новосильскія Плоты* на дубъ плотавъ вѣтми на полдни, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 737 саж., а отъ того дуба и отъ ямы прямо въ низъ тѣми *Новосильскими Плотами*, по лѣвую сторону тѣхъ *Плотовъ* земля Ливенскаго уѣзду Краснаго стану Володимера Нарахина съ товарищи, а по правую сторону тѣхъ *Плотовъ*, по сказкѣ старожиловъ, которые на той градской межѣ были, земля Новосильского уѣзду полковыхъ козаковъ, въ *большой верхъ* и тѣмъ *верхомъ* поворотить на право немного въ верхъ по верху, а отъ того верха *на мысъ* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 1429 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо *степью* на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 815 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо къ *Синковскому верховью*, а въ Синковскомъ верховьѣ подлѣ *ржавца* стоитъ береза кудрява, на ней грань, подлѣ ея яма, межъ ими 361 саж., а отъ той березы прямо *Синковскимъ верхомъ* въ низъ по лѣвую сторону и черезъ *Синковское болотце* со *ржавцомъ* въ *Синковской* же *вывершекъ* въ низъ черезъ *большую Московскую дорогу*, что ѣздятъ изъ Новосили на Ливны, на мысъ на столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 960 саж., а отъ того столба и отъ ямы прямо *Спорнымъ Гребенемъ* на дубъ плотавъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 960 саж., а дубъ стоитъ на *взгоркѣ Синковскаго вывершка*, а отъ дуба и отъ ямы прямо черезъ Синковскій

вывершекъ до другова Синковскаго вывершка и черезъ другой Синковской вывершекъ и въ верхъ Синковскимъ вывершкомъ на дубъ краковистъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 549 саж.. а отъ того дуба и отъ ямы прямо *степью* къ *Труцному вывершку* на дубъ суховерхатъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 781 саж., а отъ того дуба и отъ ямы прямо въ низъ *Труцкимъ вывершкомъ*, а по конецъ того вывершка *на мысу* поставленъ столбъ, на немъ грань, подлѣ ево яма, межъ ими 356 саж.. на правѣ земля Новосильскаго уѣзду, а на лѣвѣ земля Ливенскаго уѣзду Краснаго стану, а по другую сторону столба становая межа Затруцкаго стану *).—А на отводѣ становыхъ и на грацкой межѣ старожильцы и окольные люди были: Кунай да Юда Кожуховы, Тимофей Сусловъ, Иванъ Боландинъ, Ѳедосей Костромитиновъ, Сидоръ да Василей Сераповы, Устинъ Полунинъ съ товарищи. Противъ ихъ сказокъ за руками, каковы они подали на становыхъ и на грацкой межѣ 193 (1685) году въ разныхъ числехъ“ (слѣдуютъ подписи).

Поселенія, помѣщики и вотчинники въ Красномъ станѣ:

а) Поселенія и помѣщики:

Село Парахино: Чуриловы, Анисимовы и Парахины.

Деревня Овсянниково: Овсянниковы, Анисимовы и Гарборуковы.

Деревня Орлово: Анисимовы, Злобинъ, Кондауровы, Овсянниковы, Зарубины, Филатовы, Ефановы, Платоновы, Воробьевы, Ермоловы, Сотниковъ и Малыхины.

Деревня Косьяново: Добриковы, Сидоровы, Кондратьевы, Анисимовы, Косьяновы, Подкользинъ, Аширины, Ансуповы и Токаревъ.

Деревня Чувакино: Косьяновы, Шеховцовы, Воробьевы, Корогодины, Кузмины, Селютины, Теряевъ и Рудневы.

Дубровы за Черпавскимъ колодеземъ: Сотниковъ, Воробьевы и Ермоловы.

Деревня Плотовая, Лютая тожъ: Трубицыны, Рудневы, Ансуповы, Токаревы, Головинъ, Синютинъ, Селютинъ, Алтуninъ, Бакулины, Вѣляевъ, Шатѣевы и Житкіе.

Деревня Пишково: Бекетовы, Подкользины, Михайловы, Ансуповы, Логачевъ, Кудрявой, Ядынины, Ершовъ, Злобины, Невзоровы и Багриновцевъ.

Пустошь, что по конецъ поль деревни Пишковой: Бекетовъ, Подкользины и Злобины.

Деревня Хвощеватая, Потапово тожъ: Головины, Потаповы, Трубниковы, Шиголевы и Лютые.

Деревня Здобная: Мезинцовы, Кожуховы и Богданчиковы.

---

*) Такимъ образомъ всего пространства между градскою Ливенскою землею и Новосильскимъ уѣздомъ было 20,080 саженъ, или 40 верстъ и 80 саженъ.

Деревня Жилева подъ Жилевымъ лѣсомъ: Овсянниковъ, Ивановъ и Потаповы.

Пустошь по конецъ казачьихъ поль: Овсянниковъ и Ивановъ.

Деревни Жилевой на Жилевомъ колодезѣ: Рыковъ и Богданчиковы.

Прогорѣлая полянка да *пустошь*, что была деревня Прясинокъ: Костромитиновъ.

Село Пречистенское: Лахины, Горбатой, Невзоровъ, Алтупины, Михайловы, Шеховцовы, Клоковъ, Воробьевъ, Дремовъ, Овсянниковъ, Горбаруковъ и Ивановъ.

Деревня Чернянская: Шеталовъ, Невзоровы, Подкользины, Пыжовы, Трубицинъ, Потаповы, Луханинъ, Клоковъ, Кузмины, Дремовъ и Алтухины.

Пустошь — что была деревня *Соловьева*: Пижовы, Багриновцевы, Погоневъ, Головинъ, Кожуховы, Афанасьевы, Косьяновы, Кузминъ, Невзоровы, Подкользины и Потаповы.

Пустошь, что была деревня *Золотухина*: Кононовы, Созоновы, Богданчиковы, Невзоровы, Добриковы и Алтухины.

Село Новосильское: Пишковъ, Захарьевъ, Карповы, Сахаровы, Кривцовы, Свинцовъ, Косторновы, Голобицкій, Страховы, Ханинъ, Ремезовъ, Подольскіе, Голощаповы, Синютинъ, Трубицынъ, Потаповы, Куликовъ, Созоновы, Повалиевъ, Анисимовъ, Ядынины, Ледовской, Веприпцовы, Ениинъ, Кропивенцовъ, Масловы, Куровскіе, Кутеповъ, Рылышинъ, Богатыревъ, Логачевъ, Алтупинъ, Савенковы, Липовскій, Федориковы, Ивапиковы, Картавой, Болтенковы, Резанцевъ, Писаревъ, Афанасьевъ, Шумской, Дурневъ, Губинъ и Дремовъ.

Пустошь дикое поле по лѣвую сторону отъ Новосильскаго лѣсу отъ верховья рѣки Чернавы и въ *Каменной дубровѣ* съ урочищи: Ершовъ, Анеуповы, Кудрявой, Ядынинъ, Подкользинъ, Логачевъ, Лютой, Трубицынъ и Головинъ.

Пустошь дикое поле въ верховьѣ рѣки Чернавы въ *Косьяновой дубровѣ* съ урочищи: Кондратьевы, Косьяновы, Подкользинъ, Головинъ, Теряевъ, Кузмины, Овдѣевъ, Бекѣевъ, Алтупинъ и Бакулинъ.

Пустошь дикое поле по обѣ стороны рѣчки Большаго Кривца съ урочищи: Кузмины, Добриковы, Синютинъ, Анеуповы, Михайловы, Алтупинъ, Косьяновъ, Сухинъ и Стародубцевъ.

Пустошь дикаго поля усть рѣчки Большаго Кривца съ урочищи: Анисимовы.

Пустошь дикое поле по обѣ стороны рѣки Любовши съ урочищи: Овсяниковы, Парахинъ, Гурдамыхинъ, Рылковы, Кандауровы и Еремѣевъ.

Село Покровское по обѣ стороны рѣки Любовши и рѣчки Корытенки съ урочищи: Воробьевы, Кожуховъ, Горборуковы, Пантелѣевъ, Бологовъ, Гладкой, Ершовъ, Ледовскіе, Болтенковъ, Губановы, Хрипловъ, Мальцовы, Маняхинъ, Пашковы, Дорохины, Бредихины, Севрюковы, Копаевы, Ворыпаевы, Васильевы, Сапрыкины, Ярыгинъ, Хорошиловъ, Черные, Бѣлой, Сверчковы, Дремовы, Семенихины, Положинцевы, Есиповы, Щегловы, Селютины, Микитины, Проскурнины, Бобровскіе, Венюковы, Труфа-

новъ, Марынъ, Русановъ, Скуридинъ, Щукинъ, Гурьевъ, Баклашевъ, Степкинъ, Малыхинъ, Мацневъ, Русиновъ, Чуренинъ, Бекетовъ, Подкользинъ и Михайловъ.

Пустошь дикое поле въ *Жилевой дуброве* съ урочищи: Алтуховы, Золотухины, Мальцевы, Левоновы, Офонинъ, Бобровскій, Сотниковъ, Лаушкинъ, Рылковъ и Парахинъ.

Пустошь дикое поле въ *Становой дуброве* съ урочищи: Сахаровы, Жердевы, Ягурновъ, Ровенскіе, Селеменевъ, Александровы, Кожуховъ, Губановы, Сапрыкины, Назарьевъ, Рылковы, Левоновы, Голодской, Булгаковы, Семенихины, Огибаловъ, Бологовъ, Ивапяковы, Степкинъ, Колпинъ, Шевляковы, Выскребенцевъ, Болтенковъ, Кобозевы, Гладкой, Сараевъ, Ансуповъ, Подкользинъ, Богатой, Глѣбовы.

Село Архангельское, что на колодезѣ на Теляжьѣ: Заболоцкіе, Александровы, Ампрмины, Зубцовы, Сухановъ, Жердевъ, Булгаковъ, Лупевы, Губановъ, Смагины, Ѳедоровы, Подкользины, Сапрыкины, Братьевскіе, Малыхины, Мерцаловы, Степкины, Чуриловы, Брудастой, Красовъ, Зубновъ, Вохромѣевъ, Кожуховы, Клыковы, Скуридины, Сидоровы, Позняковъ, Бахтины, Короткіе, Тишевской, Занкинъ, Сараевъ, Ансуновъ, Богатой, Лютиковы, Гончаровъ, Головинъ, Болтинъ, Росляковъ, Огибаловы, Мезинцевы, Парахинъ, Ивапиковъ, Булевины, Очкасовъ, Михайловъ, Ледовскіе, Болтенковъ, Дорохины, Ярыгины, Теряевы, Бакулины, Селютинъ, Воробьевъ, Мальцевъ, Костомаровъ.

б) Вотчинники.

Въ Красномъ стану въ вотчинахъ:
Константинъ Ивановъ сынъ *Голоцкой.*
Константинъ же *Голоцкой.*
Афанасій Ефимовъ сынъ да Емельянъ Михайловъ сынъ *Кондауровы.*
Микита Ивановъ сынъ *Пантелѣевъ.*
Константинъ Ивановъ сынъ *Голоцкой,*

Церкви и часовни въ Красномъ станѣ.

ЦЕРКОВЬ НИКОЛЬСКАЯ.

1. „*Церковь Николы Чудотворца,* древяна *клѣцки,* ветха, а въ ней: образъ Чудотворца Николая съ житіемъ, образъ Флора и Лавра, образъ Пречистыя Богородицы запрестольныя Одигитріи обложенъ, окладъ серебреной съ вѣнцемъ, вѣнецъ чеканной, окладъ *басменной* (тонкій, маловѣсный), напрестольное евангеліе, ризы полотняныя, кадило мѣдное, да въ церкви-жъ книги: тріодь цвѣтная, минея общая съ празд-

ники, шестодневъ, псалтирь слѣдованная, Николино житіе, требникъ большой, требникъ малый, канунникъ да часословъ. и тѣ книги и кадило его, попа Егорья, да у той же церкви приходского прикладу: 2 колокола, евангеліе толковое Польской печати. ризи полотняныя. кадило мѣдное; да у той же церкви дворъ попа Егорья Емельянова; да у него-жъ попа во дворѣ бобыльской сынъ Ивашка Аоанасьевъ, у него дѣти: Ивашка 12 лѣтъ, Кондрашка 7 л., Филька 5 л., Мойсейка 3 лѣтъ; дворъ дьячка Ѳедьки Андреева, да дворъ пономаря Сеньки Андреева. да во дворѣ бобыль Кузьма Афанасьевъ, у него дѣти: Сенька 14 лѣтъ. Ивашка 10 л., Алфимко 8 лѣтъ; пашни паханыя добрыя земли 20 чети, да дикого поля и дубравы пашенныя 10 чети. всего 30 чети; сѣна по дикому полю 20 копенъ: да сверхъ той старой дачи церковной земли примѣрено въ той же межѣ писца Ивана Малечкина въ 1629 году 80 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ: а усадьбы ихъ по другой сторонѣ рѣчки Лѣсной Ливенки усть Никольскаго верха. смежно съ Евстратомъ да Борисомъ Павловыми на *стрѣлицѣ* подъ Краснымъ лѣсомъ и противъ *стрѣлицы*, что ѣздятъ въ городъ. А межа той церковной земли отъ рѣчки Лѣсной Ливенки и отъ граннаго столба и отъ ямы прямо старою межею противъ устья *Мяхного колодезя*, что тотъ колодезь по другой сторонѣ рѣчки Ливенки... на гору къ *Мяхному верху*, по праву земля церковная, а по лѣву Красный лѣсъ, и подлѣ Красного лѣсу черезъ *поповъ верхъ*..., черезъ *прогарь*, что выгорѣло Красного лѣсу, къ двумъ *колодезямъ*, что впали въ *Бѣлой колодезь*, одинъ течетъ на востокъ, а другой съ востока изъ Красного лѣсу... А межа той церкви сѣнныхъ покосовъ, что написано по писцовымъ книгамъ Ивана Малечкина... 2 десятины, а въ нихъ 40 копенъ, а нынѣ по мѣрѣ въ той же межѣ 7 десятинъ, а копнами 70 копенъ, починъ отъ дуба безверховатого... прямо вверхъ подлѣ рѣчки Ливенки по лѣвую сторону черезъ болотце на дубъ подлѣ дорожки, что ѣздятъ изъ деревни Здоровца въ городъ Ливны.

ЦЕРКОВЬ ПЯТНИЦКАЯ.

2. *Церковь св. мученицы Парасковеи*, паницаемыя *Пятницы*, что въ селѣ *Парахинѣ* (по новому прозванію деревня Овсянникова Макара съ товарищи), на землѣ Великихъ Государей... древяна *клѣцки*, ветха, стоитъ безъ пѣнія, а въ церкви: образъ Всемилостиваго Спаса, образъ Св. Мученицы Парасковеи въ окладѣ, окладъ серебряной золоченой *басебной* (то-же что *басменной*), да церковныя утвари: сосуды, *бѣльца*, лжица и копье, *нандѣя* мѣдная, да книгъ церковныхъ: октой да минея общая, апостолъ, псалтирь учебная, часословъ, служебникъ, ермолой, евангеліе (половина обгорѣла кругомъ), кадило, 4 колокола; а по сказкѣ старожиловъ, что та церковь и въ церкви образы и книги и всякое церковное строенье приходское; да у той же церкви дворъ попа Василья Ѳомина, да 3 двора дьячковыхъ: дворъ старого дьячка Павла Тарасова, дворъ Дорошки Тарасова, дворъ Ѳедьки Тарасова, да мѣсто дворо-

вое пономарское Ивашки Яковлева, да мѣста дворовыя бобыльскія: Ефремка Сидорова, Ромашка Аѳанасьева, Офоньки Анкудинова, а тѣ бобыли, по сказкѣ сторожильцовъ и прихожанъ тутошнихъ и сторонніхъ людей и пономаря, отъ разоренья Крымскаго хана пропали безвѣстно; а въ прежнихъ писцовыхъ книгахъ Ивана Малечкина 1629 года написано: пашни паханыя церковныя добрыя земли 12 чети, да перелогу четь, да дикого поля 8 чети, обоево — 30 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; да примѣрено сверхъ той старой церковной земли въ той же межѣ Ивана Малечкина 1629 года 13 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому-жъ*); сѣна по дикому полю и по лугомъ и по верхомъ въ рядъ съ помѣщики 40 копенъ, а въ Красной лѣсъ въѣзжать имъ попу Василью съ церковными причетники со всѣми помѣщики обще. Писана та церковная земля по сказкѣ попа Василья за сво рукою 7193 году Декабря въ 1 день.

ЦЕРКОВЬ ГЕОРГІЕВСКАЯ.

3. *Церковь Страстотерпца Христова Георгія* древяна *клѣцки* (погостъ на землѣ Великихъ Государей подъ Краснымъ лѣсомъ межъ дву отвершковъ на рѣчкѣ на Полевой Ливнѣ), а строенье — та церковь и въ церкви образы и книги и всякое строенье приходскихъ людей, да въ церкви-жъ мѣстныя иконы: крестъ животворящій напрестольной неокладной, евангеліе письменное безъ евангелистовъ, образъ Георгія не въ окладѣ, образъ Пречистыя Богородицы на престолѣ обложенъ, вѣнецъ и *гривна* (ожерелье) серебряные вызолочены, образъ Владимірскія Пречистыя Богородицы не въ окладѣ; да престолъ Никиты Мученика, да Спасовъ образъ не въ окладѣ, да 11 *Дейисусовъ*, да книги: апостолъ да псалтирь слѣдованная, да минея общая, да прологъ марта мѣсяца, да шестодневъ, да служебникъ, да конунникъ, да ермолой письменной, да 3 колокола, да требникъ большой, ризы одни, да стихарь, да поручи, да патрахиль, да сосуды оловяные, 2 кадила ломаныя; да у той церкви дворъ попа Аѳанасья Дороѳеева, да дворъ дьячка Евдокимка Иванова, да мѣсто пономарское пустое Игнашки Иванова, да 5 мѣстъ дворовыхъ бобыльскихъ: Безсонки Иванова, Сидорка Чеплина, Вавилки Григорьева, Осипка Иванова, Перфилья Трофимова, а по сказкѣ старожильцовъ, что тѣ бобыли отъ разоренья Крымского хана пропали безвѣсно; пашни паханыя церковныя земли 7 чети, да перелогу 3 ч., да дикого поля 10 ч., обоево 20 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; да примѣрныя церковныя земли, что примѣрено по старымъ писцовымъ книгамъ 1629 года, а въ ней: пашни паханыя добрыя земли 5 ч., да перелогу 2 ч.. да дикого поля 18 ч., обоево — 25 чети; да сѣножати 3 десятины, сѣна на нихъ косятъ 60 копенъ, а по селидебной и по дровяной лѣсъ въѣзжать въ Красной лѣсъ съ помѣщики обще; да церковныя-жъ при-

*) Въ межахъ церковной Пятницкой земли упоминается «Осиновой большой каменной верхъ, а въ томъ верху *каменье красное*».

мѣрныя земли, что примѣрено сверхъ старой церковной земли въ тѣхъ же межахъ и гранехъ, дикого поля 55 чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; а писана та церковная земля по сказкѣ за ево поповою Афанасьевою рукою 7194 году Мая въ 6 день.

ЧАСОВНЯ НА ГЕОРГІЕВСКОМЪ ПОГОСТѢ.

4. *Погостъ*, что написанъ по прежнимъ писцовымъ книгамъ 1629 году на помѣсной порожжей землѣ на Степановѣ починку Лыкова въ *деревнѣ Здобной*, что было займище *Присада* подъ Краснымъ лѣсомъ, на рѣчкѣ на Полевой Ливнѣ, усть Хвощеватаго колоделя, а Песковатой тожъ, а на погостѣ была *церковь Страстотерпца Христова Георгія*, древяна *клѣцки*, и та церковь разорена въ приходъ Крымскаго хана, а нынѣ *часовня* древяная, а въ той часовнѣ Богородица напрестольная, окладъ серебряной вызолоченъ, да 2 колокола; дворъ пустъ вдоваго попа Сидора, да мѣсто пустое пономарское Онисимка Павлова, да мѣсто пустое бобыльское Паньки Акинфіева, а пономарь и бобыль въ приходъ Крымскаго хана пропали безвѣсно; пашни паханыя церковныя добрыя земли 2 чети съ осминою, да дикого поля 8 чети съ осминою, обоево 11 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна межъ поль, по логамъ и по верхамъ и по дикому полю и по дубровамъ и подъ Жилевымъ лѣсомъ въ рядъ съ помѣщики съ Оникеемъ Богдановымъ съ товарищи 22 копны; лѣсъ Красный съ помѣщики вобще, да церковныя примѣрныя земли, что примѣрено сверхъ церковной земли въ тѣхъ же межахъ и граняхъ, дикаго поля 9 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; писана та церковная земля по сказкѣ старожильцевъ Ивана Трубицы, Фомы Кожухова, Савелья Головина. Митрофана Мезенцева, за его Фоминою рукою Кожухова 7194 году Мая 18 числа.

ЧАСОВНЯ НА ПРЕЧИСТЕНСКОМЪ ПОГОСТѢ.

5. *Сельцо Пречистенское* на гору подъ Сторожевымъ лѣсомъ, за рѣкою за Черпавою, а въ сельцѣ на церковномъ мѣстѣ, что была *церковь Успенія Пречистыя Богородицы, часовня* Великихъ Государей...., а въ часовнѣ иконъ мѣсныхъ—Успенія Пречистыя Богородицы, да напрестольная Пресвятыя Владимірскія Богородицы, да ризы полотняныя, колоколъ, да служебникъ старой, а иконы и ризы и колоколъ и служебникъ и часовня строенья мірского, да у той часовни на погостѣ дворъ попа Матвѣя Иванова, да мѣсто пономарское, да мѣсто просвирницыно пусты; пашни паханыя добрыя земли 5 чети, да перелогу четь, да дикого поля 14 четя, обоево—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да сверхъ той церковной земли въ тѣхъ же межахъ и граняхъ примѣрено дикого поля 28 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна межъ поль, по логамъ и по верхамъ до рѣки до Черпавы 40 конень; лѣсъ Сторожевой сбще со всѣми помѣщики; писана та церковная земля по сказкѣ попа Матвѣя за его рукою 7194 году Мая въ 25 день.

ЦЕРКОВЬ ГЕОРГІЕВСКАЯ.

6. *Погостъ* на землѣ Великихъ Государей...., а на погостѣ строятъ *церковь святого мученика Георгія*, древяну, олтарь круглой, да къ той церкви приготовлено: двери церковныя, да мѣсныхъ иконъ—образъ Всемилостиваго Спаса, образъ Казанскія Пресвятыя Богородицы, образъ Святого Великомученика Георгія, образъ пророка Иліи, образъ святыхъ мучениковъ Флора и Лавра, да ризы полотняныя, а образы и ризы строенье приходское; да у той же церкви дворъ попа Савина, да мѣсто дворовое дьячковское; пашни паханыя церковныя добрыя земли 7 чети съ осминою, да перелогу осмина, да дикого поля 12 чети, обоево—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, а та церковная земля вымѣрена вновь изъ дачъ того *села Новосильскаго* Матвѣя Сахарова съ товарищи, да на сѣнные покосы 2 десятины, а коппами имѣтца 20 копенъ, а въ лѣсъ и въ дубровки въѣзжать попу Савину съ причетники того жъ села Новосильскаго съ помѣщики обще: писана та церковная земля по указу Великихъ Государей и по наказу, каковъ данъ изъ Помѣснаго Приказу за приписью дьяка Аниспма Невѣжина въ 1684 году, и по сказкѣ попа Савина за его рукою 1685 году Іюня въ 9 день.

ЧАСОВНЯ НА ПОКРОВСКОМЪ ПОГОСТѢ.

7. *Сельцо Покровское* по обѣ стороны рѣки Любовши, а въ сельцѣ *часовня* на землѣ Великихъ Государей...., а въ часовнѣ мѣсныя иконы: образъ Покрова Пресвятыя Богородицы, образъ Всемилостиваго Спаса, образъ Пресвятыя Богородицы Казанскія, да ризы полотняныя, да двѣ книги—апостолъ да требникъ, и то все мірское, да псалтирь слѣдованная попа Мелентья: а у тоя часовни на погостѣ дворъ попа Мелентья Поликарпова; пашни паханыя добрыя земли 5 чети, да перелогу четь, да дикого поля 14 чети, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна межъ поль, по логомъ и по верхомъ и по дикому полю и по одну сторону колодезя Кручка 40 копенъ; писана та церковная земля по сказкѣ попа Мелентья за его рукою 1685 году Іюня въ 20 день.

ЧАСОВНЯ НА АРХАНГЕЛЬСКОМЪ ПОГОСТѢ.

8. *Погостъ Михаила Архистратига* по одну сторону рѣчки Теляжья колодезя, а на погостѣ *часовня* на землѣ Великихъ Государей...., а въ часовнѣ образъ Пресвятыя Богородицы напрестольныя, да книгъ: минея общая, псалтирь, да часословъ малыя Кіевскія печати; на погостѣ дворъ попа Романа Филиппова; пашни паханыя церковныя добрыя земли 5 чети, да перелогу четь, да дикого поля 14 чети, обоего—20 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ; сѣна межъ поль, по логомъ и по верхомъ и по дубровамъ и по дикому полю 40 копенъ; писана та церковная земля

по указу Великихъ Государей и по наказу, каковъ данъ изъ Помѣсного Приказу за приписью дьяка Анисима Невѣжина 1684 году и по сказкѣ попа Романа за сво рукою 1686 году Октября въ 5 день, а вымѣрена та церковная земля изъ того *сельца Архангельскаго,* что была пустошь *Теляжъ,* на Теляжьѣ колодезѣ, изъ помѣщиковыхъ земель Автомона да Изота Заболоцкихъ съ товарищи."

„Всего въ Красномъ стану 4 церкви, 4 часовни, 7 дворовъ поповыхъ, въ одномъ дворѣ поповѣ бобыльскихъ дѣтей 5 человѣкъ, дворъ пустъ поповъ, дворъ пономаревъ, дворъ просвирницынъ, 4 мѣста пономарскія пусты, дворъ бобыльскій, людей въ немъ 4 человѣка, 9 мѣстъ дворовыхъ бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханыя добрыя земли 69 чети, да перелогу 9 чети съ осминою, да дикаго поля 108 чети съ осминою, обоего—187 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрныя земли, что примѣрено сверхъ тѣхъ ихъ церковныхъ земель, 185 чети съ осминою, обоего—старыя церковныя земли и съ примѣрною землею 372 чети съ осминою въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 352 копны".

Краткія свѣдѣнія о состояніи Краснаго стана въ 17-мъ вѣкѣ на основаніи дошедшихъ до насъ приправочныхъ, платежныхъ и писцовыхъ межевыхъ и переписныхъ книгъ.

О РАЗНЫХЪ ПОСЕЛЕНІЯХЪ.

Въ 1615 году въ Красномъ станѣ находились слѣдующія поселенія: *погостъ* села Никольскаго съ церковію Николая Чудотворца, на рч. Лѣсной Ливнѣ, въ Долгой Полянѣ; *село Пятницкое—Парахино* сверхъ Евланова колодезя; *погостъ* села Егорьевскаго Верхняго съ церковію Св. в.м. Георгія, на рч. Полевой Ливнѣ; *сельцо Пречистенское* на Рогу подъ Сторожевымъ лѣсомъ; *деревни:* Здоровецъ, Зубцова, Евлановъ Рогъ, Присова, Семенихина, Присыскъ, Роговая, Лопашина, Зайцева (Дутая), Орлова-Хвощеватая, Чувахина (Чюхова), Косьянова, Плотовая (Лютая), Пашкова, Хвощеватая (Хвощевка, Потапова), Присадъ (Костомарова), Жилова, Золотухина, Соловьева, Черянская.—Въ платежныхъ книгахъ 1620 года, писанныхъ послѣ нашествія на Ливны Сагайдачнаго, показаны: село *Парахино,* село *(Пречистенское)* подъ Сторожевымъ лѣсомъ и 19 деревень, въ числѣ которыхъ не упоминаются уже Присова, Присыскъ, Пашкова и Чювахина, но вмѣсто того показываются—*Головина,* у Никольскаго верха и Здобная.—Въ писцовыхъ 1627—1629 годовъ находимъ: село *Парахино,* сельцо *Пречистенское,* 3 погоста—*Никольскій, Георгіевскій* и новый *Георгіевскій*—въ деревнѣ Здобной, что было займище Присада на рч. Полевой

Ливнѣ, и 18 деревень; въ томъ числѣ вмѣсто одной деревни на усть Никольскаго верха на Лѣсной Ливнѣ, противъ *стрѣлицы*, показана еще новая деревня по правую сторону Никольскаго верха; исчезнувшія было деревни—*Чувахина* и *Пашнова* возникли вновь; двѣ изъ прежнихъ деревень—*Чернянская (Чернявская)* и *Соловьева* показаны въ пустошахъ,—послѣдняя, по сказкѣ той пустоши помѣщиковъ, запустѣла „отъ Татарскія войны 1616 года", а первая въ 1612 году.—Переписная 1646 г. упоминаетъ всего о 3 селахъ: *Никольскомъ* съ деревнями Зубцовою и Костомаровою, *Пятницкомъ* съ деревнями Орловою, Лопашиною и Зайцевою—Дутою, и *Егорьевскомъ* съ деревнями Платоновою—Лютою, Чувакиною, Пашковою, Хвощеватовою—Потаповою, Жилевою и Здобною.—Въ переписной 1678 года значится уже 5 селъ: *Никольское* съ деревнями Зубцовою и Костомаровою; *Пятницкое* съ деревнями Орловою и Лопашиною; *Егорьевское* съ деревнями Плотовою—Лютою, Чювахиною, Пашковою, Хвощеватовою—Потаповою, Жилевою, Здобною, Здоровцемъ, Семенихиною, Дутою, Роговою и Косьяновою; *Нижнее Егорьевское* и *Успенское* съ деревнею Новосильскою.—По писцовой 1684 года: 2 села *Парахино—Овсянниково* и *Новосильское*, что была пустошь у Чернавскихъ отверниковъ на двухъ прудахъ на Гниловодѣ, и 3 сельца: *Пречистенское* подъ Сторожевымъ лѣсомъ у рч. Чернавы, *Покровское*, что была пустошь дикое поле у р. Любовши по рч. Корытенкѣ, и *Архангельское*, что была пустошь дикое поле на колодезѣ Теляжьѣ, подъ Ястребскими лѣсками (до 1684 года состоявшая въ Затруцкомъ станѣ), 22 деревни, 1 починокъ (Головинъ), 4 жилыя дубровы и 16 пустошей; въ числѣ деревень одна новаго именованія—Овсянникова; за нѣкоторыми новыми деревнями усвоены старинныя названія сосѣднихъ съ ними деревень, какъ—Зубцова, Орлова и Здобная, при чемъ одна изъ Зубцовыхъ стала именоваться еще *Красовою;* возстановленная деревня Чювакина (Чувахина) начала именоваться и *Жоновой;* нѣкоторыя изъ прежнихъ деревень показаны въ пустошахъ, какъ-то: Евланова, Присынокъ, Соловьева и Золотухина.

О НАСЕЛЕНІИ.

Въ 1615 году считалось: помѣщиковъ 191, вдовъ 20, недорослей 48,—всего 259 чел.; крестьянъ 106, бобылей 15 чел.; итого помѣщиковъ съ крестьянами и бобылями 380 чел., а жилыхъ дворовъ (помѣщ. 200, крестьянскихъ 105, бобыльскихъ 15)—320.—Въ 1627 году: дворовъ—помѣщичьихъ 210, крестьянскихъ 47 (людей 50 ч.), бобыльскихъ 58 (людей 65 чел.), значитъ—крестьянъ и бобылей вмѣстѣ всего 115 чел.—Въ 1646 году: крестьянъ (въ 33 дворахъ) 80 челов. и бобылей (въ 11 дворахъ) 18 чел., всего 98 чел.—Въ 1678 году за 281 помѣщиками считалось крестьянъ (12 дв.) и бобылей (3 дв.) 58 челов., а съ задворными людьми (15 чел.) и дворовыми (10 чел.) 83 чел.—По переписной же 1684 и 1685 г.г. значится: помѣщиковъ (съ недорослями 76 чел.) 1153 (въ 543 дворахъ), дѣло-

выхъ у нихъ людей 36 челов., крестьянъ (въ 12 дворахъ) 47 челов., задворныхъ (въ 3 дворахъ) 14 человѣкъ.

ОБЪ УСПѢХАХЪ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ.

Въ 1615 г. обработанной помѣщиками и крестьянами земли было 227 чети, а въ перелогѣ и дикомъ полѣ 15.499 чети.—Въ 1627 году пашни паханыя помѣщиковы и крестьянскія добрыя земли показано 78[illegible] чети, а въ 1684 году уже 6604 чети съ осминою да перелогу 1194 чети, подъ дикимъ же полемъ считалось 17.882 чети, кромѣ вновь примѣренныхъ 19.404 четей.—Церковной земли—пашенной, перелогу и дикаго поля значилось: въ 1615 году 80 чети, въ 1627 году—141 четь, а въ 1684 году 372 чети съ осминою, изъ которыхъ 69 чети считались уже доброю паханою землею въ каждомъ изъ 3-хъ полей, да подъ перелогомъ значилось 9 чети съ осминою.

О СЕЛЬСКИХЪ ПРИЧТАХЪ.

Преемство поповъ, дьячковъ и пономарей при церквахъ — 1) При церкви села *Никольскаго*, построенной попомъ *Назарьемъ;* въ 1615 году *Назарья* уже не было въ живыхъ (осталась вдова Парасковьина); послѣ него священствовалъ сынъ его *Анурь*, освятившій церковь послѣ войны 1613 года и исходатайствовавшій къ придѣлу Флора и Лавра въ 1623 году (сверхъ церковной земли 30 четей и 2 десятины покосовъ) 10 чети въ каждомъ полѣ пашни и на 20 копенъ покосовъ въ дикомъ полѣ; въ 1678 г. причтъ Никольскій составляли: попъ *Ѳедоръ Андреевъ* и дьячки Сенька да Ѳедька Тимофеевы дѣти Андреева: въ 1684 г.: попъ *Егорій Емельяновъ*, дьячекъ Ѳедька Андреевъ и пономарь Сенька Андреевъ. 2) При церкви села *Пятницкаго—Парахина:* въ 1615 году—попъ *Василій*, оставившій свою жену Марью вдовою: въ 1627 году—попъ *Нефедъ*, дьячекъ Лучка Исаевъ и пономарь Ивашка Яковлевъ; въ 1646 году—попъ *Наумъ;* въ 1684 году: попъ *Василій Ѳоминъ*, старый дьячекъ Павелъ Тарасовъ и Дорошка и Ѳедька Тарасовы.—3) При церкви села *Георгіевскаго*, построенной около 1600 года попомъ Саввою и приходскими людьми, священствовали: *Савва*, при немъ въ 1615 году пономарь Иванъ; въ 1627 году попъ *Аванасій* (при вдовомъ Саввѣ), при немъ пономарь Игнашка Ивановъ; въ 1678 году—попъ *Павелъ* и дьячекъ Овдокимка Топоровъ, а пономарское мѣсто *Игнашки Иванова* со времени прихода Крымскаго хана было пусто; въ 1684 г.—попъ *Аванасій Дорофеевъ* и дьячекъ Евдокимко Ивановъ.—4) При церкви сельца *Пречистенскаго:* въ 1615 году попъ *Ѳедоръ*, въ 1684 году—попъ *Матѳьй.*—5) При церкви села *Нижняго Егорьевскаго:* въ 1672 году попъ *Сидоръ*, дьячекъ Максимка Еськовъ и пономарь Онисимко Павловъ; въ 1684 г. дворъ вдоваго попа Сидора былъ пустъ, а пономарь *Онисимко Павловъ* въ приходъ Крымскаго хана

пропалъ безвѣстно и дворовое его мѣсто было пусто.—6) При часовнѣ сельца *Покровскаго* у р. Любовши въ 1684 году попъ *Мелентій Полинарповъ*.—7) Въ сельцѣ *Архангельскомъ*, у рч. Теляжья колодезя, при часовнѣ попъ *Романъ Филипповъ* — 8) При строившейся въ 1684 году Георгіевской церкви села *Новосильскаго* попъ *Савва*.

Кратқое описаніе пограничной черты Краснаго стана по межевой книгѣ 1685 г.

Красный станъ лежалъ на лѣвомъ берегу р. Сосны, между станами—*Затруцкимъ* съ западной стороны и *Серболовымъ* съ восточной, а сѣверною своею стороною касался *Новосильскаго уѣзда*. Межа между *Краснымъ* и *Затруцкимъ* станомъ начиналась въ сосѣдствѣ съ землею Ливенскихъ стрѣльцовъ отъ *колодезя Здоровца* и шла въ верхъ по правому берегу *р. Трудовъ* до устья *р. Любовши* на разстояніи 5388 саженъ, отъ устья *р. Любовши* въ верхъ по *р. Трудамъ* до устья *колодезя Теляжья* на пространствѣ 3680 саженъ, отъ устья *колодезя Теляжья* по *р. Трудамъ* же до устья *Синковца* въ разстояніи 1617 саженъ; отсюда поворачивала круто въ верхъ по *рч. Синковцу* до *Скороденской дороги* и до *бродка* на протяженіи 7236 саженъ; затѣмъ шла въ верхъ по *р. Синковцу* по правую ея сторону, на пространствѣ 434 саженъ, откуда поворачивала немного на—лѣво на *мысъ* (30 саженъ) и направлялась до *Городецкого вывершка* чрезъ большой *Коротной вывершекъ*, что вышелъ изъ *Синковца*, на пространствѣ 727 саженъ, и наконецъ чрезъ *Труцкое верховье*, между *градскою землею* Ливенскаго уѣзда и Новосильскимъ уѣздомъ, на протяженіи 20 саженъ. Такимъ образомъ граница между Краснымъ и Затруцкимъ станами тянулась на пространствѣ 19.102 саженъ.—Между *Краснымъ* и *Серболовымъ* станами межа начиналась отъ Ливенской казачьей земли, шла чрезъ два *вывершка*, что вышли изъ *большаго Комаровскаго верха*, на протяженіи 209 саженъ, и, протянувшись еще на 34 сажени, поворачивала на-право круто въ верхъ *вывершкомъ*, что вышелъ изъ-подъ *Жилева лѣса*, по концъ того *отвершка*, на 160 саженъ, затѣмъ чрезъ 80 саженъ выходила на *большую Московскую дорогу* на протяженіи 229 саженъ, далѣе чрезъ *паросникъ* къ *Серболову верху* на 180 саженъ; отсюда, поворотивъ на—лѣво круто, въ верхъ по тому—жъ *Серболову верху* и тѣмъ *Серболовымъ верхомъ* на—лѣво *вывершка*, тянулась на 240 саженъ и шла по прямому пути на 635 саженъ до *Жилева верха*, а отъ этого *верха*, чрезъ самый *верхъ* и два *вывершка*, прямо на 875 саженъ, откуда поворачивала круто на-лѣво и тянулась прямо на разстояніи 651 сажени до *ржавца* и черезъ *ржавецъ* на 160 саженъ, а отсюда прямо по правую сторону черезъ землю *деревни Соловьевой*, а по

лѣвую сторону *деревни Пишиновой* на 361 саж. до *ржавца* на *взгоркѣ* въ 20 саженяхъ, и черезъ *верхъ* и *ржавецъ* къ *Московской дорогѣ* на 262 сажени, потомъ прямо на 320 саженъ, и спускалась внизъ *Корытнымъ верхомъ* къ другому *верху* на пространствѣ 836 саженъ; отсюда поворачивала на—право круто на низъ *Долгимъ верхомъ* къ *Данилову колодезю* на разстояніи 560 саженъ, а отъ *Данилова колодезя* тѣмъ же *Долгимъ верхомъ* и *колодеземъ* на низъ къ *рч Чернавѣ* д устья *Малой Чернавы*, что впала въ *рч. Чернаву*, и до *Муровскаго шляху* на 258 саженъ, да по лѣвую сторону *рч. Чернавы* на 22 сажени; отъ *рч. Чернавы* поворачивала на лѣво круто въ верхъ по *рч. Малой Чернавкѣ*, что впала въ *рч. Чернаву*, что течетъ въ *Серболовъ* станъ, до *колодезя Пониковца*, на протяженіи 3832 сж. и шла въ верхъ лѣвымъ берегомъ *рч. Чернавки* на 2940 саженъ. а отъ *рч. Чернавки* прямо въ верхъ *большимъ Головищенскимъ верхомъ* и немного на-лѣг на пространствѣ 615 саженъ, потомъ прямо черезъ *вывершекъ*, что вышелъ отъ *Чернавы*, прошедши 1127 саженъ, пролегала чрезъ *Ефремскую дорогу* въ разстоя 446 саженъ и черезъ *вывершекъ* на 263 саж., далѣе немного на-лѣво по *Елец дорогѣ* 618 саж.; отсюда, поворотивъ на—право круто, шла еще 800 саженъ до *Семенецкаго верха*, потомъ чрезъ *Семенецкій верхъ* и, подвигаясь далѣе на. 1752 сажени, спускалась въ низъ *Локотецкимъ вывершномъ* до *большаго Локотецкаго верха* и черезъ *верхъ* на гору, на разстояніи 560 саженъ, а отсюда прямо къ *вывершку Локотецкаго верха* 530 саженъ и прямо въ верхъ *Локотецкимъ верхомъ* къ *большой Московской дорогѣ* 893 сажени. Всего пространства въ этой мѣрѣ 22,918 саженъ.—Съ Новосильскимъ уѣздомъ Красный станъ сходился у *Оревскаго вывершка*, у села *Судбищъ*, р. *Любовши*, Новосильскихъ *Плотовъ* и *Трущого вывершна*, гдѣ *на мысу* стоялъ столбъ, показывавшій на правой сторонѣ Новосильскій уѣздъ, на лѣвой Красный станъ, а по другую сторону Затруцкій станъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Историческихъ очерковъ г. Ливенъ и его уѣзда.

		Страницы.
I.	Предварительныя свѣдѣнія о Ливенскомъ уѣздѣ: его географія, этнографія и древнѣйшая исторія	5— 19.
II.	Древность города Ливенъ и князья на Рязани, на Ливнахъ и на Воронежѣ.	19— 27.
III.	Ливенское и Воргольское княжества въ эпоху Монгольскаго владычества	28— 33.
IV.	Присоединеніе Сосницкаго бассейна къ Московскому государству и сторожевое значеніе его въ виду Крымскихъ набѣговъ	34— 41.
V.	Устройство и населеніе города Ливенъ въ концѣ 16-го вѣка . .	41— 60.
VI.	Станы, села, деревни, погосты, слободы, займища и починки на пространствѣ Ливенскаго уѣзда въ началѣ 17-го вѣка	61— 77.
VII.	Смуты на Ливнахъ въ эпоху Самозванцевъ и набѣги Крымцевъ .	78— 93.
VIII.	Городъ Ливны и его уѣздъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.	94—115.
IX.	Положеніе города Ливенъ и его уѣзда въ царствованіе Алексѣя Михайловича	115—127.
X.	Городъ Ливны и его уѣздъ по переписнымъ книгамъ 1678 года въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича	127—153.
XI.	Статистическія свѣдѣнія о Красномъ станѣ Ливенскаго уѣзда въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны, по писцовой и межевой книгѣ 7193 (1684) года.	153—190.

Типографскія и корректурныя ошибки.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Слѣдовало напечатать.
8	20—21	*кодезь*—	*колодезь*—
—	32	низмѣннымъ	низменнымъ
9	27	мореаъ,	моремъ,
10	21	Лѣсу	лѣсу
11	2	*Ельчина* -	Ельчика,
11	4—5	хвой, пой	хвой- ной
13	15	съ братею	съ братіею
15	15	препосилнсь	приносились
—	въ сноскѣ	Кощ-евскомъ	Коще-евскомъ
16	35	кагановъ.	кагановъ,
20	въ сноскѣ	Козари,	Козары,
23	37	осадѣлъ	осадилъ
24	5	онѣ	они
—	24	посредству	посредничеству
29	3	подверглнсъ	подверглись
30	23	Телебегу,	Телебугу,
31	25	и дорогамъ	и дорогамъ
32	23	Стятослава	Святослава
33	25	въ теченіи	въ теченіе
43	29	обязанъ	облзанъ
46	въ сноскѣ	вер-В лѣсоомъ.рхъ	верхъ Вор- лѣсомъ.
51	9 и 29	клѣтки;	клѣтцки;
53	15	кокою—	какою—
59	13	свего	своего
60	15	обѣщалъ;	обѣщалъ:
—	25	съ нашимъ	съ вашимъ
63	25	дреряна	древяна
65	26	и 3 погоста.	и 2 погоста.
66	27	Серболовымь	Серболовымъ
67	въ сноскѣ	«а ьъ по-	«а въ по-
68	30	Вазовику	Вязовику

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Слѣдовало напечатать.
—	32	подъ Большинъ	подъ Большимъ
69	въ сноскѣ	преемнинъ	преемникъ
70	1	лѣсомь.	лѣсомъ.
74	15	Грибановъ,	Грибановъ,
77	11—12	увеличивалась,	увеличивалась,
—	27	Полевой	Половой
86	19	Власова“.въ	Власова“—въ
88	30	сь Замятнею	съ Замятнею
—	35	педъ	подъ
112	21	зажитожные	зажиточные
114	18	сто:	это:
—	19	элѣ	селѣ
115	12	Послѣ Андрея священствовалъ синъ его Назарій.	Послѣ Назарія священствовалъ синъ его Анурь.
120	33	а другія,	а другіе,
135	25	Безсоновъ	Безсоновъ
136	25—26	Казанцевымъ	Казанцевымъ
147	32	возможность	возможность
151	5	твудно	трудно
157	10	Гагряжскаго;	Загряжскаго;
163	27	сторопу	сторону
165	8	Старожевымъ	Сторожевымъ
173	24	тогъ	тотъ
174	4	выконопа	выконана
175	26	краковисть,	краковистъ,
—	28	крановистъ,	краковистъ,
182	32	*бѣльца,*	*бѣльце,*

Цѣна 90 коп.